

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Философия и социология;
культурология

Научный журнал

№ 4(4)

Киров
2010

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд,

доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:

М. И. Ненашев,

доктор философских наук, профессор (зам. главного редактора);

А. А. Харунжев,

кандидат педагогических наук, доцент (отв. секретарь);

Т. Я. Ашихмина,

доктор технических наук, профессор;

Е. М. Вечтолов,

доктор физико-математических наук, профессор;

А. А. Мосунова,

доктор психологических наук, доцент;

Н. О. Осипова,

доктор филологических наук, профессор;

В. А. Поздеев,

доктор филологических наук, доцент;

З. Х. Саралиева,

доктор исторических наук, профессор;

Г. И. Симонова,

доктор педагогических наук, доцент;

В. Ф. Юлов,

доктор философских наук, профессор;

Н. Н. Ярыгин,

доктор философских наук, доцент

Ответственные за выпуск:

Е. В. Митягина,

кандидат социологических наук, ст. преподаватель;

Н. И. Поспелова,

кандидат искусствоведения, доцент;

М. С. Судовиков,

кандидат исторических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор: Ю. Болдырева

Компьютерная верстка: Л. Кислицына

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

Маслин М. А. Предубеждения и штампы в истории русской философии 6

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Бешкарева И. Ю. Трактовка интуиции С. Франком в работе «Предмет знания» 12

Гурьянов А. С. Диалектические основания конкретно-всеобщего мышления 15

Еске О. С. Теология как результат диалога мировоззренческого и практического познания 20

Зайченко М. А. К проблеме присутствия рекурсивного принципа
в феноменах-конструктах философии 23

Чернова С. А. Научная картина мира как форма развития знания о реальности 27

Кушова И. А. Некоторые проблемы бытия современного человека и экзистенциализм 31

Сауров С. Ю. Проблема гипотезирования в познавательной деятельности 35

Жилин В. И. Синергетическая панацея 40

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Корякин В. В., Орлов В. В. Труд, стоимость, собственность в современном обществе
(философский анализ) 46

Орлов В. В. Марксизм и постиндустриальное общество 55

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Вейт А. А. Архетипические образы Матери и Младенца как истоки
русской ментальности 61

Власова Н. А. Проблема обоснования новых требований к образованию
в постиндустриальном обществе 65

Малкова Е. В., Орлов В. В. Философские проблемы экономической виртуальной реальности 68

Рязанова С. В. Марксизм как вариант социальной мифологии 73

Стерледева Т. Д. Проблема свободы и нравственного развития человека
в электронно-виртуальной реальности 77

Стерледева Т. Д. Проблема полноты духовного опыта человека
в электронно-виртуальной реальности (футурологический аспект) 82

Поткова Т. Д. Экзистенциальное самосознание как духовная суть личности ребёнка
(на примере повести Ч. Айтматова «Белый пароход») 87

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ефимова Н. М. Иван Ильин о политическом успехе: истинном и мнимом 97

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Волченкова Е. В. Готовность личности к семейной жизни:
теоретико-методологические подходы 101

Бокова Э. М. Роль системы торгово-промышленных палат в укреплении
социальной ответственности российского бизнеса 104

Глухова М. Ф. Эмпирический подход к формированию инфраструктуры
молодёжной политики 108

Кузьмина Л. М. Проблемы отцовства в молодой семье 114

Рожнов О. А. О повышении роли молодежи в осуществлении молодёжной политики:
совершенствование управления и инфраструктуры 120

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Клочкова Т. Н.</i> Проявление функциональной неграмотности у государственных гражданских и муниципальных служащих (на материалах проведенного исследования)	126
<i>Перминова Е. Н.</i> Мотивы смены работы «белых воротничков»	132
<i>Чигрина А. Я.</i> Социальная политика в отношении образования детей-инвалидов	136

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Рогоза Н. В.</i> Мифологическая природа женственности в русской культуре	142
<i>Яковлева Е. А.</i> «Человек играющий» в роли творца символической вселенной	148

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	155
----------------------------------	-----

CONTENTS

- Maslin M. A.* Prejudices and Cliches in the History of Russian Philosophy
Beshkareva I. Yu. S. Frank's Views on Intuition in "The Object of Knowledge"
Gurianov A. S. Dialectical Foundation of Universal Concrete Thinking
Eske O. S. Theology as a Result of Dialogue between World Outlook and Practical Knowledge
Zaychenko M. A. On the Problem of Presence of the Recursive Principle in Philosophical Phenomena-Constructs
- Chernova S. A.* The Scientific Picture of the World as a Form of Developing the Knowledge of Reality
Kushova I. A. Some Problems of Modern Man's Being and Existentialism
Saurov S. Yu. The Problem of Hypothesizing in Cognitive Activity
Zhilin V. I. A Synergetic Panacea
Koryakin V. V., Orlov V. V. Labour, Value, Property in Contemporary Society (Philosophical Research)
Orlov V. V. Marxism and Post-Industrial Society
Veyt A. A. Archetypal Images of the Mother and Baby as Sources of Russian Mentality
Vlasova N. A. The Problem of Substantiation of New Demands to Education in Post-Industrial Society
Malkova E. V., Orlov V. V. Philosophical Problems of Economic Virtual Reality
Ryazanova S. V. Marxism as a Variant of Social Mythology
Sterledeva T. D. The Problem of Human Freedom and Moral Development in Electronic Virtual Reality
- Sterledeva T. D.* Problem of Completeness of Human Spiritual Experiences in Electronic Virtual Reality: (Futurologic Aspect)
- Popkova T. D.* Existential Self-Consciousness as the Spiritual Essence of the Child's Personality (based on the story "The White Ship" by Ch. Aitmatov)
- Yefimova N. M.* Ivan Ilyin on Political Success: True and False
Volchenkova Ye. V. Readiness of a Person to Married Life: Theoretic-Methodological Approaches
Bokova E. M. The Role of the Chambers of Commerce in Increasing Social Responsibility of Russian Business
- Glukhova M. F.* The Empirical Approach to Forming the Infrastructure of Youth Policy
Kuzmina L. M. Paternity Problems in the Young Family
Robznov O. A. On Increasing the Role of Youth in Realization of Youth Policy: Development of Management and Infrastructure
Klochkova T. N. Manifestations of Functional Illiteracy in the Civil and Public Servants (material study)
- Perminova Ye. N.* The Reasons of "White-Collar" Workers for Changing Their Jobs
Chigrina A. Ya. Social Policy in the Sphere of Disabled Children's Education
Rogoza N. V. Mythological Nature of Fertility in Russian Culture
Yakovleva E. L. "Homo Ludens" as a Creator of Symbolic Universe

ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ И ШТАМПЫ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

История русской философии как научная дисциплина насчитывает всего 160 лет. Первая книга, специально посвященная этому предмету, принадлежала перу архимандрита Гавриила (в миру – В. Н. Воскресенский) и была опубликована в Казани в 1839 г. Налицо разрыв между реальным существованием русской философской мысли, восходящей ко времени Крещения Руси и ее осмыслением. Этот разрыв породил существование разных противоречивых интерпретаций проблемы начала русской философии. Ситуация существенно отличается от историографии западно-европейской философии, которая возникла синхронно с зарождением философии в античной Греции. Первые античные философы были и доксографами, и интерпретаторами текстов своих философских современников. Они включали в свои собственные сочинения изложения идей своих учителей, идейных противников и единомышленников, закладывая тем самым основы для формирования непрерывной историографической традиции.

Иной была интеллектуальная среда первых отечественных носителей философской мысли, древнерусских книжников – ученых монахов. Они излагали философско-богословские идеи не в авторской «трактатной» форме, а в жанре проповедей, летописей, исторических повествований, поучений, патериков и др. Это не способствовало сохранению и запоминанию конкретных имен выразителей философских идей. Многие из них были открыты и вошли в состав отечественного культурного наследия *столетия спустя*, в результате археографических разысканий.

Временной разрыв между началом русской философской мысли и началом ее истолкования породил первое фундаментальное предубеждение в истории русской философии. Согласно этому взгляду философско-богословская мысль XI–XVII вв. не имеет значения для истории философии как таковой в силу своей теоцентрической направленности. Даже протоиерей Василий Зень-

ковский, считающийся лидером отечественной философской историографии XX столетия, не признавал самостоятельного философского значения первых семи веков русской религиозной мысли, полагая, что настоящим началом русской философии был XVIII век, точнее, его вторая половина, а предшествующий период был не более чем ее прологом. Характерно, что Зеньковский был не согласен с архимандритом Гавриилом, пионером отечественной философской историографии, и утверждал, что он (Гавриил) «без всяких оснований включает в число философов ряд духовных писателей, ничего не писавших по философии» [1].

Такая позиция, высказанная Зеньковским в 1948 г., была устаревшей и на тот период, поскольку уже тогда существовали исследования, раскрывшие философское значение древнерусской книжности. Это сделал уже Г. В. Флоровский в своей фундаментальной монографии «Пути русского богословия» (1937), имевшей солидную археографическую основу и подчеркнувшей огромное значение древнерусской философско-богословской мысли, существование которой доказало сам факт христианского «предубеждения русского духа». Зеньковский явно недооценил значение не только «Путей русского богословия», но и ценных средневековых произведений Г. П. Федотова, посвященных русской агиографии [2], апокрифической литературе и наследию московского митрополита Филиппа. С течением времени упомянутое предубеждение, исторически отражавшее наличное состояние реальных знаний о русской философской мысли и уровень развития истории русской философии как науки, стало бездоказательным штампом.

В конце XX – начале XXI в. это предубеждение можно считать существующим уже за пределами науки. Особенно это очевидно после опубликования научных изданий древнерусских философских текстов, подготовленных М. Н. Громовым и В. В. Мильковым, а также современных фундаментальных монографий, посвященных структуре и типологии русской средневековой философии. В настоящее время включение периода XI–XVII вв. общий контекст развития отечественной мысли является обязательным элемен-

* Статья написана автором на основе доклада, прочитанного на конференции в Институте философии РАН в 2009 г.

том научного истолкования русской философии, претендующего на полноту, объективность и целостность. Иные точки зрения, ограничивающие ее бытие последними двумя столетиями или ведущие разговор о существовании русской философии со времен славянофильско-западнических дискуссий, следует считать устаревшими, вышедшими из научного употребления. Рецидивы их периодического появления в современной литературе есть результаты субъективистских установок, бессознательно повторяемых клише, формирующихся до начала научного исследования. Не менее негативное влияние они оказывают и на преподавание истории русской философии в том случае, когда она подается лишенной своего начального смыслового фундамента, в качестве неизвестно откуда появившейся или заимствованной (как у Б. В. Яковенко) совокупности философских идей, не имеющей внутренней логики и единства.

Подобной была позиция Г. Г. Шпета в «Очерке развития русской философии» (1922), считавшего русскую средневековую философию продуктом «невегласия», т. е. невежества. Данная позиция была навеяна собственными представлениями Шпета о том, что такое философия. Это гуссерлианское представление о философии как о строгой науке в итоге не оставляло русской мысли шанса на доказательство собственного существования, так как в «научном» смысле, по Шпету, философия в России еще не родилась.

Представления о временной ограниченности существования русской философии распространяются нередко и на современную эпоху ее существования. Так, довольно часто встречаются мнения о том, что русская философия принадлежит истории, а не современности. Она «закончилась» или в 1917, или в 1922, или в 1937 году, а в XX столетии в СССР она вообще была подавлена, перестала существовать. Негативистская позиция, порожденная ельцинской эпохой, когда зачеркивалось всё существовавшее в советское время, можно сказать, уходит в прошлое, хотя отдельные проявления этого негативизма в виде штампов имеются. Реальным противодействием этому негативизму должно стать опубликование многотомной серии текстов русской философии

второй половины XX столетия в качестве приложения к журналу «Вопросы философии». Аналогичный проект по публикации текстов русских философов был осуществлен, как известно, в конце советского – начале постсоветского времени.

Разумеется, никак нельзя отрицать факта подавления в советское время религиозной философии, но давилась философия не вообще, а философия религиозная, которую невозможно было изучать и развивать в СССР. При этом надо добавить, что советское время породило собственные штампы и предубеждения в истории русской философии. Среди самых распространенных – штамп об интегрированной философии революционного демократизма, формировавшейся якобы со времен В. Г. Белинского. На самом деле те мыслители, которые причислялись к этому направлению, зачастую не были ни революционерами, ни демократами. Например, А. И. Герцен, который ввёл в русскую культуру понятие «мещанство» в качестве замены английского термина “collective mediocrity” (термин Дж. Ст. Милля), был одним из самых острых критиков демократии в европейской традиции. Мифами являлись также насаждавшиеся в советское время представления о лидирующей в русской культуре традиции воинствующего материализма и атеизма, о существовании особой «философии народов СССР», развивавшейся под патронажем ЦК КПСС и АН СССР. Можно привести и другие примеры штампов и предубеждений советского времени: о «реакционном содержании» философии славянофилов и Достоевского; о существовании непрерывной «социалистической традиции» со времен А. Н. Радищева (который вообще не имел никакого отношения к социализму) и, наконец, о делении всего многообразия русской мысли на три обособленных политизированных лагеря – консервативный (реакционный), либеральный и революционный.

Есть основания полагать, что бессмертный афоризм министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова о «недоказанности» пользы философии в модифицированной форме сохраняет свое значение и для постсоветского времени. Современный журнал Российской Академии

наук «Вопросы философии» имеет фактически такой же тираж, как и дореволюционный журнал «Вопросы философии и психологии». И это при наличии в стране Института философии РАН, многих философских факультетов и сотен вузов, где преподается философия (сейчас мы не говорим о качестве этого преподавания). Разумеется, и сейчас, и в начале прошлого века издание философского журнала было убыточным, а не коммерческим проектом. Но раньше его поддерживали известные издатели-меценаты – братья Н. А. и А. А. Абрикосовы. Просвещенная меценатка М. К. Морозова при поддержке известного философа князя Е. Н. Трубецкого тогда организовала специальное философское книгоиздательство «Путь», в котором публиковались сочинения русских философов. Она же поддерживала журнал «Вопросы философии и психологии» и другие проекты, исследовательские и просветительские.

Сегодня кроме «Вопросов философии» есть небольшое количество малотиражных «ваковских» журналов, куда выстроилась очередь соискателей ученых степеней, стремящихся опубликовать свои статьи, причем последние в качестве кандидатского минимума сейчас должны сдавать не философию как таковую, а небывалую ранее позитивистскую дисциплину под названием «История и философия науки». Что же касается преподавания философии, то в большинстве вузов оно осуществляется в таком урезанном виде, что, действительно, от такого преподавания нет никакой пользы.

С чиновничьим неистребимым предубеждением о том, что «польза философии не доказана», к счастью, контрастирует рост общественного внимания к философскому знанию, который обнаружился, например, в появлении независимых философских журналов, которым оказывают интеллектуальную, финансовую и информационную поддержку не государственные структуры, а отдельные интеллектуалы, которых соединяет общая любовь к философии. В начале постсоветского времени они группировались вокруг журнала «Начала», альманаха «Волшебная гора» и других изданий, большей частью прекративших сегодня свое существование. Однако эта интел-

лектуальная традиция не прервалась. Выделим лишь некоторые сегодняшние издания, среди них – «Зиновьев. Общественно-политический журнал» (электронная версия www.zinoviev.ru, www.zino-viev.info) и «Сократ. Журнал современной философии» (выходит по инициативе и при участии Московско-Петербургского философского клуба). (Так, один из номеров журнала «Сократ» посвящен философскому осмыслению феномена войны в год 65-летия Великой Победы.) К этому списку надо добавить «Трибуну русской мысли», «Вестник русской христианской гуманитарной академии», «Пушкин. Русский журнал о книгах», «Историко-философский ежегодник» и другую качественную гуманитарную периодику и неперидические издания, отражающие взлет свободной русской философии.

С другой стороны, вспоминается IV Российский философский конгресс, который проходил в 2005 г. в Московском университете (в год 250-летнего юбилея первого российского университета) и собрал более двух тысяч российских и иностранных участников. Мероприятие такого уровня, например, во Франции, где издается популярный журнал по философии тиражом сто тысяч экземпляров, наверняка собрало бы «большую прессу». Поразительно, но на Российском философском конгрессе вообще не было никакой прессы, хотя соответствующие приглашения были разосланы в разные издания.

Философия сплошь и рядом вытесняется в современной России «более полезной» и, очевидно, более престижной, особенно для чиновников, дисциплиной – политологией, причем политологами в России именуются, в отличие от Запада, не только специалисты в области *political science*, но также и журналисты, газетные и телевизионные, государственные и негосударственные чиновники, депутаты разных уровней, предприниматели, словом, все, кто так или иначе соприкасается в своей деятельности с политикой. В таких условиях вполне возможна аналогия с известным средневековым образом философии как служанки – тогда богословия, теперь политики. В реальности это означает, что различные структуры, ответственные за формирование образовательной политики, поддерживают так или

иначе утеснение философии как фундаментальной дисциплины мировоззренческого профиля. Прагматистский подход к образованию в целом прослеживается, например, в акценте на так называемый «компетентностный» принцип, нацеленный на формирование не знаний и мировоззрения, а минимальных «компетенций».

Таким образом, нельзя не видеть, что и современная русская философия переживает сложности, хотя эти сложности определяются, скорее всего, не ее внутренней динамикой, а внешними обстоятельствами. Показательным примером является Постановление Правительства РФ о передаче исторического здания – усадьбы князей Голицыных, занимаемого Институтом философии РАН, музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это постановление, вышедшее накануне 80-летия Института философии, совершенно игнорирует то обстоятельство, что последние с лишним 150 лет здание Института самым тесным образом связано с историей русской философии: в нем жили И. С. Аксаков и Б. Н. Чичерин, работали крупнейшие отечественные философы многих поколений, здесь выступали всемирно известные философы XX в. Передачу этого здания директор Института академик РАН А. А. Гусейнов назвал «непонятной и обидной» [3].

Принципиальная особенность штампов и предубеждений прежнего, советского времени заключалась не только в их собственно научном, историко-философском происхождении, объясняемом крайней узостью источниковой базы, примитивными историографическими и методологическими приемами исследования и т. п. В. В. Зеньковский, посвятивший специальную брошюру критическому анализу советских работ по истории русской философии, написанных в 40–50-е гг., указал на их «пропагандное», идеологическое происхождение, коренившееся в стремлении советского догматизированного марксизма доказать «мнимый материализм русской науки и философии». «В действительности же, – писал Зеньковский, – теоретический материализм в подлинном смысле этого слова можно найти лишь у очень немногих русских мыслителей» [4]. Среди них Зеньковский называл Чернышевского, Плехано-

ва и Ленина и при этом отмечал, что искание именно материалистического мировоззрения имеет свои корни вовсе не в русской, а в западной мысли, а «философия подавляющего числа русских мыслителей стоит в теснейшей связи с религиозным мирозерцанием» [5]. Кроме того, Зеньковский показал несостоятельность широко распространенного в советской философии представления о существовании непрерывной внутренней связи между материалистическим и научным мировоззрением.

Многие русские ученые, выдающиеся естествоиспытатели и врачи вовсе не были сторонниками материализма. К их числу принадлежит в том числе знаменитый русский врач Н. И. Пирогов (1810–1881). К сожалению, философия Пирогова в целом до сих пор изучена слабо. Еще в 1932 г. в статье «Пирогов как религиозный мыслитель», посвященной 50-летию со дня смерти Пирогова, С. Л. Франк высказал надежду, что этот «выдающийся русский ум» должен «воскреснуть в сознании русского общества». Пирогов был, по словам Франка, «изумительно разносторонне одаренной личностью», участником Севастопольской обороны, франко-прусской и русско-турецкой войн, основателем военно-полевой хирургии, попечителем Одесского, затем Киевского учебного округов, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Он обладал огромным, поистине уникальным жизненным опытом, что нашло отражение в его философствовании. Хотя Пирогов и «не претендовал на звание философа» (его слова), на самом же деле он излагал, по оценке В. В. Зеньковского, продуманное религиозно-философское миропонимание, которое могло бы удовлетворить требования научной мысли и запросы веры. Совершенно самостоятельные и необычайно правдивые, личностно окрашенные философские размышления Пирогова позволили ему занять определенное место в истории русской философии, что отмечали Лосский, Зеньковский, Струве, Франк. Последний подчеркивал, что Пирогов принадлежит к числу самых выдающихся русских мыслителей. Особенно ценно то, что религиозно-философские признания Пирогова являются его личными свидетельствами, продуманными и выстраданными результа-

---

тами мировоззренческой эволюции, а не внушениями извне. Это то, что В. В. Зеньковский называл «преодолением секулярной установки», т. е. преодолением секуляризованного влияния, которое испытывал Пирогов со стороны атеистически и скептически настроенной медицинской среды. Можно сказать, что философская и научная личность Пирогова является настоящим живым опровержением советских идеологических клише, разобранных Зеньковским в работе «О мнимом материализме русской науки и философии».

Расширение источниковой базы русской философии, небывалое ранее в советское время, появление нового поколения исследователей и исследований разрушили наиболее примитивные и деструктивные приемы изложения отечественной мысли, сравнимые с методами разбойника Прокруста. На первое место надо поставить деидеологизацию, избавление от «анкетно-цитатного метода», подвергнутого в свое время критике еще ленинградскими авторами А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым (они же и ввели в употребление этот термин). Под этим методом подразумевалось шаблонное, по определенному трафарету, изложение идей совершенно разных мыслителей. К этому надо добавить тотальную зависимость от марксистско-ленинских оценочных положений и цитат, которая была чревата запрещением разномыслия даже внутри марксизма (правда, уничтожение этого разномыслия никогда не было достигнуто).

К сожалению, постсоветское время также сформировало некоторые предубеждения и штампы. Среди них – почти полное отсутствие исследований о русском марксизме, что формирует антиисторические представления о том, что марксистская философия была каким-то «незначительным эпизодом» времен господства идей Н. А. Бердяева, С. Н. Бердяева, С. Л. Франка, П. Б. Струве. Современные студенты зачастую никак не могут взять в толк, что все названные выше философы начинали именно как марксисты.

Штампом сравнительно недавнего времени является распространение на всю религиозную философию начала XX понятия «философия Серебряного века». Понятие «Серебряный век»,

принадлежащее А. А. Ахматовой, имеет, как известно, литературное содержание и не распространяется на область религиозной философии, не имеющей никакого качества «серебряности», но представленной в реальной истории мысли в виде конкретных многообразных построений философии всеединства, интуитивизма, конкретного идеализма, философии общего дела и др. Далеко не все русские религиозные мыслители могут быть названы «философами Серебряного века». В эту категорию никак не может быть зачислен, например, И. А. Ильин, не имевший никакого отношения ни к «новому религиозному сознанию», ни к религии «Третьего Завета», ни к «религиозному материализму» и другим интеллектуальным продуктам упомянутой эпохи. Впоследствии, в эмиграции, Ильин остро, порой оскорбительно критиковал философские идеи Бердяева, Булгакова, Мережковского, Розанова, Флоренского и др. В переписке с И. С. Шмелевым, например, он скопом называл идеи всех упомянутых философов «безответственными выдумками» [6], а Бердяева именовал не иначе как «Белибердяевым».

Не является содержательным также чрезвычайно распространенное штампованное определение «русская философия конца XIX – начала XX века», относительно которого надо заметить, что философские эпохи не могут быть построены по хронологии, поскольку выделяются не по времени своего существования, но по смысловому наполнению. Это сплошь и рядом подтверждается реальным ходом развития русской мысли. Так, философская эпоха XVIII в. (русское Просвещение), эпоха чрезвычайно важная в интеллектуальной истории России, заканчивается, несомненно, не в 1800 г., а продолжена по крайней мере до 30-х гг. следующего XIX столетия (феномен декабризма и его осмысление). Философия В. С. Соловьева, которую часто относят к «концу XIX – началу XX века», на самом деле в хронологическом смысле принадлежит всецело последней трети XIX в. Иное дело, что продолжение идей Соловьева его последователями приходится и на начало XX в. (С. Н. и Е. Н. Трубецкие, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков и др.), хотя, разумеется, не только на начало века, но и на все

столетие в целом (С. Л. Франк, А. П. Карсавин, Б. П. Вышеславцев, А. Ф. Лосев и др.).

Существуют также предубеждения, формирующие субъективистски окрашенные представления не только о временной ограниченности национального бытия русской философии, но и о сущностной, содержательной ее «непохожести» на инациональные философские традиции. Так сформировались штампы о преимущественно историческо-философской, а также антропологической направленности русской философии, о ее особой социальной приверженности, о «неспециализированном» и «неинституциональном» характере русской мысли, ее «литературоцентризме». Это штампы иного рода, гиперболизирующие какую-либо конкретную проблематику русской философии до уровня всеобщности, придающие ей универсально своеобразное значение. В качестве примера приведем штамп о том, что русская философия выражена преимущественно в произведениях художественной литературы, но не в дискурсивной, рационализированной форме.

Такое представление обедняет то, что в монографической литературе получило определение реально существовавшей «интегральной взаимосвязи» русской философии и литературы. Последнее определение предполагает анализ реально существовавших токов от философии к литературе и обратно, а вовсе не «философскую монополию» русской художественной литературы. На самом деле в России была представлена уже начиная с XVII в. и собственно «трактатная» философия. Она существует в виде университетской и духовно-академической философии, сохраняющей свои особенные качества вплоть до настоящего времени. Другое дело, что эта традиция русской мысли сравнительно слабо исследована, хотя имеющиеся работы дают вполне отчетливое представление о ее реальном многообразии (работы В. А. Бажанова, Н. Г. Баранец, Н. К. Гаврюшина, В. Ф. Пустарнакова, А. Т. Павлова).

Здесь приходится подчеркнуть, что разработана ни одной из существующих конкретных фи-

лософских проблем не может быть представлена в качестве преимущественной черты своеобразия истории русской философии. Русская философия устремлена к решению универсальных философских проблем, и все фундаментальные философские проблемы являются также проблемами русской философии. Своеобразен только способ решения этих проблем, именно это качество составляет «вечное в русской философии» (Б. П. Вышеславцев).

История русской философии является тем, что С. Н. Булгаков называл «реально существующим духовным организмом». При этом наша принадлежность к этому духовному организму, как подчеркивал Булгаков, «совершенно не зависит от нашего сознания, она существует и до него, и помимо него, и даже вопреки ему» [7]. «Духовный организм» истории русской философии существует как объективная данность, и как таковая она представляет реально существующую совокупность философских эпох, идей, понятий, концептов, произведений, *которая всегда будет богаче* наших представлений об этом духовном организме. Наша задача – представить этот организм во всем его многообразии, имеющем определенное внутреннее единство и освобожденном от разного рода штампов и предубеждений.

Примечания

1. Зеньковский В. В. История русской философии. 2-е изд. Париж, 1989. С. 28.
2. Агиография – отрасль церковной литературы, содержащая описание жизни святых.
3. Об этом см.: Гусейнов А. А. О нашем философском доме // Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН. М., 2009. С. 8.
4. Зеньковский В. В. О мнимом материализме русской науки и философии // Зеньковский В. В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 317.
5. Там же.
6. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950). М., 2000. С. 35.
7. Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 2008. С. 520.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 165.611:1(091)

И. Ю. Бешкарева

ТРАКТОВКА ИНТУИЦИИ С. ФРАНКОМ В РАБОТЕ «ПРЕДМЕТ ЗНАНИЯ»

Статья посвящена проблеме интуиции в русской философии, в частности в творчестве С. Л. Франка. Его произведения об интуиции в русской философии имеют огромное значение. С. Л. Франк был не просто продолжателем идеи Всеединства В. С. Соловьева, он внес свой неоценимый вклад понимание интуиции Всеединства, рассмотрев ее с позиции философа XX в.

The article is devoted to the problem of intuition in Russian philosophy, particularly in the works of S. L. Frank. His works about the intuition are of great significance. S. L. Frank was not only the continuator of the Total-Unity idea, but he contributed much to understanding the Total-Unity idea, having considered it from the position of the twentieth century philosopher.

Ключевые слова: русская философия, интуиция, интуитивизм, С. Л. Франк, В. С. Соловьев, интуиция Всеединства.

Keywords: russian philosophy, intuition, intuitivism, S. L. Frank, V. S. Solovyov, intuition of the Total-Unity.

Через все работы Семена Людвиговича Франка красной нитью проходит одна общая проблема – интуиции. К начальному периоду творчества этого философа можно отнести его первую фундаментальную работу, вышедшую в 1915 г. в качестве магистерской диссертации – «Предмет знания. Об основах отвлеченного знания». Именно эта книга заложила основу как всей философской системы Франка, так и его учения об интуитивном знании.

Интуиция в этой книге определяется Франком как «живое знание», то есть знание конкретное и целостное, которое через постижение частичного единичного содержания предмета открывает определяющее это содержание целое, или «исконное» единство бытия. Оно представляет собой взаимосвязь двух процессов: переживания непосредственно данной реальности и осознания этого переживания, в таком понимании интуиция является «мыслящим переживанием».

Тема интуиции присутствует и в другой работе Франка 1917 г. – «Душа человека. Опыт вве-

дения в философскую психологию», задуманной автором в качестве второй части трилогии. В этой книге Франк интуицию определяет как «сверхчувственное созерцание» [1], а впоследствии называет живым знанием или «знанием-жизнью» [2].

В своей работе «Русское мировоззрение» (1926 г.) Франк говорит, что интуитивизм наиболее полно выражает особенности русской философии. В этой работе Франк указывает, что своеобразии русского типа мышления состоит в том, что оно изначально основывается на интуиции, а в основе русской философии лежит понятие опыта, отождествляемого с жизненным опытом [3]. Также Франк показывает, что неприятие всякого рода туманного иррационализма и восторженности является даже особенностью русского духа. Но с другой стороны, русским совсем не свойственно постижение истины в логических связях и благообразной систематичности. «В России наиболее глубокие и значительные мысли и идеи были высказаны не в систематичных научных работах, а в литературной форме» [4].

Во второй период творчества Франка вышел его лучший труд, подводящий итог всему философскому развитию автора, – «Непостижимое» (Париж, 1939). В нем продолжено и усовершенствовано учение об интуиции, которое еще только зарождалось в «Предмете знания» и других предшествующих работах.

В «Предмете знания. Об основах отвлеченного знания» С. Л. Франк пролагал свой путь в философии, почти не находя в современных ему исследованиях единомыслия в отношении первенствующей роли онтологических предпосылок. Н. Бердяев в своей рецензии на работу Франка назвал появление книги «Предмет знания» крупным событием в русской философской литературе и поставил ее в один ряд с весьма ценной им работой Н. Лосского «Обоснование интуитивизма». Бердяев особо отметил пронизывающую сочинения Франка бескорыстную любовь к истине и преобладание пафоса утверждения над пафосом отрицания [5].

В работе «Предмет знания», которую Франк считал первой частью своей трилогии, посвященной гносеологии и психологии, философ связал тайну проблемы предмета знания и всех ее аспектов, включая аспект интуитивизма, с фундаментальной темой бытия как ее разгадкой. «Зна-

ние может быть направлено на предмет, т. е. на неизвестное бытие, именно потому, что неизвестное как таковое нам «известно» – известно не через особое знание о нем (что неизбежно приводило бы к противоречию), а совершенно непосредственно, в качестве самоочевидного и неустраняемого бытия вообще, которое мы ближайшим образом не «знаем», а есмь, т. е. с которым мы слиты не через посредство сознания, а в самом нашем бытии [6].

Во второй части «Предмета знания» последовательно вводилась другая тема, которая наряду с проблематикой бытия образовала фундаментальное основание философской системы Франка. Это тема, или, как говорит сам философ, «интуиция всеединства», которая вначале обсуждалась в связи с проблемой отвлеченного знания.

Интуиция всеединства у Франка преодолевала все нормальные условия мышления. Под интуицией всеединства автор понимал «подъем сознания на высоту, на которой оно не может длительно пребывать, а которой может достигнуть лишь на мгновения, чтобы потом, спустившись в нормальную сферу дискурсивности, обладать в форме отвлеченного знания уловленным и хранящимся в воспоминании содержанием интуиции» [7].

Понятия интуиции Всеединства и отвлеченного знания возникли в философии Франка благодаря сочинениям Вл. Соловьева. Однако при ближайшем рассмотрении текста «Предмета знания» становится ясным, насколько Франк отклоняется от философии Вл. Соловьева. На первый план в «Предмете знания» выступает скрупулезное и специальное логико-гносеологическое обоснование новой онтологии, которым Вл. Соловьев, мыслитель XIX в., по существу не занимался и которое Франк, философ XX в., предпринял перед лицом мощного логико-гносеологического вызова своего времени, не уклоняясь, подобно другим философам своего времени, в сторону теологии.

Так и тема Всеединства, заданная у Франка как будто бы в духе Соловьева, сразу же перелилась в подробный анализ «сущности логической связи». И это не случайно, поскольку специфика системы Франка состоит в том, что при общей разработке онтологической гносеологии он не оставляет без специального прояснения ни одного аспекта, существенного для наиболее полного и целостного анализа. И если в первой части книги необходимым логическим звеном, опосредующим проработку системы онтологической гносеологии, были новые исследования логики понятий и суждений, то во второй части Франк занимался анализом других проблем, таких, как логическая природа умозаключений; законы мыш-

ления; логико-философские изыскания в изучении части и целого.

В результате этих конкретных и обстоятельных логико-гносеологических исследований Франк сделал ряд выводов, которые должны были в конечном счете пролить свет на проблему единства знания и еще более фундаментальную проблему интуиции Всеединства.

Знание, поскольку оно выражено в готовых определениях содержания, дает, согласно Франку, как бы «окоченевшие, неподвижные продукты или отложения», из которых нельзя объяснить развитие знания, переход от одного содержания к другому [8]. Подобным образом «обычные» законы мышления (в терминологии Франка – законы определенности) не могут выразить и раскрыть отношение отдельной определенности к некоему «исконному единству», из которого она проистекает и на котором она основана. В частности, Франк обстоятельно доказывает неприменимость категорий тождества и различия и, соответственно, закона тождества, когда речь идет и о раскрытии единства развивающегося выводного содержательного знания, и тем более о Всеединстве. «Таким образом, – заключает Франк, – сфера отдельных определенностей, подчиненная закону определенности, возможна лишь на почве иной сферы, которая уже не подчинена этому закону и природа которой может быть отрицательно охарактеризована как область единства или совпадения противоположного (coincidentia oppositorum)» [9].

В главах VII и VIII второй части книги Франк внимательно проанализировал те учения, которые действительно перевели проблему интуиции, прежде окрашенную в психологические тона, в плоскость логических исследований. Интуиция всеобщего, единого – или, в гуссерлевской терминологии, усмотрение сущности, Wesensschau, – вот что привлекло особое внимание Франка в работах Гуссерля, Кассирера, Бергсона, Шуппе, представителей марбургской школы, Лосского и других авторов. Анализ всей этой проблематики у Франка сложный, филигранный, оригинальный. Специфика его – в том необычном сплаве логического, гносеологического, онтологического, общеметафизического аспектов, на который не могли решиться названные авторы (за исключением, возможно, Лосского), все еще напуганные опасностями абстрактной метафизики и психологизма. При этом Франк не встал и на путь иррационализма или антисциентизма.

Онтологически и гносеологически подчиняя отвлеченное (то есть отделенное и разделенное) знание интуиции, Франк не предполагал умалять значение частного (например, частнонаучного) знания, все равно, будут ли это математические, правовые или иные научные дисциплины. Заслу-

га Франка в том, что он (отчасти следуя Гуссерлю или Кассиреру, а отчасти опережая их последующие изыскания) поставил вопрос о символическом характере отвлеченного знания и о специфике «символического мышления» как такового [10]. От последнего (как мышления неадекватного, одностороннего, но выполняющего важные функции в системе знаний) он отличил целостность интуиции. В подтверждение этих своих взглядов Франк чаще ссылался не на современных ему авторов, а на Плотина или Николая Кузанского. Чеканные обобщающие формулы Франка связывают в системное целое отвлеченное знание и интуицию Всеединства [11].

Непознанное как гносеологический факт у С. Л. Франка превратилось в непознаваемое как факт онтологии. Металогическое бытие, недоступное логическому познанию, существует у Франка «для меня» и «во мне» как его «самопереживание-интуиция». В «Предмете знания» С. Л. Франк пишет, что если это так, то для того, чтобы философствовать, необходимо обрести в себе Единое; то есть сначала нужно жить, а затем уже философствовать. Что касается тоже важного и нужного логического познания, то оно имеет дело не с тем первичным бытием, которое имеется в нас, а с другим, тем, что оказалось вне нас, опредметилось, образовавшись в результате дифференциации первоначального единства, когда разделённо стали существовать субъект и объект. Вот такой объективный и объектный мир мы и познаем отвлеченным понятийным способом. Постепенно накапливая и систематизируя понятия шаг за шагом, мы бесконечно долго подступаем к определению – описанию Единого бытия, но никогда не достигаем при этом цели: «философ осужден говорить всю жизнь, говорить всегда об одном и никогда не сказать того, что он мыслил и увидал. Он вечно исправляет свою формулу, исправляет само исправление, и с помощью этой все возрастающей сложности мыслей пытается все более приблизиться к простоте своей первичной интуиции. Вся сложность его системы, которая может увеличиваться без конца, есть, следовательно, только выражение несоответствия между его простой интуицией и средствами для ее выражения» [12]. Об этом Франк говорил еще в критической статье 1912 г. по поводу речи Бергсона о философской интуиции [13].

Таким образом, в «Предмете знания» С. Л. Франк самым решительным образом перешел к интуиции как конституирующему философию принципу, подчинив ей разум, отдавая ему важную роль, но лишь второстепенную, задача разума – прояснение интуитивно данного содержания. Интуиция и разум всегда рядом: «умозаключение есть развертывание, разложение в систему понятий и их

взаимных связей того, что непосредственно должно быть дано в форме единства, предшествующего системе содержаний, выраженных в понятиях» [14].

Выйдя в свет, книга «Предмет знания» вызвала значительный резонанс в отечественной философской мысли. За 1916 г. на книгу вышло сразу четыре значительные критические статьи: Н. Бердяева [15], С. Булгакова [16], Н. Лосского [17] и С. Гессена [18], – которые, с одной стороны, восхищенно хвалили идеи, в том числе и идею интуиции, с другой стороны, жестко воспринимали то, что предлагал нового Франк. Так, например, С. И. Гессен критиковал Франка за необоснованно широкое понимание интуиции. В «Северных записках» по этому поводу С. И. Гессен писал: «Франк не ограничивается... понятием интуиции как необходимого момента (но только момента) всякого знания. Следуя обычному интуитивизму, он превращает интуитивный элемент знания в особое, самодостаточное и подлинное знание» [19]. В результате отвлеченное, логическое знание становится вторичным, ненужным и даже необъяснимым, так как непонятно, почему и зачем наряду с подлинным «живым знанием», даваемым интуицией, мы обладаем еще и «недостаточным», «раздробленным» отвлеченным знанием. На этот же недостаток указал в своей рецензии и Н. О. Лосский [20]. Но еще более существенно для Гессена то, что при таком понимании интуиции С. Л. Франк попадает в ловушку интеллектуализма. С другой же стороны, заслугой Франка Гессен считал стремление преодолеть крайности трансцендентализма и интуитивизма, которые базируются на представлении об определенности познания исключительно законами самого сознания и представлении о возможности непосредственного и целостного познания трансцендентного объекта. Совмещение этих двух позиций достигается за счет введения понятия интуиции, которая, по Гессену, выражает иррациональный момент всякого знания, являясь «осознанием единства данного за пределами» [21].

Так же серьезны замечания другого критика, С. Н. Булгакова. Он подвигал С. Л. Франка к «более решительному и глубокому религиозному самоопределению», упрекая его за невнятицу в представлениях о металогическом бытии. В одних случаях ему «приписываются явно божеские черты» и оно почти сливается с Божественным Ничто «отрицательного богословия», а в других случаях оно почти сближается с миром, с ним отождествляясь, как его ноумен» [22]. Это какое-то «неопределенное оно, не имеющее ни лица, ни индивидуальности» [23]. Если оно трансцендентно, если оно в полноте своей недоступно разуму, то почему С. Л. Франк не говорит об

откровении его, а говорит об интуиции, да еще только художественной интуиции? Позицию С. Л. Франка критик оценивает как «двойственную, нерешительную и, в значительной мере, незавершенную». Упрек относительно неопределенного оно был точен. Если С. Л. Франк живет жизнью метафизического бытия, то быть неопределенным оно не может. Оно должно приобрести лик, индивидуальность.

Несомненно, в критических статьях С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского и С. Гессена были вскрыты действительные слабые пункты концепции С. Л. Франка. Развернувшаяся в начале XX в. дискуссия по поводу «Предмета знания» оказалась достаточно плодотворной и помогла Франку прояснить некоторые спорные моменты своей системы в последующих работах.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что гносеологическая концепция Франка, изложенная в «Предмете знания», опирается на утверждение о том, что знание всегда направлено на некую неизвестную реальность, в которой отыскивается конкретное содержание, выразимое в понятиях. Но ученые и исследователи обычно не замечают, что всякое познание не только выражает конкретное познанное, но и содержит указание на нечто непознанное, которое представлено в суждении какой-то одной своей стороной. Для правильного познания необходимо замечать такую закономерность и не забывать, что рядом с выявленной и зафиксированной в суждении стороной познаваемого всегда в нем [познаваемом] есть что-то неизвестное, которое бесконечно и неисчерпаемо.

Примечания

1. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. С. 563.
2. Там же. С. 593.
3. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 168.
4. Там же. С. 152.
5. Бердяев Н. А. Два типа мирозерцания (С. Л. Франк «Предмет знания») // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России / под ред. Н. А. Струве. Париж: УМКА-PRESS, 1989. С. 635.
6. Франк С. Л. Предмет знания... С. 173.
7. Там же. С. 269.
8. Там же. С. 192.
9. Там же. С. 204.
10. Там же. С. 309–333.
11. Там же. С. 279–280.
12. Франк С. Л. О философской интуиции // Русская мысль. М., 1912. № 3. С. 32.
13. Там же. С. 31–35.
14. Франк С. Л. Предмет знания... С. 197.
15. Бердяев Н. А. Два типа мирозерцания... С. 635–654.
16. Булгаков С. Н. Новый опыт преодоления гносеологизма // Богословский вестник. Сергиев Посад: Императорская Московская Духовная Академия. 1916. № 1. С. 136–154.

17. Лосский Н. О. Рецензия на книгу С. Л. Франка «Предмет знания» // Русская мысль. М., 1915. № 12. С. 5–7; Лосский Н. О. Обзор книг. С. Л. Франк. Предмет знания // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132–133. С. 155–178.

18. Гессен С. И. Новый опыт интуитивной философии // Северные записки. Пг.: Издатель С. И. Чацкий, 1916. № 4–5. С. 222–237.

19. Там же. С. 229–230.

20. Лосский Н. О. Обзор книг... С. 155–178.

21. Гессен С. И. Указ. соч. С. 229.

22. Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 152.

23. Там же. С. 153.

УДК 111.1

А. С. Гурьянов

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕГО МЫШЛЕНИЯ

Содержание понятия «конкретно-всеобщее мышление» до сих пор неопределенно. Гегель, введя в употребление этот термин, продемонстрировал действие конкретно-всеобщего мышления. В советской философии оно интерпретировано лишь как генетическое прослеживание явления. Но конкретно-всеобщее мышление – это не только история явления, но главным образом воздействие на явление и тем самым вхождение в историю.

The concept of universal concrete thinking still lacks satisfactory interpretation. Hegel, having introduced this concept, showed the way it acts. In Soviet philosophy it was interpreted only as genetic tracing of a phenomenon. Universal concrete thinking is not just the history of the phenomenon but mostly influence on it and thus entering history.

Ключевые слова: логика, определение, конкретный, всеобщий, спекулятивный, абстрактный, суждение.

Keywords: logic, definition, concrete, universal, speculative, abstract, judgment.

Терминологическая характеристика мышления, заявленная в названии, как кажется, с самого начала задает некоторое ограничение в исследовании существа мышления: очевидно, что речь идет о спекулятивном мышлении и для человека, методологически придерживающегося, скажем, феноменологических или позитивистских позиций, спекулятивные категории не слишком актуальны. У каждого свое мышление: Хайдеггер одних только лекций на тему мышления прочитал на двести страниц, ни разу не прибегнув к обороту «конкретно-всеобщее».

Определение существа конкретно-всеобщего мышления представляет немалые сложности в связи с тем, что, как это ни парадоксально, у Гегеля, применившего диалектический метод и разработавшего спекулятивные категории, оп-

ределение мышления как «всегда уже» конкретно-всеобщего мышления отсутствует. Как известно, Гегель и при чтении лекций не любил пускаться в объяснения, следуя тезису «умный и так поймет, а глупому и объяснения не помогут». Однако кроме этого «педагогического» приема было и более веское обоснование упомянутого отсутствия определения: изложение существа дела может осуществляться только из самого дела. Более того, само дело в своих существенных определениях и есть собственное изложение, и потому какие-либо предварительные расклады в принципе неуместны. В связи с этим суть спекулятивного мышления, оно же по умолчанию конкретно-всеобщее, лишь демонстрируется, что называется, в действии, будь то в нюансах переходов логических категорий или явления духа самому себе, тогда как вопрос о том, что же такое конкретно-всеобщее как таковое, сознательно или по недоразумению остается без ответа. Ситуация оказывается еще более странной, если вспомнить одно небольшое эссе Гегеля, посвященное как раз существу мышления, – «Кто мыслит абстрактно?», в котором, как следует из названия, рассматривается мышление в той мере, в какой оно мышлением не является, т. е. не в его существенных определениях. Однако определенные выводы по интересующей нас теме из этой работы сделать можно, поскольку абстрактное мышление противоположно спекулятивному.

Рассуждая в этой работе об особенностях абстрактного мышления, Гегель приходит к выводу, согласно которому абстрактное мышление представляет собой оксюморон – мышление может быть лишь конкретным мышлением, а не будучи таковым, является лишь видимостью мышления. Гегель приводит ряд примеров, демонстрирующих низкопробность абстрактного мышления. Так, в среде прусских офицеров было распространено мнение, что солдата положено бить, и уже поэтому он каналья; оно сформировано под влиянием распространенных в среде военщины расхожих представлений. Гегель отмечает, что мыслить абстрактно – значит видеть в человеке только одно абстрактное и «называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо» [1], что и происходит в этом случае.

Но что является формальным основанием для подобных абстрактных суждений? Очевидно, что приведенное суждение, строго говоря, является общеутвердительным суждением «все солдаты канальи». А в рамках формальной логики, как известно, закон исключенного третьего работает под некоторыми ограничениями. Так, под него могут не подпадать контрарные суждения, из числа которых общие могут быть одновременно ложными, а частные – одновременно истинны-

ми. Но и с учетом этих ограничений для человека, который в ладах со здравым смыслом, вполне очевидно, что все грибы не могут быть как съедобными, так и несъедобными. Два общих противоречащих суждения вполне могут быть одновременно ложными. Более того, когда мы пытаемся высказать что-либо о классе предметов, то противоречащие суждения часто оказываются ложными, так как высказать что-то, относящееся ко всем представителям одного класса, сложнее, чем не относящееся к каждому его представителю – субстанциальных признаков всегда неизмеримо меньше, чем акцидентальных. К тому же несущественные признаки всегда лежат на поверхности и в отличие от существенных не требуют для своей констатации умственных усилий. Поэтому когда прусский офицер говорит, что солдат – каналья, то он нарушает формальный принцип построения общих суждений, это суждение, будучи общим, является ложным, поскольку не затрагивает каких-либо видообразующих или хотя бы собственных признаков солдата, вследствие чего и противоположное ему суждение является в равной мере ложным. Не случайно в связи с другим примером подобного рода абстрактного мышления Гегель указывает на то, что люди, отказывающиеся человеку во всем человеческом только потому, что он преступник, мыслят столь же абстрактно, сколь и те, что, в противоположность первым, устилают его путь к эшафоту розами, и ошибка формального мышления заключается в том, что некий акцидентальный признак расширяется до размеров видообразующего: солдат не может быть по определению канальей или неканальей, так как «быть канальей» не входит даже в число собственных признаков солдата, а «заслуживает осуждения» или «заслуживает жалости» формально не входят в число существенных признаков преступника, поскольку к каждому отдельному случаю необходимо подходить индивидуально. Акцидентальные признаки таковы, что они в рамках одного класса могут быть совершенно противоположными, не затрагивая сам класс. Но таково лишь формальное объяснение ошибки формального мышления. Очевидно, что примеры с грибами и преступниками – случаи разного порядка: если в примере с грибами ложность двух противоречащих общих суждений очевидна, то в отношении преступника для людей, реагирующих столь противоположным образом, ложность обеих позиций совсем не очевидна. Наоборот, каждая сторона искренне считает себя правой. Очевидно, что дело не только в формальной стороне мышления, иначе ошибка с солдатами была бы столь же очевидной, как и ошибка с грибами.

Человек, вступая в некоторые взаимоотношения с окружающим его миром, застает в своем

бытии-в-мире определенную систему взаимоотношений, некоторое положение дел, сложившееся до него и помимо него. Положение дел в прусской армии, как известно, отличалось жестокой субординацией, беспрекословным выполнением приказов вышестоящих и, как следствие, безусловной формальной правотой офицеров, поэтому солдат как низшее звено в этой цепи выступал крайним элементом и в переносном смысле. Пруссия, как известно, вошла в мировую историю как воплощение милитаризма, а использование военной силы было допустимо при решении каких бы то ни было международных и внутренних проблем, что в известной мере способствовало продвижению Бранденбурга-Пруссии в пятерку крупнейших европейских держав того времени. Ф. Энгельс пишет в своей работе об истории прусской армии, что срок службы в ней в мирное время составлял от года до двух, в зависимости от рода войск. Вследствие краткости срока службы воинские качества прежних солдат вбивались в молодого рекрута при помощи мер крайней строгости: «Прусские младшие офицеры и фельдфебели, будучи не в состоянии выполнить возложенную на них задачу, относятся к своим подчиненным с грубостью и жестокостью, которые вдвойне отвратительны из-за их педантичности» [2]. Не случайно после революции был определен трехлетний срок обучения. Таким образом, мы видим, что жестокое обращение с солдатом было вызвано как исторической необходимостью построения милитаристского государства, что, по словам Энгельса, на 50% повысило эффективность прусской армии и позволило ей войти в число наиболее эффективных в Европе, так и практической необходимостью подтягивания дисциплины и качества обучения в рядах солдат в силу краткости срока службы, вследствие чего применение физического воздействия было санкционировано воинским уставом. Теперь можно сделать вывод о том, что на определенном историческом этапе становления прусской армии тезис «солдат – объект для битья и потому канала» был объективно истинен, и признак «каналья» входил в существенное определение солдата в определенном месте и времени – в рамках прусской реальности того времени. Рекрут в обязательной форме должен был отбывать воинскую повинность, но в короткие сроки никак не мог усвоить «премудрости» воинской службы, и потому, с точки зрения офицера, вынуждал его применять к себе крайние меры воздействия. Мы видим, что об абстрактности мышления здесь речи быть не может, так как «каналья» здесь есть всеобщая характеристика солдата, не восприимчивого к службе. В данном случае, наоборот, мы имеем дело с конкретно-всеобщим мышлением, выявляющим в опре-

деленной исторической реальности некие взаимосвязи, отражающие логику исторического процесса. Но исторический процесс бесконечен в своем движении, и абстрактность мышления заключается в неспособности следовать его логике, т. е. отмечать для себя его моменты, когда, согласно диалектической закономерности, всеобщее становится особенным и из статуса центрального переходит в положение периферийного, занимая свое место в анналах истории.

Логика исторического процесса не терпит закоряченных форм, и человек в своем здесь-бытии, входя в «курс дела» относительно всегда уже имеющего место «положения дел», в конкретном историческом месте и времени, вступает в противоречие с самим духом мышления, если принимает те или иные понятийные формы как непреложные. Ибо по определению момент обучения воинскому делу и обретения дисциплины сменяется становлением солдата в истинном смысле, для которого тяжести становления оказываются залогом дальнейших успехов в военных кампаниях, что, собственно, и произошло с солдатом прусской армии, ставшего образцовым воином. Не случайно именно прусская армия стала ядром германской армии. Теперь конкретность мышления заключалась в том, что определение «каналья» не могло быть применено к солдату в широком смысле, но лишь к отдельным солдатам как исключениям, подтверждающим правило. Вместо этого абстрактно мыслящий офицер, воспринимает данное широко распространенное представление о солдате как каналье некритически как раз и навсегда данное, не утруждая себя собственными наблюдениями и размышлением о сути этого определения, и поэтому не замечает уже изменившейся ситуации. Здесь мы возьмем на себя смелость подкорректировать Гегеля: определения «объект для битья» и «каналья» сами по себе не абстрактны или конкретны, но являются таковыми лишь в рамках определенной исторической реальности. Именно определение статуса данного качества представляет сложность и требует конкретности мышления, ибо одно и то же качество может быть и конкретным, и абстрактным, а мыслящий человек призван разобраться в нюансах определения. На наш взгляд, название какого-либо одного качества вещи и замещение им всего остального может быть оправдано, если это существенное определение вещи, и недопустимо только тогда, когда акцидентальное качество постулируется как субстанциональное. Другое дело, что грань между существенным и второстепенным может быть выявлена лишь человеком, мыслящим конкретным образом, поскольку субстанциональное меняет в определенном момент свой статус на акцидентальный, и наоборот. Сложность лишь в том, чтобы

вовремя заметить это изменение определения. Собственно, пример с грибами потому и прост и не вызывает особых споров, что к нему можно подойти формально-логически, без учета исторического измерения процесса эволюции грибов. И другое дело – исторически активно развивающиеся тотальные процессы, в которых нет раз и навсегда определенных существенных моментов. Конкретная мысль «солдат – каналья» перестает быть таковой и переходит в положение ходячего представления, как только конкретно-историческая реальность меняется и данное суждение перестает отражать существо дела, а человек, по-прежнему судящий о солдате подобным образом, не замечает этой перемены, оставаясь в плену ходячих абстракций.

Абстрактное мышление – это подпадание под давление господствующего общественного мнения, полагание на его авторитетность и отказ от критического переосмысления сложившегося положения дел, что является отказом от мышления, ибо есть нерелексивное принятие за истинное того, что эту истину уже утратило, тем не менее сохранившись как пережиток в общественном сознании; понятие перестало быть таковым, осталось лишь его вербальное обозначение. Конкретно мыслящий человек мыслит из самого предмета мышления, будучи в состоянии не только заметить изменения, происходящие с предметом, но и выразить их в соответствующих понятиях, отражающих новое состояние дел. Оно способно преодолевать в своем сознании застывшие понятия, ставшие общими представлениями, более не соответствующие предмету, чтобы «идти в ногу» с самим предметом, тем самым оттесняя их на периферию и создавая новые понятия в соответствии с новыми определениями предмета.

Теперь рассмотрим случай. Коротко говоря, Гегель указывает в нем на то, что формальный подход к вопросу о том, чего заслуживает преступник, снисхождения или осуждения, не имеет ответа. Каждый отдельный случай требует отдельного рассмотрения. Предполагается, что судебная система и занимается подобным рассмотрением, изучая биографию человека, состав и мотивы преступления, наличие предыдущих привлечений к ответственности и т. д. Не случайно при определении меры вины и наказания суд учитывает так называемые смягчающие и отягчающие обстоятельства. Изучив все обстоятельства дела, судья в меру своей квалификации и добросовестности выносит решение. И судья, если он квалифицирован и добросовестен, подходит к делу конкретно и мыслит конкретно, приговаривая подсудимого, к примеру, к максимальному наказанию. Для него очевидно, что человек совершил тяжкое преступление из корыстных по-

буждений в составе организованной группы, в которой был руководителем, а предыдущие многочисленные судебные процессы над ним ничему его не научили; надежды на исправление нет. Однако толпа, собравшаяся на площади, чтобы увидеть казнь, ничего об этом не знает.

Здесь мы считаем необходимым еще раз повторить Гегеля. Указывая на то, каковым было бы конкретное мышление в данном случае, он приводит в пример человека из толпы, знатока человеческих душ, способного рассмотреть «ход событий, сформировавших преступника», обнаружить в его жизни обстоятельства, способствовавшие развитию дурных наклонностей и пр. Однако человек из толпы не может ничего знать об этом. О таких вещах предметно может судить лишь судья, взвешивающий все «за» и «против» при вынесении вердикта. Толпе же не нужны эти подробности, ибо ей достаточно доказанности факта преступления, она требует наказания, не вдаваясь в детали процесса. Либо наоборот – сострадания и даже помилования, но опять-таки без знания подробностей дела. Но кто или что может гарантировать беспристрастность, квалифицированность и благонамеренность суда, призванного решать дела по справедливости? Суд в основе своей, несмотря на разработанную систему учета как раз конкретных обстоятельств дела, не может не быть не ангажированным, не обслуживающим интересы определенной категории лиц: в худшем случае – интересы правящей элиты, а в лучшем – интересы охлократического большинства. Всегда есть немалая вероятность того, что судья произвольно или непроизвольно выносит абстрактный приговор, вытекающий не из обстоятельств самого дела, а из посторонних соображений, как это часто и бывает.

«Заслуживает сурового наказания» не является неотъемлемой, существенной характеристикой преступника, если преступника рассматривать абстрактно, формально. Однако в отношении того или иного человека это может явиться его атрибутивным качеством, если речь идет о неисправимом рецидивисте, запятнавшем себя тяжкими преступлениями и исчерпавшем все возможные меры воздействия на себя. Поэтому «заслуживает сурового наказания», изначально ему как человеку не свойственное, с некоторых пор стало его неотъемлемым определением. Данное обстоятельство может заставить судью вынести ему самый суровый приговор. Проследивание истории жизни этого преступника, на чем настаивает Гегель, необходимо именно потому, что лишь в динамике становления этого человека может выявиться динамика становления преступника и то, какое место эта составляющая его жизни занимает среди прочих. Два человека, совершивших одно и то же преступление, могут

быть преступниками в разной мере, как это ни странно с формальной точки зрения, ибо один мог совершить преступление по молодости, ошибке и в состоянии аффекта, а другой – преднамеренно и из корыстных побуждений. Поэтому для первого «заслуживает сурового наказания» не является отличительной чертой его личности. Толпа же не имеет возможности и желания вникать в детали дела и выяснять, является ли данное определение «заслуживает сурового наказания» существенным определением данного человека, т. е. можно ли этого человека определить как именно закоренелого, неисправимого преступника, и никак иначе; она мыслит формально: раз преступил закон, значит, должен быть наказан. Равно как и толпа, придерживающаяся противоположной позиции, которую можно свести к тезису: раз преступник, значит, заслуживает сострадания.

Мы видим, что в обоих приведенных примерах имеет место некритическое полагание на чье-то мнение. В первом случае – на общественное мнение в среде офицерского состава, как если бы это мнение выражало абсолютную истину, а во втором – на мнение одного отдельного судьи, признавшего человека виновным и приговорившего его к казни, как если бы этот один человек не мог принять неверное решение. Люди, подгоняющие его на эшафот, с одной стороны, и утишающие его путь цветами – с другой, ничем не отличаются друг от друга, так как находятся в равной мере в неведении относительно действительной степени виновности осужденного. Первое могло быть проявлением конкретности мышления только в том случае, если бы всем было известно, что определение «заслуживает сурового наказания» является его существенным определением, а второе – лишь в том случае, если бы было известно, что человек осужден несправедливо.

Таким образом, мыслить конкретно – значит мыслить из существа самого предмета, выявляя те его определения, которые существенны не абстрактно, т. е. вообще, но конкретно, т. е. в заданных обстоятельствах на нынешнем этапе становления этого предмета.

Но этим, с нашей точки зрения, не исчерпывается проблематика конкретности мышления, ибо остается неопределенным различие между конкретным и конкретно-всеобщим мышлением. Различие между этими двумя видами конкретности оставлено без внимания и самим Гегелем.

Терминологически очевидно, что конкретно-всеобщее мышление включает в себя конкретное мышление и само по себе всегда уже есть конкретное мышление, но не наоборот: мыслить конкретно не значит мыслить конкретно-всеобщее. Следовательно, приведенное определение конк-

ретности недостаточно для раскрытия существа конкретно-всеобщего мышления и требует какого-то дополнительного признака. С нашей точки зрения, таким дополнительным признаком является, если можно так выразиться, участие в судьбе предмета мышления. Одного лишь мышления недостаточно для того, чтобы спекулятивное мышление соответствовало своему понятию, ибо в таком случае единство бытия и познания, на чем настаивает спекулятивная диалектика, остается лишь декларированным, а не подтвержденным практикой мышления. Недостаточно знания того, что является конкретным определением предмета. В приведенных примерах судья призван не просто разобраться в хитросплетениях дела, выявить меру вины человека и определить, какое место в его жизни занимает его преступная деятельность. Вердикт, выносимый судьей, не есть самоцель, так как в этом случае наказание являлось бы лишь мстостью за совершенное преступление. Вердикт в идеале должен быть воспитательной мерой, т. е. соблюсти меру между карой и милосердием, ибо призван повлиять на человека, изменить его, если само преступление еще не совершило переворот в его сознании и не привело к раскаянию. Точно так же и в другом случае офицер, определивший в солдате непригодность к строевой службе, в заданных обстоятельствах предпринимает жестокие меры воздействия на него с тем, чтобы в короткие сроки превратить его в образцового солдата.

По сути дела, разобраться в деталях какого-либо дела и не принять участие в его «делании» равносильно какому-либо начинанию, не доведенному до конца. Разбираясь в деле, человек всегда уже намеревается принять участие в нем, что-то предпринять в связи с ним, тогда как разобраться в проблеме и не принять участия в ее решении – значит вступить в противоречие с существом деятельности, вступить в противоречие с самим собой, взявшись за дело и бросившим его, как только дело переходит в фазу непосредственно «делания», ибо в проблеме разбираются для того, чтобы ее решить, а в деле – чтобы его делать. Конкретное мышление, таким образом, находится в согласии с самим собой тогда, когда оно доведено до своего логического конца в виде конкретно-всеобщего мышления, участвующего в бытии своего предмета.

Если конкретное мышление – это еще отстраненное, резонирующее мышление, пределом для которого является вхождение в курс какого-либо дела через определение конкретного понятия предмета в его нынешней фазе становления, то конкретно-всеобщее мышление является одновременно практической деятельностью, направленной на изменение определений предмета. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, служит

основанием для употребления категории «дело», на «делание» которого направлено конкретно-всеобщее мышление. Но с вмешательством мыслящего человека дело не только приобретает с новыми определениями новый оборот, а через это участие осуществляется единство мышления и вещи, с которыми ему приходится иметь дело. Прежде конкретное понятие хотя и соответствовало предмету, тем не менее возникло в результате реконструкции становления явления в его узловых моментах, т. е. еще лишь в мышлении мыслящего, а сам предмет приобрел свои определения без участия мышления. Теперь же он выходит вовне в гегелевском смысле, сливаясь с предметом через придание ему новых определений. Это и позволяет мышлению быть в согласии не только с самим собой, но и со своим предметом.

Важно отметить, что всеобщая составляющая конкретного мышления проявляется в активности субъекта мышления, всеобщность осуществляется через участие в данном деле как всегда уже всеобщем деле: судья через исправление отдельного преступника нацелен в конечном итоге на дело в более широком плане, только в пределах которого одно частное дело осмыслено, а именно на исправление нравов в обществе, а офицер через воздействие на рекрута всегда уже имеет в виду подготовку боеспособной армии. Если участие в изменении предмета происходит в соответствии с самим предметом, то он обретает определения в соответствии с его понятием, как сказал бы Гегель. В таком случае изменение определений отдельного рекрута, проистекая из конкретного понимания его нынешнего положения, являются изменениями солдата как такового, а в лице отдельного солдата мы имеем всеобщего солдата, если изменения происходят в соответствии с пониманием того, что происходит в армии в настоящее время. Имея конкретное понятие новобранца как такового, офицерский состав имеет возможность произвести работу с ним таким образом, чтобы, с одной стороны, не сломать его, с другой – не настроить против себя же, при этом добившись желаемого результата, т. е. создания образцовой армии, на которую равнялись другие, ставя эту в пример. Отдельная особенная армия тем самым воплощает собой типические черты всеобщей армии, к которой как к идеалу стремятся другие. В таком случае и предмет находится в согласии с самим собой, поскольку находится в развитии. Не имея конкретного понятия предмета, человек не имеет возможности сделать с что-то в соответствии с ним самим, как нельзя применить лечение к пациенту, не поставив предварительно диагноз. В противном случае воздействие оказывается бесполезным для самого

предмета, тогда как оно призвано способствовать его становлению.

Таким образом, в случае с конкретно-всеобщим мышлением мы наблюдаем тройное согласование – мышления с самим собой, мышления с вещью, вещи с самой собой. Согласие мышления с самим собой заключено в логическом переходе от «вхождения в курс дела» на стадии конкретного мышления к «решению дела» в фазе конкретно-всеобщего мышления, что одновременно является участием мышления в бытии своего предмета, а эффективно участвовать в бытии предмета оно может только тогда, когда имеет его конкретное понятие – в этом случае участие в бытии сообразно природе предмета, способствуя его прогрессивному изменению.

Примечания

1. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 392.

2. Энгельс Ф. Прусская армия. URL: www.marxists.org/russkij/marx/1880/mil/eur_pr.htm

УДК 141.332:165

О. С. Еске

ТЕОЛОГИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИАЛОГА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье автор, используя диалогическую методологию, исследует теологию как результат диалога мировоззренческого и практического познания. При этом религия исследуется как форма реализации догматических установок в духовном опыте.

The summary. The author, using dialogical methodology, considers theology as a result of dialogue between world outlook and practical knowledge. Religion is considered as a form of realization of a doctrine in spiritual practice.

Ключевые слова: теология, духовный опыт, диалогическая методология, доктрина, мировоззренческое познание, практическое познание.

Keywords: theology, spiritual experience, dialogical methodology, practical knowledge, doctrine.

В последнее время в области культурной жизни общества наблюдается активный всплеск интереса к религии как форме мировоззренческого познания. На этом фоне активизируется не только миссионерская деятельность представителей различных конфессий, но и традиционная академическая наука. В программы образования вводятся такие предметы, как основы православной культуры, религиоведение, ислам и т. д. Эти предметы входят в подготовку специалистов на всех этапах обучения: школа – вуз – подготовка на-

© Еске О. С., 2010

учных кадров. Однако традиционная научная рефлексия не дает ясного понимания сущности религии. Связано это с несколькими аспектами. Во-первых, с тем, что мировоззрение представляет собой особый тип познания. Для него характерны: субъективное отношение к миру, многообразие духовных ценностей, культивирование идеалов развития человека, структурное единство духовных чувств, знаний и теорий. Одной из наиболее развитых форм теоретического мировоззрения является теология. Ей присущ плюрализм подходов, он реализуется особым мышлением с присущим ему плюрализмом решений [1].

Второй стороной рассматриваемой в настоящей статье проблемы является то, что религия являет собой не только субъективное переживание веры, но и аспект духовной жизни, выражающий ту или иную догматическую установку в культе [2]. С учетом этого для решения выделенной проблемы необходимо рассматривать теологию именно с позиций диалогической методологии, как синтез мировоззрения и духовной практики.

Диалог, как и социальная реальность вообще, представляет собой явление многогранное, сложное и противоречивое, а потому не поддающееся однозначному описанию и объяснению. Следствием такой комплексности явилось формирование двух основных подходов к характеристике диалога. Исторически первой является философия диалога, разрабатывавшаяся основоположниками этого учения М. М. Бахтиным, М. Бубером, Ф. Розенцвейгом и др. В данном аспекте диалог выступает в некотором смысле разновидностью экзистенциальной философии [3].

Основная идея этой стратегии «диалогического экзистенциализма» состоит в том, чтобы через другое (инаковость) понять себя. По мнению Ф. Розенцвейга, новое мышление представляет собой речевое мышление, т. е. диалогическое. А речь сама по себе живет благодаря другому. Поэтому, например, традиционная философская истина допускает лишь познание самой себя, а истина «диалогическая» должна быть таковой для всякого другого. Еще более категоричен М. М. Бахтин, для которого диалог проявляется не просто как сообщение, но бытие, обращенное к «ты». Эта обращенность всегда индивидуальна, субъективна. В этом, как утверждал М. М. Бахтин, отличительная черта объекта гуманитарных наук, а именно его невыразимость номотетическими методами. Последние не просто огрубляют, но отчуждают, омертвляют. Поэтому субъект не может изучаться, как вещь, т. е. стать безгласным, его можно понять только диалогически [4]. Но наука по определению не может изучать уникальное, единичное, в противном случае это будет не наука, а нарратив, рассказ, может быть, искусство.

Итак, наука об уникальном невозможна. Что изучает, например, теория уголовного права? Она описывает и разъясняет существующие нормы, т. е. правила поведения, являющиеся эталоном, обобщенные и усредненные по своей природе. Она же описывает и интерпретирует индивидуальное поведение (точнее, может быть, этим занимается юридическая практика, а теория приводит в качестве примеров квалификации деяний). Но индивидуальное присутствует лишь для «подведения» под общее – норму. В этом, собственно говоря, смысл науки, ее социальная функция. Однако в религии дело обстоит далеко не так. Религия рождается, существует и развивается не только в рамках канонических установок, догматов, а по способу бытия она всегда индивидуальна. Догмат свое выражение всегда находит во внутреннем мире человека в рамках внутреннего диалога разум – вера, теоретический догмат – духовная практика и т. д. Следовательно, описание единичного через другое единичное (уникальное, неповторимое) невозможно. Ведь чтобы утверждать, что это – единичное, его необходимо сравнить с общим. Поэтому без представления об общем (нормативном, усредненном) невозможно помыслить и единичное. Даже при сравнении двух единичных объектов («я» и «ты» в диалоге) предполагается оценка и обобщение обих их свойств.

В религии нет резкого различия между мистикой и теологией, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью [5]. Это вытекает из того, что генетически первым и основным актом религиозного познания стала особая духовная практика. В её контексте сформировалось феномен мистического богословия. Традиционным для философии считается разделение богословия на статичную религию церквей – религию социальную и консервативную – и динамичную религию мистиков – религию личную и обновляющуюся [6]. Однако вопреки представленному мнению А. Бергсона в данном исследовании мы не проводим резкого различия между мистикой и теологией, между личным опытом познания Божественных тайн и догматами, утвержденными Церковью. В рассматриваемом случае мы придерживаемся мнения В. Н. Лосского, который отмечает, что догмат, выражающий богооткровенную истину, представляется непостижимой тайной и должен переживаться в процессе, в котором вместо того, чтобы приспосабливать его к своему модусу восприятия, мы, наоборот, должны принуждать себя к глубокому изменению своего ума, к внутреннему его преобразованию, и таким образом он становится способным обрести мистический опыт [7]. Итак, теология и ми-

стика (индивидуальный духовный опыт) не противопоставляются.

Мистический опыт есть личное проявление общей веры, а богословие есть общее выражение того, что может быть опытно познано каждым. В противоположность гнозису, где познание само по себе является целью гностика, богословие в конечном счете только средство, только некая совокупность знаний, служащая основной цели соединения с Богом. Другими словами, мистическое богословие имеет значение в высшей степени практическое, и чем мистичнее эта теория, чем непосредственнее устремляется она к высшей своей цели, тем она и практичнее. Богословские системы, разработанные в эпоху Вселенских соборов, воспринимаются в рамках традиции Восточной Церкви как основы духовной жизни. Следует признать, что мистическое богословие есть не «мистика» в собственном смысле этого слова, то есть не личный опыт различных учителей высокой духовности, а конструирование вонне того духовного опыта, который остаётся для нас чаще всего недоступным, даже если он и находит для себя словесное выражение. В данном случае, чтобы образовать какое-либо суждение о природе этого опыта, нужно было бы знать о нем более субъекта, обладающего индивидуальным духовным опытом, что соответственно равно духовному опыту познаваемого трансцендентного субъекта. Вот почему следует признать, что мистическое богословие представляет собой синтез мировоззренческого и практического познания. Именно этот синтез, в рамках мистического богословия, реализует союз знания-что и знания-как.

Известно, что когнитивное содержание опыта формирует интеллект. Он настраивается на две стратегии – дать информацию о внешней реальности и обеспечить своему носителю (индивиду) успешное действие. Соответственно этому опытное знание обретает двойную структуру. Отражение того, что имеет место в действительности, осуществляет «знание-что». Оно фиксирует случившиеся эпизоды в определенных ситуациях жизни. Здесь уместно говорить о ментальных или когнитивных образах, помня о том, что речь идет не о видимых «картинках», а о продуктах интеллекта. Знание-что как бы «схватывает» некий фрагмент реальности, попавший в ситуацию действия, и память закрепляет его на будущее. Другую роль играет «знание-как». Оно уже предназначено служить нуждам индивида, и оно ориентирует своего носителя на определенные действия. Здесь важна субъектная прагматика – как действовать, чтобы добиться должного эффекта. Знание-как и становится таким руководством и путеводителем [8].

Содержание мировоззрения составляют духовные ценности, а их общую структуру образуют духовные чувства, жизненная мудрость и ценностные теории. В своей жизни человек испытывает большой спектр разных чувств. Если это впечатления и эмоции, где переживаются узкие, частные явления человека, природы и общества, то налицо недуховные чувства. Мировоззренческие же чувства суть переживания духовных ценностей. Какая-то часть таких эмоций формируется у личности бессознательно в детстве, остальное же содержание вырабатывается волевыми усилиями личности.

Функции мировоззрения требуют познавательной активности, которая преимущественно осуществляется посредством мышления. Оно представляет собой процесс универсальный сложной динамики знаний. Как часть сознания мировоззрение проявляется в мышлении, внося в него своеобразное содержание. Способ мышления выступает центром познавательной активности, динамизирующим символический, духовный опыт. Любое познание, в том числе и мировоззрение, включает в себя ценности и оценки. Как человеческое бытие строится на основе разнообразных ценностей, так и познание невозможно без своих ценностных ориентаций. В мистическом богословии таким ориентиром выступает – догмат. Догмат – это выражение мистической жизни Восточной Церкви (духовного опыта). Он не относится к области интересов одних лишь специалистов, догмат не есть научная разработка или юридическая кодификация. Догмат в мистическом богословии – это основание одновременно экклесиологии и антропологии. Когда мы говорим о мистическом богословии, мы прикасаемся к жизненному свидетельству. Мы в данном случае имеем дело не просто с итогами интеллектуальной работы, а с жизненным ощущением, которое создает в нас присутствие богослова. Невозможно, чтобы богослов говорил одно и жил соответствующим образом, а его богословие говорило другое, в связи с чем следует подчеркнуть мысль, высказанную архимандритом Василием (Гондикакис), заключающуюся в том, что аскетика, монашеский опыт и божественные рассуждения Отцов церкви идут по одному пути. Деяния подвижников являются тайноводством, а созерцание богословов – священнодействием. Познание догмата происходит не мысленно, но экзистенциально, всем своим существом [9].

Итак, подводя итоги рассмотрению вопроса о теологии как форме синтеза мировоззренческого и практического познания, можно сделать следующие выводы:

1. В основе религиозного познания лежит индивидуальный духовный опыт.

2. Субъективное восприятие догмата и его понимание является формой мировоззренческого неререфлексивного познания, где интенциональности осознающего внимания и активности метода совпадают своей направленностью на предмет.

3. Теология имеет значение в высшей степени практическое, и чем практичнее эта теология, чем непосредственнее устремляется она к высшей своей цели, тем большее значение в процессе познания обретает индивидуальный духовный опыт субъекта познания, а в нём реализуется акт восприятия соответствующих догматов.

Примечания

1. Гусев С. С. Обыденное мировоззрение, структура и способы организации. СПб.: Наука, 1994.
2. Восточные отцы и учителя церкви V века. Антология / Корпус Ареопагитикум. М.: Изд-во МФТИ, 2000. С. 243–416.
3. Rosenzweig F. Gesammelte Schriften. Bd. III. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1984. S. 158.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 355–363.
5. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии. 1991. С. 9.
6. Bergson A. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1931. P. 271.
7. Лосский В. Н. Там же.
8. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. М.: Академический проект, 2005. С. 259–263.
9. Василий (Гондикакис). Входное: Элементы литургического опыта таинства единства в Православной Церкви / пер. с греч. Богородице-Сергиева Пустынь, 2007. С. 29.

УДК 130.1

М. А. Зайченко

К ПРОБЛЕМЕ ПРИСУТСТВИЯ РЕКУРСИВНОГО ПРИНЦИПА В ФЕНОМЕНАХ-КОНСТРУКТАХ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается проблема рекурсивности смыслообразующих структур. Подобная закономерность в общем виде присутствует во фрактальной геометрии. Однако в настоящее время появилась возможность положить рекурсивный принцип в основу новых представлений в области гуманитарных наук. Движение рекурсивности оказывается конструктивным в плане становления синтетического взгляда, органически сопрягающего бытийную целостность и конкретику размерности человека, его трансцендентальные и эмпирические, онтологические и онтические ипостаси.

The article is focused on recursiveness of semantic structures. A similar pattern is present in fractal geometry. At present, however, there is an opportunity to put the recursive principle in the framework of new concepts in the humanities. Movement of recursiveness is constructive in the way of becoming a synthetic view, which organically blends existential integrity and specificity of human dimension, its transcendental and empirical, ontological and ontic incarnation.

Ключевые слова: рекурсивный принцип, феномены-конструкты.

Keywords: recursive principle, phenomena-constructs.

Термин «рекурсия» (от лат. возвращение) заимствован философией из математической логики. Рекурсивный принцип – это принцип самовоспроизведения и одновременного усложнения системы согласно алгоритму собственного разворачивания по аналогии. Главное отличие такой системы заключается в способности к бесконечному усложнению по определенной закономерности. Закономерность заключается в том, что система в своем усложнении каждый раз достраивается до некой динамичной целостности, которая сама в то же время включает в себя множество усложнений. Подобная закономерность в общем виде присутствует во фрактальной геометрии.

Особенностью подобного типа изменений (усложнений) является целостность системы: внутри простого единства присутствует множество состояний.

Данный тип системы относится к нелинейным системам. Исследование нелинейных динамических систем представляет собой актуальную проблему, вызывающую в последнее время все больший интерес. Важность данной проблемы опре-

деляется тем, что процессы, протекающие в нелинейных системах любой природы, в большинстве случаев нельзя рассматривать как чисто детерминированные или чисто случайные. Они, как правило, являются результатом совместного действия детерминированного оператора эволюции и случайных сил. Совместное действие этих сил приводит к многообразию наблюдаемых явлений.

Важная черта, присущая большинству случайных явлений и всем хаотическим системам, – это свойство перемешивания (усложнения). Для системы с перемешиванием изначально разные фазы со временем преобразуются таким образом, что становится невозможно их разделить. Перемешивание в системе ведет к потере памяти о начальном состоянии, эргодичности, существованию инвариантной вероятностной меры [1]. Случайные силы неизбежно присутствуют в любой нелинейной системе, порождая стохастическую составляющую. С другой стороны, детерминированный хаос очень характерен для большинства нелинейных систем. Таким образом, свойство перемешивания (усложнения) в системе может быть связано как со случайной, так и с детерминированной составляющими эволюционного процесса.

Термин «нелинейность» можно считать синонимом термина «взаимодействие». Сейчас мы осознаем, что наш мир не только не линеен, но и фрактален. В конце XX в. в связи с созданием французским математиком Б. Мандельбротом общей концепции фракталов появилась возможность положить их в основу новых представлений в области как естественных, так и гуманитарных наук. Стало возможным говорить о самоорганизации мира медиа, мира Internet, который вовсе не стремится к равновесию. К примеру, медиа на сегодняшний день не только выступает как средство передачи информации или взаимодействия, но и обладает собственной смыслообразующей, мирообразующей тенденцией, порождающей специфические культурные практики, для осмысления которых философам надо искать новые языки и методы. Этот мир, создающий совершенно новые возможности для функционирования культуры, требует не только введения новых терминов и метафор для его описания, но и обращения философов к общенаучным понятиям, применимым как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах.

Модный тезис о наметившемся в современной науке антропологическом повороте нуждается по меньшей мере в критической рефлексии. Углубляющаяся дифференциация и специализация науки затрудняет возможность интеграции знаний о человеке и его взаимоотношении с миром, а также разрабатывать методологический органон, который бы позволил это сделать. Движение ре-

курсивности, выполняя функцию деструкции (предметности), оказывается конструктивным в плане становления синтетического взгляда, органически сопрягающего бытийную целостность и конкретику размерности человека, его трансцендентальные и эмпирические, онтологические и онтические ипостаси.

В данной статье мы ставим перед собой задачу введения контекста фрактальной концепции в целях достижения практики узнавания рекурсивного принципа не только в феноменах математики (геометрических множествах, решениях нелинейных уравнений), но и в феноменах-конструктах философии.

Первые идеи фракталов возникли в XIX в. Немецкий математик и философ Георг Кантор с помощью рекурсивной (повторяющей себя) процедуры преобразил линию в набор несвязанных точек («Пыль Кантора»). Он брал линию и удалял центральную треть, после этого повторял то же самое с оставшимися отрезками. Итальянский математик Д. Пеано создал особый вид линии. На первом шаге он брал прямую линию и заменил ее на 9 отрезков длиной в три раза меньшей, чем длина исходной линии. Далее то же самое он проделывал с каждым отрезком получившейся линии. И так до бесконечности. Вплоть до XX в. шло накопление данных о таких странных объектах, без какой-либо попытки их систематизировать. Так продолжалось до тех пор, пока к ним не обратился Бенуа Мандельброт – основоположник современной фрактальной геометрии.

Б. Мандельброт образовал слово «фрактал» от латинского *fractus*, что означает разбитый (поделенный на части) [2]. Глагол *frangere* переводится как «ломать, разламывать», то есть создавать фрагмент неправильный по форме. Введение понятия было обусловлено переходом от гладких фигур к иррегулярным, неправильным и фрагментарным. Понятие фрактала вводится при помощи размерности множества. Эта размерность относится к числу пространственных координат, в которых существует данное множество. Клубок нитей покажется удаленному наблюдателю точкой с размерностью 0. Вблизи он становится телом с размерностью 3. При следующем приближении – это переплетение нитей с размерностью 1 и так далее. Процесс переключения размерностей становится периодическим. Речь идет о зависимости результата от взаимодействия объекта и наблюдателя. Сродни этому задача точного измерения береговой линии. При увеличении масштаба картограф получает все новые и новые детали и изгибы линии. Она может быть столь изрезанной, что с уменьшением единицы масштаба ее длина не сходится к конечному пределу, а увеличивается по степенному закону. Показатель этой степени в общем случае не за-

висит от выбранной единицы измерения и называется фрактальной размерностью линии. Она и описывает меру фрагментации и нерегулярности объекта. Фракталом называется множество, размерность которого строго больше его топологической размерности.

Большинство математических фракталов инвариантны относительно масштабных преобразований. Это означает, что они сохраняют форму и внутреннюю сложность, сколь бы малую область фрактала мы ни взяли. Б. Мандельброт указывает, однако, на существование несамоподобных фракталов. Среди них – аполлониева упаковка, вариант которой был описан Лейбницем: наиболее плотное заполнение пространства достигается при последовательной (аполлониевой) упаковке. Сначала в заданный объем максимально плотно (упорядоченно или аморфно, в зависимости от выбранной модели), укладываются сферы максимального радиуса, затем промежутки между ними заполняются максимально подходящими по размеру более мелкими сферами, вновь образовавшиеся полости таким же образом заполняются еще более мелкими сферами и так далее, пока пространство не будет заполнено. Радиусы сфер на каждом этапе заполнения вычисляются (при регулярной упаковке) или подбираются экспериментально. С помощью такой упаковки можно достичь плотности заполнения – сколь угодно близкой к единице. Рассматриваемое заполнение приводит к образованию фрактальной структуры. Такие фракталы не самоподобны, но рекурсивны, поскольку производят сами себя посредством одной и той же простой процедуры, давая множественность различных вариаций.

Можно согласиться с нашим отечественным ученым В. В. Тарасенко, который предлагает выстраивать определение понятия «фрактал» через платоновское Единое, поскольку оно так же самодостаточно и не нуждается во внешней шкале масштабов или внешнем пространстве для динамического погружения в себя (вычисления своих составляющих) [3]. Фрактальные структуры можно описать как неоплатоническое «едино-многое», поскольку без самовоспроизведения, порождающего внутреннюю множественность, фрактальная форма немислима. Однако еще до Платона натурфилософия повествует о Едином, о встрече Единого и Логоса: «душе присущ Логос, сам себя умножающий» [4]. Пафос натурфилософии выражен Гераклитом: «Надо следовать всеобщему. Но хотя Логос всеобщ, толпа живет так, как если бы каждый имел собственное понимание» (Там же). Парменид утверждает изначальную самодостаточность и первичность Единого, его самодовлеющее в-себе-бытие. Единое – самодовлеющее в-себе-и-для-себя бытие, абсо-

лютная реальность, мыслящая саму себя, обладающая всей полнотой своей осуществленности. В античной натурфилософии есть и другое решение проблемы Единого, преломленное аполлонийской рациональностью и, по сути, прямо противоположное парменидовскому решению, некоторый фальсифицированный вариант решения Единого, а именно утверждающий, что Единое как субстрат, порождающий частные вещи, и эти самые вещи суть одно. Субстрат есть не больше и не меньше, как все вместе взятые частные вещи: «Никакая вещь не умирает и не рождается, но все есть следствие процессов соединения и разделения, поэтому правильно говорить: родиться – стать согласным, а умереть, значит, распасться» [5]. Но при отождествлении субстрата и вещей становится очевидной недостаточность этого тождества, для того чтобы быть моделью универсума, потому что в этом случае субстрат, представляющий все индивидуальные вещи, должен представлять их в равной мере. Это означает, что субстрат должен снять в себе индивидуальность всякой вещи, ее обособленность, следовательно, содержать их не как отдельные друг от друга, а как размытые друг в друге. Отсюда и формула такого субстрата: «все во всем». Но тогда вещи как таковые отличаются от субстрата своей «поднятостью» из смешанной массы, «целенностью», собранностью, «отграниченностью». Здесь и проявляется действие некой разумной и упорядочивающей силы – Анаксагорова Ума, имеющего понятие о целесообразности и форме, то есть знающего абстрактные структуры в качестве смысла отдельных вещей. Итак, получается, что каждая вещь повторяет собой субстрат, имея в себе все другие вещи, однако ее преобладание в себе самой делает определенную вещь этой самой вещью.

В отношении фрактала перестают работать традиционные противопоставления: непрерывного и дискретного – оставаясь единым объектом, фрактал может быть топологически не связанным, в его фрагментах любой малости может обнаружиться разрыв; простого и сложного – простое правило рождает бесконечную сложность форм; целого и части – неясно даже, что считать частью фрактала, поскольку их бесконечно много, они наложены друг на друга, перепутаны. Перестает также действовать понятие границы, поскольку существуют фракталы, состоящие только из граничных точек, а сама граница не схватывается ввиду своей «подвижности».

Фрактал – это не статичная фигура с заданной формой, это вообще не «предмет». Он постоянно меняется. Фрактал можно назвать бесконечным изменением самого себя. Этот процесс рекурсивен, обращен на себя. Изменяющаяся природа фрактала – это не движение во внеш-

нем пространстве, а самодвижение, движение вглубь себя. Фрактал есть всегда незавершенность, становление.

Применительно к фракталам становится проблемой их тождество и различие. Сравнить объекты, у которых каждая точка меняется при ее рассмотрении в другом масштабе, становится невозможным. Более того, проблематичным становится тождество фрактала с самим собой. На каждой фазе описания или определения «формы» фрактал демонстрирует ее неполноту, что в конечном итоге приводит к тому, что остается только переход в чистом становлении. Классические примеры фракталов – «снежинка Коха», «треугольник Серпинского». Из этих фракталов очень интересным и довольно знаменитым является первый – снежинка Коха. Строится она на основе равностороннего треугольника, каждая линия которого _____ заменяется на 4 линии каждая длиной в $1/3$ исходной $\_/\_$. Таким образом, с каждой итерацией длина кривой увеличивается на треть. И если мы сделаем бесконечное число итераций, получим фрактал – снежинку Коха бесконечной длины. Другое свойство фракталов – самоподобие. Возьмем, например, «треугольник Серпинского». Для его построения из центра треугольника мысленно вырежем часть треугольной формы, который своими вершинами будет упираться в середины сторон исходного треугольника. Повторим эту же процедуру для трех образовавшихся треугольников (за исключением центрального) и так до бесконечности. Если мы теперь возьмем любой из образовавшихся треугольников и увеличим его, то получим точную копию целого. В данном случае мы имеем дело с полным самоподобием.

Понятие фрактала неразрывно связано с понятием хаоса. Хаос – это отсутствие предсказуемости. Хаос возникает в динамических системах, когда для двух очень близких начальных значений система ведет себя совершенно по-разному. Пример хаотичной динамической системы – погода. Известна знаменитая шутка метеорологов: взмах крыла бабочки в Техасе приводит к урагану во Флориде.

Было обнаружено множество природных объектов, строение которых сходно рекурсивно. Это и ветви деревьев, повторяющие более крупные ветви, повторяющие ствол, и снежинки, и кровеносные пути и нервы, разветвляющиеся на более мелкие пути, которые ветвятся на еще более мелкие, и карта полушарий головного мозга,

да и любая карта, при увеличении масштаба превращающаяся в иную карту, фрагмент которой при следующем увеличении есть еще одна схожая карта, и так далее.

Эти сложные геометрические объекты привлекают неизменный интерес как математиков, так и людей, чрезвычайно от нее далеких, своей завораживающей и повторяющейся красотой, подобной красоте сменяющих друг друга картинок в калейдоскопе. Сходные последовательные изображения погружают зрителя в волшебный «ирреальный» мир, очаровывают идеей бесконечного повторения, тождества и подобия в масштабе, пространстве и времени.

Представления о фракталах характерны для человеческой мысли с давних времен, несмотря на то, что мыслители не были знакомы с этим термином. Сходные структуры знали уже древние греки, использовавшие для обозначения подобных фигур термин «гномоны». Гномоном называли рамку плотника, которой измеряли прямые углы. Такая рамка, если ее приложить к квадрату, образует квадрат большего размера. То же название, гномон, получила у Герона Александрийского и геометрическая форма, дополняющая квадрат до квадрата большей площади.

Спектр применения фракталов постоянно расширяется. Сегодня он применяется и к характеристике информационного пространства, и к характеристике бытия в целом. Происходит постоянное создание ирреальности, симуляции реальности, мир превращается в «текст». Воплощение концепции мира, равного тексту, приводит к тому, что текст становится альтернативной реальностью. Грань между материалом и текстом, то есть действительностью и ее осмыслением, полностью стирается. В основе такого мира оказывается полифония (перемешивание-усложнение) культурных миров, выстраивающихся по законам языковой игры и случайности – в сущности, рекурсивности.

Примечания

1. Корнфельд И. П., Синай Я. Г., Фомин С. В. Эргодическая теория. М.: Наука, 1980. С. 56.
2. Mandelbrot B. B. The Fractal Geometry of Nature // W. H. Freeman. New York. 1983. P. 206.
3. Тарасенко В. В. Концепция фрактала: становление языка междисциплинарного диалога // Философские исследования. 2000. № 1. С. 76.
4. *Гераклит*. Фрагменты. М.: Директ-Медиа, 2002. С. 43.
5. *Маковельский А. О.* Досократики. Казань, 1919. Ч. 3. С. 158–159.

УДК 165.8

С. А. Чернова

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ЗНАНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ

Научная картина мира – модель устройства действительности. Анализ эволюции понятия «научная картина мира» дает возможность рассмотреть ее с точки зрения гносеологических и логических характеристик, а также выделить основные факторы ее развития.

The scientific world view is a model of reality. Analysis of the evolution of the «scientific picture of the world» concept makes it possible to consider the problem in epistemological and logical terms, as well as to identify the main factors of its development.

Ключевые слова: картина мира, мировоззрение, физическая реальность, синергетическая парадигма, человек в картине мира.

Keywords: picture of the world, Weltanschauung, physical reality, the synergetic paradigm, man in the picture of the world.

На основе знаний современной науки возникает научная картина мира – единая концептуальная система, модель устройства действительности. Научная картина мира (далее – НКМ) – это целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях действительности, построенная в результате обобщения и синтеза фундаментальных научных понятий и принципов.

Различают общенаучную картину мира, которая включает представления обо всей действительности (природе, обществе, самом познании), и естественнонаучную картину мира, которая синтезирует физическую, астрономическую, химическую, биологическую картины. Каждая отдельная картина мира строится на основе соответствующих фундаментальных научных теорий, кроме того, включает представления о логике, критерии «здорового смысла», а также своего рода «этические нормы науки» [1]. По мере развития практики и познания одни научные картины мира сменяются другими.

Каждый значительный этап в истории науки начинается с того, что прежняя схема действительности обнаруживает свою недостаточность. Происходит дифференциация познавательного процесса, а это стимулирует взаимное обособление научных теорий и областей науки. Накопленный материал позволяет совершить прорыв в науке и на основе открытия более фундаментального закона достичь нового теоретического синтеза. Результатом этого интеграционного процесса является новая концепция НКМ.

Обратимся к истории понятия «научная картина мира». Вклад в разработку этого понятия был внесен как учеными-естествоиспытателями, так и философами. Важным стимулом послужили революционные сдвиги в естествознании на рубеже XIX–XX вв., когда возникла проблема выбора и обоснования онтологических постулатов физики. Необходимо было выяснить, в какой степени физические понятия выражают сущность изучаемых объектов и процессов. Предполагалось, что опытное подтверждение позволит обнаружить признаки изучаемых объектов в природе. Но уже в первой половине XIX в. выяснилось, что флогистон и теплород, позволившие описывать и объяснять опыт, не имеют аналогов в природе. А рубеж XIX–XX вв. выявил иллюзорность эфира и неделимости атома. Революция в физической науке XIX–XX вв. обнаружила ограниченность прежнего способа мышления и продемонстрировала радикальную изменчивость научных понятий.

Обсуждение проблемы соотношения фундаментальных понятий науки с реальностью привело к появлению новых характеристик НКМ. Так, М. Планк утверждал, что идеалом естествознания является построение объективной картины мира, и ставил вопрос: чем является то, что мы называем физической картиной мира? Является ли картина мира более или менее произвольным созданием нашего ума или отражает реальные, совершенно не зависящие от нас явления природы? С его точки зрения, для естественнонаучного исследования характерно стремление найти постоянную, не зависящую от смены эпох картину мира. В этом смысле «уже картина мира, хотя она еще сверкает различными красками в зависимости от личности исследователя, все же содержит в себе некоторые черты, которых больше не изгладит никакая революция ни в природе, ни в мире человеческой мысли. Этот постоянный элемент, не зависящий ни от какой человеческой и даже ни от какой вообще мыслящей индивидуальности, и составляет то, что мы называем реальностью» [2].

М. Планк подчеркивал, что изменение и развитие научной картины не уничтожает этих постоянных элементов, а сохраняет их, добавляя к ним новые элементы. Так осуществляется преемственность в развитии научной картины мира и все более глубокое отражение мира в научном познании. Наличие в научной картине мира элементов, которые соответствуют объективной реальности, позволяет до определенного момента отождествлять эту картину с самим миром. Планк отмечал, что выдающиеся исследователи (Коперник, Кеплер, Ньютон, Гюйгенс, Фарадей) сделали свои открытия только благодаря тому, что

«опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [3].

Смена физических картин мира показывает, что не все их элементы могут быть сопоставимы с объективной реальностью. А. Эйнштейн вводит понятие «физическая реальность» для обозначения основы физического познания и рассматривает это понятие в нескольких аспектах. Во-первых, физическая реальность есть объективный мир, существующий вне и независимо от человеческого познания: «Вера в существование внешнего мира независимо от воспринимающего субъекта лежит в основе всего естествознания» [4]. Однако очевидно, что то, как мы воспринимаем изучаемый мир и какой нам видится структура этого мира, зависит от уровня развития познания и практики, от системы концептуальных средств, применяемых при описании мира. Во-вторых, термин «физическая реальность» используется для «рассмотрения теоретизированного мира как совокупности теоретических объектов, репрезентирующих свойства реального мира в рамках данной физической теории» [5].

Также А. Эйнштейн учитывает различие в описании реальности на эмпирическом и теоретическом уровнях. Соответственно этому он отмечал различие в картинах мира физика-экспериментатора и физика-теоретика. Проводя сопоставление этих картин, он отдаёт предпочтение последней на том основании, что «благодаря использованию математики эта картина удовлетворяет наиболее высоким требованиям в отношении строгости и точности выражения взаимозависимостей» [6].

Вслед за М. Планком А. Эйнштейн подчеркивал, что всякая картина мира в науке упрощает и схематизирует действительность, но благодаря этому она выявляет ее существенные стороны. Это позволяет до определенного момента (пока исследователь не обнаружит новые, ранее неизвестные аспекты реальности) отождествлять картину мира с самим миром.

Великие ученые – Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг рассматривали развитие физической картины мира как результат обнаружения в процессе познания новых свойств и аспектов природы, не учтенных в прежних картинах. Здесь ясно обнаруживалась недостаточность и схематичность старых теорий, и они перестраивались в новую научную картину.

М. Борн, обобщая опыт исторического развития физики, отмечал, что каждая физическая картина мира имеет свои границы, но, пока мышление не наталкивается на преграды внешнего мира, эти границы не видны. Они обнаруживаются самим развитием физики, открытием новых фактов, выявляющих действие новых законов природы.

Наука не может ограничиваться дисциплинарными знаниями типа физической НКМ. Окружающий нас мир представляет собой бесконечное многообразие явлений, и важное место в нем принадлежит жизни. По мнению В. И. Вернадского, наряду с физическим существует «натуралистическое» понимание о мире, «более сложное и более для нас близкое и реальное, которое пока тесно связано не со всем Космосом, но с его частью – с нашей планетой, то представление, какое всякий натуралист, изучающий описательные науки, имеет об окружающей его природе. В это представление всегда входит новый элемент, отсутствующий в построениях космогонии, теоретической физики или механики, – элемент живого» [7]. Вернадский фиксировал естественнонаучную картину мира в качестве особой формы систематизации и синтеза знаний, получаемых в науках естественнонаучного цикла. В его высказываниях можно найти такую важную мысль, что есть основания вести речь и об общенаучной картине мира, которая органично соединяет представления о развитии неживой материи и о биологической и социальной эволюции. Аналогичные идеи высказывались и другими естествоиспытателями XX в. Так, Н. Винер писал о необходимости построения такой картины мира, которая свяжет воедино достижения физики, кибернетики, биологии и других наук [8].

Взаимодействие НКМ с научным знанием и культурой эпохи рассматривает в своих работах В. С. Степин [9]. По его мнению, НКМ является одной из основных форм отражения действительности, которая не сводится к мировоззрению, хотя и родственна ему. Мировоззрение и НКМ выступают как взаимопересекающиеся системы знаний, потому что и НКМ включает определенную оценочную ориентацию. НКМ содержит также и социальные элементы, но в ней они выражены в меньшей степени из-за значительной научной конкретизации. Выступая в виде определенной системы идей и принципов, НКМ служит предпосылкой построения конкретных научных теорий и тем самым выполняет свою методологическую функцию.

Согласно В. Ф. Черноволенко, НКМ – это такая форма систематизации знания, где происходит синтез результатов исследования конкретных наук со знанием общего мировоззренческого порядка как совокупностью практического и теоретического опыта человечества. Из конкретных наук НКМ берет содержание понятий, а из мировоззрения – категориальный аппарат и принципы его организации в исторически устойчивые структуры [10]. НКМ и мировоззрение содержат научную информацию, совокупность знаний, идей, являющихся отражением объективной реальности и процесса ее познания. Но объем

этих знаний в каждой из названных сфер неодинаков. В НКМ знания отражены полнее и шире, чем объем знаний, лежащих в основе общего мировоззрения, которое может не включать научные результаты. НКМ содержит концентрированные формы теоретических знаний, мировоззрение же включает обыденные знания, а также систему убеждений, оценок и ценностных чувств. НКМ и общее мировоззрение являются формами целостной интеграции, хотя степень этого охвата в мировоззрении значительно полнее.

НКМ и мировоззрение не только отражают объективную реальность, но играют методологическую роль в науке и практике. При этом следует иметь в виду, что у некоторых форм мировоззрения методологические функции могут быть представлены ярко: так, философия способна выполнять роль *всеобщей* методологии научного познания. И если НКМ также проявляет методологические функции, то встает вопрос о некотором ее единстве с теоретическим мировоззрением.

Научная картина мира интегрирует наиболее важные достижения естественных, гуманитарных и технических наук, например представления о кварках и синергетических процессах, о генах, экосистемах и биосфере, об обществе как целостной системе. Сначала они развиваются как фундаментальные идеи и представления соответствующих дисциплинарных онтологий, а затем включаются в научную картину мира.

Рассматривая НКМ со стороны ее *гносеологических характеристик*, выделяют следующие черты этой формы систематизации знаний.

Во-первых, можно говорить о ее стабильности и даже «консерватизме» по отношению к частным научным теориям и концепциям меньшей степени общности. Картину мира рассматривают как «устойчивость принципов», лежащих в основании научного знания и служащих своеобразным теоретическим каркасом для построения науки на определенном этапе ее развития. Эта устойчивость принципов используется в науке также и для выдвижения критерия оценки новых идей, концепций, теорий.

М. Борн говорил о существовании общих тенденций мысли, изменяющихся очень медленно и образующих определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. «Паули употребил выражение “стили”: стили мышления – стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются относительно априорными по отношению к данному периоду» [11]. Аналогич-

ное понимание картины мира встречается у Н. Бора, Луи де-Бройля [12].

Речь идет о некоторой устойчивой форме организации научного материала, обеспечивающей функционирование и развитие науки в течение достаточно длительного периода времени, после чего сменяется новой соответствующей формой. История науки в результате предстает как непрерывно-прерывный процесс, а переход от одной картины мира к другой выступает как качественное преобразование теоретических принципов науки, то есть как научная революция.

Новая картина мира сначала выдвигается как гипотеза, которая проходит этап обоснования и может длительное время сосуществовать рядом с прежней картиной. Чаще всего она утверждается в результате проверки опытом принципов и использования этих принципов для новых теорий.

Во-вторых, в НКМ результаты познавательной деятельности выступают как некоторый синтез научных абстракций (понятий, теорий) с чувственно воспринимаемыми образами действительности. Современная наука не может обойтись без того, чтобы не создавать некоторых наглядно представленных моделей изучаемых объектов, не проецировать теоретическое знание на непосредственно данную нам в формах чувственности предметную действительность. Как замечает И. Б. Михайлова, общий результат познания на любом этапе представляет собой конкретную картину мира, то есть единство системы понятий и наглядных моделей действительности. Такая картина, образ реальных процессов и явлений, проецируемый на чувственно воспринимаемый в процессе практики мир, как бы сливается с ним, делая его тем самым понятным, осмысленным, познанным и поэтому доступным практическому воздействию. Только представляемая в результате познания картина действительности, образ-модель явлений, процессов позволяет овладевать ими, позволяет в практической деятельности проецировать знание на сам предмет [13].

Можно выделять *логическую* составляющую НКМ в виде концептуального аппарата, которым пользуется научное мышление на определенном этапе своего развития. При этом понятия выступают как система сконцентрированного опыта в данной области знания, они связаны между собой, переходят друг в друга, образуя определенную систему, которая с известным приближением отражает «систему мира».

Переход от одной картины мира к другой сопровождается устранением из научного обихода одних понятий и выработкой других. Так, в механической картине мира «биологизирования» физики Аристотеля сменились такими понятиями, как материальная точка, масса, инерция, им-

пульс, прямолинейное движение, сила, ускорение и др. Периоду «флюидного» естествознания соответствовал набор специфических понятий о «силах природы» (теплороде, магнетизме, жизненной силе). В середине XIX в. переход к новой монистической схеме связан с появлением представлений о различных видах энергии, способных переходить друг в друга.

Квантово-релятивистская картина мира также включила в себя ряд новых понятий: квантовое число, волновая функция, корпускулярно-волновой дуализм, античастицы, принцип неопределенности, принцип дополнительности и т. д. Эти элементы соответствующим образом углубляют и конкретизируют общеполитические категории, обогащая систему научного мышления.

При выработке новых научных понятий часто используются старые терминологические оболочки. Например, понятие энергии имелось в механике в XVII–XVIII вв., но свой общеполитический смысл оно смогло приобрести лишь после открытия законов термодинамики в первой половине XIX в. Аналогичным образом обстоит дело и с понятием атома. Атомы Демокрита, атомы Дальтона и атомы современной физики – это далеко не одно и то же, хотя во всех случаях разные понятия обозначались одним словом.

Современная наука находит адекватные средства решения новых глобальных проблем, в том числе предметного мира, создаваемого человеком, начинают осваиваться живые системы, основанные на принципе саморегуляции. В 80-е гг. XX в. наука приблизилась к открытию законов, обеспечивающих целостность развивающихся природных систем. Об этом свидетельствует создание синергетических теорий самоорганизации сложных систем. Синергетика, математически описывая необратимые качественные изменения при переходе от простого к сложному, становится главным теоретическим средством описания развивающихся систем. Соответственно этому стержнем современной научной картины становится эволюционно-синергетическая парадигма, которая отличает современный взгляд на мир от подходов классического и неклассического естествознания (См. работы Э. Витола, Ю. Г. Рудого, В. В. Свиридова, А. Д. Суханова).

И. С. Добронравова отмечает, что синергетика является первой общенаучной исследовательской программой и выделяет ее главный принцип – нелинейность мышления [14]. Нелинейность состоит в нарушении симметрии, в переходе от хаоса к порядку и рождению новых структур. Здесь предполагается нарушение симметрии хаотических флуктуаций вакуума при зарождении Вселенной в космологии и нарушение локальных симметрий при последовательных фазовых переходах расширяющейся Вселенной.

На основе случайного выбора одного из решений в точке бифуркации возникает энтропийный барьер, разделяющий прошлое и настоящее. Нарушение пространственной симметрии происходит при возникновении структур типа ячеек Бенара, автоколебаний и реакции Белоусова – Жаботинского. Такое спонтанное нарушение симметрии при образовании диссипативных структур также влечет за собой возникновение структурных различий, определяющих уровень порядка.

Еще один важный методологический момент в описании развития – самоорганизация. Речь идет о переоценке принципа «случайность как дополнение необходимости». Развитие самоорганизующихся систем предсказать классически невозможно, можно лишь просчитать пути возможных вариантов эволюции системы, но какой именно будет выбран путь, решает игра случайностей. История конкретного объекта понимается как цепь бифуркаций со случайным выбором, открывающим впереди разные наборы возможностей. Все это говорит о том, что случайность не дополняет необходимость, а является ее главной формой. Малые изменения параметров системы способны повлиять на очень сильные изменения самой системы. На этом основании и понимание самопроизвольности появления нового, т. е. естественного хода развития, и обоснование возможности человека разумно вмешиваться в ход развития.

Открытие того факта, что даже слабые флуктуации, вносимые человеком в природное существование, могут иметь планетарные последствия, обнажает в еще большей степени единство человека и природы, природы и общества. И это должно привести к новому пониманию ответственности человека за свои действия.

Итак, в современной научной картине мира реальность предстает как становящаяся и развивающаяся. И в этой картине мира все большее место занимает человек в качестве одного из факторов этого становления и развития.

Примечания

1. Мартынов Д. Я., Казютинский В. В., Цицин Ф. А. Вселенная. Астрономия. Философия. М.: Знание, 1988. С. 8.
2. Планк М. Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966. С. 48.
3. Там же.
4. Мартынов Д. Я., Казютинский В. В., Цицин Ф. А. Вселенная ... С. 136.
5. Шмутцер Э. Теория относительности – современное представление. Путь к единству физики. М.: Мир, 1981. С. 33.
6. Там же. С. 40.
7. Вернадский В. И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. С. 134.
8. Планк М. Единство физической картины мира...

9. *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М: «Прогресс – Традиция», 2000.

10. *Черволенко В. Ф.* Мировоззрение и научное познание. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1970. С. 122–123.

11. *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 227.

12. Там же.

13. *Михайлова И. Б.* Характер представлений в современной науке // *Философские науки.* 1963. № 2. С. 49.

14. *Добронравова И. С.* Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев: Лыбидь, 1990. С. 43.

УДК 141.32:111.7

И. А. Кушова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

В статье рассматриваются основные проблемы экзистенциализма: жизни, смерти, свободы и ответственности, которые нуждаются в теоретическом осмыслении и практическом разрешении на любом этапе развития человеческой цивилизации. Философы-экзистенциалисты, в том числе и Ж.-П. Сартр, считали, что именно в экстремальных ситуациях человек лишается иллюзий: перед лицом одиночества и в момент гибели. В минуты просветления он ясно осознает свою смертную суть, зыбкость и парадоксальность окружающего мира. С точки зрения экзистенциалистов, жизнь – это единственная реальность, которая есть у человека, он может испытывать себя и свою судьбу на прочность, может оставаться равнодушным и боязливым, но он вправе объявить бессмысленную войну и дойти до крайней точки самоотрицания, добравшись до самой глубины «Ничто». И всё это только лишь для того, чтобы свободным и справедливым вернуться к самому себе.

The article examines the main problems of existentialism: the problem of life, death, freedom and responsibility that require theoretical understanding and practical solution at any stage of development of human civilization. Existentialist philosophers, including J. -P. Sartre, believed that it was in extreme situations that a person is deprived of illusions: in the face of loneliness and death. In the moments of revelation, he is acutely aware of his mortal essence, fragility and paradoxicality of the surrounding world. From the existentialists' point of view, life is the only reality that a person has, he may try himself and his fate, he can remain indifferent and timid, but he has the right to declare a meaningless war and to reach the extreme point of self-denial, achieving the depth of Nothing. And all this is done only in order to return to himself, free and fair.

Ключевые слова: экзистенциализм, человек, жизнь, смерть, свобода, ответственность.

Keywords: existentialism, man, life, death, freedom, responsibility.

Жизнь до того, как мы ее проживем, – ничто, но это от вас зависит придать ей смысл.

Ж.-П. Сартр

Проблемы, исследуемые философией экзистенциализма, вызывают особый интерес в контексте смены научных парадигм, отвечающих запросам техногенной цивилизации. Техногенная цивилизация переживает сегодня духовно-интеллектуальный кризис. Конец XX – начало XXI в. принесли серьёзную переоценку всех возможностей человека, не случайно в начале XXI в. он снова стал задумываться о границах свободы, проблеме одиночества и неизбежности смерти. События, происходящие сегодня в мире, – международные войны, природные катаклизмы, техногенные катастрофы, мировой терроризм – лишь подтвердили тот факт, что общество, на каком бы высоком уровне технического и этического развития оно ни находилось, не может защитить человека от дыхания хаоса, непредвиденных обстоятельств, абсурдных злодеяний, бессмысленных войн и парадоксальных помыслов.

Система современного социума не имеет достаточной прочности, она не в состоянии не только предотвратить действия экстремистов, но и защитить человека от самого себя. На самом деле, одним из мучительных и, разумеется, неразрешённых вопросов остается очень личный вопрос для каждого: каков смысл пребывания человека на земле? Встречаем ли мы рассвет или провожаем закат, уходим на работу или возвращаемся домой – этот вопрос встает перед нами, как собственное отражение в зеркале.

Граждане Древнего Рима, перед тем как попроситься, назидательно желали друг другу «помнить о смерти», а философы-экзистенциалисты полагали, что бояться смерти так же глупо, как и не доверять жизни. Французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр напишет по этому поводу: абсурд, что мы родились, абсурд, что мы умираем [1].

XX век – век, в котором миф о техническом прогрессе должен был воплотиться в реальность, обернувшийся кровавой чередой революций, мировыми войнами, проявлениями чудовищной жестокости, перед которыми меркли средневековые пытки инквизиции, тоталитарными режимами. Прозвучавшее над Европой чуть раньше высказывание Ф. Ницше «Бог умер!» – слова, которые он ассоциировал с главным, с его точки зрения, событием новейшего времени – раскрытием полной пустоты во всем, чем жила культура и цивилизация, провалом нравственности и духовности в Ничто, торжеством нигилизма. Нигилизм отбросил всякое лицедейство, всякую игру в при-

личия «бросил свою тень на всю Европу» [2]. Виновниками «смерти Бога» Ф. Ницше объявил христиан за то, что служители церкви на своих мессах, в проповедях, в религиозной литературе извратили те духовные истины, которые принёс Иисус людям.

М. Хайдеггер комментировал это положение согласно своим исканиям Бытия: Бог, с точки зрения философа, – это наименование сферы идей, идеалов... Слова «Бог мертв» означают, напишет М. Хайдеггер, то, что сверхчувственный мир лишился своей действенной силы. Он не подает признаков жизни. Пришел конец метафизике... не остается вовсе ничего, что могло бы удерживать его, на что мог бы опереться и чем мог бы направляться человек [3]. Не следует, с точки зрения философа, считать слова «Бог мертв» формулой неверия, потому что спор с христианством отнюдь не обязательно должен повлечь за собой борьбу с христианским духом.

В конце 30-х гг. XX в. хвастливые, многообещающие бредни властолюбцев и тщеславных мечтателей обратились в фашистское настоящее. С тех пор ни один западный философ, социолог, литератор не имел права рассуждать об абстрактном, игнорируя факт Второй мировой войны. Пожалуй, все искали объяснения причин: одни обвиняли Бога, другие проклинали Люцифера, третьи возложили ответственность на человека и его свободную волю, четвертые ссылались на классовую борьбу в эпоху империализма. Казалось, что все происходящее – преступление, чудовищная ошибка. И только философы-экзистенциалисты смотрели на вещи принципиально иначе, считая, что главная трагедия человека заключается в его конечной и абсурдной природе. До тех пор, пока человек погружен в суету обыденности, он слеп и невменяем, и только в пограничных состояниях, не имеющих ничего общего с бытовой повседневностью, у человека появляется способность отвечать своему назначению: существовать, балансируя, подобно акробату-канатоходцу, над океаном пустоты.

Первоначально представители академической мысли считали экзистенциализм бесперспективным направлением в философии, хотя вскоре «философия существования» превратилась в крупное и влиятельное идейное движение. Значительную роль в становлении экзистенциализма сыграла философия Ф. Ницше, феноменология Э. Гуссерля и С. Кьеркегора, а его ведущими представителями можно считать М. Хайдеггера, Ф. Брентано, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, А. Камю, Ф. Достоевского. Философские трактаты и художественные произведения этих мыслителей полностью изменили представления о человеке и мире, сути и характере нашего пребывания на земле.

В основу экзистенциализма были положены проблемы смысла жизни, проецирования человеческого сознания во времени и пространстве, одиночества, свободы, влекущей за собой ответственность, и, наконец, предназначения смерти. В каком-то смысле экзистенциализм был немногим подобен религии: устанавливая ценности, философы данного направления диктовали кодекс поведения. Но характер этих ценностей чрезвычайно аскетичен в отношении надежд и иллюзий, поскольку существование человека трагично, оно трагично даже тогда, когда человек пребывает в состоянии радости, и любая попытка обольщением, верой или иллюзией выйти за пределы этой трагедии есть самообман.

Идеи философов-экзистенциалистов резонировали с событиями, происходившими в XX в., полном противоречивых споров о роли и месте человека в обществе, в истории, в масштабах вселенной. Центральная проблема «философии существования» является не фундаментальный принцип бытия, не универсальный закон глобальных процессов во Вселенной, не ценности и идеалы общечеловеческой морали, а уникальные переживания и чаяния отдельного человека (индивида) – его экзистенция.

В философии начиная с античных времён свобода рассматривалась как возвышенная и желанная, но едва ли как достигаемая цель. Экзистенциализм же рассматривает элемент свободы как фундаментальное качество человека, которое может быть и тяжёлым бременем, и спасительным путём к преодолению одиночества, страха, отчуждения.

Философ-экзистенциалист М. Хайдеггер предполагает, что, отказываясь от себя самого, боясь принятия ответственного решения, человек обезличивается, поглощается общей невнятистью. Человек, ценящий свою свободу «здесь и сейчас», становится ответственным как перед самим собой, так и перед обществом. Чувство свободного человека – это чувство вины за все происходящее вокруг него, за собственное несовершенство [4]. Но при этом участь смертного парадоксальна: он должен выбирать, хотя и не имеет никаких внешних оснований для выбора. Он брошен в жизнь, в определенную ситуацию, и именно она есть единственно данная ему реальность – другой не будет. Абсурдно пытаться выйти из неё: уход в никуда не решает главной проблемы, но при этом было бы глупо целиком и безвольно отдаться во власть обстоятельств, подчиниться им – на что-то же дана смертному свобода выбора?

Человек всегда может выйти за пределы самого себя, стать чем-то большим, чем он есть. «Человек – это то, что следует преодолеть», – пишет в своём философском трактате «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартр [5].

Нет ничего вечного, всё рушится и умирает в силу конечности самой экзистенции, человек может научиться жить, любить, при этом осознавая, как быстротечен мир. Человек осознаёт свою смертность, его существование направлено к смерти, оно есть «Бытие к смерти». Но смерть – это не переход к иному бытию, она неотвратимое завершение, конец всякой жизнедеятельности человека, его планов, личных проблем, удовольствий и несчастий. Жизнь – это единственная объективная реальность, кроме неё, ничего нет; в этом были убеждены Ж.-П. Сартр, А. Камю и М. Хайдеггер.

Однако, чтобы вырваться за пределы замкнутого круга «рождение – смерть», человек инстинктивно ищет опору в Абсолюте – в Боге. С нашей точки зрения, это только фантазии или просто повод для самооправдания. На самом же деле, как пишет Жан-Поль Сартр: «За пределами “человеческой бытийности” есть одно только великое Ничто; поэтому человеку нет смысла искать опоры, перестраховки. Он не может рассчитывать ни на помощь, ни на подсказку свыше. Он всегда наедине с собой» [6].

«Человек свободен, абсолютно свободен, он обречен быть свободным, и в этом его величайшая трагедия,» – напишет единомышленник Ж.-П. Сартра, философ-экзистенциалист Альбер Камю в своем произведении «Миф о Сизифе» [7].

Наиболее ярко и актуально проблемы бытия человека поставлены и выражены, на наш взгляд, в творчестве Ж. -П. Сартра. Жан-Поль-Шарль-Эймар Сартр родился 21 июня 1905 г. в Париже в семье Жана Батиста Сартра и Анн-Мари Сартр (Швейцер), отец Ж.-П. Сартра скончался от тропической лихорадки, когда писатель был еще ребенком. Но, вспоминая детство, философ всегда говорит, что это к лучшему, полагая, что отцы стремятся к подавлению личности. С момента своего рождения Ж.-П. Сартр был «заброшен», конечно, это не означает, что воспитанием мальчика никто не занимался, наоборот, он был любимым внуком и любимым сыном.

Будучи ребенком, Ж.-П. Сартр находился в стороне от своих родных, он стремился к самостоятельности, существовал сам по себе, хорошо представляя разницу между собой и окружающими людьми, между собой и окружающим миром. Жан-Поль никогда не был красив, достаточно рано у него формируется бельмо на правом глазу, что приводит к развитию косоглазия, конечно, были и другие особенности физиологии, которые философ старался не замечать. Но, по его мнению, уродливость осталась с ним навсегда, поэтому все телесное в произведениях Ж.-П. Сартра характеризуется негативно, физиологическая уродливость выступает как другая,

отвратительная сторона реальности, преследующая человека постоянно в течение всей его жизни. Философ считает, что физиология коверкает не только его собственную жизнь, но и жизнь каждого человека по своему подобию, точно так же, как и смерть выступает в качестве насильственного прекращения жизни человека и уничтожения всех его возможностей. Вместе с тем феномен смерти у писателя не ограничивается только фактичностью человеческого тела, а всегда выступает в роли случайности, приход которой невозможно определить, смерть никогда не приносит смысла нашему существованию.

В своем творчестве Ж.-П. Сартр значительное внимание уделяет «пограничным состояниям», он говорит о «часах ясности», «минутах просветления», считая, что подлинную ценность жизни человек понимает именно перед лицом смерти, в тот момент, когда перед ним открывается зияющая бездна хаоса, прежде не заметная вследствие того, что человек постоянно охвачен повседневными заботами, скукой и тоской. Перед лицом смерти покой исчезает, остается только риск молниеносного решения, которое не гарантирует успеха. Это, по мнению мыслителя, и есть «подлинное бытие», вынести которое куда труднее, чем бездумно существовать в рамках заведенного порядка вещей [8].

В жизни самого Ж.-П. Сартра главной «пограничной ситуацией» стала Вторая мировая война. В этот период окончательно устоялась сартровская концепция свободы. Свободный человек – это тот, кто не позволяет ситуации захватить над собой власть, выходит за её пределы и, несмотря ни на что, осуществляет свой свободный выбор. «Самым главным становится последний поступок свободного человека, – пишет Ж.-П. Сартр, – чтобы можно было сказать: я всегда оставался человеком, и мне не стыдно за свои поступки перед человечеством» [9].

Позже, в работе «Бытие и ничто», будет сказано, что в мире нет ничего случайного: всё происходящее – моё, эта война – моя, я её заслужил, на войне нет невинных жертв. Поколение, выбравшее войну, несет за нее ответственность в полной мере, ибо это плата за свободу выбирать... Пустое дело вопрошать себя, что было бы со мной, если бы не разразилась эта война, так как я выбрал себя в качестве героя этой эпохи, которая мало-помалу вела меня к войне; я не отличим от этой эпохи и не могу быть перенесен в другую. Таким образом, я и есть война [10].

Над своим философским произведением Ж.-П. Сартр работает на военной службе, в плену и по освобождению из плена, в оккупированном Париже. Ключевыми понятиями его работы стали «Ничто», «Для-себя», «Для-другого» и, наконец, объединяющим понятием стало понятие

«Свобода». Объектом своего исследования философ выбрал человеческую реальность, опираясь на философию М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, он создавал новую философию на стыке экзистенциализма и феноменологического метода: мы пытаемся определить бытие человека, поскольку оно обуславливает появление Ничто, это бытие предстает свободой. Свобода – это основа и предшественница человеческой сущности. Свобода есть отрицание, а если бы не было отрицания, ни один вопрос не мог быть поставлен, и прежде всего вопрос о бытии, – утверждает философ, – Ничто – в самом сердце бытия, Ничто не существует вне бытия. Свобода – это Ничто [11].

В 1944 г. в статье «Республика молчания» философ пишет: «Никогда мы не были так свободны, как под немецкой оккупацией. Свобода – это не ценность, которая достается по наследству и которой можно пользоваться по своему усмотрению. Свободу необходимо завоевать и присвоить, завладеть ею в трагической ситуации, куда брошен человек, где он предоставлен сам себе, где он волен выбирать... Изгнание, плен, тем паче смерть... внезапно мы осознали, что это не случайности, которых можно избежать, в них пришлось увидеть наш жребий, нашу судьбу, глубокий источник нашей человеческой реальности» [12].

После окончания войны Ж.-П. Сартр вспоминал годы оккупации, чаще всего он был охвачен ужасом от того, что узники лагерей и жители осаждённых городов не обладали свободой выбора. В пьесах время оккупации воплощалось во всевозможные метафоры. Так, например, в одной из самых ярких его работ, пьесе «За закрытыми дверями», три главных героя встречаются в аду – Гарсен, Инес и Этель. Запертая на засов комната, где они вынуждены существовать вместе, становится экзистенциальным колпаком, из-под которого некуда бежать. Две женщины и мужчина обречены на нескончаемые и мучительные думы о жизни и смерти, потому что о другом говорить нет смысла. Умирают всегда слишком рано – или слишком поздно. «Но у тебя ничего, кроме жизни, нет, – говорит Инес. – Ты – не что иное, как твоя жизнь». Находясь в аду, герои то ссорятся, то влюбляются, то отчаиваются, то в них просыпается надежда. Выхода нет – крушит иллюзии Сартр. «Ад – это другие», – вкладывает он жестокие слова в уста своих героев [13].

Пленникам тьмы ничего не остается, как прислушиваться к голосам, доносящимся сверху, из мира света, где цветет жизнь и люди еще вольны выбирать свою участь. Герои этой пьесы – люди, перешедшие через край возможного, край «ча-

сов ясности», о которых пишет М. Хайдеггер, край «пограничного состояния», когда человек может очнуться от глубокого мертвящего сна и принять волевое решение, пока он жив.

После войны Жан-Поль Сартр написал еще одну пьесу, наиболее четко определяющую место человека в мире с точки зрения экзистенциализма – «Дьявол и Господь Бог». В осажденном городе главный герой служит добру, но со временем он теряет в него веру и находит свое преклонение бессмысленным, затем он по собственной воле служит злу, но также не видит в деяниях тьмы правды. И тогда он решается быть верным самому себе, хотя и понимает, что его последний выбор более чем абсурден. Но зато он остался честен перед самим собой.

Таким образом, экзистенциалисты полагали, что в экстремальных ситуациях человек лишается иллюзий: перед лицом одиночества и в момент гибели. В минуты просветления он ясно осознает свою смертную суть, свое «Я», зыбкость и парадоксальность окружающего мира. Жизнь – это единственная реальность, которая есть у человека, он может испытывать себя и свою судьбу на прочность, может оставаться равнодушным и боязливым, но он вправе объявить бессмысленную войну и дойти до крайней точки самоотрицания, добравшись до самой глубины «Ничто». И всё это только лишь для того, чтобы свободным и справедливым вернуться к самому себе.

Примечания

1. См.: *Андреев А.* Жан Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: «Гелиос», 2004.
2. См.: *Марков Б. В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб.: «Русский остров», 2005.
3. См.: *Хайдеггер М.* Исток художественного творчества. М.: «Академический проект», 2008.
4. См.: *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением? М.: «Территория будущего», 2006.
5. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: «Республика», 2000. С. 11–12.
6. *Сартр Ж.-П.* Там же. С. 42–43.
7. См.: *Камю А.* Посторонний. Чума. Падение. Миф о Сизифе: пьесы. Из «Записных книжек». М.: «АСТ», 2007.
8. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. ...
9. *Сартр Ж.-П.* Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940. СПб.: «Владимир Даль», 2002.
10. См.: *Сартр Ж.-П.* Дневники странной войны ...
11. См.: *Сартр Ж.-П.* Дороги свободы: в 3 т. Т. 1. Возраст зрелости. Харьков: «Фолио», 1997. С. 107.
12. *Киссель М. А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. СПб.: «Лениздат», 1976.
13. См.: *Сартр Ж.-П.* Слова. Мухи. Почтительная потаскушка. За закрытыми дверями. М.: «АСТ», 2010.

С. Ю. Сауров

ПРОБЛЕМА ГИПОТЕЗИРОВАНИЯ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье обсуждаются формы гипотезирования в современной научной деятельности, значение этого этапа. Путем сравнения категории «гипотеза» с такими понятиями, как «факт», «проблема», «модель», устанавливаются её особенности, функции и структура. Подчеркивается большое значение этой познавательной единицы в современном естествознании.

The article deals with the forms of hypothesizing in modern scientific activity, reveals the significance of this phase. By comparing the category of hypothesis with such concepts as "fact", "problem", "model", the author defines its particular features, functions and structure. A great value of this cognitive notion for modern natural sciences is emphasized.

Ключевые слова: гипотеза, деятельность, естествознание, логика, метод, методология, модель, объект, познание, проблема, факт.

Keywords: hypothesis, activity, natural sciences, logic, method, methodology, model, object, cognition, problem, fact.

В научной деятельности во все времена актуальна продуктивная жизнь научных гипотез. В последнее время рост внимания к гипотезам в области естествознания обусловлен предчувствием новой технологической революции. Но при ограниченности материальных возможностей проблема выбраковки гипотез из некоего «банка» весьма актуальна для научных школ и лабораторий, грантовых проектов, процессов обучения в школах и вузах. Вот почему нужно целенаправленно изучать потенциал этого познавательного инструмента. На самом общем уровне рассмотрения проблема состоит в описании деятельности по выдвижению гипотез, в освоении механизма трансляции этого опыта познавательной деятельности.

Современная ситуация в области исследования проблем выдвижения гипотез характеризуется несоответствием достигнутого уровня знаний и социальной потребности, которая постоянно возрастает в условиях изменяющегося характера труда, повышения требований к подготовке специалистов, ускорения научно-технического прогресса. Изучение гипотез не затронуло в достаточной степени качества проявления гипотетичности, факторов, дающих возможность субъекту эффективно организовывать свою мыслительную деятельность: находить нужную информацию, преобразовывать ее, вырабатывать на ее основе способы достижения требуемого результата.

Построение и апробация гипотез в ситуациях неопределенного выбора выступает комплексным явлением, обеспечивающим целенаправленный (не используя метод проб и ошибок), многовариантный и аргументированный поиск требуемого результата. Интеллектуальная инициатива в полной мере проявляется лишь в том случае, если субъект не ограничивается одним, привычным подходом к разрешению сложившейся проблемы, а находит рациональный, но вместе с тем и оригинальный способ удовлетворения требований задачи. Только отказ от «подражательности», проявляющейся в стремлении человека копировать апробированные в прошлом способы решения, позволит провести исчерпывающий анализ условий исследуемой проблемы, по необходимости изменить аспекты рассмотрения свойств объектов и предложить новую стратегию решения. В целом можно смело утверждать, что гипотезирование пронизывает все сферы деятельности (чаще в скрытом виде).

Гипотезирование, несомненно, фундаментальная познавательная деятельность (К. Поппер, В. С. Степин, Г. П. Щедровицкий и др.). Она вырастает из проблематизации, в скрытой форме проявляется в деятельности по моделированию объектов и явлений, получает онтологический смысл в практической преобразующей деятельности. Формально-логический итог гипотезирования – такое знание, как гипотеза; гипотеза «вырастает» из проблемы, цели, задач. Известный ученый В. В. Налимов, анализируя и дополняя представления К. Поппера, полагал: «Успех всякого исследования зависит, прежде всего, от того, как поставлена задача, т. е. от того, как сформулирована исходная гипотеза» [1].

В настоящее время распространено утверждение о том, что все естественнонаучное знание носит гипотетический характер. Такая познавательная методологическая норма считается продуктивной (В. С. Степин). Хотя всё научное знание носит гипотетический характер, но в узком смысле в практике функционирования в познавательной деятельности гипотеза только на каком-то этапе приобретает статус особой категории познания. Этот переход как интеллектуальный, психологический, практический шаг носит синтетический характер и в разных случаях происходит по-разному. Особо следует выделить процессы возникновения идеи-гипотезы, развития гипотезы, формирования модели-гипотезы, объективации гипотетического знания. При этом образ-объект гипотезирования помещается в объективный мир; формой такого образа может быть, например, дискретное материальное тело или электромагнитная волна. Этот процесс получает нормативную форму выражения и закрепляется в образовании. Для естественнонаучного

познания трудно переоценить значение процесса объективации: так, до XIX в. евклидова геометрия была единственной «физической» реальностью» (Е. М. Вечтомов). Дело в том, что тогда физики не имели иного языка представления, задания окружающего пространства. И не было возможности построить иную онтологическую картину реальности. Только в XX в. возникли представления об *n*-мерных пространствах...

Определяя смысл гипотетико-дедуктивного метода, А. А. Зиновьев писал: «...исследователь принимает некоторые гипотезы (допущения) относительно исследуемых объектов. Эти допущения невозможно проверить эмпирически... Очевидно, намерения исследователя не имеют значений истинности. Их нельзя подтвердить или опровергнуть. Их можно оправдать или нет в зависимости от их последствий...» [2]. Здесь четко обозначена проблема объективации гипотез. Важно, что её нельзя упрощать. В частности, задавая язык, нельзя уже после этого доказывать его реальность. Но и сам язык в некоем смысле задает реальность.

Итак, гипотеза о пространстве-времени стала категориальной гипотезой, в ходе познавательной деятельности она объективирована, то есть в конце концов получила статус полноценной реальности. Какие бы изменения исторически ни происходили, этот её статус не меняется. Новая особенная деятельность, которая приводит к новым свойствам, находит фиксацию только в характеристиках. Следует признать, что любая фундаментальная гипотеза несет идею, выполняющую роль метода, и в силу этого она надолго определяет развитие предметной науки.

Гипотеза в методологии рассматривается как сложное знание, несущее следующие смыслы: а) предположительное суждение о причинной связи явлений; б) вероятное предположение о причине явлений, достоверность которого при современном состоянии производства и науки не может быть проверена и доказана, но которое объясняет данные явлений, без него необъяснимые; в) все теории являются гипотезами, они суть предположения в отличие от несомненного знания (К. Поппер). Если рассматривать гипотезу как знаниевую организованность деятельности (Г. П. Щедровицкий), то можно говорить о «жизни» гипотезы, в плане обучения – о функционировании гипотезы в текстах книг и учебной деятельности. Анализ литературы позволяет выделить следующие этапы в функционировании гипотезы: а) выдвигание гипотезы; б) развитие гипотезы по форме и по содержанию; в) первичная проверка гипотезы на содержательность, т. е. связи этого знания с другими знаниями; г) установление границ работы гипотезы, в том числе определение степени вероятности её доказатель-

ства; д) доказательство гипотезы; е) оформление гипотезы как знания и его функционирование; ж) прекращение существования (использования) гипотезы по разным причинам. Можно предположить, что в научном познании, в самой познавательной деятельности гипотеза часто функционирует в неявном виде. В явном виде она формулируется и осознается как гипотеза позднее, в процессе интерпретации результатов, в процессе подведения итогов для трансляции выводов.

Научную гипотезу в силу ее сложного системного характера можно определить как «феномен». Понятие «гипотеза» отражает в науке фундаментальные качества познавательной деятельности, во многих деталях задает структуру мышления, тем самым реально играет роль важнейшей эпистемологической категории. Гипотеза, с одной стороны, наиболее неопределенное знание по сравнению с другими его формами (закон, аксиома, постулат, теория), но, с другой стороны, это единственное знание о неизвестном, т. е. знание о неопределенном будущем. Острота, актуальность знания о будущем и определяет интерес к гипотезе. В широком смысле, при учете относительности научной истины, любое знание в науке является гипотетическим в исторических рамках, т. е. понятие, модель, закон, теорию можно определить как формы развития гипотезы, формы её представления.

Термин «гипотеза» в литературе по гносеологии и методологии науки употребляется в двух основных значениях. В первом случае гипотеза определяется как «необоснованное (или недостаточно обоснованное) и, следовательно, не вполне достоверное знание, то есть знание, истинность которого не гарантирована» [3]. В зарубежной литературе термину «гипотеза» часто придается столь широкое значение, что он оказывается тождественным понятию «знание», то есть под гипотезой подразумевается любая попытка описать реальность в словах. При таком определении разновидностями гипотезы оказываются не только «предчувствия», «догадки», но и любые «описания», «факты», «положения». Во втором значении гипотеза понимается как метод исследования, то есть метод получения нового знания. Специфическим для такого метода считается то, что получаемый с его помощью результат (новое знание) есть гипотетическое положение или совокупность гипотетических положений. Другой, столь же общепризнанной, специфической характеристикой гипотезы является то, что в ее структуре всегда содержатся (заложены) логические выводы (умозаключения).

Исследователи гносеологической природы гипотезы отмечают, что ни одна гипотеза не может ограничиться лишь голой констатацией но-

вой идеи. Она должна содержать обоснование и толкование идеи, определять отношение к существующим, ранее выработанным понятиям и представлениям. Поэтому любая научная гипотеза есть «определенная система суждений, понятий, умозаключений, определенная система высказываний, центральное место в которой занимает основная идея, основное предположение, выступающее в роли системообразующего начала» [4]. И в целом все это задает метод познания.

Итак, гипотеза выступает формой развития научного знания не потому, что является предположением, так как само по себе отдельно взятое предположение еще не развивает знание. Гипотеза тогда выполняет свою функцию, когда «поставлена в связь с достоверно установленным предшествующим знанием и теми выводами, которые следуют из него» [5]. Следовательно, гипотеза, имеющая научную ценность, обязательно должна содержать в себе кроме достоверных суждений, основанных на доказанных знаниях, еще и «новое» в виде потенциального знания. В таком ракурсе гипотеза (в гносеологическом смысле) становится научным предположением, «несущим в себе новое знание, вероятность которого обоснована посредством анализа фактических данных с учетом уже известных закономерностей объективного мира» [6].

Гипотеза как эпистемологическая единица может быть представлена структурно. Ее строение проявляется через основные этапы функционирования. Сначала обобщенно представим результаты анализа исследований, затрагивающих квалификацию понятия «гипотеза» с позиций логического подхода. Следует отметить, что «в формальной логике нет определенного закона, указывающего именно на определенную гипотезу для решения данной задачи» [7]. По существу это означает, что с формально-логической точки зрения гипотеза не представляет собой ничего нового, оригинального; «она есть сложная разновидность умозаключения, которая подразумевает известные логические операции» [8]. В реальности это, конечно, не так. А. А. Старченко выделил следующие основные элементы логической структуры гипотезы [9]:

– исходные данные или основание гипотезы в виде эмпирического материала (наблюдения, экспериментальные данные, достоверно установленные факты);

– логическая обработка исходных данных (сравнение, анализ, обобщение, синтез, абстрагирование и т. д.) и опосредованный переход (умозаключение) от оснований к новому знанию;

– предположение (проблематическое суждение) – новое знание, объясняющее свойства вещей и причинные связи между ними;

– проверка предположения, ведущая к доказательству или опровержению.

При любом отношении гипотеза остается гипотетической формой познания. При её разработке мысль обычно идет от известных фактов к предполагаемой причине, причем эта причина высказывается в проблематической форме. Таким образом, для определения гипотезы с позиций логики характерными оказываются следующие действия: четкая опора на объективный материал, логический анализ данных, строгое соответствие искомого с заданным.

Философские исследования опираются на понимание гипотезы как особого рода научного предположения о непосредственно не наблюдаемых или вообще неизвестных формах связи явлений или причинах, производящих эти явления. Выдвижение гипотезы, как отмечает И. В. Назаров, – это «глубоко творческий процесс, и помимо определенных логических операций для него необходимы научная фантазия, интуиция ученого, смелость его мысли, позволяющая преодолевать традиционность, привычность взглядов и представлений» [10].

Гипотеза выдвигается для объяснения фактов, которые не укладываются в имеющиеся законы и теории. «Проблема перерастает в гипотезу по мере накопления определенного минимума достоверно установленных фактов, которые позволяют выдвинуть определенное предположение. Проверка гипотезы заключается в выведении следствий из ее допущений, проверяемых на опыте, причем таких следствий, которые не входили в качестве эмпирических предпосылок для формирования гипотезы» [11].

Следовательно, потребность в гипотезе возникает в науке тогда, когда неясна связь между явлениями, их причина, хотя известны многие обстоятельства, предшествующие или сопутствующие им. Так, П. В. Копнин указывает на то, что парадокс гипотезы состоит в том, что она опирается на опыт, но ее рождение (рождение новой связи) означает преодоление, разрушение, отказ от старого опыта. Новые предполагаемые связи еще не существуют ни в какой форме – ни в материальной, ни в идеальной. Они неизвестны, не включены ни в какой форме в опыт [12]. Хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что гипотеза может задавать видение фактов, в науке это становится все более востребованным.

Факт, проблема и гипотезирование. К. Поппер считал, что все виды познания своим началом имеют проблему. Она формируется в процессе осмысления противоречия между известной теорией и фактом, между несколькими теоретическими положениями. При этом проблемной следует считать ситуацию значительного затруднения в познании, а разрешение подлинно

научной проблемы должно обеспечивать существенную новизну, т. е. значительный прирост научного знания. Проблема всегда основывается на имеющихся фактах. Что считать фактом? – вопрос фундаментальный для любой науки. Не случайно А. Пуанкаре специально подчеркивал важность выбора фактов, их «полезность», «моральность», повторяемость, гармоничность и др. [13]. В настоящее время в науке, и прежде всего в методологии, сформировалось достаточно понятное и одновременно сложное отношение к факту. С одной стороны, ученые отмечают неопределенность и размытость понятия «факт», отсутствие «чистых фактов», с другой стороны, значение эмпирического факта не уменьшается. В целом объект природы и духа только тогда факт, когда он «окультурен», включен в систему задач и ценностей человека. И. Кант убедительно показал, что познание мира опытных фактов невозможно без внеопытных, априорных посылок [14]. А. Эйнштейн писал: «Только теория определяет, что мы ухитряемся наблюдать».

Построение предмета исследования – это всегда построение факта. По сути, любое исследование и представляет собой построение и изучение предмета исследования. Ю. Г. Юдин писал: «Построить предмет изучения означает, во-первых, определенным образом задать, т. е. выделить и ограничить на основе некоторого объяснительного принципа реальность; во-вторых, структурировать реальность, т. е. задать её элементы и связи, повторяющиеся, типологически однородные отношения и узлы отношений; в-третьих, привязать предмет исследования к какому-либо принципу объяснения; в-четвертых, построить единицу анализа, такое мысленное образование, “клеточку”, в котором непосредственно представлены существенные связи и параметры объекта (существенные для данной задачи)» [15]. Итак, человек воспринимает любые объекты в поле значений, целей, т. е. субъективно, таким образом, он всегда строит свой предмет, свой факт. Существенно, что в настоящее время это факт теоретический, он уже «нагружен» проблемой и гипотезой. В окружающем нас мире нужного (великого, сущностного, значимого) никогда не увидеть без культуры. Такое сложное понимание «факта» позволяет утверждать, что в процессе его формирования велика роль гипотезирования. Без него нет отбора и видения фактов.

Переход от фактов к проблеме – это всегда придание субъективным затруднениям в познавательной деятельности объективного статуса. Общепринятым является мнение, что любое исследование начинается с постановки проблемы. Последовательность действий «проблема – метод – решение – результат» считается примени-

мой всегда, хотя эта формула применима не всегда. Важно, что для отыскания проблемы, четко ее формулирования необходимо высказывание гипотез. От характера формулирования проблемы во многом зависит состав познавательных действий. Она может быть сформулирована в виде вопросов о причинах явлений, установок к построению теорий и гипотез, объясняющих факты. Научная проблема предполагает отсутствие готовых методов как средств ее решения. При формулировании проблемы необходимо прежде всего определить, удовлетворяет ли она определенным требованиям разрешимости. И на всех этих этапах присутствует гипотезирование.

Несомненно, что со времен Галилея в науке доминирует гипотетико-дедуктивный метод познания. В его рамках гипотеза связана со всеми фундаментальными понятиями: фактом, проблемой, методом, предметом, объектом, задачей. Именно гипотеза в определяющей степени выражает специфику этого метода: выделение под углом зрения идеи-гипотезы нужного факта, а затем – объекта, оформление при привлечении старых знаний гипотезы в задачу и метод, построение моделей как развитие гипотезы, получение следствий из модели-гипотезы, проверка модельных следствий на согласование с реальностью как одна из форм проверки гипотезы.

В наиболее продуктивном варианте гипотеза в познании приобретает форму модели. Для физики это стало особенно характерно. Обобщенно модель можно определить как систему, исследование которой служит средством для получения информации о другой системе. Основой применения моделирования служит выдвижение гипотезы о поведении реального сложного объекта (системы), основанной на изучении поведения модели этого объекта. Сначала после обнаружения явления, причину существования которого невозможно объяснить с помощью имеющихся приемов и средств научного исследования, определения объекта исследования, предварительного анализа причин изучаемых явлений, возникает предположение, в основе которого лежат аналогия, индукция, дедукция или мысленный эксперимент, приводящие к новым обобщениям и выводам. В результате обобщения опытных фактов строится модель-гипотеза изучаемого явления, отражающая наиболее существенные свойства изучаемого объекта (с точки зрения рассматриваемой задачи исследования). Такая модель может быть выражена в знаковой или графической форме. Далее, совершая теоретический анализ модели на основе мысленных процедур ее преобразования, трансформации в ходе дедуктивных умозаключений, устанавливается связь между отдельными свойствами модели. Установленные связи позволяют предсказать пове-

дение модели в ситуации экспериментального исследования. Если эффект использования модели мал или его нет, то модель заменяется или дорабатывается. В результате мысленного предсказания поведения модели вырисовываются контуры будущей экспериментальной установки, ее приборное содержание и предполагаемые исследовательские действия. Успех экспериментального (мысленного или реального) подтверждения следствий из модели определяется тем, насколько продуктивно пройдены исследователем этапы, предшествующие эксперименту. Завершающим этапом в становлении гипотезы-модели является оценка полученных результатов.

Построение модели необходимо, чтобы выбрать подлинную гипотезу, которая может считаться законом, чтобы провести ее экспериментальную проверку. Но исследователь не всегда может произвести необходимый для этого эксперимент: в науке бывают случаи, когда гипотеза касается прошлого или относится к далекому будущему, сведения о котором можно проверить лишь через много лет. Особенности построения гипотезы «под модель» могут быть инициированы выбором моделей. Понятно, что формулирование и использование гипотезы прямо связано со следующими особенностями функционирования моделей: модель по определению изоморфна объекту или явлению; её структуры предполагают возможность проводить их исследования, изучать свойства, связывать их с оригиналом и строить теорию; для выбора новых моделей существенное значение имеет используемая научная картина реальности; для построения моделей необходимо предварительно отобрать онтологическую схему; сложная реальность, задаваемая соответствующими онтологическими схемами, при описании требует системы моделей, иерархии языков, а значит, сложных гипотез.

Проблема онтологизации научных гипотез. В целом онтологизация – это специальная методологическая работа, в которую входят в том числе и процедуры идентификации (см. у Г. П. Щедровицкого). В логическом плане онтологизация – это выделение неких особых, исходных первичных понятий. Таковыми являются категориальные понятия. Любое изменение в системе категориальных понятий приводит к революции наших представлений о реальности. Необходимость и значение онтологизации в полной мере понимаются только при рассмотрении роли метода в познании. Метод в значительной мере «обозначает» реальность. А дальше уже идут действия соответственно этой реальности.

Во-первых, в ходе деятельности выделяется и обозначается реальный объект. Логико-исторически эта процедура является сложной и долгой: что-то делают с целью, осмысливают итог, фик-

сируют его в знании, в знаке, начинают работать с этим знанием, с предметом, вновь обобщают и т. д. В итоге на каком-то этапе знание приобретает форму объекта. Фактически по гносеологической природе это предмет, предмет предельно абстрактный, но весьма «богатый» по содержанию. В этом случае говорят о содержательной абстракции (Г. Гегель, К. Маркс, Э. В. Ильенков и др.). С учетом материала (и ряда других обстоятельств) придают этой абстракции статус реальности. Далее объект деятельности обычно прямо связывается с эмпирическим материалом. Например, понятие тела в физике. Не случайно этот объект определяется через перечисление группы родственных объектов. В крайних точках возникают проблемы: атом – тело, галактика – тело, газ – тело? Сомнения возникают от трудностей согласования движения (законов поведения) таких разных объектов, причем это делается в рамках человеческой деятельности, в прямом смысле – практики.

Во-вторых, начинается исследование этого объекта в ходе работы с ним, включения его в связи и т. п. В итоге задается множество моделей (предметов) первоначального объекта. Затем происходит обобщение, т. е. определение объекта через предметы. А дальше процесс исследования повторяется. По мере накопления знаний процедуры онтологизации и объективации объекта повторяются. Подчеркнем, что проблема онтологизации и объективации знания (предметов) решается в ходе общественно-исторической практики, в частности опытного и теоретического экспериментирования.

Соглашаясь с открытостью гипотезы для проверки, В. В. Налимов обращал внимание на особенности «решающего» эксперимента: задание уровня значимости для измерений, учет процедуры рандомизации (усреднение неконтролируемых переменных), «фальсифицирующий» гипотезу опыт автоматически ещё её не отвергает, есть гипотезы «аморфные» для экспериментальной проверки [16]. В. В. Налимов настаивал на учете всей совокупности вероятностных представлений при фальсификации гипотез и ввел понятие степени вероятности гипотезы (новая гипотеза имеет низкую вероятность), настаивал на реальности (существовании) гипотезы только при таком условии и др. С этой точки зрения фундаментальная гипотеза всегда имеет низкую вероятность. Это и отражается в трудностях ее создания. Вера как системное образование ученого имеет большое значение для онтологизации гипотезы. Исторически известны многочисленные примеры, когда физики уже после опровержения продолжали считать эфир (теплород и др.) реальным объектом. И такое испытание гипотезы исторически продуктивно.

Онтологизация гипотезы близка по смыслу верификации (Р. Карнап), т. е. приданию ей истинности. Речь идет о процессах: и тот, и другой никогда не оканчиваются, и тот, и другой дают гипотезе истинное существование, существование в идеальном мире.

Существует некая условность статуса таких эпистемологических единиц, как факт, проблема, модель, гипотеза, теория и т. д. Они связаны между собой и в процессе познания зачастую переходят друг в друга. Весьма точно выразил суть дела П. В. Копнин: «Идея выражает такой уровень знания, когда оно способно и должно быть практически реализовано, воплотиться в объективную реальность. Поэтому в идее содержится не только знание об объекте, но и знание о знании, знание о путях и средствах воплощения теоретических построений в действительность» [17]. Но это полностью относится и к гипотезе.

Но особым и весьма важным случаем для естественнонаучного познания является задание существования через экспериментирование, что логически приводит к онтологизации в форме объективации. Такая операция применима не ко всем объектам, не ко всем гипотезам об объектах или явлениях. Ввиду её принципиальности она реализуется в случае фундаментальных идей-гипотез, а второстепенных, частных, прикладных или подсобных гипотез она не касается. Иногда это происходит в истории несколько раз. Например, можно назвать историю эфира: сначала на основе ряда фактов и аргументов он приобрел статус реального объекта, потом при открытии специальной теории относительности он был просто вычеркнут из этого списка, позднее в современных теориях возродился в форме вакуумных полей и т. п. Подчеркнем, что явно существует потребность онтологизации эфира, возникшего в физических теориях для объяснения эффектов, связанных с особой средой. Задание такой среды, многочисленные попытки экспериментально ее зафиксировать говорят о важности такой работы в научном познании, причем эта процедура оказывается сложной, неоднозначной, не всегда удачной, но упорно сохраняющейся. Аналогичная ситуация прослеживается в истории функционирования гипотезы Планка.

Культура освоения гипотезирования – необходимый элемент любой эффективной творческой деятельности. Пока даже на уровне знаний, т. е. на уровне эпистемологии, передача такого опыта не организована, тем более этого нет на уровне целостной деятельности.

Примечания

1. *Налимов В. В.* Логика принятия гипотез в развитии научного познания. М.: Наука, 1980. С. 143.

2. *Вечтомов Е. М.* Метафизика математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. С. 148.

3. *Никитина А. Г.* О соотношении предвидения и гипотезы // Вопросы философии. 1977. № 11. С. 107.

4. *Рузавин Г. И.* Роль гипотетико-дедуктивного метода в построении физической теории // Вопросы философии. 1968. № 7. С. 57–66.

5. *Режабек Е. Я.* Некоторые вопросы теории гипотезы. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1968. С. 112.

6. *Хилькевич А. П.* Гносеологическая природа гипотезы. Минск: Изд-во БГУ, 1974. С. 35.

7. *Фогафашви Б.* Логика. М.: Изд. иностр. лит., 1959. С. 32.

8. Там же. С. 27.

9. *Старченко А. А.* Гипотеза. М.: Изд-во МГУ, 1962.

10. *Назаров И. В.* Научная гипотеза и теория. Свердловск: Знание, 1983. С. 8.

11. *Виноградов В. Г.* Научное предвидение. М.: Высш. шк., 1973. С. 15.

12. *Копнин П. В.* Гипотеза и ее роль в познании. М.: Знание, 1958. С. 14.

13. *Пуанкаре А.* О науке. М.: Наука, 1983. С. 290–293.

14. *Каменецкий С. Е.* Модели и аналогии в курсе физики средней школы. М.: Просвещение, 1982.

15. *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 283.

16. *Налимов В. В.* Указ. соч. С. 146–149.

17. *Копнин П. В.* Логика научного исследования и ее основные понятия // Вопросы философии. 1964. № 3. С. 67.

УДК 101.1

В. И. Жилин

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАНАЦЕЯ

В статье представлены обещания сторонников использования идей синергетики в социально-гуманитарной сфере, которые, на взгляд автора, позволяют отнести синергетику к своеобразному магическому средству, способному решить все жизненно важные проблемы человечества.

The article considers the promises of synergetic ideas adepts concerning social –humanitarian sphere. In the author's opinion, synergetics may be viewed as a special magic means able to solve all vitally important problems of mankind.

Ключевые слова: синергетика, социальная синергетика, методология.

Keywords: synergetics, social synergetics, methodology.

Синергетика, зародившись в точном естествознании, на определенном этапе стала претендовать на междисциплинарность, полагая, что именно её методы позволят не только объяснить строение и эволюцию Вселенной, но и решить все жизненно важные проблемы человечества. Наиболее глубокие, с мировоззренческой и философ-

© Жилин В. И., 2010

ско-методологической позиций, результаты в этом направлении принадлежат лидерам синергетического движения – В. Г. Буданову [1], Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмову [2], Д. С. Чернавскому [3].

Так, разрабатываемая В. Г. Будановым ритмокаскадная синергетическая модель истории с учётом социокультурных полевых архетипов позволяет относительно легко не только объяснять прошлое, но и прогнозировать будущее. Более того, опираясь на знания об архетипах и ритмокаскадах, В. Г. Буданов гарантирует, что формирование новой России завершится к 2020 г., причём, вопреки заявлениям марксистов и либералов, государство не отомрёт к 2030 г., а наоборот, усилится. «Россия, – по заверению В. Г. Буданова, – обретает: треть за двести лет обновление хозяйственного уклада; могучую идеологию – уже с 2015 г., которой сегодня нет и в помине; мощную власть о “двух головах” (и корпоративную и авторитарную одновременно); возрождение угасшего перед распадом СССР соборного потенциала, обогащённого новыми обратными связями власти и народа и информационно-сетевыми формами коммуникации, небывалый расцвет преображённой религиозной духовности» [4].

Следует отметить, что идея воссоздания нового союзного государства очень долго не покидала и не покидает массового сознания, инициируя творческую интеллигенцию на создание «перспективных» в этом отношении моделей, восстаивающих утопический идеал братских народов. И если, как это видит В. Г. Буданов, к 2040 г. «проснутся» и окрепнут крестьянский либо социал-коммунистический архетипы, которые в настоящее время находятся в латентном состоянии, окажется возможным «и возвращение идеалов большого союзного государства, СССР нового издания» [5].

Но, обретая с помощью синергетики личное и государственное богатство, соборность, духовность и любовь с властью, мы ещё не можем ощутить полной радости, нам бы ещё увидеть, как «у соседа сдохла корова». И в связи с этим ритмокаскадный анализ архетипов для России, выполненный В. Г. Будановым, вселяет в нас надежду. Именно к моменту нашего восстановления (согласно обещаниям В. Г. Буданова) «наступают и времена общепланетарного антропологического поворота, причём основные политические игроки современности – США и Китай будут в ситуации тяжёлого системного кризиса» [6].

Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов создают синергетику как «философию надежды». Они утверждают: «Методология нелинейного синтеза, фундированная на научных принципах эволюции и коэволюции сложных структур мира, может лечь в основу проектирования различных путей

человечества в будущее. Благодаря синергетике обретаем мы философию надежды» [7].

А. В. Панкратов [8], переживая за российское общество, идёт на решительный шаг и разрабатывает новую физику на основе телеологических представлений Аристотеля. С его точки зрения, необратимость рассматривается как синоним «целеполагания». Следует отметить, что автор умалчивает о том, кто и какие ставит перед материей Вселенной цели, но вскрывает (открывает) силы, которые тянут природу по пути необратимости. Максимум энтропии, по мнению А. В. Панкратова, достигается за счёт «телеологических связей» и синонимичной ей силе (взаимодействию). Вроде бы всё хорошо объясняется и следует безотлагательно приступать к поиску этой телеологической силы, однако А. В. Панкратов предупреждает, что эти телеологические силы и взаимодействия не являются физическими, а носят «метафорический характер». При этом, оставаясь метафорой, телеологическое взаимодействие, почему-то и как-то, «присуще не системе, оно представляет собой не внутреннюю энергию, оно присуще *универсуму в целом*» [9]. В результате, сомкнув телеологизм с теологизмом, А. В. Панкратов успокаивает себя и читателей: «Телеологическое мышление с его пониманием необратимости создаёт иное отношение к проблеме существования мира и тепловой смерти. Природа необратимости совершенно не та, что рисуется из метафор тепловой машины. *Необратимость есть движение к цели, происходящее под воздействием телеологической силы. Энтропия и случайность вообще не имеют никакого отношения к сущности явления необратимости.* Наш мир отнюдь не случаен, он осмыслен и целесообразен. Не случайность, а смысл управляет миром. Мир стабилен и устойчив. Он устойчив, потому что в нём присутствует телеологическая сила, управляющая движением» [10]. Полагаю, что в этих умоглядных изысканиях А. В. Панкратова есть смысл, но смысл не методологический, а социально-психологический, так как все приходят (должны прийти, по мнению А. В. Панкратова) в состояние спокойствия и уверенности в завтрашнем дне, узнав, что «мир стабилен и устойчив», но это, следует иметь в виду, уже совершенно иная физика и иная наука.

По мнению Д. С. Чернавского, этика и мораль, основанные либо на почве механистического детерминизма, либо концепции «полного хаоса», не отвечают запросам современного общества. С его точки зрения, «концепция «полного хаоса» так же аморальна, как и концепция полного детерминизма (т. е. «чистого разума»)» [11], так как обе снимают ответственность за содеянное, размывают и нивелируют представление о совести. Наиболее приемлемой естествен-

нонаучной основой современной морали и нравственности, с точки зрения Д. С. Чернавского, может служить теория динамического хаоса, которая наряду с «хаотическими» понятиями (случай, вероятность и т. п.) сохраняет и понятия динамические (предсказуемость ближайших последствий, горизонт прогнозирования и т. п.). В связи с этим, сравнивая поведение человека с движением бильярдного шара Больцмана до, во время и после соударения, Д. С. Чернавский приходит к выводу о том, что в синергетике моральный статус играет разную роль в зависимости от фазы развития человека, семьи или общества. «Понятия ответственность и совесть, – поясняет Д. С. Чернавский свою позицию, – естественно возникают в фазах потери устойчивости, тогда и проявляется этический статус. Это не значит, что основные догмы этики (т. е. заповеди) изменяются со временем (хотя и это имеет место). Это значит, что они просто должны проявляться в моменты бифуркации. Проявление активности до и после этого в действительности аморально» [12]. Из этой цитаты становится совершенно очевидно, для чего синергистам потребовалось вводить при объяснении бифуркаций «сознательный выбор», хотя физики и математики при описании открытых нелинейных диссипативных систем обходились просто «случайностью».

А. Л. Алюшин, Е. Н. Князева также нацелены на решение с помощью синергетики морально-психологических проблем общества. Переводя выводы синергетики в императивное звучание, они утверждают: «Главное наставление, которое способна дать человеку синергетика с высоты своих научных позиций, может звучать так. Всё в мире взаимосвязано: ты не марионетка, но и не господин, ты активный узелок в сплетении эволюционных нитей универсума, тянущихся из бесконечной дали и уходящих в бесконечную даль» [13]. Думаю, что этот вывод может претендовать на оригинальность и фундаментальность.

О. А. Музыка, В. В. Попов подтверждают эти выводы-наставления А. Л. Алюшина и Е. Н. Князевой. С их точки зрения, «социосинергетика позволяет понять человеку, что именно от него, от его рационального выбора будет зависеть будущее развитие системы и ход исторической эволюции как самого себя, так и всего человечества» [14].

Кризисно-революционные периоды, переживаемые Россией, как, впрочем, и всем мировым сообществом, инициируют синергистов обратить своё научное внимание и на этот аспект жизнедеятельности общества.

К. Х. Делокаров отмечает [15], что начало XXI в. совпало не только с радикальными геополитическими и геостратегическими трансформациями, но и со сменой ценностно-мировоззрен-

ческих парадигмальных установок. Возникший при этом глобальный кризис, по мнению К. Х. Делокарова, возможно преодолеть в рамках синергетической парадигмы, поскольку именно «в её рамках и анализируются механизмы формирования устойчивых, упорядоченных структур из неустойчивых и неупорядоченных» [16].

О. А. Музыка, В. В. Попов, демонстрируя особенности социосинергетической интерпретации феномена глобализации, отмечают: «На пути преодоления проблем глобализации социосинергетика выступает как новое междисциплинарное направление в исследовании экстремальных неравновесных процессов в сложных динамических социальных системах, которая сможет положить начало переосмыслению причин глобальной угрозы выживанию человеческого рода и переориентации мировой социальной практики» [17].

Е. Я. Режабек, решая проблему выхода России из кризиса, полагает, что для этого «необходимо превышение сил объединения над силами разъединения, чему может способствовать производственная и научная интеграция страны» [18]. При этом наиболее эффективным методологическим средством решения данной проблемы является, по мнению Е. Я. Режабека, синергетика. «Зрелость синергетической парадигмы, – полагает автор, – позволяет существенно обогатить категории возможности и действительности, становления и развития» [19].

О. В. Митина, В. Ф. Петренко [20] обращаются к синергетике за помощью в выявлении динамики политического сознания. С их точки зрения, «борьба политических партий, национальные движения будто бы специально демонстрируют торжество синергетического мира, в котором случайность есть не нечто побочное, второстепенное, а наоборот, устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития общественной системы» [21].

И. В. Черникова, Д. В. Черникова, вскрывая возможности синергетики в теоретических исследованиях социальности, отмечают: «Социосинергетика позволяет разработать новые подходы к исследованию человеческой культуры, к пониманию феномена человека во всех его разнообразных проявлениях, к раскрытию тайн художественного и научного творчества, познания, здоровья, образования, коммуникации, к анализу взаимодействия человека с ближайшей и более отдалённой социальной и культурной средой» [22].

Не менее актуальные для общества возможности синергетики вскрывают О. А. Музыка, В. В. Попов. С их точки зрения, социосинергетика, построенная на принципах синергетики, «отличается от традиционных представлений тем, что в её основе лежит принципиально иной мировоз-

зренческий подход – философия нестабильности, что позволяет при построении моделей исторических процессов учитывать такие важные особенности социальных систем, как стохастичность, неопределённость, нелинейность, поливариантность» [23].

Р. Г. Баранцев утверждает, что «инновационный потенциал синергетики заведомо богат» [24] и его, при всём внимании к экономике и политике, надо связывать с культурой.

Для решения морально-этических проблем современности О. А. Музыка, В. В. Попов в рамках синергетической парадигмы вносят существенный вклад в понимание времени, утверждая: «В контексте исследования темпорального синергизма через призму социосинергетики на первый план выходит понимание времени как конструкции, имеющей этическую направленность и актуализирующейся в условиях морального выбора» [25].

А. Д. Урсул и Т. А. Урсул полагают, что «определённая связь», которая существует между прошлым и будущим (посредством «воспоминания о будущем»), «может мыслиться лишь в информационно-синергетическом ракурсе» [26].

Д. С. Чернавский, рассматривая с позиций теории динамического хаоса информационную сущность денег, предлагает «руководству ведущих стран мира» собственную модель, которая предполагает три различных варианта развития событий: сохранение устойчивого финансового развития с отказом от претензий на финансовую глобализацию; постепенное вытеснение других валют за счёт развития реального сектора экономики, и, как результат, полная глобализация при сохранении устойчивости развития, минуя перемежающийся слой; наращивание финансовой экспансии при неизбежном нарушении устойчивого равновесного состояния, переход через перемешивающий слой с высокими затратами.

Не менее методологически обоснованным выглядит и обращение синергистов к сути рекламы – двигателю торговли, так как конкуренция (в данном случае информационными методами) считается одним из необходимых условий рыночной экономики, в которые наша страна переходит (а может быть, уже и перешла) в последние, сопряжённые и с синергетизацией науки, десятилетия. Д. С. Чернавский по этому поводу замечает: «По существу, речь идёт о формировании общественного мнения, о преимуществах того или иного товара. Строго говоря, эта задача выходит за рамки экономических и связана с более общей проблемой: возникновения, эволюции и борьбы условных информаций» [27].

С перестройкой экономических и социальных отношений, появлением новой массовой идеологии тесно связаны и проблемы образования, ко-

торые не могли остаться не замеченными и не охваченными синергетикой.

В. Г. Буданов, переживая за судьбы отечественного образования, отмечает: «Кризис современной системы образования, также лишь часть глобального кризиса, в немалой степени обусловлен узкопрагматическими установками, ориентацией на узкодисциплинарный подход без горизонтальных связей, жёсткое разграничение гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Следствием этого разграничения являются не только фрагментарность видения реальности, но и её деформация, что в условиях нарождающегося постиндустриального информационного общества “третьей волны” не позволяет людям адекватно реагировать на обостряющийся экологический кризис, девальвацию нравственных норм, нестабильность политических и экономических ситуаций» [28].

Решив, на свой манер, актуальную для педагогики проблему парадигмальности образования (об успехах применения синергетической методологии в педагогике см. статью В. И. Жилина [29]), синергетика не могла не откликнуться и на «тотальную идеологию» компьютеризации-информатизации образовательного процесса. Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, предлагая свои услуги, отмечают в связи с этим: «Будучи междисциплинарной, или трансдисциплинарной, по своему характеру, синергетика позволяет выработать некоторые новые подходы к обучению и образованию, к эффективному информационному обеспечению различных слоёв общества. Речь идёт об образовании через обучающие компьютерные программы и дискеты, несущие новое видение мира и новые способы мышления, знания как know how, реализующие синтез результатов естественных и гуманитарных наук» [30].

Более того, образование, на основе использования рекомендаций синергетики, должно превратиться в развлечение, игру, так как нет нужды в кропотливой каждодневной работе над собой и можно малыми усилиями, играючи, достичь больших результатов. Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов по этому поводу замечают: «Погружение в синергетику и намерение её использовать как “позитивную эвристику” связано, стало быть, с развитием игрового сознания. Синергетически мыслящий человек – это homo ludens, человек играющий. Синергетика выступает в таком случае как некий тип интеллектуальной йоги. Давая рецепты овладения сложным, она разрушает сам “рецепт”, сам прежний способ рецептообразования» [31].

По мнению В. П. Бранского [32], синергетический подход может иметь эвристическое значение не только по отношению к науке и искусству, но и по отношению к религии. Полагая, что

существование рая в синергетическом смысле в виде суператтрактора уже доказано, В. П. Бранский идёт дальше и утверждает, что «синергетическая теория идеологии позволяет преодолеть “антиномии религиозного разума” таким способом, который до сих пор не использовался ни в истории религии, ни в истории философии» [33].

И. В. Ершова-Бабенко [34] полагает традиционную отражательную концепцию психики ограниченной и предлагает в рамках постнеклассического этапа развития науки сформировать новую научную область – психосинергетику с основополагающим понятием «психомерные среды/системы» в сочетании с позицией «целое в целом». При этом вместе с новой научной областью создаётся и новая логика. И. В. Ершова-Бабенко по этому поводу замечает: «Уровень анализа “нелинейное целое в нелинейном целом” приближает нас к новой логике, которую, вероятно, можно назвать “постнеклассическая логика”. Это логика, в которой присутствуют как минимум четыре вида операций: анализ – синтез – нелинейный синтез – синергиз, а их сочетание выводит на уровень анализа в рамках категории “поле путей развития”, требуя учитывать уровни и характер окрестностей точки бифуркации, так как окрестности могут накладываться друг на друга и тем самым принципиально менять условия, а соответственно, характер протекания процессов, трансформации/переходов структур/сред из одного состояния в другое» [35]. Полагаю, что психосинергетика в сочетании с «новой логикой» позволят не только решить актуальные проблемы психологии, но и понять большинство постнеклассических текстов (о «нелинейном» и «синергетическом» мышлении см. В. И. Жилин [36]).

Ещё более глубинно на использование идей синергетики в разгадке тайны человеческого мозга и мышления смотрит Г. Хакен [37]. Он использует понятие «параметр порядка для моделирования поведения содействия нейронов на адекватном уровне» [38] и предлагает «говорить, что мысли являются параметрами порядка, а нейроны – подчинёнными частями» [39].

В результате можно заметить, что синергетика из науки (если её истоками признать работы А. А. Андропова, В. И. Арнольда, Г. Б. Басова, Б. П. Белоусова, Н. Н. Боголюбова, А. М. Жаботинского, А. Н. Колмогорова, Л. Д. Ландау, Э. Лоренца, А. М. Ляпунова, Л. И. Мандельштама, А. М. Прохорова, А. Пуанкаре) превращается в некоторое магическое средство, способное помочь во всех случаях жизни, отвечает на все чаяния современности и настойчиво обещает разрешение всех экономических, социально-политических, экологических, демографических и экзистенциальных проблем общества и отдельной личности.

Примечания

1. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Изд-во АКИ, 2008.
2. Князева Е. Н. Основания синергетики: Синергетическое миропонимание. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
3. Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Буданов В. Г. Указ. соч. С. 161.
5. Там же.
6. Там же.
7. Князева Е. Н. Указ. соч. С. 194.
8. Панкратов А. В. Телеология и принцип необратимости // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 73–85.
9. Там же. С. 83.
10. Там же. С. 83.
11. Чернавский Д. С. Указ. соч. С. 237.
12. Там же. С. 239.
13. Аллошин А. Л. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: Изд-во АКИ, 2008. С. 47.
14. Музыка О. А. Время и социальная синергетика. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 228.
15. Делокаров К. Х. Эволюция базовых смыслов современной цивилизации в контексте постнеклассической науки // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 16–36.
16. Там же. С. 36.
17. Музыка О. А. Указ. соч. С. 187.
18. Режабек Е. Я. Синергетические представления и социальная реальность // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 60.
19. Там же. С. 61.
20. Митина О. В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Синергетика и психология. Тексты. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. Вып. 1: Методологические вопросы. С. 335–361.
21. Там же. С. 343.
22. Черникова И. В. Возможности социосинергетики в теоретических исследованиях социальности // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 66.
23. Музыка О. А. Указ. соч. С. 206.
24. Баранцев Р. Г. Активность саморазвития // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 82.
25. Музыка О. А. Указ. соч. С. 6.
26. Урсул А. Д. Информационно-синергетическая интерпретация антропного принципа // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 129.
27. Чернавский Д. С. Указ. соч. С. 264.
28. Буданов В. Г. Указ. соч. С. 163.
29. Жилин В. И. О методологической обоснованности синергетизации педагогики // Вестник Челябинского ГУ. 2010. № 20 (201). С. 104–109.
30. Князева Е. Н. Указ. соч. С. 193.
31. Там же. С. 78.
32. Бранский В. П. Синергетическая теория идеологии и религиозное мышление (введение в синергетическую философию религии) // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 571–604.

33. Там же. С. 603.
34. *Ершова-Бабенко И. В.* Психомерные среды в контексте психосинергетики и их роль в постнеклассическом понимании социума – нелинейное целое в нелинейном целом // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 314–326.
35. Там же. С. 316.
36. *Жилин В. И.* О «нелинейном мышлении» в педагогике // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 85–87.
37. *Хакен Г.* Синергетика мозга // Синергетика и психология. Тексты. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. Вып. 1: Методологические вопросы. С. 34–63.
38. Там же. С. 61.
39. Там же. С. 61.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 331.101:1

В. В. Корякин, В. В. Орлов

ТРУД, СТОИМОСТЬ, СОБСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена анализу современного состояния труда, отношений стоимости и собственности, смене типа хозяйственной жизни в связи с переходом к постиндустриальному обществу. Исследуются субстанциальные, антропологические основания трудовой деятельности и экономических отношений, определяются общие характеристики всеобщего труда, посттоварной стоимости и собственности, общая направленность экономического развития.

This article is devoted to the research of contemporary forms of labour, the relations of value and property and the change of the type of economic life in their connection with the transition to post-industrial society. The substantial and anthropological aspects of labour and economy are explored in the article. We analyze general characteristics of universal labour, post-commodity value and property and general directions of the economic development.

Ключевые слова: труд, всеобщий труд, стоимость, посттоварная стоимость, собственность, постиндустриальное общество.

Keywords: labour, universal labour, value, post-commodity value, property, post-industrial society.

Современная цивилизация переживает период существенной трансформации, содержание которого понимается современными авторами весьма различно. Наиболее часто современное состояние трактуется как процесс перехода от индустриального общества к постиндустриальному (информационному, технотронному, манипулируемому и т. д.), от общества модерна к обществу постмодерна, от позднего капитализма к социализму нового типа и т. д. В связи с последними событиями (начавшимся в 2008 г. мировым экономическим кризисом, природа которого в существенной мере остается невыясненной) повышается интерес к коренным изменениям в сфере общественного производства, которые все чаще начинают пониматься как базовые, влекущие изменения во всех прочих сферах человеческой жизни. Традиционно фундаментальная экономическая наука и философия экономики анализируют движение экономической жизни

исходя из понимания сущности и направленности развития таких базовых экономических феноменов, как труд (шире – деятельность), стоимость и собственность.

Авторы и сторонники современных футурологических концепций постоянно обращают внимание на коренную смену характера человеческой деятельности, которая перестраивает всю общественную систему, включая т. н. экономические отношения (стоимости, собственности). Например, по мнению Д. Белла, основным ресурсом современного общественного развития являются знания и информация, которая трактуется им как упорядоченное знание. Производство нематериальных благ (например, услуг) вытесняет производство материальных благ. Труд, понятый американским социологом весьма упрощенно как осознанная затрата физиологических усилий человека, направленная на создание материальных продуктов и удовлетворение при их помощи, по сути, биологических потребностей человека, таким образом, вытесняется научной, сугубо духовной деятельностью, удовлетворяющей соответственно духовные потребности. Вследствие данных изменений стоимость утрачивает свое объективное (материальное) содержание и всецело превращается в субъективное (духовное) ценностное отношение, а собственность утрачивает частный характер и все больше выступает в общественной форме, поскольку продукты духовной деятельности по своей природе всегда являются достоянием всего человечества [1]. В. А. Иноземцев, попытавшийся в своей концепции постэкономического общества интегрировать и углубить достижения теорий постиндустриального, информационного общества и общества постмодерна, полагает, что в современном обществе труд вытесняется творчеством, которое имеет сугубо индивидуальное и духовное содержание. С вытеснением труда, по его мнению, исчезают основания для стоимостных отношений. Ценность предмета все больше приобретает индивидуальный и субъективный характер. Индивидуализируются и отношения собственности [2].

Дать содержательный анализ современных производственных отношений невозможно без обращения к их субстанциальным основаниям. В классической и марксистской политэкономии под субстанцией стоимости и собственности понима-

ется труд, который, впрочем, в данных течениях научной мысли трактуется различно. Для экономистов-классиков и их современных последователей труд – это целесообразная деятельность, направленная на создание определенных материальных благ для удовлетворения определенных человеческих потребностей. В классической политэкономии и современной неклассической экономической науке (маржинализме, институционализме и неoinституционализме, кейнсианстве, нео- и посткейнсианстве, «новой классике» и т. д.) труд нередко сводится к целенаправленному расходованию физиологических усилий человека и системе орудийных действий (использованию техники). Периодически, не без идейного влияния марксизма, учитывается и обращенность труда на природу. Труд рассматривается как процесс преобразования природы. Такой взгляд на процесс труда основывается на достаточно противоречивом понимании сущности человека как духовно-природного существа, собственно человеческого в котором дух, сознание. В данной связи любая деятельность человека (в т. ч. трудовая) трактуется в конечном счете как духовная по содержанию. В отдельных случаях труд даже понимается не только как продукт, но также и как процесс отчуждения духовной сущности человека [3].

Понимание человека как духовно-природного существа и труда как в конечном счете, духовного по содержанию процесса, имеющего физиологические основания и выражающегося в предметных действиях, приводит ряд современных исследователей к определению, например, стоимости как всецело духовного ценностного отношения. Маржинализм, в частности, заложил в экономической науке традицию сведения объективных ценностных отношений к субъективным. Субъективная (духовная) оценка материальных и духовных благ была понята в нем как нечто общее по отношению как к собственно духовным, так и материальным ценностям. Однако для маржинализма и наследующих ему течений экономической мысли осталось загадкой конкретная определенность и историческая изменчивость духовных ценностных отношений. Субъективистские концепции стоимости не дают ответа на вопрос, почему предпочтения субъектов рынка качественно разнятся, сохраняя при этом нечто общее в себе, и чем вызвана их смена. Стремление вывести изменение и качественную определенность духовных оценок из самого сознания непосредственно или опосредованно из различных форм его объективации (все сферы общественной жизни в такого рода концепциях рассматриваются как духовные по содержанию) дает очень скромные результаты. Еще философия Гегеля наглядно продемонстрировала, что дух не

обладает источником внутреннего саморазвития и из него невозможно непротиворечиво вывести все многообразие действительности, что само сознание меняется под действием того, что вне его находится – объективной действительности в целом, объективной общественной жизни в частности [4].

Сведение трудовой деятельности к ее физиологическим основаниям и осознанию, производственных отношений к чисто духовным игнорирует их собственно человеческое содержание. Человеческая сущность в первую очередь проявляется не в физиологических действиях человека и не в осознании им собственной жизни, а в том, что и как человек производит. Человек – это особого рода, несводимое к природе, материальное существо. Он социальное (сверхприродное) материальное существо, сущностью которого является производство собственной жизни в единстве всего ее многообразия посредством преобразования природы. Человек, в первую очередь, созидает себя, других людей, общество в целом, причем созидает объективно, что в итоге находит свое отражение в его мыслях. Именно сквозь призму данного понимания должна быть раскрыта природа общественного производства и в конечном счете труда как его субстанциальной основы.

Современный труд находится в процессе трансформации. На смену труду капиталистического, индустриального типа приходит новый тип труда, который в материалистической литературе определяется как всеобщий, или научный, труд. При этом важно отметить, что по существу меняются не только конкретные виды трудовой деятельности, но и их общее содержание. Исторические формы труда вообще – предмет особого тщательного анализа, без которого невозможно уяснить экономическую общность людей, проявленную в т. н. производственных отношениях (в первую очередь в отношениях стоимости и собственности). Однако труд вообще, общее в труде и его исторические модификации практически остаются не исследованными как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Труд вообще капиталистической эпохи – абстрактный труд. Часто цитируемое Марксово определение абстрактного труда как труда вообще, простого среднего труда, простого расходования рабочей силы, измеримого общественно необходимым рабочим временем, во многом имеет абстрактно-всеобщий характер: оно четко фиксирует родовые характеристики труда вообще, однако видовая определенность абстрактного труда как исторически преходящей формы труда вообще в нем оказывается скрыта. Труд вообще в любую эпоху присущ усредненный характер. Впрочем, это не означает, что сам

К. Маркс редуцировал видовую определенность абстрактного труда к его родовым признакам. В «Капитале» повсеместно можно встретить дополнительные определения абстрактного труда и аргументацию его исторически преходящего характера. В частности, К. Маркс определял абстрактный труд как отчужденный труд, как труд, существующий в условиях его разделения на материальный и умственный, как труд, в котором проявлены его биологические основания и т. д. Однако данные характеристики абстрактного труда как исторической формы труда вообще нельзя считать достаточными. Отчужденный и разделенный характер труд имел и в докапиталистическую эпоху в антагонистических формациях. На любом этапе развития труд имеет определенные физиологические основания.

Куда более четкое определение абстрактного труда было дано К. Марксом при учете того, какие конкретные виды трудовой деятельности подвергаются усреднению и материальному абстрагированию. Абстрактный труд можно определить только в связи с его противоположной формой – конкретным трудом, но ни каким угодно конкретным трудом, а его исторической (капиталистической) формой – частичным трудом. Частичный труд – это труд, доведенный до элементарного производственного действия, причем такого действия, которое постоянно требует перемены, т. е. не может быть осуществлено отдельным индивидом одновременно с другим элементарным действием, является противопоставленным другому элементарному действию в силу его перманентного отчуждения. Абстрактный труд – это простой средний частичный труд, это общее в частичных видах трудовой деятельности.

Появление частичного труда, как и общего в нем – абстрактного труда, было подготовлено всем ходом предшествующего исторического развития, точнее – всем ходом т. н. предыстории. История представляет собой процесс выражения и развития индивидуальной и родовой социальной материальной человеческой сущности. История движется к диалектическому тождеству родовой и индивидуальной сущности человека [5]. Однако в предыстории, охватывающей периоды от появления человека современного вида до капитализма включительно, это движение реализовывалось парадоксальным образом: общество в целом наращивало богатство своего содержания посредством утраты данного содержания каждым индивидом в отдельности.

В данной связи уместно будет вспомнить тезис К. Маркса, изложенный им еще в экономическо-философских рукописях 1844 г. К. Маркс тогда пришел к выводу, что основное противоречие развития капиталистического общества зак-

лючается в следующем: рабочий становится тем беднее, чем больше богатств он производит, становится более дешевым товаром, чем больше товаров он создает [6]. Данный тезис неоднократно подвергался критике впоследствии со стороны оппонентов К. Маркса, и среди многих его последователей, так и не уловивших глубины рассуждений родоначальника новой политэкономии и философии. XX в., как представляется данным критикам, наглядно якобы показал, что капиталистическое общество не доводит рабочего до полного обнищания, наоборот, в этом обществе наблюдается рост материального благосостояния как буржуа, так и рабочих. Однако материальное благосостояние, по мысли Маркса, не исчерпывается только совокупностью товаров, которые могут приобрести потребители. Нищета рабочего состоит не столько в том, что размеры доступного ему общественного богатства ограничены, сколько в том, что при капиталистическом производстве сама трудовая деятельность каждого рабочего в отдельности доводится до крайне примитивного состояния. Происходит чисто человеческое обнищание рабочего, его трудовая деградация, поскольку он вынужден всегда крайне неполно, частично производить свою собственную жизнь и сущность [7].

Впоследствии данное понимание сути противоречия буржуазного общества было конкретизировано К. Марксом, особенно при анализе диалектики конкретного и абстрактного труда, организации и развития труда на мануфактуре, фабрике и обществе в целом. Общество в целом (т. н. «совокупный рабочий» в частности) по мере развития буржуазного общества, безусловно, усложняется, поскольку людьми в целом приобретаются новые трудовые навыки, но усложнение это происходит лишь благодаря утрате каждым индивидом в отдельности многообразия навыков. Рост многообразия навыков общества за счет утраты многообразия навыков каждого индивида в отдельности – коренное противоречие развития не только капиталистического общества в частности, но и всей т. н. предыстории человечества.

Труд является способом развития человека. Диалектика родовой и индивидуальной человеческой сущности реализуется в процессе дифференциации труда, обособления отдельных трудовых действий с одновременным их усреднением, обобщением, что проявляется в различных формах производственной кооперации. В первую очередь эпоху каждый индивид в отдельности осуществлял весь набор производственных действий, присущих любому другому индивиду, и в данном плане был тождественен роду. Такое тождество индивидуального и родового в первобытном обществе было возможным в силу принци-

пиально ограниченного многообразия трудовых действий, доступных человеку. Тождество это, кроме всего прочего, было внутренне недифференцированным в том смысле, что оно не предполагало существенных различий между индивидами: все трудились сообща, осуществляя (попеременно или одновременно) одни и те же действия.

По мере освоения предметного мира многообразии трудовой деятельности росло, приводя к постепенному обособлению индивидуального и родового друг от друга. Каждый индивид в отдельности начинал выполнять преимущественно только часть существующих в обществе в целом трудовых действий. Другими словами, каждый человек в отдельности переставал производить свою собственную жизнь целиком, целостное развитие ему сообщали все прочие члены общества, осуществлявшие прочие виды трудовой деятельности. Внешне данное обособление индивида от рода проявлялось в отраслевом и профессиональном делении материального производства, соединение же индивида и рода проявлялось в непосредственной или опосредованной сначала натуральным, а затем денежным товарообменом кооперации трудовых действий. По мере развития часть действий, выполняемая отдельным индивидом всегда в комплексе, становилась все меньше, поскольку многообразие трудовой деятельности общества в целом становилось все больше. Эти комплексы действий (конкретные виды труда), будучи противопоставлены друг другу, тем не менее, были согласованы, обнаруживали общее в себе, усреднялись, что было проявлением исторически определенной, соответствующей данному уровню дифференциации производства, формы труда вообще.

По мере эмансипации людей друг от друга, нарастания частичного характера производства индивидом собственной жизни осуществлялась эмансипация его духовной деятельности. Не производя целостно себя как человека, не вставая в непосредственное практическое отношение к обществу в целом, к преобразуемому обществом в целом предметному миру, но вместе с тем опосредованно все же будучи связанным с ними, каждый индивид в отдельности отражал объективное бытие мира, общества и свое собственное бытие исключительно неполно.

Непосредственным предметом отображения в таких условиях являлось лишь частичное бытие индивида и та часть природных образований, с которыми оно непосредственно связано. Все условия жизни прочих индивидов оказывались недоступными непосредственному отображению. При этом отражение собственных особенных условий существования реализовывалось в ограниченной форме. Особенное может быть прин-

ципально вскрыто только через другое особенное посредством выявления общего в них. В условиях же, когда многообразие жизни одного индивида противопоставлено многообразию жизни другого индивида, когда связь между людьми приобретает внешний им характер, оказывается многократно опосредованной, общее содержание многократной жизни в целом оказывается недоступным каждому индивиду в отдельности. Отражение общего и всего многообразия особенного в социальной действительности оказывается возможным лишь в рамках общества благодаря духовному общению (обмену знаниями).

По мере разделения материального производства и нарастания объективного противоречия между накоплением трудового многообразия общества в целом и утратой трудового многообразия каждым индивидом в отдельности аналогичные трансформации переживает духовное производство: знание о мире и человеке дифференцируется, совокупное знание общества растет за счет утраты многообразия знания каждым индивидом в отдельности. Совокупное знание общества при этом не является простым набором частных знаний. Подобно тому как частичные трудовые действия индивидов объективным образом интегрируются, обнаруживая общее в себе, интегрируются и частичные знания. Однако если объективная интеграция по определению складывается стихийно, не проходя через сознание, то интеграция знаний не может осуществляться иначе, как только проходя через голову человека. В условиях нарастания частичного производства интеграция знания становится уделом частичного индивида, однако в силу тех же объективных производственных оснований она оказывается не доступна всем членам общества в равной мере, ее начинают осуществлять только немногие, но объективно все же частичные индивиды. Расщепление родовой и индивидуальной человеческой сущности, таким образом, на определенном этапе общественного развития приводит к кардинальному разделению труда на материальный и умственный со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями.

Противоречие между общественным (совокупным) и индивидуальным трудом, между совокупным и индивидуальным знанием достигает принципиального предела при капитализме. Конкретный труд достигает формы частичного труда, элементарного трудового действия. Труд вообще реализуется в форме абстрактного труда. Конкретное знание становится предельно простым, эмпирическим, доведенным до отражения элементарных бытовых состояний человека без выявления всякой существенной связи с отражением других элементарных состояний, хаотическим, «клиповым». Знание вообще при этом обретает

форму предельно абстрактного отражения действительности, отождествляющего все и вся.

Движущее противоречие предыстории в итоге приводит к коллапсу общественного развития. Производственная и духовная деградация каждого индивида в отдельности выливается в деградацию общества в целом, поскольку общество есть не что иное, как индивиды в их связи. Оба процесса – рост многообразия совокупной жизни индивидов (общества) и утрата многообразия каждым индивидом в отдельности – в эпоху позднего капитализма приходят к общему знаменателю, уничтожают друг друга, не оставляя от человека и общества ровным счетом ничего. Предельное многообразие оказывается тождественно его отсутствию, сложное – простому.

Данное противоречие общественного движения, неизбежно заводящее человека в тупик, впрочем, не является непреодолимым. Противоречие между ростом многообразия общества в целом и упрощением каждого индивида в отдельности может быть снято при условии, если частичное действие человека является одновременно реализацией многих его частичных действий. В данной ситуации усложнение общественной и индивидуальной трудовой, а вместе с ней и духовной деятельности оказывается не обратным, а прямо пропорциональным. Чем больше частичных действий индивид осуществляет в рамках одного частичного действия, тем большее число этих действий осуществляет и общество в целом. Только в такой ситуации совпадение, тождество родовой и индивидуальной сущности человека, рода и индивида оказывается принципиально полным, причем это тождество в снятом виде сохраняет в себе и различие. Это тождество родовой и индивидуальной становится уже не абстрактным, в котором все качества оказываются нивелированы, а внутренне богатым по содержанию, предполагающим многообразие сочетаний родовой и индивидуальной.

При таком тождестве процесс дифференциации трудовых навыков, их перемены в деятельности каждого индивида в отдельности, кооперации в ходе совместной деятельности людей не только продолжает осуществляться, но и обретает перспективы бесконечного развития, поскольку он уже не сталкивается с преградой тотального упрощения навыков каждого индивида в отдельности. Однако данный процесс оказывается отныне не самостоятельным и не самоопределяющим, он всецело оказывается подчинен качественно новому способу интеграции человеческих действий – вовлечению многих частичных действий при сохранении их различий и возможности попеременного осуществления в качественно новый тип частичного действия. Если в предыстории человечества индивид, осуществляющий

попеременно множество действий, являлся тождественным роду и всему материальному миру, но не тождественен им в каждом своем действии в отдельности, то с началом подлинной истории элементарное (частичное) действие оказывается тождественно всем действиям индивида и всем действиям рода. В этом элементарном действии индивид оказывается в полной мере тождественен себе, роду и миру.

Примером этого принципиально нового и внутренне непротиворечивого типа интеграции элементарных действий может служить создание таких орудий труда, при помощи которых индивид может преобразовывать сразу несколько качественно различных природных объектов, то есть сочетать в одном действии сразу несколько действий, которые до создания данных орудий человек был вынужден осуществлять попеременно. При этом важно подчеркнуть, что именно производство такого рода техники, а не ее простое использование выражает данный тип интеграции. Простой пользователь такой техники не перестает быть частичным индивидом. Человек остается частичным и одновременно перестает им быть только при условии, что он сам создает технику данного типа (создает ее с нуля или модифицирует ее уже имеющуюся под рукой) и сам использует ее. Одновременная реализация множества различных элементарных действий в элементарной деятельности каждого человека знаменует переход от предыстории человечества, коренным пороком которой является противоречие между ростом многообразия общества в целом и упрощением каждого индивида в отдельности, к подлинной истории, основанием которой является пропорциональный рост богатства содержания индивидуальной и коллективной общественной жизни.

Смена способа интеграции частичных видов материальной деятельности, сущность которого составляет смена способа развития родовой и индивидуальной социальной материальной сущности человека, реализуется в становлении исторически новой формы труда – всеобщем труде. Всеобщий труд до известной степени уже описан в научной литературе. Многие существенные черты его в принципиальном виде были зафиксированы еще К. Марксом. Родоначальник современного материализма определял всеобщий труд как «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение», как совместный, кооперированный труд, аккумулирующий в себе труд предшественников [8]. В современной литературе понимание всеобщего труда было углублено. Например, В. В. Орлов и Т. С. Васильева определяют его как сложный материальный онаученный труд, как одновременно индивидуальный и универсальный, абстрактно, опосредованно и

непосредственно общественный труд [9]. В противовес устоявшемуся мнению о всеобщем труде как сугубо сложной духовной деятельности стоит заключить, что он по своему собственному содержанию, по предмету, средствам и продукту является сложной материальной преобразовательной деятельностью, которая по данной причине сопровождается соответствующим по сложности духовным (научным, этическим, эстетическим и т. д.) обеспечением [10].

Всеобщий труд представляет собой единство исторически определенной формы конкретного труда и труда вообще. Всеобщий конкретный труд – это интегрированный частичный труд, частичное трудовое действие, включающее в себя множество частичных действий. В отличие от конкретного труда капиталистической эпохи, при котором частичные действия осуществлялись исключительно попеременно, всеобщий конкретный труд реализует множество частичных действий одновременно, не исключая при этом и их попеременного выполнения. Это труд по созданию многофункциональных средств производства, многофункциональных технических средств и средств жизни, удовлетворяющих одновременно сразу многие человеческие потребности.

Такого рода труд наблюдался на протяжении всей предыстории, однако он не имел определяющего значения сам по себе. Он был направлен преимущественно на дифференциацию трудовых навыков, реализация которых могла быть только попеременной. Всякая техническая новинка, будь то многофункциональное орудие первобытного дикаря или машина индустриальной эпохи, создавалась индивидом при комбинации частичных трудовых действий его самого и производственно связанных с ним прочих индивидов, однако использование данного технического средства в каждый конкретный момент времени способствовало реализации только определенного частичного трудового навыка.

Всеобщий труд вообще – это усредненный интегрированный частичный труд. Это такое усреднение всеобщего конкретного труда, которое предполагает иерархическое соподчинение различных видов частичной трудовой деятельности. Труд вообще предшествующей (капиталистической) эпохи, или абстрактный труд, являлся усреднением частичных видов труда, сложность и характер соподчинения которых при этом нивелировался. Абстрактный труд – это общее в частичных видах труда, которые осуществляются попеременно, друг другу противостоят, существуют как бы наряду друг с другом.

Всеобщий труд снимает коренное противоречие развития предыстории. Интеграция частичных видов труда в одном из них и посредством одного из них обеспечивает дальнейшую диффе-

ренциацию труда. Интеграция множасьихся частичных видов труда в труде каждого индивида в отдельности и в связи данных индивидов друг с другом создает объективные предпосылки для преодоления разделения труда на непосредственный материальный и умственный труд. Духовная деятельность, по-прежнему распадаясь на множество частных знаний, приобретает интегрированный характер и становится уделом человека, интегрированным образом создающего себя и преобразующего мир. Всеобщий труд, таким образом, оказывается сплавом сложной материальной и духовной деятельности, точнее – он оказывается сложным материальным трудом, сопровождающимся сложным отображением действительности.

Становление всеобщего труда содержательно меняет объективные и субъективные ценностные отношения в обществе. Потребительная стоимость предмета труда и рабочей силы становится тем выше, чем большее число потребностей человека они позволяют удовлетворить, и, стало быть, чем большему числу способностей они позволяют реализоваться в единицу времени. В силу универсальности и одновременной индивидуальности всеобщего труда, его индивидуального и общественного характера, объективно востребованными становятся предметы и рабочая сила, способствующие реализации тождества индивидуального, родового и универсального в человеке, позволяющие человеку реализовать свое общественное содержание в уникальной, неповторимой и одновременно в предельно общественно значимой форме. В условиях существенного совпадения материальной и духовной деятельности во всеобщем труде нарастает совпадение потребительной стоимости предмета и рабочей силы и их субъективной потребительской оценки. Конкретные продукты всеобщего труда и конкретные виды всеобщей рабочей силы, таким образом, позволяют удовлетворить существенный набор не только материальных, но и духовных (научных, эстетических, нравственных и т. д.) потребностей. Конкретные продукты всеобщего труда, другими словами, служат развитию не только общественного бытия человека, но и его общественного сознания. Всякое техническое изобретение, к примеру, как продукт утвердившегося в качестве ведущего способа развития человека всеобщего материального труда является одновременно продуктом духовной деятельности во всем многообразии ее форм, знаком, посредством которого эта деятельность объективируется.

Объективная стоимость вообще в условиях становления всеобщего труда также меняет свою форму: на место товарной стоимости приходит посттоварная стоимость. Она является выражением общего в конкретных видах всеобщего тру-

да, общественным производственным к нему отношением. Как и любая форма стоимости вообще, она измеряется общественно необходимым рабочим временем. Однако содержательно это рабочее время отлично от того, в котором измерялась, к примеру, товарная стоимость. Товарная стоимость измеряется временем, которое при общественно нормальных условиях, в среднем требуется субъекту труда для реализации его обособленной частичной деятельности. Посттоварная стоимость, видимо, измеряется временем, которое в среднем тратится человеком на интеграцию частичных действий и соответственно реализацию интегрированной частичной трудовой деятельности. Как в случае с потребительной стоимостью конкретной всеобщей рабочей силы и продуктов всеобщего труда, посттоварная стоимость является единством объективного и субъективного ценностного отношения вообще.

Всеобщий труд только в последние десятилетия приобретает определяющий общественное производство в целом характер. Вместе с тем в современном обществе, которое условно можно назвать постиндустриальным, наряду со всеобщим трудом и в снятом виде в нем самом сохраняется труд капиталистического типа (частичный и абстрактный труд). Переходный характер современной эпохи, таким образом, в плане развития труда и производственных (в т. ч. стоимостных) отношений имеет весьма противоречивый характер. Повсеместно мы можем наблюдать столкновение разных типов развития человека, которое выражается как в отношении между людьми, так и в отношении каждого индивида к самому себе.

Становление всеобщего труда или интегрированной (материальной и духовной) частичной деятельности все меньше оставляет места для частичной деятельности в ее изолированном от других частичных действий виде. Субъект частичного труда (будь то пролетарий или буржуа-управленец, наемный менеджер, кабинетский ученый) остается на обочине истории. Внешне это выражается в депролетаризации населения, особенно в развитых странах мира. Число т. н. «синих воротничков» в этих странах за последние полвека сократилось в разы. Причина этого заключается даже не столько в том, что производительность всеобщего труда многократно выше труда капиталистического типа, что позволяет высвободить из реального производства огромные массы людей, обеспечив им при этом относительно безбедное существование, сколько в том, что частичная деятельность вне ее интеграции утрачивает всякое объективное значение для общества в целом и каждого индивида в отдельности. Массовый социальный паразитизм, кстати, является результатом ощущения ненужности частичного человека ни самому себе, ни другим

людям. Уйдя из реального сектора экономики, эти частичные индивиды в основной своей массе вроде бы находят себе применение в нематериальном производстве, например в сфере услуг. Однако при этом они не перестают быть частичными, поскольку иных трудовых навыков они не приобретают, а стало быть, не имеют объективной возможности их интеграции. Старые же их навыки в известной мере атрофируются. Оставаясь объективно частичным индивидом, попадая в сферу обособленной от материального производства духовной деятельности, человек не имеет иной возможности, как только частично отражать действительность, т. е. заниматься умственным трудом, который оказывается уже объективно не востребованным в эпоху наступления всеобщего труда, интегрированного материального производства. Занятость большинства бывших пролетариев в сфере нематериального производства, таким образом, оказывается по существу мнимой. Имея вроде бы рабочее место, они фактически оказываются безработными. Жизнь на пособие по безработице и жизнь на зарплату в какой-нибудь конторе, по сути, оказывается одинаковой по содержанию. Разница состоит лишь в оплате исторически исчерпавшего себя типа существования.

Но и положение интеллектуалов старого типа, представителей частичного умственного труда, является ли они собственниками средств производства или духовно обеспечивающими данных собственников наемными работниками, в условиях постиндустриального общества оказывается не менее плачевным. Не имея непосредственной связи с производством, основанном на всеобщем труде, не являясь, стало быть, субъектами всеобщего труда, они лишь до известной степени глубоко и принципиально искаженно оказываются в состоянии отразить новую объективную реальность. Интегрированная частичная трудовая деятельность и ее продукты в их головах по-прежнему разлагаются на несвязные, противопоставленные друг другу элементы, что существенно понижает общественную значимость их духовного продукта. Эта значимость падает еще и потому, что доступный такого рода интеллектуальному и художественному отображению предметный мир, мир частичных индивидов, утрачивая самостоятельный (субстанциальный) характер, тает на глазах.

В современном обществе предметный мир, создаваемый человеком, стремительно растет, становится все более многообразным, но вот его товарная стоимостная оценка снижается и приобретает все более противоречивый характер. Снижение товарной стоимости происходит, во-первых, потому, что сокращается эффективность и доля частичного, а вместе с ним и абстрактно-

го труда. Во-вторых, накопленное человечеством товарное стоимостное богатство оказывается все меньше воспроизводимым, поскольку идет на обеспечение все более растущего числа выброшенных за пределы реального производства людей. В-третьих, товарная стоимость утрачивает самостоятельный характер, поскольку оказывается воспроизводимой преимущественно в рамках всеобщего труда и соответствующих ему посттоварных стоимостных отношений и подчиненной им. Товарная стоимость включается в посттоварную объективную оценку, воспроизводится в ней, поскольку всеобщий труд представляет собой интегрированный тип частичной деятельности, в рамках которой каждое частичное действие в отдельности может быть оценено само по себе, т. е. старым способом. Однако эта стоимостная оценка частичных действий вне их интеграции не выявляет действительной значимости интегрированного трудового действия в целом, а стало быть, и включенной в него значимости каждого конкретного действия, т. е. оказывается в принципе неадекватной. Частичная деятельность, попадая в горнило всеобщего труда, интегрируясь в нем и исчезая как самостоятельная определенность, приводит к тому, что и товарное стоимостное отношение в нем исчезает. Всеобщий труд производит не товарную, а посттоварную стоимость и саму товарную стоимость превращает в посттоварную.

Другим важным производственным отношением, претерпевающим изменения в современном обществе, является собственность, или отношение присвоения. В процессе труда, производя свою социальную материальную сущность, сущность любого другого индивида, посредством преобразования природы, люди с необходимостью вступают в отношения присвоения. Предмет невозможно преобразовать, не присвоив его, рабочую силу невозможно реализовать, не будучи ее собственником. Объектом присвоения в данной связи являются не только произведенные материальные блага (преобразованные природные объекты), но и рабочие силы производящих эти блага индивидов, и не только собственно рабочие силы, но и включенные в них природные уровни организации человека, например его биологические силы. При этом отношение человека к собственной рабочей силе и рабочей силе другого человека составляет «сердцевину» отношений собственности, поскольку не преобразуемая природа как таковая, а труд, живой человеческий индивид обладает социальной субстанциальностью, содержит в себе источник саморазвития общества. От характера самого труда зависят и те отношения, в которые люди вступают в процессе его реализации. Будучи необходимым условием реализации труда, собственность вместе

с тем производится трудом, является в первую очередь трудовым отношением.

В обществе капиталистического (индустриального) типа труд выступает в двух основных формах – абстрактного и частичного труда. Частичный труд, будучи предельно специализированным, не производящим предмета присвоения и потребления целиком, создает условия для перманентного отчуждения продукта труда от производящего индивида. Преобразуя попеременно лишь отдельные стороны предмета, субъекты частичного труда не могут присваивать его иначе, как только попеременно. Преобразуемый предмет целиком, таким образом, никогда не является для фабричного рабочего объектом непосредственного присвоения. По той же причине он не является объектом непосредственного присвоения и совокупного рабочего – попеременно преобразующих данный предмет трудящихся в их связи. Конечный продукт совокупного, кооперированного (и в этом плане общественного) частичного труда может быть присвоен лишь опосредованно, в условиях рынка, к примеру, лишь посредством товарообмена. Это опосредованное присвоение является единственно возможным еще и потому, что дифференцированный, узкоспециализированный труд с неизбежностью порождает деление на непосредственно материальный и умственный труд. Субъекты умственного труда, не производя никаких материальных благ, тем не менее, как и все индивиды, в этих благах нуждаются для поддержания и развития собственной жизни, нуждаются они в конечном счете и в источнике этих благ – рабочей силе непосредственных производителей. Собственность трудящихся на средства производства и рабочую силу, таким образом, опосредуется отношениями собственности субъектов умственного труда на эти средства и силы, причем собственность субъектов умственного труда, лишенная непосредственных производственных оснований, приобретает характер исключительно насильственного отчуждения, выступает в форме частного присвоения, что в итоге закрепляется юридически, т. е. подкрепляется организованной силой государственного аппарата. Все попытки юридического упразднения частной собственности и закрепления общественной собственности непосредственных производителей на продукты их деятельности и их собственную рабочую силу, имевшие место в истории XX в. (в частности, в СССР), не дали существенного результата именно по той причине, что господство абстрактного и частичного труда с неизбежностью порождает эмансипацию духовного производства от материального и, как следствие, производит особый слой людей, исключительной функцией которых является непосредственное отчуждение объектов собственности.

В условиях господства частичного и абстрактного труда отношения собственности всегда выступают в двух базовых формах – опосредованного общественного присвоения и непосредственного частного присвоения, которые, противостоя друг другу, тем не менее, всегда диалектически друг друга предполагают. В зависимости от того, какие слои общества (непосредственные производители или субъекты умственного труда) добиваются политического господства, юридически закрепляется та или иная форма собственности, что, впрочем, не приводит к фактическому упразднению ни того, ни другого типа производственного отношения.

С момента утверждения всеобщего труда как определяющего общественное развитие типа материальной деятельности характер собственности претерпевает коренное изменение. Интеграция частичного труда, предполагающая как попеременную, так и одновременную реализацию частичных видов деятельности, становится основанием не только опосредованного, но и непосредственного общественного присвоения средств производства и рабочих сил кооперированными субъектами всеобщего труда, причем опосредованное общественное присвоение выступает в качестве необходимого момента непосредственного общественного присвоения, становится сообразным и подчиненным ему моментом. Однако присвоение в условиях утверждения всеобщего труда выступает не только в общественной, но и индивидуальной форме. Каждый работник, имеющий непосредственное отношение к современному наукоемкому производству, комбинирует и интегрирует в процессе своей деятельности различные виды частичного труда в различных их объемах, в силу чего его деятельность оказывается напрямую несопоставимой с деятельностью любого другого работника, т. е. приобретает исключительно неповторимую, уникальную форму. На данном основании и отношение присвоения приобретает индивидуальный характер.

Всеобщий (научный) труд, таким образом, порождает индивидуально-общественное присвоение средств производства и рабочих сил. Однако это присвоение не стоит понимать абстрактно, т. е. в том смысле, что все субъекты всеобщего труда одинаково, в равной мере индивидуально-общественным образом относятся к процессу производства. Реализация различных объемов интеграции частичных действий работника приводит к тому, что он вступает в производственные отношения с количественно и качественно различными группами непосредственных производителей по поводу количественно и качественно различных средств производства. В данной связи, упрощенно говоря, обнаруживается раз-

личное сочетание индивидуального и общественного присвоения, причем чем большее многообразие частичных действий интегрирует производитель в ходе своей деятельности, тем масштабнее становится индивидуальный и непосредственный и опосредованно общественный характер его отношения присвоения.

Индивидуально-общественное присвоение в условиях наукоемкого производства имеет иерархизированный вид, представляет сложную систему соподчиненных друг другу различных форм присвоения. Эта система с ростом интеграции производства постоянно претерпевает изменения, лишена устойчивого характера, что делает практически невозможным регулирование отношений собственности извне. Например, крайне затруднительным (а вполне может быть, и невозможным) становится политическое и правовое регулирование отношений присвоения, поскольку любой работник, обретая новый навык, меняет свое отношение как к своей, так и к чужой рабочей силе и, следовательно, к создаваемым и используемым средствам производства. Правовая форма регулирования отношений собственности в такой ситуации оказывается крайне инертной, не поспевающей за ходом объективных изменений производственных отношений. Единственно возможной и, видимо, единственно адекватной формой регулирования отношений собственности в рамках наукоемкого производства становится регулирование на началах производственного самоуправления. Иначе говоря, сами работники сообразно своему вкладу в развитие индивидуально-общественных производительных сил выстраивают отношения и права собственности друг с другом.

Отличительной чертой всеобщего труда является то, что он есть сложный материальный наученный труд, непосредственно сочетающий в себе сложный процесс преобразования и отражения материального мира. Единство материальной и духовной деятельности становится причиной вытеснения из наукоемкого производства представителей сугубо умственного труда и, как следствие, снимает основанные на насильственном отчуждении производительных сил отношения не только опосредованного общественного, но и частного присвоения. Такие юридически закрепленные формы собственности, как государственная, муниципальная, частная, в условиях развития всеобщего труда утрачивают свои объективные основания, сохраняясь разве что на бумаге.

Однако стоит отметить, что современная цивилизация находится в процессе перехода от старого типа общественного устройства, основанного на абстрактном и частичном труде, к обществу нового типа, порождаемому всеобщим тру-

дом. В данных обстоятельствах наблюдается не только напластование исторически различных форм собственности, но и существенное противоречие между ними, и определенное включение в преобразованном виде старых форм в новые формы. Можно предположить, что частная и опосредованно общественная (государственная, муниципальная и т. п.) собственность вполне может сохраниться в обществе нового типа, но лишь при условии ее подчинения индивидуально-общественным отношениям присвоения подобно тому, как абстрактный и частичный труд в подчиненном виде сохраняется во всеобщем труде. При этом старые формы присвоения сами по себе, безусловно, утратят самостоятельное значение.

Примечания

1. См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. См.: Иноземцев В. А. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 1999.
3. См. подробнее: Корякин В. В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь, 2008. Ч. 1. Гл. 4. § 1.
4. Там же.
5. См.: Корякин В. В. Указ. соч. Ч. 2.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 560.
7. См.: Там же. Раздел об отчужденном труде.
8. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. М., 1962. С. 116.
9. Орлов В. В., Васильева Т. С. Труд и социализм. Гл. 5, 6; Они же. Философия экономики. С. 207–210, 217–229; Орлов В. В. Философия и экономика. С. 18–20; Он же. Проблема будущего человеческой цивилизации. С. 18–19.
10. См.: Там же; Корякин В. В. Современное производство: к вопросу о сущности и перспективах развития // Новые идеи в философии. Пермь, 2003. Вып. 12 (1); Он же. К вопросу о сущности постиндустриальной модернизации // Человеческий потенциал модернизации России. Стратегия опережающего развития 2006. М., 2006. С. 90.

УДК 101:316:141.78

В. В. Орлов

МАРКСИЗМ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Постиндустриальная теория подметила многие существенные феномены современного позднего капиталистического общества, в недрах которого происходят весьма серьезные «архитектонические сдвиги». Однако эта теория не дала адекватного теоретического объяснения, которое возможно на основе материалистического понимания истории, понятия всеобщего (научного) труда.

Many significant phenomena of the late capitalist society, its serious “architectonic” shifts were noticed by the post-industrial theorists. However, they did not give adequate theoretical explanations of these processes. Appropriate methods of analysis should be based on materialist understanding of history and the notion of universal (scientific) labour.

Ключевые слова: марксизм, постиндустриальное общество, информация, стоимость, товар, услуги, образование, наука, осевая парадигма, всеобщий труд.

Keywords: Marxism, post-industrial society, information, value, commodity, service, education, science, axial paradigm, universal labour.

Концепция постиндустриального (информационного, информационального) общества – одна из наиболее обсуждаемых со второй половины XX в. социологических теорий. По мнению В. А. Иноземцева, «теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX в., в полной мере подтвержденной исторической практикой» [1]. Такая оценка представляется чрезмерной, однако теория постиндустриализма, по нашему мнению, представляет собой наиболее интересное явление в современной зарубежной социологии, а ее отношение к марксизму требует самого серьезного анализа. По нашему убеждению, постиндустриальная теория подметила многие существенные особенности современного позднего капиталистического общества, в недрах которого происходят весьма серьезные «архитектонические сдвиги», без учета которых невозможно научное понимание этапа общественного развития, начавшегося в 50-е гг.

Подобно тому как формирование марксизма в 40–60-е гг. XIX в., в особенности его политико-экономического учения, было невозможно без классической трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо, критически переосмысленной К. Марксом и Ф. Энгельсом, так и современный марксизм немислим без всестороннего учета, критического осмысления теории постиндустриального общества. Марксизм никогда не был сек-

тантской теорией, изолированной от магистрали развития мировой культуры, ее лучших достижений. Если марксисты XX в., несмотря на многие глубокие исследования современного общества, не создали теории, по широте охвата современного общества аналогичной теории постиндустриализма, каковы бы ни были ее недостатки и спорные положения, конструктивный анализ этой теории, критическое осмысление с «удержанием всего положительного» является прямым долгом марксистов. Это тем более необходимо, что непонимание или отсутствие учета важнейших тенденций развития современного общества, так или иначе подмеченных теорией постиндустриализма, явилось одной из предпосылок догматизма последнего советского и партийного руководства СССР, которое не смогло осознать происходящее в стране, разработать и проводить в жизнь реформы устаревшей модели социализма, которая должна была быть заменена более совершенной моделью социализма, учитывающей особенности постиндустриальной эпохи. Как известно, этим воспользовались антисоциалистические силы, которые еще в большей степени вступили в противоречие с тенденциями постиндустриализма и отбросили страну далеко назад от постиндустриального общества, обусловили превращение России в сырьевой придаток Запада – вполне в соответствии с «проектом» Международного валютного фонда, контролируемого США.

Теория постиндустриального общества в ее первоначальном варианте создана Э. Тоффлером, Д. Беллом, Ж. Фурастье, Р. Хейлбронер, П. Дракером и другими. Наиболее основательное исследование постиндустриализма дано в книге Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (1973). В силу известного догматизма руководства КПСС, эта книга была издана в СССР очень узким тиражом (300 экз.) и не получила свободного распространения. Более того, в опубликованных некоторыми обществоведами статьях Белла оценили как «антимарксиста», что вызвало немалое удивление со стороны Белла. В предисловии к русскому изданию книги 1999 г. Белл писал: «Но я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многие в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории... Я бы скорее назвал себя постмарксистом, в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме» [2].

В 1996–1998 гг. М. Кастельс публикует трехтомную монографию «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура», первый том которой, с добавлением главы и итогового заключения третьего тома, опубликован в России в

2000 г. Монография Кастельса составляет новый этап, «новую волну» разработки теории постиндустриализма и содержит ряд существенных уточнений концепции, предложенной его предшественниками.

Теория постиндустриального общества представляет собой, на наш взгляд, весьма интересную версию современного этапа развития общества, претерпевающего глубокие технологические, экономические и культурные изменения, многие существенные стороны которых схвачены этой теорией. Постиндустриальная теория подметила целый ряд важнейших феноменов современного общества и нуждается в самом серьезном анализе.

С нашей точки зрения, теория постиндустриального общества дает описание определенного среза современного общества, не затрагивает наиболее фундаментальные тенденции общественного развития и должна быть признана скорее «феноменологией» современного общества, пределы которой – объяснительные и предсказательные – определены границами указанного среза.

Классическая теория постиндустриализма исходит из трех основных положений.

1. Источником производительности и роста нового этапа общественного развития («третьей волны» – по Тоффлеру) являются знания, распространяемые на все области экономической деятельности через обработку информации.

2. Экономическая деятельность смещается от производства товаров к производству услуг. Сфера услуг выделяется как новая крупнейшая сфера экономической деятельности, состоящая в воздействии на человека, а не на природу.

3. В новой экономике все возрастающую роль играют профессии, связанные с высокой насыщенностью знаниями и информацией. Ядро новой социальной структуры составляют профессионалы и техники.

По Тоффлеру, различие между доиндустриальной (аграрной, «первой волны»), индустриальной и постиндустриальной эпохами можно связать со специфическими видами производства: вещества – энергии – информации. В рамках информации Белл и Кастельс особо выделяют знания, науку, прежде всего – фундаментальную науку. В постиндустриальную эпоху наука окончательно превращается в непосредственную производительную силу. Как известно, превращение науки в непосредственную производительную силу впервые открыл К. Маркс, что забывают отметить как авторы теории постиндустриализма, так и некоторые их российские горячие поклонники.

Специфика постиндустриализма связана с революцией в информационных технологиях. Новое общество, которое Кастельс определяет

как информационное, «организует свою производственную систему вокруг принципов максимализации, основанной на знании производительности через развитие и распространение информационных технологий» [3]. Постиндустриализм, каковы бы ни были варианты его интерпретации, связан с революцией в информационных технологиях, вызванной достижениями в области электроники, связи, компьютерной техники, геной инженерии.

Классическая теория постиндустриализма, по Беллу, основывается на концепции общества как совокупности трех сфер: технико-экономической системы, политического строя и культуры. Белл не считает себя «технологическим детерминистом». «Разумеется, технико-экономическая система оказывает воздействие на другие сферы общества, но она не определяет их. Политика относительно автономна, а культура – исторична» [4]. Белл не разделяет марксистскую концепцию общества, которая в его понимании есть «экономический детерминизм», суть которого Белл не разъясняет. Рассматривая три сферы общества как «осевые линии» анализа, Белл, однако, признает, что влияние технико-экономической сферы «на другие стороны жизни огромно» [5].

Информационная революция привела к изменению труда и поэтому к изменению социально-классовой структуры общества. Резко сократилась роль и численность промышленного пролетариата, на первый план вышли работники интеллектуального труда, организаторы производства, техническая интеллигенция, административные кадры. Предполагалось, что к началу XXI в. в США пролетариат «фабричных труб» составит лишь 10% численности работающих. В предисловии к русскому изданию «Грядущего постиндустриального общества» Белл отмечает, что в развитых странах эти работники интеллектуального труда составляют около 60% всех занятых в производственной сфере [6].

Постиндустриализм характеризуется, далее, существенным изменением в экономических и управленческих структурах общества. Особое внимание на это обращает Кастельс. На место сложной иерархической пирамидальной структуры фирм приходит более «плоская» — сетевая структура, происходит сдвиг от «вертикальных бюрокраций» к «горизонтальным корпорациям». Преимущество сетевых корпораций перед прежними иерархическими в условиях резкого усиления динамики экономической деятельности — вплоть до бизнеса со скоростью электронных средств связи (Кастельс) и даже со скоростью мысли (Б. Гейтс) [7] — заключается в том, что «сетевой рой весь состоит из краев и поэтому открыт для любого пути, которым вы к нему подходите» [8].

Все сторонники постиндустриальной концепции сходятся в признании современного (постиндустриального) общества как состояния глубоких социальных ломок, неопределенности, противоречий, вызывающих «шок будущего». Иными словами — в признании глубокого кризиса мировой цивилизации. Не вдаваясь дальше в эту проблему, отметим две черты этого кризиса в истолковании постиндустриалистов: процесс политизации и идеологизации общественных движений, экономической и другой деятельности и угроза возврата в «Темные века». По мнению Тоффлера, постиндустриальное общество стоит перед выбором между дальнейшим развитием демократии или возвратом в Средние века. В период индустриального общества наука добилась явного первенства перед религией и церковью, в современном обществе последние стремятся восстановить свое господствующее положение. «К середине индустриальной эры... секулярные силы сумели подавить организованную религию, ослабляя ее влияние на школы, на нравственность и на само государство» [9]. Однако христианские фундаменталисты, а затем и другие религиозные фундаменталистские силы «начали мощную контратаку на секуляризм, которая скоро приняла форму весьма эффективной политической акции» [10].

Весьма важной чертой постиндустриальной эры, как особенно подчеркивает Кастельс, является существенный рост роли государства, его влияния на экономику, роли стратегического планирования. Кастельс показал, что следование «абстрактной рыночной логике» ведет общество к краху, примером чего служат реформы в России. «“Рыночная логика” так глубоко опосредована организациями, культурой и институтами, что экономические агенты, осмелившиеся следовать абстрактной рыночной логике, диктуемой неоклассической экономической ортодоксией, потерпят крах» [11].

По широкому признанию, одной из важнейших черт капиталистической экономики XX в. является процесс социализации, получивший первое заметное выражение в политике президента США Рузвельта в период «Великой депрессии» 1929–1932 гг., развернувшийся в ведущих странах мира после Второй мировой войны. Общеизвестно, что процесс социализации, создания развитой системы социальных гарантий для трудящихся был обусловлен интересами развития капитализма, влиянием примера СССР, борьбой трудящихся за свои права.

Процесс социализации в условиях складывающегося постиндустриализма второй половины XX в. дал определенные основания для формирования представления о будущем постиндустриальном обществе как обществе глубоко социа-

лизированном, что послужило причиной для его трактовки как «постбуржуазного» или «посткапиталистического» (Дракер, 1995). Такая трактовка сохраняет определенные основания, однако необходим более глубокий анализ природы постиндустриализма. В этом плане весьма серьезного внимания требует трактовка природы постиндустриализма, данная Кастельсом.

С точки зрения Кастельса, постиндустриальное общество – современная ступень развития капитализма, результат реструктуризации капитализма, информационный капитализм. Суть реструктуризации – децентрализация и появление сетевых структур на базе информационных технологий, что позволило резко интенсифицировать экономическую деятельность, в тенденции – до скорости действия оптико-волоконной связи. Это привело к значительному усилению роли капитала по отношению к труду и, как следствие, к упадку рабочего движения [12]. Информационный капитализм оставил в прошлом кейнсианскую экономическую модель, принеся «беспрецедентное экономическое процветание и социальную стабильность большинству рыночных экономик в период почти трех десятилетий после второй мировой войны» [13]. Следствием реструктуризации явился демонтаж социального контракта между трудом и капиталом. Информационный капитализм направлен на «углубление капиталистической логики стремления к прибыли» [14], на максимизацию прибыли. Реструктуризация сопровождалась «широко распространенным ухудшением условий жизни и труда работников» [15], «потрясающим прогрессом неравенства доходов в США» [16]. Информационный капитализм полностью исключает модель «государства всеобщего благоденствия»

Важнейшей чертой новой экономики является ее глобализация. Глобальная экономика, возможно, основная характеристика и самая важная черта информационного капитализма [17]. При этом, вопреки распространенному у нас мнению, глобальная экономика – это вовсе не мировая экономика в целом. Это «экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [18]. Ее важнейшей чертой является механизм исключения из глобальной экономической системы целых регионов, к которым Кастельс относит Африку. Последним рубежом глобальной экономики Кастельс считает Россию и бывшие советские республики. «Интеграция оставшихся экономических руин в глобальную экономику есть последний фронт экспансии капитализма» [19]. Целые страны и даже регионы обречены глобализмом оставаться на периферии безнадежно отставших стран. Что касается России и бывших

советских республик, то они, по мнению Кастельса, могут включаться в глобальную экономическую систему путем сегментированной инкорпорации, т. е. в расчлененном виде.

Подведем некоторые итоги. Россия обладает 25% мировых невозобновимых природных ресурсов, включая стратегические. (СССР располагал 40% невозобновимых, 50% стратегических.) Известно, что разведанные ресурсы оцениваются в России в 30 трлн долларов, в то время как в США – в 6 трлн, в Китае – в 8,5, в Западной Европе – в 3,5 трлн. Современный мир приближается к экологической катастрофе, связанной прежде всего с ограниченностью природных ресурсов. В условиях жесточайшей конкурентной борьбы, в конечном счете – за место под солнцем, при действии «механизма исключения» из глобальной экономики, при разрушенной некомпетентными экономистами и другими «реформаторскими силами» экономике, продолжении политики разрушения государственной собственности и, следовательно, ослаблении государства, Россия неминуемо остается сырьевым придатком глобальной экономики. Продолжающаяся президентом политика либеральных реформ полностью противоречит всем подмеченным теорией постиндустриального общества экономическим законам.

Теория постиндустриального общества представляет несомненный теоретический и практический интерес. В анализе феноменов современного общества она действительно превосходит другие версии характера современного общества. Однако, с нашей точки зрения, она лишь частично приоткрыла фундаментальные тенденции современного мира и не может претендовать на роль теории, действительно раскрывающей сущность, закономерности и перспективы развития современного мира. Доскональный анализ постиндустриальной теории – задача многих исследований. Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающую оценку, мы рассмотрим лишь некоторые принципиальные моменты предложенной нами концепции современного этапа развития общества, «рамочной» философской концепции трудовой теории экономики постиндустриального общества, или неоекономики.

Как уже отмечено, теория постиндустриального общества дает определенный «срез» современного общества, что определяет, ограничивает ее теоретические и предсказательные возможности. Базовым уровнем, на котором строится постиндустриальная теория, выступает технология и труд, рассматриваемый лишь в его профессиональном плане (работники физического и умственного труда, техники, профессионалы, предприниматели и т. д.). Однако под этим уровнем общественной жизни лежит более фундаменталь-

ный, в плане которого различается конкретный и абстрактный труд, требующий несомненно более высоких абстракций анализа и таящий под собой мощную философскую базу. Именно на этом уровне обнаруживаются такие фундаментальные для экономики и общественной науки вообще реальности, как стоимость, товар, рабочая сила, производительность труда, общественные отношения, собственность и т. д., имеющие ключевое значение для понимания экономического фундамента общественного развития. Основатели постиндустриализма, называющие себя «постмарксистами», действительно отошли от Марксовой теории, сохранив, однако, целый ряд ее положений и подходов. Поскольку задача анализа явно выходит за пределы статьи, ограничимся несколькими принципиальными замечаниями.

Теория постиндустриального общества фактически подметила предсказанный Марксом процесс вырождения фундаментальнейшего для товарного производства, рыночной экономики, феномена товарной стоимости, связанного с выходом современного общества, с его новой технологией, за пределы товарного производства. Точнее – с начавшимся выходом за эти пределы, что не было теоретически подмечено ни Тоффлером, ни Беллом, ни Кастельсом. Ранее нами была предложена «рамочная» философская концепция экономики постиндустриального, точнее – постпостиндустриального общества, связанной с новой, не товарной формой трудовой стоимости [20]. В основу этой версии положена высказанная Марксом идея возникновения новой исторической формы труда, идущей на смену машинному («индустриальному») с его делением на конкретный и абстрактный труд – «всеобщего», или «научного», труда.

Центральным моментом предложенной нами рамочной концепции является представление о компьютерном труде – наиболее характерной форме труда в постиндустриальном обществе – как о современной форме предсказанного Марксом «всеобщего труда», — материального труда, суть которого (компьютерного труда) состоит в том, что он есть производство абстрактных материальных структур, в то время как индустриальный труд был в особенности производством энергии, а доиндустриальный – вещества (если принять условную классификацию Тоффлера). Информация в системах – не что иное, как абстрактные материальные структуры, которые могут осознаваться и выступать в идеальной форме, но в самих компьютерах и связанных с ними системах остаются ничем иным, как абстрактными материальными структурами. Возникновение производства абстрактных материальных структур, с нашей точки зрения, самое поразительное

достижение современного общества, современной «информационной» технологии.

Важнейшим следствием возникновения новой, несравненно более производительной формы материального труда является разрушение или «вырождение» основы товарного производства и его высшей формы – капиталистического товарного производства – стоимостного отношения. Марксом было показано, что стоимостное отношение базируется на пропорциональности вещественного и стоимостного богатства, потребительной стоимости и стоимости, когда каждой потребительной стоимости соответствует количественно определенная порция, «кристалл» абстрактного труда. «Научный», т. е. «онаученный труд», «наукоемкий труд», разрушает такого рода пропорциональность, что означает и постепенное разрушение стоимостного отношения, товарного производства, «рыночного хозяйства». Этого и не поняли ни авторы теории постиндустриального общества, ни их зарубежные и отечественные сторонники. Белл, говоря о несостоявшихся двух «сценариях» Маркса перехода от капитализма к социализму, не понял основного «сценария» Маркса, разработанного и обоснованного в «Капитале» [21]. К сожалению, складывается впечатление, что этого сценария не заметили и многие марксисты, явно не выражающие интереса к теории постиндустриального общества.

Представляется, что только на этой основе может быть создана адекватная концепция современного этапа развития цивилизации и найдены пути действительного возрождения России как великой державы.

Главный вывод, следующий из обнаруженного теорией постиндустриализма (и непонятого ею) факта возникновения новой исторической формы труда – всеобщего, или научного, заключается в том, что в период, когда капитализм, высшая форма «рыночного хозяйства», выступает в его явной видимой мощи, в его недрах складывается та форма непосредственно общественного труда, которая по сути дела несовместима с частно-капиталистической формой собственности, происходит процесс того отрицания капитализма – пока в рамках самого капитализма – который, согласно Марксу, неминуемо приводит к новой социальной революции, возникновению новой, коммунистической формации. Постиндустриальное общество – это прямое преддверие социализма. Вопреки многочисленным в России и за ее пределами рассуждениям о конце марксизма и коммунизма, современное развитое капиталистическое – постиндустриальное – общество дает блестящие подтверждения справедливости идей марксизма. Мы живем действительно в период, когда капитализм вплотную подошел к последней грани его существования.

Примечания

1. *Иноземцев В. А.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 4.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. С. ХСІ.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 4.
4. Там же.
5. *Белл Д.* Указ. соч. С. ХСІХ.
6. Там же.
7. Там же. С. ХСІІ.
8. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М., 2001.
9. *Кастельс М.* Указ. соч. Там же.
10. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001. С. 452.
11. Там же. С. 453.
12. *Кастельс М.* Указ. соч. С. 175.
13. Там же. С. 26.
14. Там же. С. 40.
15. Там же. С. 41.
16. Там же. С. 262.
17. Там же. С. 101.
18. Там же. С. 105.
19. Там же. С. 144.
20. См: *Орлов В. В.* Проблема будущего человеческой цивилизации // Новые идеи в философии. Пермь, 1999; Он же. Товарное производство и экономика будущего // Экономическая теория на пороге XXI века. 2001. № 5.; Он же. Глобализм и глобальная тенденция мирового развития // Альтернативы глобализации: человеческий и научно-технический потенциал России. Т. 1. М., 2002; *Орлов В. В., Васильева Т. С.* Философия экономики. Изд-е 1, 2. Пермь, 2005, 2006.
21. Развернутое обоснование см.: *Орлов В. В., Васильева Т. С.* Философия экономики. Изд-е 1, 2. Пермь, 2005, 2006.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 159.922.4(470)

А. А. Вейт

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МАТЕРИ И МЛАДЕНЦА КАК ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

История опыта всего человечества является своеобразной эволюцией архетипических образов. Основой российской ментальности являются архетипы Младенца (андрогинность и разнообразие, возможное будущее) и Матери (воплощение в Макоши, Параскеве Пятнице, Софии, Богородице).

The history of experience of mankind represents the evolution of archetypal images. The basis of Russian mentality is formed by the archetypes of the Baby and Mother. The Baby archetypes (androgyny, variety, possible future) and Mother archetypes (an embodiment in Makoshi, Paraskeva Pyatnitsa, Sophia, Mother of God).

Ключевые слова: архетип, ментальность, младенец, мать, софийность, космопсихологос.

Keywords: archetype, mentality, baby, mother, Sophia, cosmopsychologos.

Создатель теории архетипа, выдающийся швейцарский философ и психолог К. Г. Юнг, полагает, что архетип – это синоним классического понятия идеи и его можно истолковать в платоновском ключе как первообраз и прототип: «Где-то “за небесами” существует прототип, или первичный образ матери, сверхпорядковый и предшествующий по отношению ко всем явлениям, в которых проявляется нечто “материнское” в самом широком смысле этого слова» [1]. Но как сторонника эмпирической психологии сведение архетипа к платоновской идее его не удовлетворяет; последняя оторвана от человеческого опыта в силу своей «занебесности», метафизичности и трансцендентности. Более адекватную характеристику архетипа К. Г. Юнг связывает с учением И. Канта о трансцендентальном субъекте с его априори, где важную роль играет чувственность и эмпирический опыт. Как психолог, он полагает, что в роли априори выступает психологическая предпосылка – некая досознательная психологическая предрасположенность, базовая структура души, которая передается по наследству. «Во всей человеческой деятельнос-

ти, – пишет он, – есть априорный фактор, так называемая врожденная, досознательная и бессознательная индивидуальная структура души» [2].

Раскрывая природу архетипа, К. Г. Юнг различает архетип как таковой и архетипический образ. В первом случае речь идет о досознательной психической предрасположенности специфически человеческой предустановленной способности как изначальной «скрытой» форме, лишенной определенного содержания (в духе кантовского понимания априорных форм чувственности и рассудка), что позволяет человеку в принципе реагировать по-человечески. «Архетип, – подчеркивает К. Г. Юнг, – сам по себе пуст и чисто формален, он не что иное, как предустановленная способность, возможность представления, данная а priori. Наследуются не представления как таковые, а только их формы». Что же касается архетипического образа, то он, по К. Г. Юнгу, предназначен для выражения не только имеющей место формы действия, но и типичной ситуации, в которой это действие проявляется. Архетипический образ, в отличие от архетипа, содержателен, и он «определен в отношении своего содержания лишь тогда, когда становится сознательным и таким образом обогащается фактами сознательного опыта» [3].

Примечательно, что К. Г. Юнг, рассуждая подобным образом, дает, по сути дела, глубокое философское обобщение понятия архетипического образа именно в контексте философской антропологии. «Эти образы, – пишет К. Г. Юнг, – являются изначальными в том смысле, что они свойственны человеческому роду как таковому и, если они когда-либо были созданы, их начало должно было хотя бы совпадать с началом вида. Они являются “человеческим качеством” человеческого существа, специфической человеческой формой, которую принимают его действия... В продуктах фантазии изначальные формы становятся видами, и здесь понятие архетипа находит свое специфическое применение» [4].

В современной психологической и философской литературе многие авторы, говоря о менталитете как архетипе, по существу, имеют в виду архетипический образ. Данное представление должно быть, на наш взгляд, уточнено в связи с идеей о ментальных уровнях – непосредственной ментальности и глубинной ментальности. По-

нятие архетипа мы соотносим с понятием глубинной ментальности, а понятие архетипического образа – с понятием непосредственной ментальности, рассматривая архетипический образ как видимое образно-символическое проявление менталитета в человеческом опыте, в опыте всего человеческого рода и, следовательно, в опыте всей человеческой истории начиная с ее истоков и оснований.

Символическая природа архетипического образа обстоятельно рассмотрена К. Г. Юнгом, в частности, на примере архетипа и архетипического образа матери как символа материнства: символа плодородия и изобилия, заботы и сочувствия, мудрости и духовного возвышения и т. д. Закljučая эти рассуждения, К. Г. Юнг пишет, что «архетипические образы как таковые принадлежат к высочайшим ценностям человеческой души; именно они с незапамятных времен населяют небеса всех народов. И отказ от них нанес бы непоправимый ущерб» [5]. История опыта всего человечества может быть представлена как своеобразная эволюция – развитие архетипических образов – символов, различающихся между собой по степени сложности: мифологические образы (образы-истоки), религиозные образы (образы-основания) и философские образы (образы-концепты).

Анализируя определяемые К. Г. Юнгом архетипы коллективного бессознательного, такие, как «Младенец», «Дева», «Мать», «Возрождение», «Дух» и «Трикстер», мы считаем, что праобразами, полагающими истоки российской ментальности, являются «Младенец» и «Мать».

Архетип младенца развивается из более ранних мотивов и исключительно разнообразен, как и формы, которые он принимает. Архетип младенца отражает процесс индивидуации – будущее изменение и становление личности, самости. «Младенец – это возможное будущее» [6]. Процесс индивидуации предполагает синтез «божественного» бессознательного – неотъемлемость природно-сверхъестественного в человеке – и человеческого сознания, где, при помощи последнего, осмысливая встречаемые испытания, происходит все большее выделение человека из мира природы, очеловечивание его, что и приводит к зарождению самости. «Приход сознания был, вероятно, самым потрясающим переживанием первобытных времен, так как с ним явился на свет мир, о существовании которого до того момента никто и не подозревал» [7].

Поскольку становление младенца происходит при разрыве с матерью в направлении независимости, то возникающий конфликт обязательно обнажит противоречивость, иногда вплоть до крайностей. Преодоление конфликта возможно только путем осознанности, что не может быть

сделано коллективно. Неспособность и невозможность в тот момент к мышлению нарождающимся состоянием сознания приводит к рождению мифологической проекции, становится религиозной необходимостью, выражающейся в идее символа и ритуала. В любом случае рождающийся образ не просто созидает целое, объединяя противоположности, но, подверженный многочисленным трансформациям, «он может быть выражен... четверичностью как иной формой целостности» [8], что является подтверждением наличия в нарождающейся российской ментальности двух архетипов – младенца и матери, где последняя будет представлена как четвертая ипостась Бога – София.

Нарождение архетипа младенца происходит при потере взаимосвязи между прошлым и настоящим, разрыве, надломе ведущих к потере ценностей и неспособности сравнения, следовательно, к невозможности переоценки, которые приводили бы к осознанности. Архетип младенца актуализирует проблему поиска новой интерпретации, становящейся невозможной без осмысления прошлого, в результате чего возникает ощущение беспомощности, бессмысленности, подверженности давлению и внушению, приводящим к потере прошлого и «психическим эпидемиям» [9], что мы и будем наблюдать с завидной регулярностью в российской истории. Стихийные бунты, безудержно-неосознанные и страшные по своей жестокости, в которых «Иван, родства непомнящий» восстает, убивая брата и отца...

Становление архетипа младенца полагает формирование личности. Относительно коллективного бессознательного данный процесс определяется как исторический, созидающий характер, ментальность своей страны; однако отсутствие взаимосвязи, взаимодействия между прошлым и настоящим не приводит к становлению, свершению – устойчивости и гармоничности – младенец «чахнет», угроза его смерти, прерывности жизни заставляет родить Другого – Ново-рожденный младенец входит в историю как пророк, как «первенец нового поколения», появляясь в «самых невероятных местах», в самой «двусмысленной форме» [10].

К. Г. Юнг высказывает мысль, что наиболее «часто младенец сотворен по христианскому образцу» [11], однако в России (Руси), до принятия христианства, был свой славянский, языческий Перво-рожденный младенец, который оказался «выплеснут вместе с водой». Так называемый период двоеверия – это и есть Ново-рождение Другого младенца, который усилиями церкви навязывался в умах и душах людей как первенец.

Фиксация первообраза происходит в мифе (сказке). Например, если рассмотреть русские

сказки, то наиболее встречающиеся образы – то это мачеха/падчерица и Иван-дурак. Образ падчерицы (изначальный, славянский младенец) сливается с природой, живет по ее законам, вызывая сильное волнение и переживание за ее судьбу, которая никогда не может оказаться несчастной в противоположность злой мачехе с ее лживой, глупой и глумливой дочерью (Ново-рожденный младенец) – «Хаврошечка», «Двенадцать месяцев». Образы в сказаниях в таком варианте противоречия проявляются, как правило, в женском облике. Если мы попытаемся рассмотреть младенца в мужском облике, то это будет удивительно-странный синтез падчерицы и дочери – как дочь глупый, нескладный, но при поддержке природы как падчерица обязательно становящийся счастливым – Иван-дурак в начале и полцарства (царство) с женой в одном лице Марьей Искусницей, Еленой Прекрасной и Василисой Премудрой в конце.

И в женском, и в мужском вариантах происходит сохранение изначально сформировавшейся российской ментальности, что объясняется достаточно просто – гермафродизмом (андрогиностью) младенца (теория анимы: в мужчине – мужское сознание и женское бессознательное и наоборот).

Архетип матери безгранично многообразен и, как отмечает К. Г. Юнг, складывается из следующего сочетания: окружающих человека и первых по важности родственниц и других любимых женщин, состоящих с человеком в каких-либо отношениях; переживаемых как страстное влечение или, наоборот, вызывающих набожность и чувство благоговения в вещах; места или вещи, символизирующих плодородие и изобилие; темные предметы и места; магический круг, мандала; полые предметы [12].

К. Г. Юнг выделяет три наиболее важных аспекта матери: ее плодородное и доброжелательное божество, ее оргиастическую эмоциональность и ее стигийные глубины [13]. С архетипом матери «ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию. Мать – главенствующая фигура там, где происходит магическое превращение или воскрешение, а также в подземном мире с его обитателями. В негативном плане архетип матери может означать нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, все поглощающее и искушающее и отравляющее, т. е. то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба» [14].

В России есть закрепленный архетипический женский Небесный закон, Правь, вошедший затем в пантеон Владимира в виде Макоши (опре-

делительницы судеб), образ которой усилиями православной церкви будет преобразован в Параскеву Пятницу, почитание которой, как констатирует Ф. С. Капица, «было настолько глубоким, что в древности лик Параскевы Пятницы часто изображали на оборотной стороне икон Богородицы» [15]. Однако роль второго плана для женского божества на Руси будет отвергнута. Символ Матери – Мадонны с младенцем на руках – будет закреплен в образе Богородицы – наиболее почитаемой среди населения России. Большинство семей основной иконой в своем доме будут обозначать лик Богоматери. Д. Орехов в труде «Святые иконы России» пишет: «Через иконы благодать входит в наш мир. Видимое проявление этого вхождения благодати мы и называем чудесами, а икону, которая их дарит, – чудотворной». «Больше всего чудес творят из века в век иконы Божьей Матери – Пресвятой Девы Марии» [16].

Культ Богоматери поддерживался и укреплялся московскими князьями, в частности Иваном III, который, получив пророчество митрополита Петра, перенес в Москву икону Владимирской Богоматери, в результате чего Москва стала духовной преемницей двух русских столиц, Киева и Владимира, и получила Ее опеку [17]. Первым на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы был введен официально именно в граде Владимире, как считают многие исследователи, и эта мысль подчеркивается С. В. Переверзнецевым, уже в I четверти XII в. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» «в еще неразработанной форме присутствует новое понимание значения Богородицы для Руси – сама Пресвятая Божия Мать, по воле Божией, устанавливает над Русью Свое особое покровительство». С 1395 г. на 26 августа на Руси установлен праздник Сретенья Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, что дает полное право признать почитание Пресвятой Богородицы «одной из важнейших характеристик русского религиозно-философского сознания вообще и русской религиозно-философской мысли в частности» [18].

Женское славянское начало, синтезируясь с христианством, находит свое отражение в софийности, которая, находясь вне Божественного мира, «допускается в него по неизреченному снисхождению любви Божией», одновременно выступает основой тварного мира, «но она остается и трансцендентна миру прежде всего потому, что он находится во времени и становлении, а София выше времени и вне всякого процесса. ...Никак нельзя и отделить её от мира, а тем более ему противопоставить, ибо вне Софии мира не существует. То, что в нем подлинно есть или что скрепляет его бытие в небытии, именно и есть София». София осуществляет связность мира

Божественного и тварного, делает незримой разделяющую их грань. Она обладает вечным образом, что являет её как сверхвременную не будучи сама Вечностью. – «София свободна от времени, возвышается над ним, но самой ей не принадлежит вечность» [19].

София является символом православной церкви. В русской религиозной философской традиции София приобрела большое значение не только как художественно-эстетическая интерпретация образа Премудрости Божией, но и как олицетворение Богородицы, Церкви. «Это особое, сокровенное, эмоциональное отношение к мудрости, которая воспринимается не как прагматическое рассудочное знание, но как высшая, прекрасная, несравненная ценность, достойная поклонения и всецелого ей служения, стало одной из доминант отечественного философствования – от многочисленных реминисценций на софийные мотивы до софиологических трактатов нового времени» [20].

Пожалуй, софийность является наиболее спорной категорией у православных догматистов и русских религиозных философов: особое место ей уделял в своих рассуждениях С. Н. Булгаков. Он обозначает Софию как четвертую ипостась, ипостась особого, иного порядка, которая не отождествляется с Богом, что позволяет сохранять в неизменности догмат о Троице, не превращать триипостасность в четвероипостасность, троицу в четверицу. Но она является началом новой тварной многоипостаси, ибо за ней следуют многие ипостаси (людей и ангелов), находящиеся в софийном отношении к Божеству» [21]. Можно утверждать, что обозначение Софии как четвертой ипостаси является иррациональной, архетипической (архетип матери), бессознательной попыткой вернуть женскому началу ту значимость и роль, которые были присущи славянскому женскому началу – Третьему лику Бога, Небесному Закону, Правь. София «есть та Великая Матерь, которую издревле чтили благочестиво язычники: Деметра, Изида, Кибела, Иштар (продолжим – Макошь... А. В.). И эта земля есть в потенции своей Богоземля» [22]

Интересное, оригинальное выражение образа матери мы находим у Г. Д. Гачева, который выходит на понятие космопсихологоса – единство тела (местной природы), души (национального

характера) и духа (языка, логики) [23] – национальный менталитет.

Обращаясь к русскому целому, Г. Д. Гачев выделяет триаду субъектов, которая действует, пока это русское целое существует. Первой из субстанций выступает женское начало, мать – сыра земля Россия (ПРИРОДИНА), являющаяся субъектом истории, что органически сочетается с обозначенным архетипом матери, лежащим в основе российского менталитета и раскрывающимся (сохраняющимся как исток и не теряющим свою значимость на протяжении всего хода исторического развития России) через мифологическое божество Макошь... категорию софийности, а далее и русскую идею – вечно-бабье. «Не случайно Богочеловечество в России перетекло в Софийность. В женском варианте – Богородичном, а не Христовом» [24].

Примечания

1. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. М.: «Медиум», 1994. С. 212.
2. Там же. С. 214.
3. Там же. С. 215–216.
4. Там же. С. 215.
5. Там же. С. 221.
6. Там же. С. 100.
7. Там же. С. 104.
8. Там же. С. 101.
9. Там же. С. 93.
10. Там же. С. 93.
11. Там же. С. 95.
12. Там же. С. 217.
13. Там же. С. 219.
14. Там же. С. 218–219.
15. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. М.: Флинта: Наука, 2001. С. 133.
16. Орехов Д. Святые иконы России. СПб.: «Невский пр.», 2000. С. 14–15.
17. Переверзенцев С. В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М.: Вече, 2001. С. 141.
18. Там же. С. 139–140, 142.
19. Булгаков С. Н. Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 187, 194, 189.
20. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Моск. ун-т, 1994. С. 102.
21. Булгаков С. Н. Там же. С. 186–187.
22. Булгаков С. Н. Там же. С. 209.
23. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: «Прогресс-Культура», 1995.
24. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53. С. 28.

УДК 37.01

Н. А. Власова

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ НОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ К ОБРАЗОВАНИЮ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается проблема обоснования новых требований к образованию в постиндустриальном обществе. В статье анализируется специфика постиндустриального общества, а также новые цели и ценности образования. Внимание акцентируется на проблемах понимания, различной интерпретации в образовательном процессе. Рассмотрен вопрос формирования целостной, многогранной личности с помощью новых образовательных технологий.

The article deals with the problem of substantiation of new demands to education in post-industrial society. The author analyses the peculiarities of post-industrial society, new goals and values of education. The text centers round the problem of comprehension and varied interpretation in the process of education. The problem of forming integrative and many-sided personality with the use of new educational technologies is considered.

Ключевые слова: философия образования, постиндустриальное общество, методология знания.

Keywords: philosophy of education, post-industrial society, methodology of knowledge.

Современную эпоху следует характеризовать как переходную к информационному, постиндустриальному обществу. Развитые страны вступают в постиндустриальное общество во второй половине XX в. Теоретическим анализом постиндустриального общества занимались социологи и футурологи Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс, П. Дракер, Ж. Фурастье и другие. В рамках этого анализа существенное значение и актуальность приобретает изучение новых требований к образованию, отражающих реальность постиндустриального общества.

Отметим наиболее важные моменты в теории постиндустриального (информационного, информационного) общества. Капитал и труд как основа индустриального общества уступают место информации и знанию в обществе постиндустриальном. Его характеризуют свободное движение и производство информации и информационных услуг, неограниченный доступ к информации и использование ее для научно-технологического и социального прогресса, научных инноваций, развития знаний, решения экологических и демографических проблем. Знания являются источником повышения производительности труда и интенсификации общественного развития. Знания распространяются на все области экономической деятельности через обработку

информации. От производства товаров экономическая деятельность смещается к производству услуг. Сфера услуг воздействует не на природу, как ранее, а на человека. В новой экономике возрастает роль профессий, связанных с высокой насыщенностью знаниями и информацией. Основу новой социальной структуры должны составлять профессионалы и техники [1]. В рамках процесса информатизации Д. Белл и М. Кастельс особо выделяют значение знания, науки, прежде всего фундаментальной науки. В постиндустриальную эпоху она окончательно превращается в непосредственную производительную силу. Специфика постиндустриализма связана с революцией в информационных технологиях, вызванной достижениями в области электроники, связи, компьютерной техники, генной инженерии. Согласно Кастельсу, новое информационное общество основывает свою производственную систему производительности, базирующую на знании через развитие и распространение информационных технологий [2].

Вступая в новый, постиндустриальный, информационный этап развития общества, мы должны вновь задумываться над целями и содержанием образования, формулировать новые цели и новые ценности, актуальные для информационного общества. Необходимо сделать акцент на процедурах понимания, интерпретации, включенных в образовательный процесс. В этом определенную ценность и значимость играет философский постмодернизм (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, В. Подорога), который также осуществляет рефлексию соотношения новых норм, целей и ценностей в обществе и в образовании. Проводником будущего в развитии общества является сфера образования [3]. Мы будем исходить из того, что образование как процесс задает: знания и методологию получения, обработки информации; установки и жизненные ориентиры – они включаются в мировоззрение, а мировоззрение, в свою очередь, влияет на образ жизни; систему отношений человека с миром и обществом.

Образование соотносит накопленный человечеством опыт, определенный объем знаний с требованиями современности и возможностями будущего. Через образование в аккумулированном виде общество усваивает научные знания. В постиндустриальную эпоху знание рассматривается как основной интеллектуальный ресурс для технологий. Процесс компьютеризации в последнее время стал главной силой ускорения в приобретении знаний; многие предприятия переходят на качественно новый уровень информатизации конструкторской, проектно-технологической и производственно-управленческой деятельности [См. 4]. Осуществляется она на основе специ-

альных информационных технологий. Эти изменения, характерные для компаний любого профиля деятельности, – проявление общей тенденции в экономике – расширения нового технологического уклада. Новые технологии не только предполагают вносить изменения в технику, но также предлагают иные решения социальных, в том числе даже личных проблем [5]. Новые технологии изменяют все интеллектуальное окружение человека и его мировосприятие. По существу, рождается новый цивилизационный уклад, в котором принципиально иной будет сфера труда, управления, досуга. Следовательно, выпускники вузов должны быть подготовлены к новому уровню информатизации профессиональной деятельности. Прогнозируемое будущее производства позволяет понять важность информационных технологий в формировании компетентности студентов и уточнить задачи образования. Очевидно, что необходимо готовить студентов к тому, чтобы они, быстро осваивая и используя новые информационные технологии, могли более эффективно применять знания в профессиональной деятельности. Подчеркнем, что важно не только умение пользоваться существующим информационным инструментарием, но и понимание роли информационных технологий как инструмента решения наукоемких задач, психологической готовности к освоению новых информационных технологий и знание методологии их освоения [6].

В информационном обществе люди по-разному воспринимают огромные потоки информации, обрушивающейся на них [7]. Одни отстают, другие постоянно растут, формируют себя и становятся компетентными, грамотными людьми, способными работать на высшем уровне. Поскольку компьютерная техника берет на себя все рутинные операции, а ускорение меняет окружающую обстановку, все большая часть энергии общества должна быть направлена на решение нестандартных проблем. Это требует развитого воображения и творческих способностей. Это задача образования – развивать творческих профессионалов. Человек в системе образования должен сконструировать себя сам. Одна из важнейших задач образования – повысить способность каждого индивида преодолевать трудности, т. е. способность быстро и экономно адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям. И чем стремительнее скорость перемен, тем больше внимания надо уделять распознаванию моделей будущих событий. Человеку в системе образования можно помочь понять, как его ценности, таланты, навыки, умения и знания формируют его собственные возможности. Решение задачи любой сложности улучшается, когда человек знает, к чему надо быть готовым. Мысль может выступать в качестве репетиции действия.

К числу задач образования следует добавить формирование информационной компетентности человека: необходимо овладеть некоторой компетенцией – совокупностью сформированных качеств личности, обеспечивающих готовность успешного осуществления профессиональной деятельности. Современный рынок труда требует от молодых специалистов не только глубоких знаний в сфере их профессиональной деятельности. Ценится умение работать в команде, грамотное ведение переговоров, коммуникативная компетенция, знание иностранных языков, основы маркетинга и менеджмента. Серьезную проблему представляют отсутствие у многих выпускников навыков социального поведения, неспособность к интеграции теоретических и практических знаний, неумение применять усвоенную теорию в практической профессиональной деятельности. Эффективное использование своих способностей, готовность к непрерывному образованию, кооперация являются решающими факторами в профессиональной деятельности. Необходимо также развивать языковую, предметную, межкультурную компетенции. Они определяют ценность специалиста для промышленности и рынка труда в целом. Все это должно повлиять на большую приспособленность к жизни, способность выбрать профессию, жизненный путь в целом. Следует отметить существенную проблему, которая заключается в том, что у людей, получающих образование, далеко не всегда осуществляется осознанный выбор будущей специальности. Следовательно, необходимо развивать еще и способность, шире – методологию: доучиваться и переучиваться в течение всей жизни. Эта способность важна и для тех, кто неверно определился с первого раза, и для тех, кто изначально знал, что хочет в жизни, – для таких индивидов жизненные горизонты начинают расширяться раньше.

В связи с обозначенными требованиями к образованию необходимо выявить и средства, которые будут содействовать выполнению этих требований. Современные технологии предполагают построение образовательного процесса на деятельностной, концептуальной, крупноблочной (модульной), опережающей, проблемной, личностно-смысловой, альтернативной, диалоговой, ситуативной, дифференцированной и индивидуализированной основе.

Выделим основные характеристики современных образовательных технологий. Они обогащают образовательный процесс за счет внедрения активных, аналитических, коммуникативных способов обучения. Образовательные технологии обеспечивают связь теории и фундаментального подхода в науке с практикой и прикладными исследованиями. Образовательные техноло-

гии должны формировать современные компетенции у будущих специалистов, соответствующие требованию рынка труда. Технологии призваны обеспечивать становление аналитических, организационных, проектных, коммуникативных навыков, способности принятия решения в неопределенных ситуациях, умения строить индивидуальные образовательные программы и управлять ими. Они также являются ресурсом для изменения содержания образования и структуры образовательного процесса в соответствии с международными требованиями и Болонским соглашением.

Для философского обоснования новых требований к образованию значительную роль играет постмодернистская рефлексия. С позиций постмодернизма предполагается необходимым формировать в процессе образования такого человека, который будет способен воспринимать другие ценностные системы. Постмодернисты утверждают, что надо ориентировать на диалог – на способность воспринимать иные смыслы, контексты; используют принцип аксиологического плюрализма: основываются на положении, что не существует абсолютных, универсальных ценностных систем. Плюралистичность постмодернисты считают единственно возможным подходом к ценностным системам в современную эпоху. Мировосприятие и миропонимание выражается в полифонии в иерархии смыслов – это дискурсивная игра. Жизненный мир постмодернисты рассматривают как смысловую реальность. Она предполагает существование человека как субъекта действия. Человек рассматривается как становящийся смысловой процесс, а поэтому возможно плюралистическое понимание человеком действительности. Представления человека о действительности – это языковая смысловая сетка, а не последовательность смыслов.

В процессе образования осуществляется анализ окружающего мира и общества, затем происходит переход от анализа к синтезу, в частности от структурного уровня к проблемному. Оценивая новые требования к образованию, следует иметь в виду дилемму: нельзя совсем отбрасывать фундамент прежней методологии (строго научной), но нельзя принять и то, что предлагается взамен постмодернизмом (неограниченный философский плюрализм), объявлять принцип плюрализма универсальным философским камнем. Задача образования – научить ориентироваться в рамках общей методологии, чтобы уметь отделять эклектизм от комплиментарности исследовательских методов, т. е. смесь различных аналитических методов и систем измерений от гармоничного взаимопроникновения, дополнения исследовательских методик, приемов в едином научном пространстве.

Цель развития общества состоит в создании необходимых условий для всестороннего развития человека. Пафосная задача образования – раскрыть в каждом человеке грандиозную личность, способную выбирать оптимальную линию действий в жизни. Для этого необходимо с помощью сферы образования, образовательных технологий создать ядро личности – личности целостной и многогранной. Учитывая динамизм постиндустриального общества, существенным требованием к образованию стало требование сформировать верное понимание выбираемой человеком деятельностной парадигмы. Необходимо разбудить в человеке способность понимать и чувствовать истинный смысл любой жизненной ситуации, любого момента реальности, смысла исторической эпохи [8].

В частности, это касается и индивидуальной жизни, возможности и способности определять для себя будущее – профессию, социальное окружение, круг интересов. Неверно выбранное образование, «не своя» профессия может привести к поражению, которое выльется в бессмысленно потраченные годы, постоянное неудовольствие (экзистенциальный вакуум). В чем же ценность получаемого образования? Каждый выбирает его для себя сам. Однако на протяжении жизни ценность того или иного выбранного пути может переосмыслиться или вообще утрачиваться. Возможно ли с каждого человека требовать последовательности в принятии жизненных решений? Прежде всего этого требует от человека сама жизнь. Глобальная цель человека, получающего образование, – развивать в себе способность самостоятельно определять свою жизнь. Самостоятельно осознаваемое желание должно становиться целью (потребностью). Должно реализовываться намерение – процесс действия по достижению цели, необходима способность реализовывать осознаваемые жизненные цели. У любого человека должна быть жизненная программа на несколько лет вперед. Необходимо формировать такие черты характера, которые будут полезны в достижении конкретных общечеловеческих целей. Развитие, поднятие человека до определенного уровня зависит от целей сферы образования. Эти цели должны реализовываться последовательно во всех пунктах, любое несоответствие ведет к сбоям в системе связи образования и практической жизни. Люди должны будут решать все более интеллектуальные и творческие задачи. Людям, живущим в постиндустриальном обществе, необходимы новые умения и навыки: умение учиться, умение общаться и умение выбирать, умение оперировать массивом знаний, накопленных человечеством. Образование должно научить индивида, как классифицировать и переклассифицировать

информацию, как оценивать ее достоверность, заниматься самообразованием. Неграмотным становится тот, кто не научился учиться, технологии будущего не нужны миллионы малограмотных людей, не нужны люди, безропотно исполняющие приказание. Нужны те, кто способен к критическому суждению, кто способен ориентироваться в новых условиях, кто быстро определяет новые связи в стремительно меняющейся, усложняющейся действительности.

В постиндустриальном обществе есть возможность быть на определенном уровне, в соответствующей индивиду социальной среде. Цель человека, получающего образование, – обрести способность выбирать индивидуальную линию жизни.

Примечания

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. С. 18–19.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 152.

3. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Пед. о-во России, 2002. С. 15.

4. Шершнева В. А., Карнаухова О. А., Сафонов К. В. Математика и информатика в вузе: взгляд из будущего // Высшее образование сегодня. 2008. № 1.

5. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 42.

6. Там же. С. 356.

7. Белл Д. Указ. соч. С. 230; Тоффлер Э. Указ. соч. С. 437.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 38.

УДК 330.11.4:001+004.946

Е. В. Малкова, В. В. Орлов

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье обсуждаются проблемы философского объяснения сущностной природы феномена виртуальной экономики. Виртуальная экономика – один из современных социально-экономических феноменов, выражающих сущностные «сдвиги» в развитии общества. За тиражируемыми характеристиками экономической виртуальной реальности – симуляция, фиктивность, сетевая организация – скрывается сила новой формы материального труда, потенциала развития будущего.

The article deals with the problems of philosophical interpretation of virtual economy. Virtual economy is a modern socio-economic phenomenon which reflects the important changes in the development of the society. The characteristic features of economic virtual reality, such as simulation, fictionality and network organisation, reveal the power of the new form of material labour which is expected to provide future development.

Ключевые слова: виртуальный, виртуальная реальность, виртуальная экономика, виртуализация, стоимость, абстрактный труд, компьютерный труд, постиндустриальное общество.

Keywords: virtual, virtual reality, virtual economy, virtualization, value, abstract labour, computer labour, post-industrial society.

В последние несколько десятилетий все очевиднее становятся процессы *обновления* экономической действительности: появляются «новые» черты, которые в своей совокупности часто обозначаются исследователями такими терминами, как виртуальная экономическая реальность или виртуальная экономика. Современная философская наука не может быть в стороне от анализа и объяснения природы изменений экономической практики, а следовательно, должна ставить перед собой задачи философского осмысления экономических реалий конца XX – начала XIX в.

«Виртуальные» термины стали настолько модными и естественными как для научного, так и повседневного использования, что часто у исследователя даже не возникает вопрос о корректности их применения. В повседневном русском языке понятие «виртуальное» чаще всего предполагает значения, связанные с компьютерными технологиями; описанием чего-то эфемерного, т. е. неосязаемого, необязательного; с модными, социально одобряемыми явлениями; иллюзорностью чего-либо; симуляцией. Таким образом, в повседневном опыте мы используем термин «виртуальное» не для обозначения смысла объекта

или явления, а для фиксации скрытых вариантов множества возможных смыслов, т. е. неопределенности. Этот факт свидетельствует о том, что применение понятия «виртуальное» может быть уместным фактически в любом контексте. Анализ практики использования терминологии виртуального в научных исследованиях также показывает, что виртуальное применяется для обозначения некой «эфемерности» исследуемого объекта либо демонстрирует наличие множества авторских интерпретаций, берущих за основу одно из целого ряда значений. Как правило, виртуальность сводится к компьютерной или иллюзорной реальности. На наш взгляд, стоит судить о «незрелости» опыта оперирования в исследовательской практике терминами «виртуальное», «виртуальная реальность», о деформации исходных значений виртуального [1], необходимости укрепления научно-философского осмысления феномена виртуальной реальности [2].

В свете актуальности и популярности темы виртуальности экономики в современной науке одной из задач современной научной философии должно быть выявление содержания терминологии виртуального, собственной сущности виртуальной экономики, адекватности описания экономической действительности с помощью этих терминов, а также определение глубинных основ формирования «виртуальных» черт современной социально-экономической действительности.

В публикациях последних десятилетий, посвященных состоянию современной экономики, все чаще говорится о виртуальной экономике. Изначально, в 1990-е гг., виртуальность экономики преимущественно связывали с особенностями ускоренного развития финансовой сферы, с разрывом финансового рынка и реального сектора экономики – материального производства. Этот подход объединил такие трактовки виртуальной экономической реальности, как спекулятивной экономики, финансовоэкономики [3]. В этом контексте одна из сторон виртуализации экономики может рассматриваться как процесс перехода к постиндустриальным технологиям развития денежного рынка, сутью которых становится разрыв виртуальной экономики денег с реальным хозяйством как производством и потреблением вещей [4]. Среди ключевых особенностей такой виртуальной экономики представителями данного подхода называются высокая степень рефлексивности [5], нарастающий индетерминизм [6], симулятивность (замещение реальных финансовых инструментов суррогатными) [7], иллюзорность [8]. Иллюзорность виртуальной экономики заключается прежде всего в проникновении и постепенном смещении мощного сектора материального производства виртуальными экономическими (финансовыми) инструментами, когда

реальный процесс создания стоимости в процессе производства товара разрушается и замещается псевдорыночным формированием цены за форму продукта. Общая сущность виртуальной экономики заключается «в продолжении обмана внутри экономики, которая опиралась на мощный производственный сектор, якобы создающий добавочную стоимость, а в реальности промышленность разрушала часть вложенной стоимости, тогда как произвольное ценообразование позволяло скрывать это» [9].

С другой стороны, понятие виртуальной экономической реальности связывают с появлением «электронной коммерции», в основе которой лежит революционное развитие компьютерных и информационных технологий, обусловившее возможность осуществления привычных экономических операций в интернет-пространстве и взятое на вооружение капитализмом. По мнению специалистов, «индустрия обработки информации играет для промышленно развитых стран ту же роль, которую на этапе индустриализации играла тяжелая промышленность» [10]. Более того, сегодня электронная экономика не однородна. Она может рассматриваться как комплекс элементов:

1) совокупность взаимодействующих виртуальных предприятий, представленных группами географически удаленных друг от друга работников, которые в процессе труда общаются, взаимодействуют, используя электронные средства коммуникаций фактически без личного, непосредственного контакта;

2) электронная торговля, которая может существовать как виртуальные супермаркеты, предоставляющие конкретному потребителю товары и услуги, так и тендеры в сети Интернет на заключение долговременных контрактов на поставку комплектующих;

3) web-деньги, включая рынок электронных платежных систем;

4) фондовый рынок, интенсифицирующий благодаря интернет-технологиям движение и рост фиктивного финансового капитала;

5) индустрия игр и социальных сетей (сегодня все более доходным становится бизнес на основе социальных сетей и онлайн-игр, таких, как «Cashflow Online», глобальный бизнес-симулятор «Виртономика», строительный и транспортный симулятор «Виртуальный город», online game «Виртуальная Россия» – параллельная реальность известных российских городов с их школами и больницами, культурными объектами и предприятиями, с шансами найти высокооплачиваемую работу в нашей стране или же занять крупный пост в администрации, жить так, как вам хочется и где вам хочется).

В основе всех этих «новых» для экономики явлений находится компьютер как уникальное

средство одномоментной передачи информации в любые географически разделенные точки пространства, с необходимостью взятый на вооружение современным капитализмом. Компьютер, породивший киберреволюцию, – это инструмент максимизации прибыли, ускоривший эволюцию уже существовавших экономических феноменов. При этом нельзя забывать, что компьютер обозначил сетевую логику функционирования общества: именно благодаря массовому распространению компьютера и интернет-технологий стало возможным и очевидным внедрение сетевых технологий в экономику как средства повышения эффективности бизнес-процессов, ускорения течения времени хозяйственных операций и т. д. С появлением сетевых технологий начало формироваться информационное экономическое пространство.

Оценивая представленные подходы к видению виртуальной экономической реальности, отметим, что каждый из них связан преувеличением того или иного значения виртуального. Так, в первом подходе на первый план выходят негативные характеристики экономической реальности, связанные с симулятивной природой и неопределенностью экономических процессов. Во втором подходе очевидным является преувеличение возможностей технологий современных коммуникационных связей, примат информации над реальным миром, противопоставление информации материальному миру. Оба подхода тесно переплетены: финансономика приобретает свой смысл благодаря развитию информационных технологий, а электронная экономика неизбежно ведет к симуляции реальных экономических процессов. С точки зрения известного российского социолога Д. В. Иванова, сторонника объединения этих двух подходов к трактовке виртуальной экономической реальности, виртуальная экономика – это экономика образов, имиджей, симуляций, именно на ее основах строится современная социальная организация. По его мнению, не стоит отдельно строить теорию виртуальной экономики. Для исследователя важнее зафиксировать глобальный процесс изменений, характерный для общества в целом – виртуализацию общества. Последняя предстает перед нами не как единый процесс, а скорее «как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности» [11]. Экономика является одной из таких сфер, где достаточно выразительно проступает *симуляционная практика*, лежащая в основе всего процесса виртуализации и подкрепляемая развивающимися компьютерными технологиями.

Действительно, за представленными подходами, фиксирующими новые феномены экономической реальности, стоят объективные законы и

тенденции развития общества. Представители подходов к описанию виртуальной экономики зафиксировали важное явление – стремительный рост социально-экономического значения информации и информационных технологий, порождающих виртуальность. Этот факт обсуждается активно в современной науке уже несколько десятилетий в контексте проблемы становления новой ступени общественного развития, обычно определяемой как постиндустриальное, или информационное, общество, для которого характерна новая базисная материальная (экономическая) деятельность. В современной литературе насчитывается более тридцати названий, выражающих суть современного общества. Среди них – «постиндустриальное общество» (Д. Белл), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «общество третьей волны» (Э. Тоффлер), «технократическое программированное общество» (А. Турен), «посткапиталистическое общество» (Р. Дарендорф, П. Дракер), «общество услуг» (Ж. Фурастье), «электронное общество» (М. Моришима), «пострыночное общество» (Дж. Рифкин), «информационное общество» (Т. Умсао, И. Масуда), «информационное общество», «сетевое общество» (М. Кастельс) и др. Все эти названия призваны обозначить начало мощного продвижения человечества в будущее, выраженное рядом характерных черт. Рассмотрим основные тенденции социально-экономического развития с позиций современного материалистического понимания общества на основе критического осмысления теории постиндустриального общества как теории, наиболее точно описавшей важнейшие феномены современного общества, претерпевающего глубокие технологические, экономические и культурные изменения. Однако, по нашему мнению, постиндустриальная теория, подметившая целый ряд важнейших феноменов современного общества, не затронула наиболее фундаментальных тенденций общественного развития. На этом основании она может быть признана скорее «феноменологией» современного общества.

Среди важнейших феноменов, зафиксированных постиндустриалистами, отмечены резкое возрастание роли науки, знания и информации в развитии общества, доминирование сферы услуг (формирование сервисной экономики), базовыми профессиями становятся профессии ученого и специалиста, т. е. связанные с высокой степенью насыщенностью знаниями и информацией, владением интеллектуальными технологиями. Для постиндустриального общества информация выступает преобразуемым и стратегическим ресурсом общества. Авторы постиндустриальной теории верно подмечают возрастающую роль информации и науки (особенно фундаментальной), пре-

вращение науки и знания в непосредственную производительную силу, фиксируют связь стадии развития общества со специфическим способом производства. Несколько иначе определяет роль информации в новом обществе М. Кастельс: «в информационном способе развития источник производительности заключается в генерировании знаний, обработке информации и символической коммуникации» [12]. Более того, Кастельс показывает, что новое информационное общество «организует свою производственную систему вокруг принципов максимизации, основанной на знании производительности через развитие и распространение информационных технологий» [13]. По его мнению, постиндустриальное общество представляет собой новую ступень развития капитализма – *информационный капитализм*. Его сутью является децентрализация (в том числе децентрализация капитала, отмечаемая большинством экономистов [14]) и появление сетевых структур на базе информационных технологий (*сетевитость* – одна из характеристик виртуальной экономики). Данные параметры современного капитализма позволили интенсифицировать экономическую деятельность. М. Кастельс делает глубокий вывод: информационный капитализм направлен на «углубление капиталистической логики стремления к прибыли» [15].

Итак, теория постиндустриального общества, в том числе благодаря обоснованным добавлениям теории информационного общества М. Кастельса, дает фактически точный анализ феноменов современного общества. Однако заметим, что в контексте современной научной философии выводы постиндустриалистов могут быть оценены как поверхностные и требуют критического осмысления. Во-первых, постиндустриальная теория подмечает внешнюю сторону отношения информации и социально-экономической практики. Во-вторых, информационный труд понимается в профессиональном контексте (работники физического и умственного труда, техники, профессионалы, предприниматели, владеющие технологией), преимущественно сводится к интеллектуальному труду в связи с отождествлением творческой природы труда как такового с духовным творчеством. Постиндустриалисты действительно ставят науку выше материального труда на новой ступени развития общества, продолжая логику описания труда в структуре предыдущей индустриальной стадии развития общества. Такое понимание сути современной формы труда в большей степени закрепляется благодаря иллюзии «нематериальности» процессов, создаваемой с помощью компьютерных технологий. Тем самым постиндустриалисты фактически отказываются рассматривать материальный труд

в качестве основы общественного развития, не видят за феноменами более глубоких и сложных процессов. Становление нового общества несет качественное изменение характера и роли *материального* труда, становление *новой исторической формы материального труда* – научного труда [16]. Заметим также, что анализ источников показывает [17]: превращение науки в непосредственную производительную силу было отмечено еще К. Марксом [18], о чем часто умалчивают или забывают указать представители постиндустриализма. Маркс неоднократно позиционирует материальный труд как важнейшую сущностную силу человека, определяющий фактор общественной жизни. Ключ к пониманию сути этого вывода Маркса лежит в сделанном им анализе товарного производства: его важнейшей основой выступает пропорциональность между вещественным, потребительно-стоимостным и абстрактным, стоимостным богатствами, когда каждому отдельному товару соответствует определенная порция, кристалл абстрактного труда, или рабочего времени. Эта пропорциональность возможна только в условиях машинного труда. Стоимостное отношение, таким образом, является основой товарного производства и достигает максимального развития в капиталистическом товарном производстве. Существенной чертой нового общества является разрушение пропорциональности между вещественным и стоимостным богатством, разрушение капитала, что ведет к появлению идеи «исчезновения стоимости» и «неэкономического общества». Однако не стоимость исчезает, исчезает ее исторически привычная форма – товарная стоимость, которая становится фактически невозможной в условиях возникновения новой исторической формы материального труда, названного К. Марксом автоматизированным, научным, всеобщим трудом. Этот труд связан с наукой как всеобщим духовным продуктом исторического развития, в нем на первый план выступает общая творческая способность к труду, он превращается в главный источник общественного богатства через технологическое применение науки. «Всеобщий материальный труд – практическое воплощение науки, насыщенный наукой материальный труд» [19]. Концепция всеобщего труда получила свою разработку в трудах Пермской философской школы. Всеобщий труд историчен, в настоящее время он предстает перед нами в двух формах, несущих всеобщие и исторически конкретные черты: *услуги* (труд по оказанию услуг) и *компьютерный труд* [20]. Особый интерес вызывает феномен компьютерного труда, сутью которого является производство информации. Именно компьютерный труд наиболее соответствует роли современной формы *всеобщего тру-*

да. Компьютер (компьютерная, информационная технология) предполагает функционирование материальных процессов преобразования информации, которая, в свою очередь, тоже имеет материальную природу [21]. Компьютерный труд и есть материальный труд, производство абстрактных материальных структур (хоть и осознаваемых в идеальной форме). Таким образом, в основе нового информационного способа производства лежит *производство абстрактных материальных структур*.

Возвращаясь к вопросу о виртуальной экономической реальности, отметим, что виртуализация – один из феноменов современного общества, выражающих «ломку» *старых* форм существования общества, скрывающих под собой более глубокие процессы – процессы становления исторически новой ступени общественного развития, характерными сущностными чертами которой является разрушение феномена товарной стоимости, формирование новой формы труда – информационного или научного труда. Виртуальность современной экономики, обращая внимание исследователей на иллюзорность и симулированность социально-экономических процессов (благодаря «скрытым», свернутым, «невидимым» в пространстве-времени, имитируемым и симулируемым на базе компьютерных, информационных технологий экономическим отношениям), в то же время фиксирует расширение границ и способов функционирования экономической реальности. За тиражируемыми характеристиками виртуальной экономической реальности, такими, как психологизм, рефлексивность и индетерминизм, скрывается мощь новой формы материального труда, потенциал развития общества. Анализ исходных значений понятия виртуального еще более укрепляет данную позицию: виртуальный [ср. – лат. *virtualis*] – 1) возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях; 2) способный, пригодный, подлинный, совершенный; 3) добродетель, нравственное совершенство, нравственная порядочность, душевное благородство и т. п.

Набор смыслов и значений фиксирует некую сокрытость значений виртуального [22]. По большому счету и явные и скрытые значения виртуального предполагают фиксацию противоположности должного и сущего, демонстрируя, с одной стороны, некую недостаточность действительности, с другой – его внутреннюю потенцию как возможность, способность и готовность быть.

Совершенно очевидно, что достижения научно-технического прогресса будут и далее способствовать появлению новых возможностей виртуальной среды, которые будут со временем востребованными обществом. Разработка и внедрение все новых и новых форм отношений на базе

феномена виртуальности является неизбежным для общества в целом и экономики в частности. Новое постоянно развивающееся пространство виртуальной реальности, в том числе и экономической, требует построения новой системы правил, регуляторов на конкретном социально-экономическом уровне. Вероятно, что процесс освоения виртуального пространства будет требовать пересмотра теоретических представлений о «картине экономического мира», постановки проблем, фиксирующих основные противоречия старых представлений об экономической действительности с новой социально-экономической реальностью и формирования новых теоретических подходов для ее изучения. Материалистическое понимание общества, раскрывающее суть понятия *современной формы* всеобщего труда и новой *формы* стоимости, способно выступить теоретической основой для выработки адекватного научного объяснения феномена виртуальной экономики.

Примечания

1. *Таратута Е. Е.* Философия виртуальной реальности. СПб., 2007. С. 7–66.
2. *Малкова Е. В.* Виртуальная реальность: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2005. С. 18–101.
3. Экономическая теория на пороге XXI в. Неоэкономика. М.: Юристъ, 2001. С. 20.
4. *Кафа-Мурза С.* Деньги и природа: виртуальная экономика и реальное хозяйство. URL: http://www.situation.ru/app/rs/books/articles/money_nat.htm
5. *Сорос Дж.* Алхимия финансов. М., 1998. С. 67.
6. *Потемкин А. П.* Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI века. Экономика. М.: «Инфра-М», 2000. С. 202.
7. *Боярченко С. И., Левендорский С. З., Аганов С. Е.* Трехсекторная модель российской виртуальной экономики. М., 2002.
8. *Клиффорд Дж. Гэдди, Барфи В. Икес.* Виртуальная экономика России. URL: http://www.vedi.ru/s_lb/lb0401_r.htm
9. Там же.
10. *Хотинская Г. И.* Информационные технологии управления. М., 2003. С. 5–11.
11. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. Version 2.0. СПб., 2002. С. 76.
12. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 277.
13. Там же. С. 202.
14. *Полюбина И. Б.* Инновационная экономика: зарубежный опыт и проблемы развития в России. URL: http://www.dofa.ru/Dumnaja/5_ISER/polubina.doc
15. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 41.
16. *Орлов В. В., Васильева Т. С.* Философия экономики. Пермь, 2006.
17. *Грищенко В. С.* Теория постиндустриального общества в современной зарубежной науке: материалы к курсам социальной философии и философии экономики. 2-е изд., доп. и испр. Пермь, 2010.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. С. 215.

19. Орлов В. В., Васильева Т. С. Указ. соч. С. 180.
20. Орлов В. В. Философия и экономика. «Рамочная» философская концепция современной трудовой теории стоимости // Новые идеи в философии: актуальные проблемы научной философии: межвуз. сб. науч. трудов (Материалы Общероссийской научной конференции. Пермь, 16–17 апреля 2003 г.): в 2 т. / Перм. ун-т. Пермь, 2003. Вып. 12. Т. 1. С. 5–25.
21. Орлов В. В., Васильева Т. С. Указ. соч. С. 181.
22. Таратута Е. Е. Указ. соч.

УДК 141.82

С. В. Рязанова

МАРКСИЗМ КАК ВАРИАНТ СОЦИАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

В статье анализируются характерные черты мифологии, возникшей в границах марксизма как политического учения. Выделяются архаические образы, сближающие мифологию марксизма с традиционными мифологическими системами.

This article is devoted to the specific features of the mythology which appeared in Marxism as a political doctrine. The author pays attention to the archaic patterns which resemble the similar phenomena in traditional mythological systems.

Ключевые слова: мифологема, марксизм, традиция, архетип, мифологическое пространство и время, логика существования мифа.

Keywords: mythological pattern, Marxism, tradition, archetype, mythological space and time, logic of the myth's existence.

Модная для современного религиоведения тема мифа и его влияния на культуру в достаточной мере актуальна не только для специальных дисциплин, посвященных обозначенной проблеме, но и для пограничных областей исследования. В полной мере это касается и политических наук, и даже сферы политических технологий. Именно миф изначально конструирует пространственно-временной континуум социума, определяя хронотоп последнего. Можно сказать, что мифология является основной детерминантой в большинстве процессов, протекающих в социальном пространстве.

Имеющие солидный возраст традиционные мифологемы не утрачивают своей актуальности и на современном этапе развития культуры, существуя как базовый слой мировоззрения, имплицитно содержащийся в большинстве мировоззренческих построений человечества. Поскольку природа мифологического на любом этапе человеческой истории остается неизменной, она определяет и закономерности разворачивания мифологических сюжетов в большинстве социальных сфер.

© Рязанова С. В., 2010

Сфера политического в социальном континууме содержит значительное количество архаических компонентов. Их присутствие в политическом сознании делает политологию пограничной дисциплиной, которая для проведения собственного анализа вынуждена привлекать и инструментарий других гуманитарных дисциплин, в частности религиоведения. Феноменологический анализ политических платформ как содержащих мифологические сюжеты способствует установлению более тесных связей между политикой и общим пространством культуры. Политическое поворачивается к исследователю неожиданно новой гранью – своей укорененностью не только в исторических традициях управления обществом, но и в самой природе человека. Сохранение и воспроизводство архетипических сюжетов позволяет говорить именно о традиционности поведения в политической сфере – как лидеров, так и толпы. Обращение к политическим традициям новейшего времени именно как к традициям, активно воспроизводящим и использующим архетипические образцы, на наш взгляд, может способствовать восприятию культуры человечества как целостного явления, в границах которого новация сочетается с преемственностью, а общемировоззренческий, политический психологический уровни восприятия мира существуют как взаимодополняемые феномены.

Характеризуя марксизм с позиций мифологического анализа, хотелось бы оговорить, что в данной статье не ставится задача анализа его как философской системы и никак не принижается его статус самобытного учения. Более корректным будет утверждать, что он не избежал влияния мифа как мировоззренческой формы. Этот факт нельзя считать недостатком, скорее это свидетельствует о наличии у марксистского учения связи с традиционной культурой. Говоря о марксизме как политическом учении, мы имеем в виду некую совокупность текстов, связанных с определенными представлениями о мире и стратегией политического поведения.

Встречающиеся в границах марксистской идеологии мифологемы можно разделить на «первичные» и «вторичные». К первым относятся элементы архаического мировоззрения, спонтанно и неожиданно для самих теоретиков марксизма возникающие в пространстве текста. Вторые порождены стремлением выиграть в политической гонке, закрепить за собой отвоеванное пространство, фундаментализировать основные идеологические установки. Необходимо отметить, что на начальном этапе становления марксистской теории доминирует первая разновидность, что в немалой степени обусловлено философским образованием Маркса, во многом традиционным, но чуждым создания дешевых политических проектов.

Архаические образы, невольно воспроизводимые основоположником учения, внешне имеют модернизированный вид, с акцентом на антропологическом аспекте исторического процесса: «именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется... История... деятельность преследующего свои цели человека» [1]. Человек сакрализуется и приобретает статус демиурга: «...рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику... Рабочий создает даже человека» [2]. Несмотря на то что далее в «Святом семействе» автор отрицает наделяние рабочих креационистскими функциями, тем не менее стоит говорить о взаимодействии двух тенденций, обусловленных спецификой культурного континуума эпохи Нового времени. С одной стороны, светская культура для Запада уже стала свершившейся формой, обусловившей подчеркивание высокого онтологического и социального статуса человека.

Вместе с тем стремление к конструированию новых смыслов в первую очередь столкнулось с возможностью реанимации мифологических образов, заполняющих секуляризованное пространство идеологий. На стыке обеих тенденций формируется идея принципиально всемогущего человека, пусть даже, в силу обстоятельств, временно лишенного такой возможности. Она могла реализоваться в традиционной модели идеального правителя или привычном для христианской культуры образе святого – подвижника, но в границах левого политического движения такую роль могла выполнять только весьма значительная фигура трудящегося. Она, впрочем, не избежала влияния обоих вышеуказанных вариантов, воплотив те черты, которые не противостоят базовым характеристикам образа: «Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жадностью знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о человеческом благородстве этого движения» [3]. В данном описании как раз делается попытка совмещения кодекса правителя-воина с интеллектуальными и моральными ценностями уходящей христианской эпохи.

Марксистский миф с самого начала нашел свое АРХЕ – идеальный и предназначенный для воспроизведения образец – те сакральные силы и механизмы, с помощью которых необходимо функционирует социальный Космос. Весь пафос открытий Нового времени никак не повлиял на архетипическое стремление легитимировать свои теоретические построения за счет апелляции к древним формам существования социального: «Теоретические положения коммунистов ни в

какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира... Они являются лишь *общим выражением действительных отношений...* (курсив мой. – С. Р.) Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму» [4].

Текстуально АРХЕ воспроизводится в трудах основоположников марксистской теории, чем и определяется их постоянная актуальность и универсальность в применении в любой политической ситуации. Другими словами, здесь имеет место мифологическая традиция постоянного возвращения к первоисточкам, но не в онтологическом плане, а на уровне сконструированной марксизмом идеологии.

К механизмам космического уровня, несомненно, относится социальная революция, «которая может служить представительницей всех великих исторических сил» [5] (курсив мой. – С. Р.). В принципе, сама она трактуется как один из вариантов проявления тех закономерностей, которые заложены в основе мироздания. Все они объективны, неустранимы и априорны, т. е. обладают характеристиками персонажей традиционного пантеона, в котором персонализация божеств уступила место абстрагированию образов. Этот отрывок позволяет говорить и об этимологической функции марксистского мифа.

На основе предложенного АРХЕ, по замыслу основоположников марксизма, должно быть сконструировано идеальное общество, как и в древности, уподобленное огромному, слаженно действующему механизму, общество, воспроизводящее самые важные космические принципы. Вкратце это формулируется как необходимость «превратить общественное производство (под понятие которого попадает практически вся социальная деятельность. – С. Р.) в единую, обширную и гармоническую систему» [6], где «у каждого народа будет один и тот же властелин – труд!» [7]. Сама система необходимо должна обрести во всех отношениях гомогенную природу, когда на смену хаосу единичных волей придут синхронные движения в такт мировому ритму: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни...» [8].

Имеется у марксизма и собственный священный текст как стимул и образец для конструирования реальности, чья сакральная природа подчеркивается и особым стилем самого произведения – именно провозглашающим, а не рациональ-

но-доказательным. Возможно, что формы, принятые в канонах священных книг христианства и апробированные временем, даже на уровне подсознания казались основателям марксизма наиболее пригодными для собственных призывов. Недаром Энгельс писал Марксу: «Подумай над “Символом веры”. Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь “Коммунистическим манифестом”» [9]. Следовательно, сам текст рождался как вероучительный, что вполне объяснимо, если учитывать его задумывавшийся прозелитический потенциал. «Манифесту Коммунистической партии» было предназначено стать всеприсутствующим текстом демиургической природы: «В настоящее время он, несомненно, является самым распространенным, наиболее международным произведением всей социалистической литературы, общей программой многих миллионов рабочих всех стран от Сибири до Калифорнии» [10]. Частично функции сакрального передаются и более поздним трудам марксистов.

Традиционным способом оформлено и политическое пространство марксизма. Архетипические представления стали его краеугольными камнями, определившими и представление о себе, и принципиально сущностно неполноценные фигуры оппонентов. Последние несовершенны уже в силу своего пребывания вне сакрального центра, той политической ойкумены, которую формирует марксизм: «С момента возникновения в Германии *настоящей коммунистической партии* (курсив мой. – С. Р.) “истинным социалистам” придется все больше находить свою публику лишь среди мелких буржуа, а представителей этой публики – среди импотентных и опустившихся литераторов» [11]. Марксу вторит Энгельс: «В 1947 г. под именем социалистов были известны, с одной стороны, приверженцы различных утопических систем... причем и те и другие уже выродились в чистейшие секты, постепенно вымиравшие; с другой стороны, всевозможные социальные знахари...» [12].

Другие движения, пусть даже левого толка, если следовать логике основоположников, в чем-то даже *антикосмичны*, неправильны, что оправдывает их порицание и позволяет не просто критиковать, а лишить права на существование в политическом пространстве: «если теоретические представители пролетариев желают достигнуть чего-нибудь своей литературной деятельностью, то они прежде всего должны постараться покончить со всеми фразами, которые ослабляют сознание остроты... противоположности» [13]. Некосмичность, наличие хаотических черт у всех политических движений, за исключением собственного, становится основой для возведения барьера между «своими» и «чужими», полити-

ческого «огораживания», уточнения границ своего существования, что считалось таким важным актом для обществ древности.

Аналогичными чертами «неправильности» делятся и другие социальные группы: многократно упоминаемым буржуа охотно приписываются бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие [14]. Другими словами, буржуазия не просто наделена рядом недостатков, она еще и не может гармонично вписаться в пусть даже несовершенный общественный порядок: «она (буржуазия. – С. Р.) неспособна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого положения, когда она сама должна его кормить, вместо того чтобы кормиться за его счет» [15].

Недостатки враждебного класса не обязательно должны иметь объективную основу – вполне достаточно господства представлений об изначальной и принципиальной дефективности нетрудовой социальной страты: «Коммунистический интернационал ведет активную борьбу со всеми видами буржуазного мировоззрения и со всеми видами теоретического и практического оппортунизма» [16]. Данное положение звучит особенно логично, если принять во внимание акцент марксистской идеологии на монолитности своих последователей на любом уровне. Фактически марксизм с самого начала своего возникновения противопоставляет себя почти всем современным ему явлениям общественной жизни – и социальным группам, и большинству политических движений, и всему «неправильному» обществу в целом.

Претендующий на статус единственно верного учения, марксизм тем самым невольно отождествляет себя с космическим началом, в противовес Хаосу окружающего мира. Как и полагается демиургу, марксисты ощущают себя находящимися на переднем краю противостояния Космоса Хаосу, ничем принципиально не отличаясь от героев древних эпосов: «Одной из особых функций, которую наше Товарищество до сих пор успешно выполняло, является противодействие проискам капиталистов, всегда готовых, в случае стачек и локаутов, злоупотребить услугами иностранных рабочих, используя их как орудие против местных рабочих» [17].

Вне зоны критики оказывается только существование собственного сакрального центра, имеющего специфическую природу и этим отличающегося от иных социальных феноменов. Границы этого центра «плавающие», они варьируются от работы к работе и могут охватывать разных субъектов. Иногда это весь рабочий класс целиком – «пролетариат как единственный решитель-

но революционный класс» [18], не ограниченный географическими рамками. Думается, интернационализм здесь не служит индикатором демифологизации политического сознания, поскольку сохраняется идея элитарности определенной группы, только границы этой группы значительно раздвинуты.

Предложенный Марксом и его последователями образ класса рабочих, будучи не персонафицирован, тем не менее, выглядит как реконструкция идеи справедливого правителя, которая была ключевой для большинства политических концепций архаики. В отдельных случаях данная роль отводится узкой группе лидеров мирового марксизма: «Настоящее Товарищество основано для того, чтобы служить центром сношений и сотрудничества между рабочими обществами...» [19].

Изменение параметров сакрального объекта в связи с образом центра мировых событий не играет особой роли, поскольку неизменным остается акцент на собственной исключительности: «цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя» [20]. Ощущение себя как центра, некоей мировой оси прослеживается в уже цитируемых выше строках о распространении марксистских идей от Сибири до Калифорнии, которые можно считать географическим казусом. Энгельс как-то упустил то обстоятельство, что данные регионы далеки друг от друга с точки зрения европейца, а не японца, например. Сам ляп можно отнести на счет типично немецкого представления о своей стране как центре Европы, но и оно имеет мифологическую основу.

Внутреннее время марксистского учения также воспроизводит архаическую модель. Одновременно размещение коммунистической модели в прошлом и будущем – первобытный коммунизм и коммунистический идеал как результат мировой революции – работает как раз на формирование образа социального времени как циклического. Маркс весьма оптимистично замечает, что «жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ» [21]. Видимо, именно к такому идеалу вполне можно было стремиться сторонникам коммунистической идеи. Замкнутость исторического пути сама по себе должна была служить залогом его правильности, легитимации древности.

В целом можно говорить о перенесении онтологической, мифологической модели пространства в социальную сферу. Такой подход сохранялся в марксистской идеологии практически на всем периоде ее развития и распространения,

будучи апплицируем на объекты разного рода – от первого социалистического государства до всей мировой социалистической системы. Советологи, начиная с Бжезинского и Арендт, характеризовали подобное конструирование образа внешнего врага как отличительную черту тоталитарной системы. Мы возьмем на себя смелость утверждать, что корни этого явления находятся гораздо глубже – как в историческом плане, так и в аспекте психического опыта человечества. Они связаны с мифологическими представлениями, изначально присутствуют в бессознательном слое человеческой психики и могут быть реализованы в рамках любой идеологии.

Примечания

1. *Маркс К.* Первое воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 4. М.: Политиздат, 1985. С. 104.
2. Там же. С. 30.
3. Там же. С. 94.
4. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 153.
5. *Маркс К.* Первое воззвание Генерального Совета ... С. 92.
6. *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 4. М.: Политиздат, 1985. С. 227.
7. *Маркс К.* Общий Устав Международного Товарищества рабочих // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 4. М.: Политиздат, 1985. С. 160–164. С. 245.
8. *Маркс К.* Замечания к программе германской рабочей партии // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 16.
9. Энгельс – Марксу в Брюссель (23–24 ноября 1847 г.) // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 534.
10. *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 184.
11. *Маркс К.* Немецкая идеология // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 2. М.: Политиздат, 1985. С. 431.
12. *Энгельс Ф.* Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 179.
13. *Маркс К.* Немецкая идеология. С. 443.
14. *Маркс К.* Святое семейство // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 1. М.: Политиздат, 1985. С. 158.
15. *Маркс К.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения.* Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 152.
16. Программа Коммунистического Интернационала, принятая 1 сентября 1928 г. // *Программа и Устав Коммунистического Интернационала.* М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. С. 10.
17. *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам //

Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1985. С. 223.

18. Маркс К. Учредительный Манифест Международного Товарищества рабочих // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1985. С. 325.

19. Маркс К. Энгельс Ф. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 161.

20. Маркс К. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 171.

21. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К. Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 6. М.: Политиздат, 1985. С. 168.

УДК 123

Т. Д. Стерледева

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье анализируется электронно-виртуальная реальность (ЭВР) как новый тип реальности, появившейся в конце XX в. Анализ ведется с помощью принципиально новых понятий «жесткий» и «мягкий» мир. Рассматриваются также различные трактовки понятия свободы человека и их взаимосвязь с нравственным развитием человека. В статье анализируются возможные позитивные и негативные влияния ЭВР на развитие человечества.

In the article electronic virtual reality (EVR) is analyzed as a new type of reality which appeared at the end of the XX century. The analysis is carried out by means of principally new concepts of "hard" and "soft" world. Different interpretations of the concept of human freedom and their interconnection with human moral development are considered. Possible positive and negative influences of EVR on the development of mankind are also analyzed.

Ключевые слова: электронно-виртуальная реальность, «жесткий» мир, «мягкий» мир, мечта, свобода, нравственность.

Keywords: electronic virtual reality, "hard" world, "soft" world, dream, freedom, morality.

Проблема свободы человека издавна привлекала внимание мыслителей. Ей посвящено огромное количество исследований как философского, так и конкретно-научного плана. Однако с возникновением электронно-виртуальной реальности (ЭВР) данная проблема предстала в новом ракурсе, невозможном ранее (в связи с отсутствием самого феномена ЭВР). Более того, проблема свободы, имеющая многовековую историю своего исследования, вновь стала актуальнейшей проблемой современного человечества.

Среди подходов к исследованию этой проблемы можно выделить два основных, наиболее важных, на наш взгляд. Первый из них трактует свободу как осознанную необходимость (Б. Спиноза). В рамках второго подхода, разрабатывавшегося Н. А. Бердяевым, свобода бесосновна. Согласно Н. А. Бердяеву, полная свобода, то есть свобода как таковая, есть возможность осуществления человеком любого своего желания. Исследуя в данной статье проблему свободы и нравственного развития в ЭВР, мы выявляем также исследовательский потенциал, границы применимости обоих подходов как в обычной, так и в электронно-виртуальной реальности.

Очевидно, что человек в обычной реальности не может обладать полной свободой, о которой говорил Н. А. Бердяев. И эта очевидная ситуация закономерно подводит к трактовке свободы как осознанной необходимости, то есть к позиции Б. Спинозы. В обычной реальности человек всегда вынужден выбирать, взвешивая, с одной стороны, то, что ему хочется, а с другой стороны, чем он за это готов «заплатить». Таким образом, с одной стороны, мы фиксируем полноту желаний человека, а именно то, что он хочет здесь и сейчас. Эту сторону можно обозначить как внутреннее пространство желаний человека. С другой же стороны, существует то, что мы можем определить как пространство возможностей мира (мир включает в себя природу, общество и самого человека), которые человек может реализовать. Итак, можно предположить, что главное противоречие в понимании и переживании человеком его свободы включает в себя две стороны. Первая сторона включает в себя пространство желаний человека, а другая сторона – пространство реализации этих желаний. И эти два пространства по объему не совпадают. Это несовпадение означает, что человек, с одной стороны, как свободное существо может желать все, что входит в его понимание мира, а с другой стороны, в действительности он, как правило, может получить минимальное количество из того, что он хотел бы иметь в настоящий момент. Например, стать королем Франции XVI в., бегать без скафандра по Луне, менять по желанию свою внешность и возраст в течение минуты и т. п.

Для того чтобы исследовать и понять вышеуказанное противоречие, мы вводим понятия «жесткого» и «мягкого» миров [1]. «Жесткий» мир – это мир, который сопротивляется стремлению человека существовать в режиме полной свободы. «Жесткий» мир включает в себя мир природы, общества и значительную часть самого человека, а именно его тело и большую часть его внутреннего мира. Рассмотрим это подробнее.

Природа как элемент «жесткого» мира. Очень малая часть природы дается человеку «даром»,

то есть без особых усилий со стороны человека, без завоевания и преобразования природы (например, воздух, вода). Остальная же часть природы «сопротивляется» стремлению человека преобразовать ее в форму, приемлемую для реализации его желаний. Для природного мира человек зачастую безразличен. Более того, существует и другая, более жесткая по отношению к человеку тенденция природного мира. Это действие природных сил, способных уничтожить человека (землетрясения, цунами и т. п.).

Общество как второй элемент «жесткого» мира. В обществе человек также не может быть полностью свободным, поскольку существование человека в обществе регламентируется системой запретов и предписаний. В противном случае общество предпринимает к нарушителю установленных правил определенную систему наказания. Поэтому человек, будучи общественным существом, предпочитает, как подметили еще экзистенциалисты, скорее потерять свободу, чем утратить общество, поскольку для большинства людей одиночество невыносимо.

Человек как третий элемент «жесткого» мира. «Жесткий» мир представлен в человеке его собственным телом и большей частью его внутреннего мира. Так, например, человек не может просто так, когда ему вздумается, и столько раз, сколько он захочет, и в любой форме, которая придет ему в голову, менять свой пол, умственные способности и т. п. Человек также не может по своему желанию поменять собственных родителей. Таким образом, «жесткий» мир существует как снаружи, так и внутри человека. Можно сказать, что человек на 95% живет в «жестком» мире. Человек настолько привык к этому, что полагает, что по-другому быть не может, ибо так устроен мир.

Отсюда следует, что противоречие между внутренним пространством желаний человека и пространством возможностей их реализации, представляемых миром, разрешается в рамках того, что мир позволяет человеку выбирать в «жестком» мире в большинстве случаев минимальное из минимально возможного. Поэтому трактовка Спинозой свободы как осознанной необходимости является, на наш взгляд, характеристикой именно «жесткого» мира.

«Мягкий» мир – это мир, который мгновенно откликается на желания человека и мгновенно их осуществляет. Человек чувствует себя в этом мире комфортно, поскольку здесь он является полностью свободным. Человек является демиургом в этом мире, поскольку этот мир принадлежит ему. Человек в «мягком» мире все может. Для человека таким «мягким» миром является та часть его внутреннего мира, которая называется миром мечты.

На наш взгляд, тайна и одновременно разгадка человека в аспекте понимания его в качестве свободного существа заключается в том, что человек одновременно как свободен, так и несвободен. Человек несвободен в «жестком» мире, но он всегда может на время уйти в свой «мягкий» мир мечты и ощущать себя в нем таким, каким он хочет, и общаться с тем, с кем хочет, когда и как хочет.

Представление о том, что «жесткий» мир – это единственно возможная внешняя реальность, было безальтернативно до появления ЭВР. Человечество пока не осознало значение ЭВР как еще одной реальности человеческой жизни во всем объеме ее возможностей и последствий. Можно провести аналогию между осознанием значения ЭВР и осознанием значения открытий атомной физики в момент ее зарождения. В начале изучения микромира никто из исследователей не предполагал, какие позитивные возможности откроются в будущем и с какими угрозами может столкнуться человечество в результате открытия расщепления атома. Потребовалась атомная бомбардировка, чтобы люди осознали, какими могут быть последствия использования этого открытия.

ЭВР также может дать человечеству возможность осуществить огромный скачок вперед, но может и привести к величайшей деградации людей. Для того чтобы сегодня осознать это значение ЭВР, необходимо использовать так называемое «загоризонтальное» видение применительно к анализу объекта исследования [2]. Это означает анализ феномена ЭВР не в том зачаточном виде, в котором она сейчас функционирует, а в ее максимально развитом состоянии, которого она может достичь в будущем. С этой точки зрения ЭВР в одной из своих функций есть не что иное, как вариант создания внешнего «мягкого» мира для отдельного человека, то есть создание мира, где каждый человек может реализовать себя во всей полноте своих желаний и возможностей. Говоря об ЭВР в ее максимально возможной стадии развития, мы не указываем конкретных временных сроков. Это связано с одной из тенденций, сформировавшейся в середине XX в., – нарастающим ускорением сокращения сроков между появлением какой-либо технической идеи и ее реализацией в серийном производстве.

ЭВР может оказать революционное влияние на все сферы человеческой жизни. Рассмотрим влияние ЭВР на формирование и развитие нравственности человека. Человечество накопило огромное количество теорий о том, как сделать человека нравственным, которые тем не менее на практику формирования нравственности человека мало влияют. Почему люди не могут за множество веков добиться практического дей-

ствия теоретических схем? Мы предлагаем свой вариант объяснения недостаточной эффективности этих теорий.

Одна из смысловых граней «золотого правила» нравственности может быть выражена следующим образом: не осуждай другого человека, не побывав на его месте, т. е. стань по возможности этим человеком в тех самых обстоятельствах, в которых существовал данный человек. И только тогда ты поймешь данного человека, оставаясь при этом самим собой. Однако такое совмещение можно сделать только образно и сугубо теоретически. Ведь даже побывав на месте другого человека, мы не можем стать этим человеком. Еще С. Кьеркегор отмечал этот важный момент, утверждая, что есть только один человек, который может меня судить, — это я сам.

Низкая эффективность нравственного воспитания в «жестком» мире объясняется чрезвычайной трудностью доведения этого процесса до стадии формирования в душе человека морального «иммунитета», действующего уже в любых ситуациях. Стремление человека к нравственному самовоспитанию встречает огромное сопротивление «жесткого» мира, и человек может либо остановиться в своем развитии с риском последующей деградации, либо развиваться через собственные мучительные страдания.

В «жестком» мире человек познает этику чисто теоретически, формально. В «жестком» мире, мире несвободы, человек вынужден идти на компромиссы с совестью. Человек оправдывает свои действия тем, что мир жесток и далек от справедливости. Если мир вынуждает меня быть плохим, то почему я должен быть хорошим? Более того, если человек поступает плохо в этическом смысле, то зачастую это оказывается наиболее оптимальной стратегией успешности этого человека в глазах общества.

Таким образом, человек в «жестком» мире существует в «агрессивной» моральной среде, и, чтобы противостоять агрессивному давлению внешней среды, ему надо обладать очень большой внутренней моральной силой и убежденностью. Несвобода человека в «жестком» мире препятствует формированию устойчивой, достаточно развитой нравственности. И. Кант указывал, что «в опыте нельзя найти ни одного примера, где бы он [моральный закон. — Т. С.] точно соблюдался» [3]. Многие мыслители отмечали, что человек — существо, находящееся между вершинами духовности (совести, альтруизма) и безднами бездуховности (эгоизм, бессовестность и т. п.). Однако и в ту, и в другую сторону человечество сделало не так уж много шагов. ЭВР впервые позволяет сделать гигантские шаги как в ту, так и в другую сторону.

Если рассматривать ЭВР в ее будущем максимально развитом виде, то одной из ее возможностей явится то, что человек, проецируя себя на эту реальность, сможет переживать самые различные состояния, в том числе и испытать на самом себе состояние другого человека. В воспитательном плане важно то, что человек, обиженный другим, в ЭВР сможет переживать ту гамму чувств, ощущений, которые испытал обиженный им человек и т. п. Таким образом, появление ЭВР дает возможность усилить в педагогике практическую компоненту. Это значит, что формируется реальная возможность дополнить теоретический компонент педагогики и этики практической.

Безусловно, технологии ЭВР сами по себе этически нейтральны. Их этическую конкретизацию задает сам человек. Именно поэтому ЭВР-технологии могут грозить человечеству великими бедами, но также могут служить и великим благом. Объективируя с помощью ЭВР и в пространстве ЭВР свои мечты, человек максимально усиливает их духовно-нравственное воздействие на свой внутренний мир. Духовно-нравственное содержание внутреннего мира людей, реализующих в ЭВР свои позитивные мечты, получит мощную «подпитку», усиление. В то же время реализация низменных с этической точки зрения мечтаний делает их обладателя в духовно-нравственном отношении еще хуже, чем он был до их объективации в ЭВР. Существует гипотетическая опасность, что век ЭВР может начаться с резкого падения нравственности, ибо сегодня контроль над ЭВР формален, а эксплуатация негативных сторон человеческой психики современными СМИ дает возможность заработать больше денег, чем пропаганда морально-нравственных ценностей.

Экзистенциалисты верно заметили, что свобода для человека тяжела, ибо это ответственность. Легкость привязанности к ЭВР связана также с тем, что человек как бы получает иллюзию безответственности, безнаказанности. Многие исследователи считают, что в виртуальной реальности аморальные действия человека абсолютно безнаказанны. Так, человек может убить в ЭВР любое существо. Уже сейчас в компьютерных играх человек может спокойно убивать множество живых и мыслящих существ самой различной природы, причем человек не только не получает за это наказания, но даже поощряется как победитель.

Многие люди в течение всей своей жизни не совершают таких действий, как лишение человека жизни, истязание, мучение живых созданий и т. п., и в силу этого проживают жизнь нормальными людьми. ЭВР же дает им такую возможность. В условиях рыночного общества ЭВР построена по принципу «Спрос рождает пред-

ложение», причем негативные эмоции дают человеку больший спектр переживаний, чем позитивные. Особенно это относится к морально неразвитым личностям. К сожалению, современная жизнь, отягчаемая массовой культурой, способствует воспитанию преимущественно таких личностей.

В «мягком» мире человек сам себе судья, в силу чего ЭВР может воспитывать моральных монстров, поэтому ЭВР – это своего рода испытание для человека, имеющее для некоторых людей необратимый характер. Некоторую аналогию можно провести со следующим феноменом. Широко известен факт, что у некоторых народов Севера в крови нет алкогольдегидрогеназы, в силу чего представители их могут стать алкоголиками, лишь один раз выпив водки. В обществе всегда существуют люди, имеющие низкую моральную устойчивость, своего рода слабый моральный иммунитет, и их пребывание в развитой ЭВР в ее жестком и аморальном программном варианте может за несколько таких сеансов сформировать из них маньяка.

ЭВР содержит в себе многие сложные проблемы, которые сейчас еще недостаточно ярко видны, например, как быть с человеком, который хочет реализовать свои нехорошие фантазии. Предоставить ему возможность реализовать их – значит воспитывать его в плохом смысле. Если не предоставлять такой возможности, то запрет лишь усиливает желание. Кроме того, человек может почувствовать себя ущемленным. Идея, высказанная Н. А. Бердяевым и некоторыми другими, в том числе христианскими праведниками, заключающаяся в том, что насильственное спасение не только невозможно, но и не нужно, бесполезно и вредно, абсолютно верна применительно к ЭВР [4].

Человек может быть на работе врачом, преподавателем, офицером полиции, а после работы, уйдя в ЭВР, он может перевоплощаться в короля, наемника, жестокого пирата и т. д. Фактически человек может жить двумя и более жизнями. Эти жизни могут находиться в отношениях как конвергенции, так и дивергенции. Рассмотрим вариант конвергенции. Человек, например, в реальной жизни работает врачом. В электронно-виртуальной жизни он также работает врачом. И то, что ему не удастся в реальной жизни, он отрабатывает в виртуальной. Следовательно, виртуальная жизнь помогает реальной жизни. Рассмотрим вариант дивергенции. Например, в реальной жизни человек работает офицером полиции, а в виртуальной жизни он бандит. Таким образом, человек проживает две противоречащие друг другу по нравственно-социальным параметрам жизни. Данная ситуация может привести к тому, что одна из этих личностей подчинит себе

другую. Логично предположить, что в случае дивергенции нравственности будут побеждать негативные нравственные установки хотя бы потому, что виртуальный мир будет давать им больше возможностей для совершенствования, чем реальный мир для позитивных изменений.

В будущем как принципиально новое средство обучения и воспитания ЭВР сможет реально влиять на процесс духовно-нравственного воспитания человека, будучи строго индивидуальным, внутренне осознанным и пережитым самим воспитуемым. Этот подход противоположен выдвигавшемуся ранее в предыстории человечества просветительскому (внешнему, формальному) подходу к воспитанию человека. В свое время В. И. Ленин заметил, что нельзя стать настоящим коммунистом (понимая под ним подлинно культурного, нравственного человека, преданного идеалам построения нового справедливого общества и т. п.), не усвоив всех предыдущих достижений человечества. До В. И. Ленина аналогичную мысль о воспитании духовно-нравственного культурного человека высказывали И. Кант и И. В. Гете. Согласно Гете, «лишь все человечество вместе является истинным человеком, и индивид может только тогда радоваться и наслаждаться, если он обладает мужеством чувствовать себя в этом целом» [5]. «Глупость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» [6]. В введенном И. Кантом понятии «гражданин мира», согласно интерпретации Т. Г. Лешкевич, имеется в виду «не единомыслие, а причастность ко всеобщему порядку мироздания, возможность объединения и узнавания себя в другом. Оно выступает определенной гарантией постоянства собственного Я, его самоидентификации» [7]. Однако как идея В. И. Ленина о воспитании настоящего коммуниста, так и идеи И. Канта и И. В. Гете были ограничены политическими, экономическими и технологическими рамками своего общества. Лишь с XXI в., с появлением ЭВР, человек получает реальную возможность последовательно испытать все лучшее и все худшее, что было достигнуто человечеством за весь период его существования. И только тогда конкретный человек сможет действительно усвоить основные культурные и нравственные достижения человечества. Только таким образом мы выходим на теоретическое и практическое решение проблемы формирования нового, то есть подлинно культурного, нравственного человека.

Поясним это на примере изучения истории, которую можно будет изучать не только теоретически, но и ситуативно. Так, можно будет создать в ЭВР такую историческую ситуацию, в которой можно реально почувствовать, каково быть, например, рабом. Ранее человек, читая в

книгах по истории, что рабовладелец бьет раба, не испытывал при этом каких-то особых чувств. Ну и что, что бьет раба, не его ведь бьют. И через несколько минут забывал об этом. Программа изучения рабства в ЭВР может быть рассчитана на определенное время обучения в условных единицах. И изучающий историю рабства человек во время обучения будет существовать в ЭВР в качестве раба. Тогда он начнет понимать на собственном примере, что такое рабство. Посредством ЭВР известное выражение «История учит только тому, что она ничему не учит потомков» должно быть переосмыслено, поскольку нахождение в ЭВР впервые позволит по-настоящему учить людей.

В то же время замечание Гегеля о том, что люди ничему не учатся на опыте истории, верно. Действительно, история до сих пор была чисто умозрительной и в этом смысле «внешней» наукой. Такое положение было неизбежно вплоть до появления ЭВР. Лишь на стадии развитой ЭВР люди начнут учиться на примерах истории и не будут вновь повторять исторических ошибок, ибо истина, как справедливо отмечал в своих романах Г. Гессе, должна быть не преподана, а пережита. Н. О. Лосский обращает внимание на то, что «надо помнить, что прогресс или регресс есть свободно развивающаяся личная история каждого существа; это значит, что прогресс и регресс не может быть передаваем от одной личности к другой механически или по наследству: он может быть результатом только собственного опыта и собственных усилий каждой личности. Правда, подражание, усвоение чужого творчества, обучение и воспитание имеют некоторое значение, однако лишь второстепенное, лишь в меру интереса, пробудившегося в самом воспитываемом» [8]. Аналогичную мысль высказывает В. Франк: «Ценностям мы не можем научиться – ценности мы должны пережить» [9]. О. Г. Дробницкий считает, что «нравственная проповедь может затронуть сознание человека, если она сопричастна его собственному моральному опыту...» [10]. Поэтому проблема усвоения человеком знаний, основанных не только на понимании, но и на их переживании до ЭВР, не могла быть решена. Даже если у какого-то человека было пылкое воображение, то такое воображение могло быть только у одного из ста или даже тысячи людей, и это не решало задачи массового обучения. В условиях ЭВР человек будет испытывать все те ощущения, о которых он читал в учебниках истории. ЭВР во много раз усилит катарсис при восприятии художественного произведения, что тоже будет благоприятно влиять на духовно-нравственное воспитание людей.

Человечество с помощью ЭВР получает широчайшую возможность своего развития, причем

впервые это развитие возможно в массовом масштабе и в реальной практике, а не на словах. ЭВР впервые позволяет осуществить на практике связь обучения и воспитания человека.

Подлинное назначение ЭВР, на наш взгляд, состоит не столько в предоставлении развлечений и обеспечении быстрого поиска информации, сколько в том, чтобы служить пространством для нравственного воспитания человека. Специфика ЭВР в том, что это впервые появившийся идеальный «полигон», тренажер для создания различных воспитывающих человека ситуаций, в первую очередь духовно-нравственных. Этот тренинг связан с тем, что человек будет проживать жизнь другого человека, то есть испытывать то, что испытывает другой человек, а это позволит ему лучше понять не только других людей, но и самого себя. Важно, что это воспитание – не абстрактное, формально-теоретическое, а конкретное, реальное, чувственно-практическое.

Человеку в «жестком» мире присуща мононравственность, то есть нравственность человека, живущего одной жизнью, обладающего одним телом и имеющего узкий «коридор» для их изменений. Его мечты об ином теле и другой жизни не имели средств для реализации. С XXI в. начинается, на наш взгляд, формироваться полинравственность. Это принципиально новый исторический тип нравственности. Он включает в себя, во-первых, нравственность человека, который какое-то время живет в обычном мире в определенном качестве, во-вторых, нравственность того же человека, когда он живет в ЭВР, играя выбранные им роли.

Таким образом, формирование нравственности будет связано с тем, что каждый конкретный человек сможет получать именно то, что лично ему надо. А получив то, что ему нужно, он сможет совершенствоваться, развиваться гораздо быстрее, чем в условиях обычного мира. Поэтому появление ЭВР будет связано с тем, что человечество сможет перейти на более высокую ступень развития общества, которой будет соответствовать более высокая этика.

Нравственность человека эпохи ЭВР будет результатом его многостороннего и многовариантного личного опыта. Свобода, обретаемая человеком в ЭВР, – огромное искушение для человека, которое, тем не менее, он должен пройти, чтобы в итоге стать мудрым и нравственным существом. Согласно Н. А. Бердяеву, «недостаточно человека освободить от внешнего насилия... нужно освободиться человеку от внутреннего зла, которое и рождает насильственную связанность природы и смертоносный ее распад. Человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни, действительно перестать быть рабом, а не надевать костюм свободного,

не казаться могущественным... Освобождение зверя с бушующим в нем хаосом не есть освобождение человека, так как подлинный человек есть часть божественной гармонии» [11].

Получая возможность проживать в ЭВР разные жизни, человек впервые получает и шанс экзистенциально прочувствовать наиболее значимые моменты истории всего человечества. Именно это, по нашему мнению, и позволит человеку ощутить себя Человеком, то есть ощутить все высокие нравственные завоевания человечества, а также его нравственные падения.

Правильное понимание роли ЭВР в духовно-нравственном развитии человека и соответствующий контроль над ЭВР создаст условия, позволяющие, с одной стороны, избежать возможного падения части человечества в этическую «яму», а с другой – дать человеку шанс резко подняться в духовной области. Мы полагаем, что значение ЭВР заключается и в том, что с ее помощью впервые в своей истории человечество делает духовно-нравственное развитие человека выгодным и значимым для него, поскольку количество свободы будет определяться уровнем духовно-нравственного развития самого человека. Такое воспитание человека в условиях ЭВР будет оказывать благотворное влияние на его образ жизни и в обычном, «жестком», мире.

Примечания

1. *Стерледева Т. Д.* Мир человека в виртуальной реальности. Пермь, 2003. С. 42–49.
2. *Стерледева Т. Д.* Там же. С. 36–42.
3. *Кант И.* Лекции по этике. М., 2000. С. 367.
4. *Бердяев Н. А.* Философия свободы // Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997. С. 188.
5. *Гёте И. В.* Избранные философские произведения. М., 1964. С. 376.
6. Цит. по: *Арсеньев А. С.* Философские основания понимания личности. М., 2001. С. 28.
7. *Лешкевич Т. Г.* Философия. М., 2000. С. 13.
8. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991. С. 232.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 47.
10. *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М., 1974. С. 8.
11. *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 125.

УДК 111.7

Т. Д. Стерледева

ПРОБЛЕМА ПОЛНОТЫ ДУХОВНОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА В ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируется в футурологическом аспекте духовный опыт человека, формирующийся в условиях новой искусственной электронно-виртуальной реальности. Анализ ведется с помощью новых категорий – «жесткий» и «мягкий» мир и нового методологического подхода – «загоризонтальное» видение.

In the article human spiritual experience, forming in conditions of new artificial electronic virtual reality (EVR) is analyzed in futurologic aspect. The analysis is carried out by means of new concepts – “hard” and “soft” world and of new methodological approach – “beyondhorizontal” sight.

Ключевые слова: электронно-виртуальная реальность (ЭВР), мечта, свобода, духовный опыт.

Keyword: electronic virtual reality (EVR), dream, freedom, spiritual experience.

Человеческий опыт как сумма накопленных знаний включает в себя различные уровни, аспекты, стороны, грани и т. п. Понятие «опытный человек» означает прежде всего что человек закрепил знания на практике, а значит – не просто знает, а может владеть ими, преобразуя себя и мир. «Знать – это значит уметь», «Хочешь узнать дорогу, спроси у того, кто по ней ходил», «За одного битого двух небитых дают» и т. п. Все эти высказывания говорят об одном: знания нужно приобретать теоретически, а усваивать практически.

Но здесь человечество сталкивается с рядом проблем. Во-первых, мир человеческого знания безбрежен, а человеческая жизнь коротка. С другой стороны, человеческий опыт включает в себя положительный опыт, связанный с добром, истиной, красотой и т. п., и отрицательный, негативный опыт, связанный со злом, заблуждением, безобразным и т. п. На стыке этих аспектов возникает проблема: не является ли человек, обладающий только позитивным опытом, односторонне опытным, а следовательно, недостаточно опытным? Какова степень полноты опыта, который должен получить, например, инженер, педагог, разведчик, воспитатель детского сада и т. д?

Появление в конце XX в. электронно-виртуальной реальности (ЭВР) дает возможность по-новому увидеть и поставить проблему полноты опыта конкретного человека и общечеловечес-

кого опыта в целом. XXI в. дал человечеству такие возможности для развития и совершенствования человека как в физическом, так и духовно-нравственном плане, о которых в предыдущих столетиях люди только мечтали. В первую очередь это относится к ЭВР – сравнительно недавно, в конце XX в., появившемуся феномену и не получившему пока еще своего достаточного развития. Однако уже то, что мы имеем сейчас, заставляет задуматься как о плюсах, так и о минусах ЭВР применительно к развитию человека и общества в целом. ЭВР принципиально новый вид изобретения. Для понимания специфики его анализа необходимо ввести и уточнить такое методологическое понятие, как «горизонт». В науке под «горизонтом» понимается та наблюдаемая граница мира, до которой глаз может видеть окружающий мир. В более широком смысле понятие «горизонт» включает в себя границу возможностей в деятельности человека: временных, производственных, научных и т. п.

Исходя из такого понимания понятия «горизонт», можно выделить три варианта возможных методологий анализа какого-либо типа изобретения, в нашем случае ЭВР: догоризонтальный, горизонтальный, загоризонтальный. Естественнонаучный анализ изобретения использует догоризонтальный и горизонтальный типы анализа. Специфика догоризонтального варианта заключается в том, что изучение ЭВР происходит в пределах имеющихся на сегодняшний день возможностей (технических, экономических, достигнутого уровня знаний т. п.), т. е. того, что представляет собой ЭВР сегодня и какой она может стать через пять или максимум десять-пятнадцать-двадцать лет.

Отличительные особенности горизонтального варианта естественнонаучного исследования заключаются в том, что такого рода исследования осуществляются на основе представлений о том, какой ЭВР может стать исходя из имеющихся на сегодня возможностей ее совершенствования, т. е. на пределе возможностей развития ее современного состояния, иначе говоря, «горизонта». Как правило, это перспектива в рамках тридцати-пятидесяти лет. Специфика загоризонтального видения в том, что изобретение рассматривается на стадии его максимально полного развития и выявления на этом этапе всех возможностей его зрелого состояния, во много раз превосходящего технические возможности сегодняшнего дня (догоризонтальное видение) и ограниченного вышеуказанными временными рамками завтрашнего дня (горизонтальное видение).

Догоризонтальный подход обуславливает и соответствующую концепцию сущности ЭВР, рассматривающую ЭВР прежде всего как инструмент, устройство, которое позволяет человеку позна-

вать мир, тренироваться, то есть отрабатывать определенные состояния или ситуации и использовать ЭВР как средство для развлечения, общения и т. п. Соответственно этому и влияние на общество ЭВР, рассматриваемой в контексте познания, обучения и досуга и т. п., понимается как локальное. На такие существенные свойства человека, как, например, свобода, ЭВР не влияет либо влияет слабо.

При горизонтальном подходе функции ЭВР и сущность ЭВР трактуются в целом так же, как и при догоризонтальном видении. Отсюда следует и аналогичная догоризонтальному подходу трактовка влияния ЭВР на общество. Таким образом, горизонтальный подход в принципе мало отличается от догоризонтального. Философский же анализ изобретения в отличие от естественнонаучного может базироваться как на догоризонтальном и горизонтальном, так и на принципиально новом типе – загоризонтальном видении [1] в зависимости от задачи, которую философ ставит перед собой.

Чтобы понять наиболее глубинную сущность ЭВР как специфического типа изобретения, ее функции и влияние на развитие общества, ЭВР надо рассматривать с позиций уже достигнутого ею в будущем максимально полного развития, иначе говоря, на основе загоризонтального видения. В основе загоризонтального видения объекта лежит процедура теоретического допущения, идеализации. Философ исходит из допущения, что изобретение уже достигло своих максимально возможных параметров, при этом отдавая себе отчет в том, что сегодня они явно недостижимы. Преимущество такого допущения в том, что оно позволяет выявить сущность изобретения, а также его функции и влияние на общество в наиболее ясном и отчетливом виде. В рамках данного метода мы отвлекаемся от физических характеристик материала, из которого сделана ЭВР, от конкретных программ, на основе которых она функционирует, от конкретных характеристик электронной базы и т. п., а рассматриваем ЭВР на основе допущения, что она уже достигла своего максимально возможного развития. При загоризонтальном методе исследования ЭВР мы берем предельно большие промежутки времени (точнее, не указываем конкретных временных, пространственных, субстратных и других конкретных характеристик ее зрелого состояния).

Как мы отмечали выше, сегодня большинством исследователей основополагающими функциями ЭВР считаются помощь человеку в познании и моделировании мира, тренировка человеческих способностей и умений в различных областях деятельности, организация отдыха и развлечения, коммуникативная функция и др. Однако

признание указанных функций в качестве первоочередных обусловлено догоризонтальным и горизонтальным видением ЭВР. И лишь с применением загоризонтального методологического подхода начинает проявляться определяющая, главная функция ЭВР – создание мира, достойного человека. Для развертывания и обоснования этого положения мы используем понятие свободы человека, а для его конкретизации вводим новые понятия «жесткий» и «мягкий» миры [2].

Что такое свобода человека? На проблему свободы нет единой точки зрения. Свобода – понятие многоаспектное. С одной стороны, это осознанная необходимость и соответствующий этой необходимости выбор. С другой стороны, это действие в соответствии со своими желаниями, не имеющее противодействия среды. «Жесткий» мир – это мир природы, общества и человека, в которых действуют законы, создающие преграды и препятствия в случае, когда человек пытается изменить их с целью реализации своих желаний. Мир природы для своего преобразования требует знания законов природы, наличия средств производства, определенных умственных и физических усилий человека и т. п. Общество как разновидность «жесткого» мира опирается на систему предписаний и запретов. Живущий в обществе человек признается нормальным членом этого общества только при условии его подчинения общественным запретам и предписаниям. Однако подчинение индивидуума этим запретам не дает ему возможность действовать максимально свободно, а именно так, как он сам хотел бы в данный момент своего существования, то есть здесь и сейчас.

Экзистенциалисты указывают на то, что человек находится между двумя типами страданий. Если человек хочет сохранить для себя коллектив, в котором он находится, он вынужден терять свою свободу, поскольку, находясь в коллективе, человек не может в ряде случаев поступать так, как ему хочется, игнорируя при этом общественные правила поведения, нормы общения в определенных коллективах и т. п. Если человек хочет сохранить себя, то есть быть действительно свободным, реализовываться во всем объеме и всей полноте своей индивидуальности, то он теряет коллектив, в котором он находится. Большинство людей, страшась одиночества, предпочитают потерять себя, но сохранить коллектив.

Сам человек также является элементом «жесткого» мира. Так, человеку трудно изменить свой пол, возраст, внешность и т. п. Хотя наука XXI в. дает человеку возможность менять многие свои параметры из вышеперечисленных, тем не менее не каждый человек, желающий себя изменить, может себе это позволить. Препятствия могут быть связаны либо со значительными финансо-

выми затратами, либо с рядом довольно мучительных физических процедур, психических состояний, отвержением социумом и т. п.

Человеческое сознание также включается в систему «жесткого» мира, поскольку человек не может по своему желанию изменить свои умственные возможности, свои симпатии и антипатии (как известно, «сердцу не прикажешь») и т. п. Таким образом, человек, являясь по своей природе свободным существом, живет в мире несвободы, то есть в «жестком» мире. В «жестком» мире свобода человека в какой-либо сфере деятельности всегда идет за счет ее ограничения в другой сфере. Такая закономерность обусловлена особенностями субстрата «жесткого» мира, поскольку он состоит из вещественно-полевого вида материи. Свобода, определяемая Спинозой как осознанная необходимость, характеризует, на наш взгляд, свободу человека, существующего внутри «жесткого» мира.

В то же время следует отметить, что человек обладает такой областью своего внутреннего мира, как мир мечты, который можно назвать «мягким» миром. В мире мечты как «мягком» мире человек существует в идеальной форме мысли. В данном мире человек ощущает себя абсолютно свободно, то есть может представить себе выполнение своего любого желания, поскольку он выступает в этом мире одновременно и как режиссер, и как актер, и как сценарист, и как критик и т. д.

Таким образом, специфика сущности человека в том, что человек как свободное существо находится одновременно в двух мирах: в «жестком» мире природы, общества и своего сознания и «мягком» мире своей мечты, причем такая двойственность существования была присуща человеку всегда. Мечты, выходящие за рамки общественных ограничений, не могли, как правило, реализовываться на практике. Люди смирились с этой несвободой, утешая себя тем, что «так устроен мир».

Итак, рассматривая ЭВР в максимально полном варианте ее развития, мы видим, что данный тип реальности выступает как некий аналог искусственного «мягкого» мира, поскольку в ЭВР существует принципиально новый тип окружающей среды, принципиально новый тип человеческого тела, принципиально новый тип отдельных функций человеческого сознания, принципиально новый тип воздействия человека на мир. Этот новый искусственный мир имитирует естественный жесткий мир, но в более развитом «мягком» варианте, когда сам человек определяет, какой должна быть окружающая среда (город, джунгли, океан и т. п.), каким должно быть его тело и т. д. Таким образом, появление ЭВР – такое революционный шаг вперед, который дает воз-

возможность человеку создать новый тип сложной реальности, то есть новый тип мира, новый тип себя в этом мире и новый тип трансформации реальности внутри этого мира.

Загоризонтальный подход позволяет выявить ведущую, важнейшую и принципиально новую функцию ЭВР, которую можно обозначить как экзистенциально-конструкторскую. Эта функция выдвигается на первый план, «зادвигая» тем самым инструментальную функцию ЭВР на второй план. Экзистенциально-конструкторская функция порождена потребностью человека в реализации своих задатков, склонностей путем их свободного проявления. В ЭВР, рассматриваемой в ее максимально возможном варианте развития, каждому человеку дается возможность создать свой собственный мир – такой, какой он хочет создать на данный момент. На основании загоризонтального подхода следует вывод, что подлинно человеческим миром является мир ЭВР, поскольку именно в нем человек может быть максимально свободным.

Как мы отмечали выше, духовный опыт многообразен. Он может вмещать в себя как опыт героического, так и опыт трусости, предательства и т. п. Опыт может быть опытом возвышенного и прекрасного, но может быть и опытом низменного и безобразного. Все это грани одного и того же человеческого опыта. Человеческая мудрость гласит: не осуждай другого, не побывав на его месте. Поэтому проблема полноты духовного опыта может звучать так: какой тип опыта необходимо приобрести человеку, чтобы стать мудрым, достичь высшего уровня духовности – только опыт положительного, возвышенного, героического и тому подобного или же к указанному позитивному опыту (героическому, возвышенному и т. п.) надо добавить и опыт трусости, предательства и тому подобного?

Полнота нравственного опыта включает в себя различные уровни, грани, аспекты и т. п. Но в плане поставленной нами проблемы мы выделяем следующие методологические моменты. Во-первых, опыт нравственного предполагает разделение его на две большие сферы: нравственное и безнравственное. Конечно, между ними имеется целый ряд переходных форм, но эти два полюса являются своего рода аттракторами, то есть точками, притягивающими события, формирующими событийные целостности. Во-вторых, знания, формирующие опыт, строятся по схеме: от незнания к знанию, от знания неполного и неточного к знанию полному и точному. Например, большинство так называемых «серийных» убийц стали таковыми не сразу, а через определенное для каждого индивида время в результате накопления ими специфического негативного опыта, оставаясь при этом некоторое время психически вменяемыми людьми.

Таким образом, появление и развитие ЭВР дает возможность сравнить между собой два типа духовного опыта человека: опыт человека в «жестком» мире и опыт человека в «мягком» мире ЭВР. Большая часть моральных устремлений человека возникает и осуществляется первоначально в «мягком» мире мечты, так как реальный мир часто не дает человеку возможности осуществить эти его самые заветные мечты и стремления. Возникновение ЭВР даже в ее несовершенном виде, например в варианте компьютерных игр, дает возможность вывести скрытые желания и стремления человека на уровень, более приближенный к реальной жизни, что проявляется в следующих моментах.

Во-первых, это фактор справедливости. В «жестком» мире справедливости или очень мало, или она имеет формальный характер в силу ряда экономических, социальных, психологических и иных причин. В «мягком» мире ЭВР человек сам устанавливает такой тип справедливости, какой он считает необходимым в каждом конкретном случае.

Во-вторых, фактор возмездия или наказания за содеянное. В «жестком» мире такой принцип существует. Другое дело, что он осуществляется не всегда и применяется не ко всем людям во всем необходимом объеме, что объясняется опять же экономическими, социальными и иными причинами. Но большинство людей понимают, что за нарушение моральных или юридических норм надо отвечать по всей строгости имеющегося законодательства. Этот страх ответственности за совершенное во многом играет положительную воспитательную роль. В «мягком» мире ЭВР человек может ввести в программу фактор ответственности за содеянное, а может не вводить, то есть он сам выбирает в данном случае этот фактор. Естественно, что большинство людей будут предпочитать отсутствие ответственности за свои негативные действия в виртуальном мире, поскольку это не реальный мир, а виртуальный мир, построенный в конечном счете по игровым законам.

В-третьих, опыт человечества в «жестком» мире неповторим, всегда уникален. В «мягком» мире ЭВР человек может повторить как хорошее, возвышенное, героическое, так и плохое, ужасное и низменное. В ЭВР человек может повторять свои действия по многу раз, «оттачивая мастерство» как позитивного, так и негативного плана. Опыт человека в ментальном мире мечты (вне ЭВР) не подкреплён практически. Желания человека загоняются вовнутрь, человек боится их обнаружить из-за страха санкций со стороны общества. Например, человек, имеющий склонность к насилию и убийству, может осуществить эти действия в своем «мягком» мире мечты. Общество не знает об этих его мечтах и считает его

нормальным, порядочным человеком. ЭВР же дает такому человеку новые возможности – в открытом и более сильном варианте осуществлять свои негативные желания. Опыт в ЭВР – это уже качественно иной опыт по сравнению с опытом в «мягком» мире мечты, поскольку он подкреплен материально-подобной специфической практикой.

В-четвертых, в «жестком» мире существует «экзистенциальная анизотропия», то есть несимметричность переживаний: обидчик не испытывает то, что испытывает обиженный. В современных электронных играх прослеживается такая опасная для психического, душевного мира человека «несимметричность» переживаний. Человек убивает «мишень», но и его также в некоторых играх могут «убить». Однако человек при такого рода игровых «убийствах» не переживает ни душевной, ни физической боли, а скорее испытывает досаду на свою нерасторопность. Использование же ЭВР как тренинга этических переживаний человека может быть построено на «симметричности» переживаний пары: обидчик – обиженный, палач – жертва. В «мягком» мире ЭВР человек может находиться как в роли обидчика, так и в роли обиженного, например, как в роли рабовладельца, так и в роли раба, что может дать огромный воспитательный эффект.

В-пятых, в «жестком» мире человек часто не может выбирать тип переживания, поскольку их навязывает ему ситуация, оперативная обстановка и т. д. В «мягком» мире ЭВР человек сам может выбирать себе предполагаемые обстоятельства, круг общения и тому подобные факторы, чтобы испытать определенные переживания.

В-шестых, в «жестком» мире человек часто не может планировать сюжет ситуации, поскольку в реальной жизни все часто идет не по задуманному плану. В «мягком» мире ЭВР человек может сам себе создавать различные варианты сюжетов – от максимально благоприятных до максимально неблагоприятных. Нечто подобное мы иногда можем наблюдать в «жестком» мире. Альпинисты-новички стараются выбрать простой, несложный маршрут. Опытные же альпинисты подбирают себе в ряде случаев маршрут максимальной сложности.

Современные компьютерные игры во многом построены на убийстве какого-либо злодея, солдата неприятельской армии, монстра и т. д. Развитие ЭВР уже сейчас ставит проблему: как должно реагировать общество на появление нового вида свободы человека – свободы в ЭВР? Вариант первый: запретить компьютерные игры или ввести жесткий общественный контроль за ними. Но это мало что даст, так как играть начнут подпольно. Вариант второй: взять компьютерные игры под контроль специфического типа, то есть исследовать внутренний, духовный мир человека

и давать ему возможность реализовать то, что в нем скрыто, находится в потенциальном, подсознательном состоянии. Но это разрешение должно делаться с обязательной поправкой: человек, убивающий другого, должен испытать то, что испытывает убиваемый им человек.

В этических системах имеются два противоположных утверждения. Одно из них призывает отвечать за причиненное человеку зло в варианте «око за око, зуб за зуб». Другое этическое положение утверждает, что зло нельзя победить злом. В эпоху до появления ЭВР эти утверждения взаимно исключали друг друга. С появлением ЭВР появилась возможность совмещать оба эти положения. Первое утверждение («Око за око, зуб за зуб»), требующее, чтобы обидчик был поставлен на место обиженного, реализуется, ибо ЭВР предоставляет такую возможность. Другое этическое утверждение, что зло нельзя исправить злом, тоже имеет реальную возможность осуществления в ЭВР. Электронно-виртуальная реальность может дать возможность получать не только абстрактное представление о страданиях другого человека, а испытать их на себе и реально пережить в условиях ЭВР. Такое совмещение несовместимых ранее, до возникновения ЭВР этических требований даст возможность человеку, с одной стороны, испытать негативный опыт и даже во всем его объеме, а с другой стороны, пережить страдания другого человека и тем самым на собственной практике убедиться в пагубности собственных негативных действий, раскаяться в них и получить тот опыт переживания негативного, который даст возможность человеку уже никогда так не поступать.

Проблема электронно-виртуальной реальности пока не рассматривается во всем объеме этого сложного феномена. Так, проблема полноты человеческого опыта в аспекте ЭВР даже не поставлена в современной философской литературе. Однако темпы развития технологии могут превратить ЭВР в «ящик Пандоры», справиться с которым может оказаться человечеству не под силу. Поэтому, пока есть еще время, необходимо задуматься над этой проблемой и решить ее теоретически, тем более что у человечества уже есть опыт решения подобных проблем. Пример тому – проблема атомного оружия.

На Востоке говорят, что к мудрости ведут три пути. Первый и самый легкий – это подражание. Второй, самый благородный – размышление. И третий, самый тяжелый – опыт. ЭВР дает возможность соединить все три пути приобретения и накопления мудрости.

Примечания

1. *Стерледева Т. Д.* Мир человека в виртуальной реальности. Пермь, 2003. С. 38–42.
2. Там же. С. 42–48.

УДК 111.12+316.123-053.2

Т. Д. Попкова

**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
КАК ДУХОВНАЯ СУТЬ ЛИЧНОСТИ
РЕБЁНКА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ
Ч. АЙТМАТОВА «БЕЛЫЙ ПАРОХОД»)***

В статье рассматривается проблема экзистенциального бытия ребенка как первоначала духовного самоопределения личности на примере повести Ч. Айтматова «Белый пароход». В сложном, сугубо индивидуальном пути становления личности экзистенциальные переживания создают в сознании ребенка когнитивно-аксиологическую, сущностно-смысловую картину собственной жизни. Процесс освоения им духовных ценностей, содержание которых становится для него смыслом и исходной ценностью, подразумевает свободный выбор способов самоидентификации, самоопределения и самоактуализации собственного существования.

The article considers the system of existential motifs and plot situations embodied in the story "The White Ship" by Ch. Aitmatov. In the period when individual personality is formed, existential experiences construct cognitive and axiological aspects of a child's world-view. These experiences are the origin of the process of self-determination, world-view, life-style and activity. Spiritual Culture begins to have meaning and value while a person is learning this culture. Learning of a culture implies free choice of the ways of self-identification, self-determination and self-actualization of a child's being.

Ключевые слова: ребенок, сознание, самосознание, экзистенциальное восприятие, экзистенциальные переживания, язык, самовыражение, самобытие ребёнка.

Keywords: child, consciousness, self-consciousness, existential perceptions, existential experiences, tongue, self-expressions, childhood autonomy.

1. Экзистенциальное пространство философии и литературы

Экзистенциализм, как нередко отмечают исследователи, начал формироваться в западноевропейской культуре как философское и литературное течение в конце XVIII в. и окончательно утвердился в XX в.

Желание разобраться в природе человеческого сознания посредством интроспекции («взгляда вовнутрь»), обнажающей внутренний мир человека как особую реальность самопознания, наблюдается уже у представителей классической философии – Р. Декарта, И. Канта, противопоставляющих самопознание познанию мира (т. е. внутреннее – внешнему). И. Фихте объединил в единый целостный круг рефлексии самосозерцание человека и созерцание им внешнего мира.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 09-06-826059а/у.

Благодаря работам Э. Гуссерля и М. Хайдеггера произошло углубление понятия «сознание»: в бытии сознания (феноменология человеческого бытия) они выделили его первоначало (феноменология «чистого сознания»). К середине XX в. в интерпретации большинства исследователей понятие «сознание» стало рассматриваться как «единство переживаний, организованное в потоке времени», а в качестве главной проблемы экзистенциальной философии утвердилось исследование соотношения в человеческом сознании субъективного и индивидуального начал.

Первый опыт описания экзистенциальных переживаний принадлежит С. Кьеркегору, который на примере собственной жизни – попытки вырваться из объятий «общего» – предлагает апологию страха, средством преодоления которого служит общение с Богом – одна из возможных форм выхода человека из личностного одиночества. Известно, что Кьеркегор, будучи талантливым литературным мистификатором и используя разнообразные литературные приёмы (выступая то в качестве героя, то издателя, то рецензента), в своих сочинениях вскрывает философскую проблему «феноменов индивидуального духа». В качестве одного из таких феноменов он выделяет «проникнутое вечностью» мгновение, которое предстает в его возможности повторения [1]. Экзистенциальное мышление, согласно С. Кьеркегору, связано с внутренней духовной жизнью личности, с её интимными переживаниями, которые имеют подлинный, конкретный человеческий смысл. Субъективное мышление заинтересовано в существовании одновременно в субъективной реальности и ирреальности по причине сложной противоречивости собственно человеческой жизни, наполненной сомнением, страхом, недоверием и бессилием [2]. В философских концепциях XIX–XX вв. духовная суть человека рассматривалась в одних случаях с позиций субъективного рационализма, а в других – субъективного иррационализма. В первом случае человек пытается найти объяснение существования мира независимо от воли человека; во втором человек познаёт сущность бытия через свое существование (экзистенцию). Для познания своей сущности человеку необходимо выполнить ряд необходимых условий: освободиться от господствующих ценностей, норм, установок и т. п., то есть обрести свою подлинную сущность. Подобный процесс катарсиса осуществляется в ситуациях, когда бытие граничит с небытием: в страданиях, переживаниях чувства вины, отчаяния, перед лицом смерти. Исходя из индивидуально-единичного существования, экзистенциализм, на первый взгляд, характеризует бытие человека как комплекс отрицательных эмоций – страха, озабоченности, стремления к смерти, вызванных самой

жизнью. А. Хюбшер, например, считал, что экзистенциальная философия XX в. отражает непосредственное выражение современности – её затерянности, безысходности, упадка, «радикальной конечности» [3]. Безусловно, одиночество, индивидуализм, утрата чувства сопричастности происходящему – главные черты менталитета данной эпохи, но при этом мы можем отметить, что экзистенциалисты не выступали в качестве защитников кризиса разума и кризиса гуманности и не делали попыток их оправдать. Протестуя против капитуляции личности перед пропастью разрушенных идеалов и ценностей, они поднимали на высокий пьедестал онтологическую проблему бытия человека, его жизненного мира.

Философская позиция М. Хайдеггера, рассматривавшего мир субъективных человеческих переживаний – экзистенцию как «здесь-бытие» оказала значительное воздействие на процесс становления экзистенциализма как самостоятельного философского течения. По мнению Хайдеггера, своеобразие человеческого бытия заключается в том, что оно представляет собой нечто *подвижное, становящееся, постоянно выходящее за свои пределы* и отличающееся особой *открытостью*. Человек, таким образом, в качестве «чувствующего тела» становится тождественен своему бытию [4], а его самосознание оказывается сращенным с пониманием и переживанием мира.

К. Ясперс, исходя из единства сознания и самосознания, называет экзистенцию «необъективированным началом личности», доказывая при этом, что у человека нет никакой другой возможности знать что-то о мире и о себе в этом мире, кроме одного – переживания этих знаний, которые имеют для него нравственно-практическое значение. В связи с этим в интерпретации Ясперса экзистенция обретает возможность трансцендирования, высшим достижением которой он полагает обращение человека к Богу [5].

«Бытие в мире» Ж.-П. Сартра определяет сознание человека как активное, спонтанное «бытие для себя». Выделяя проблему существования в мироустройстве субъективного и объективного начал и, как следствие подобной дихотомии, диалектическое противоречие «свободы» и «необходимости», Сартр рассматривает свободу как неотъемлемое условие жизни человека, берущего на себя ответственность за сделанный выбор. Понимая индивида как отчужденное лицо, Сартр возводит человека в метафизический статус онтологии существования. Сартровский экзистенциализм выражается в формуле «существование предшествует сущности» [6].

Лейтмотивом произведений А. Камю выступают обречённость, несчастье, беспросветность, абсурд существования – объективные реалии жизни человека. Осознание обречённости и бес-

смысленности своего существования выкладывается в дилемму: либо признать абсурдность мира, либо обнадеживать себя гипотетическими и эфемерными призраками каких-либо изменений в нем, либо ожидать смерть. Первый вариант, по мнению Камю, предпочтителен – именно он и составляет суть смысла жизни: человек обретает свободу посредством бунта, восстания против «диспорядка» и хаоса... [7].

Выделяя главной проблемой человеческого существования отчуждение индивида от общества, экзистенциализм позиционирует его противостояние с окружающими: через призму своего бытия, разума, чувств, эмоций человек раскрывается сам перед собой и тем самым получает возможность смотреть и воспринимать окружающий мир иначе, чем другие.

Сопоставляя и анализируя идеи экзистенциальной философии и творчество русских философствующих писателей XIX–XX вв., можно вслед за А. В. Лесевицким прийти к выводу о том, что философам этого направления принадлежит заслуга теоретического обоснования проблемы отчуждения человека и общества, а писатели предлагают практические выходы для реализации человеком своего права на свободу: либо путь христианской соборности, либо бунт против диктуемых социумом условий жизни, поведения, поступков (Ф. Достоевский, Н. Бердяев, С. Франк, М. Бакунин и др.).

Многие исследователи справедливо считают, что своеобразным предшественником экзистенциализма является Ф. М. Достоевский, произведения которого оказали серьезное влияние на многих представителей западной философии – Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера, К. Ясперса, М. Буббера. Философские воззрения крупнейших представителей западного экзистенциализма, в свою очередь, оказали существенное воздействие на русских философов – Н. Бердяева, Л. Шестова и других, в работах которых можно увидеть обращение к *антропологическому контексту* экзистенциализма.

Завершившийся XX в. и начало XXI в. обострили экзистенциальные проблемы существования человека и человечества в мире. Бурное развитие науки и техники сопровождалось процессом, в котором человечество стало катастрофически терять духовные ценности и смыслы, приобретённые им на протяжении предшествующих столетий. Пророчеством наступающего обезбоженно-обездушенного мира прозвучали слова Н. Бердяева: «...Свободная игра человеческих сил от возрождения перешла к вырождению, она не творит уже красоты... Мир меняет свои покровы...», – при этом оптимистически восклицая: «Бытие неистребимо в своей сущности, нераспылимо в своем ядре...» [8].

В сферу русской культуры экзистенциализм органично вошел на протяжении второй половины XIX в. как явление, выразившееся, в первую очередь, в литературе. Наличие комплексов идей («вопросов»), характерных для экзистенциализма, исследователи сегодня отмечают в произведениях Л. Толстого («Смерть Ивана Ильича»), в романах Ф. Достоевского, рассказах и драмах А. Чехова. На протяжении XX в. отдельные положения экзистенциализма развивались в художественных произведениях И. Бунина, Г. Иванова, В. Набокова, А. Платонова, В. Шаламова. «Экзистенциализм формировался как своеобразная философия кризиса. Не случайно его плодотворное развитие происходило в кризисные, переломные моменты истории человеческой цивилизации» [9].

Неоднозначные процессы в развитии культуры, наблюдавшиеся на протяжении XX в., – распад традиционных систем ценностей, деформация типа духовности, изменения в коллективном сознании общества, обреченность на одиночество человека, получившего, по словам Достоевского, «дар свободы», – все это определяло экзистенциальную картину жизни России того времени, которая, в свою очередь, достаточно адекватно выражалась литературой.

Как показывает В. В. Заманская, русская литература XX в. представляет собой «систему доминант, типов сознания (экзистенциального, диалогического, религиозного, мифологического, политизированного и др.), которые «материализуются» в индивидуальном художественном мышлении писателя...» [10]. Онтологические сферы бытия человека, его душевной жизни как самостоятельные и самоценные проблемы философии становятся основополагающим контекстом творчества писателей, тяготеющих к экзистенциальным традициям.

Художественное сознание русских писателей двадцатого столетия, выразивших в своем творчестве принципы экзистенциализма, нередко рассматривает те же проблемы бытия в контексте культурного пространства России, что и философия. Это позволяет проследить диалог литературных и философских интенций самосознания человека в мире: экзистенциальный компонент в идейном содержании и в сюжетной линии художественных произведений становится своеобразным «гносеологическим стержнем» их композиционной структуры.

Данный диалог связан с двумя взаимоисключающими направлениями существования отчужденного человека в мире: с его саморазрушением и самоуничтожением или с его стремлением к многогранному духовному возрождению (напримечатель, в вере).

Такой диалог можно увидеть в творчестве одного из крупнейших писателей XX в. – Чингиза Айтматова.

2. Художественный мир Чингиза Айтматова

Творчество Чингиза Айтматова стало органичной частью мировой культуры XX в. Изучению его произведений в контексте мировой культуры посвящены работы исследователей из многих стран мира. Его лучшие произведения («Плаха», «И дольше века длится день», «Пегий пес, бегущий краем моря», «Белый пароход», «Тавро Кассандры», «Белое облако Чингисхана» и другие) прочно вошли в сокровищницу мировой литературы.

Ч. Айтматов – художник, не укладывавшийся в системы стереотипов XX в.: в советский период его творчество не соответствовало канонам «социалистического реализма», но в то же время он не был и традиционным «реалистом». Айтматов не принадлежал к лагерю ортодоксальных «советских» писателей, каким его иногда пытались представить критика советского периода (его творчество невозможно было уложить в схемы «социалистического реализма»); при этом он не был и диссидентом, противником советского режима. Не случайно вокруг его произведений постоянно возникали споры, рождались многочисленные интерпретации [11].

Творчество писателя своими корнями глубоко уходило в мировую культуру: мифологию и фольклор разных народов, в традиции русской, восточной и западноевропейской классической литературы. Художественный мир произведений писателя и запечатленная в нем система ценностей были глубоко национальны и тесно связаны с историей человечества. Однако авторский взгляд на этот мир, поражающий своей глубиной и проникновенностью, был соотнесен с иными эпохами, с иными системами ценностей.

Истинность и глубина художественных прозрений Ч. Айтматова может открываться только сейчас, после обретения нами опыта сложнейших глобальных исторических сдвигов, произошедших в конце XX в.: постоянное ощущение катастрофичности существования современного мира, угроз, таящихся в межнациональных и межкультурных противоречиях, торжестве ценностей «общества потребления», опасности утраты культурных корней, разрушения связей между человеком и Природой, человеком и Космосом, влекущих разрастание грандиозных экологических проблем, ощущение быстротечности времени – все эти и многие другие проблемы, в его произведениях, встали в полный рост перед человеческой цивилизацией XXI в.

Творчество великого киргизского писателя было основано на гуманистических убеждениях, которые противостояли технократическим тенденциям, все сильнее и сильнее утверждавшимся на протяжении последних десятилетий.

Ч. Айтматов, как никакой иной художник XX в., понимал, что «неизвестности» в современ-

ном мире становится все больше и больше, что у человечества остается все меньше и меньше шансов создать в мире что-либо устойчивое, самодостаточное и «замкнутое» в себе. И в то же время герои его произведений стремятся найти в этой незавершенности мира «духовную опору» и стабильность.

Художественный мир произведения Ч. Айтматова – мир *межкультурной коммуникации*, важность следования принципам которой обнаружилась на протяжении последних десятилетий. Писатель ощущал, что «прогресс», во всемогущество которого верили люди XX в., не может в полной мере способствовать разрешению многих гуманитарных проблем.

Творчество писателя глубинно связано с традиционной культурой киргизского и казахского народов, что проявляется в устойчивой тенденции обращения к фольклорным источникам, мифам как к средству выражения миропонимания героев произведений, как выражения бесконечной энергии художественного воображения. В поэтике мифа Ч. Айтматов находит возможность оттолкнуться от событийности, случайности, интуитивного миропознания к экзистенциальным глубинам осмысления человеческой судьбы.

Герои произведений Ч. Айтматова, как правило, представлены в сложнейших *экзистенциальных ситуациях*. Они всегда идут собственным путем, пытаются понять сущностные основы бытия, выявить личностные смыслы свершающихся вокруг них событий, понять истинный смысл собственных отношений с другими людьми и с природой, определить свое назначение в мире. «Что есть добро и что есть зло?», «В чем выражен смысл жизни?», «Какими путями следует идти по жизни человеку?», «Как преодолеть в себе страх перед окружающим миром?» – эти вопросы постоянно задают себе персонажи его произведений. Такие экзистенциальные категории, как «одиночество», «заброшенность», «отчужденность», «страх», «тоска» и другие, неизменно присутствуют в качестве концептов его произведений. Рассматривая судьбу человека, Ч. Айтматов раскрывает ее трагичность, временность бытия, показывает их «перетекаемость» и конечность.

Одно из наиболее ярких произведений писателя, в котором выразились глубокие экзистенциальные размышления о человеческой судьбе в контексте судьбы народа, – повесть-притча «Белый пароход (После сказки)». Это произведение замечательно, в частности, еще и тем, что в нем глубоко раскрыта экзистенциальная природа сознания ребенка.

3. Экзистенциальное пространство мира детей

Мир детства в соответствии с установившимися в мире науки канонами не рассматривается в качестве объекта философского анализа – воз-

можно, по той причине, что он по традиции исследуется педагогикой и психологией. Однако следует отметить, что размышления о детстве и о проявлениях «детскости» у взрослого человека (в качестве характеристики особых духовных проявлений) мы находим у Платона, Аристотеля, Августина, Г. Гегеля, К. Маркса, Л. Фейербаха, Дж. Локка, И. Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Г. Спенсера, Э. Фромма, З. Фрейда и многих других мыслителей.

Мир детства, рассматриваемый как феномен, существующий в социуме автономно от мира взрослых, привлёк особое внимание исследователей лишь в XX в. Приоритетной областью исследования учёных стало *психическое развитие* ребёнка (труды Л. С. Выготского, А. В. Толстых, Ф. Т. Михайлова, Л. Ф. Обуховой, Н. Б. Шумаковой, М. И. Лисиной, Д. Б. Эльконина, А. Н. Леонтьева, Л. А. Венгера, Э. Эриксона, Г. Крайга, Л. Хелла, Д. Зиглера, Н. Хомского и др.). В их работах были исследованы проблемы становления личности ребёнка, основные периоды его психического развития, а также тщательно проанализированы исторические корни Детства как особого, автономного этапа жизни человека. Тем не менее представления о «мире детства» и о ребенке, существовавшие в XIX–XX вв., сегодня оказываются явно недостаточными, раскрывающими лишь самые общие основы феномена детства [12].

Наиболее сложной для интерпретации и противоречивой областью исследования жизнедеятельности ребенка можно считать изучение экзистенциальных компонентов детского миропонимания и мироосознавания. Переживание ребенком мира и осмысление им собственного места в мире может быть объяснено не только при помощи психологических понятий, но и философскими интенциями экзистенциальных основ человеческого сознания. Природа мироосознания и самосознания человека открывает перед ним сущностные основы мироздания – его *дualность* (контрастность, противоречивость, противопоставленность – и в то же время целостность, гармоничность, взаимосвязанность), амбивалентность окружающей действительности и самого человека – его мыслей, слов, намерений, поступков.

На первый взгляд может показаться, что проявления экзистенциального сознания могут быть присущи только взрослому индивиду. Однако следует признать, что детство, будучи *первоначалом бытия* человека, выполняет потенциально конституирующую функцию «зачина» интимной сущности внутреннего мира: ребёнок познает мир своим всепринимаящим, всечувствующим сознанием, которое выступает прообразом экзистенциальной духовной ипостаси человеческой личности.

Восприятие мира формируется в сознании детей на основе их *мировидения*, включающего в себя *мироощущение*, *миропонимание*, *мироистолкование* и *миропреобразование*, которые в своей совокупности создают предпосылки для возникновения мироосознания.

Как правило, наиболее приемлемым объяснением особенностей мировидения ребёнка выступает его мифологическая направленность. Способность ребенка к мифологизации того или иного явления жизни заложена в особой «готовности» его сознания интерпретировать событие в рамках системы собственных понятий. Легкость во «всепринятии» мира помогает ребёнку верить в чудо и волшебство, способствует очеловечиванию в его сознании животных и природных явлений, одушевляет предметы, благодаря чему он может объяснять самому себе порядок мироустройства, правила взаимодействия между людьми, человеком и природой, создавая в своем сознании личную картину мира.

Экзистенциальным компонентом мировосприятия детей можно признать их способность к созерцанию [13]. Подтверждением данного факта могут служить собственные воспоминания о детстве, наблюдение за детьми, примеры из произведений художественной и публицистической литературы для детей и о детях и т. д.

Наличие экзистенциального сознания можно обнаружить также и в миропереживании ребёнка.

На протяжении первых лет жизни в мироосознании детей жизни преобладает *гносеологический* и *фраксиологический* компоненты: мир для них – это прежде всего нескончаемый поток впечатлений и открытий. Средний и старший периоды детства характеризуются новым значимым приращением – возникновением устойчивой потребности в осознании *аксиологического* контекста мироустройства. Осваивая духовно-нравственные основы социального взаимодействия, ребёнок начинает предпринимать попытки самостоятельно разрешать возникающие в его жизни дилеммы: «добро – зло», «истина – ложь», «радость – горе», «справедливость – несправедливость» и т. п. – с целью найти разумное (для себя!) объяснение всему происходящему в его жизни. Этот долгий, порою трагичный по своей безысходности процесс разворачивается в автономной, интимной сфере жизни ребенка – миропереживании [14].

На этом поле внутренних побуждений и внешних коллизий рождаются первые экзистенциальные переживания, возникающие в качестве реакции на существование дисгармонии между индивидуальными представлениями и реальностью. Дети задают вопросы: «Почему люди бывают добрыми и злыми?», «Зачем люди обманывают друг друга?», «Что такое смерть?», «Почему

взрослые не умеют веселиться?» и т. п., за которыми следует утопический сценарий будущих потенциальных преобразований: «Когда я вырасту, то сделаю так, чтобы не было войны... чтобы дети никогда не плакали... чтобы мамы и папы никогда не умирали... чтобы никто ни с кем не дрался...» и т. д.

Диалектика мифологического и экзистенциального сознания детей гармонизируется взаимоперетекающей аксиологичностью событий и явлений окружающего мира. Если первое оперирует ирреальными идиомами, то для второго необходимым атрибутом является наблюдаемый ими процесс изменений в окружающем их пространстве (например, смена времен года, модификация бытовых условий, трансформация окружающего ландшафта и т. д.), людей (их возрасте, внешнем облике, поведении), вызывающий экзистенциальные переживания и, как следствие, попытку объяснить происходящие события и определить их скрытый смысл.

Все дети наделены способностью «врожденного понимания и переживания» различных явлений и смыслов. Состояние, которое характеризует процесс формирования детского экзистенциального мира, можно назвать «всепринимаящим», обладающим «свободной лёгкостью» в познании себя и в открытии окружающего мира. Впитывая события собственной жизни через личностные переживания, дети создают своеобразную нишу, в которой можно либо «спрятаться» от негативного воздействия внешнего мира, либо, переосмыслив мир, принять его как нечто важное и необходимое для себя.

Реальность проявляется для ребенка в бесконечном многообразии форм. Живя одновременно в двух мирах – внешнем (публичном) и внутреннем (интимном), дети не устанавливают принципиальных границ между ними. Это органическое «перетекание» из одной сферы в другую сопровождается чувством единения (гармонии) с другими людьми или, наоборот, чувством своей «инаковости» (дисгармонии). В обоих случаях дети насыщают «свою действительность» разнообразной гаммой трансцендентальных эманаций, такими, как «истинность» (реальность, правдивость), «благость» (искренность, доброта), «случайность» (экспрессия), «необходимость» (нравственность) и «закономерность» (ответственность, допустимость), и многими иными.

Основой экзистенциального мироосознания и мировосприятия выступает локализованное пространство внешнего и внутреннего мира человека – его внутреннее (интимное) «Я» и отношение этого «Я» к «Другому Я» (внешнему, публичному). Взаимодействуя, эти миры в своем центристическом движении создают экзистенциальное *ядро*, представляющее самоценное, са-

модостаточное и самоутверждающее начало личностного самосознания.

Экзистенциальная природа мировосприятия детей опирается на первичные мыслительные реакции, которые онтологически формируются в сознание, апеллирующее к разнообразным способам выстраивания отношений с миром, которые не всегда бывают взаимоприятными. Современная социальная атмосфера такова, что, находясь в окружении многого и многих, дети находятся в пространстве отчуждения (от общения, природы, культурной и цивилизованной среды, в конечном итоге от собственного «Я»). Замкнутое пространство порождает утрату целостного мировосприятия, ведёт к искажению ценностной картины мира, низвергает сущность бытия до уровня существования.

В сущностных проявлениях внутреннего мира возникают интеллектуальные потенции, подготавливающие сознание ребенка к рефлексивной деятельности: осмысленная ориентировка в личностных переживаниях, осознание себя в качестве субъекта социальных отношений, выделение собственных ценностных приоритетов. Аксиологическим компонентом детского миропереживания можно назвать этическую и эстетическую направленность притязаний и интересов ребенка. Претерпеваемая значительные изменения в содержании, потребности детей по своей природе остаются эмансипированными от взрослого мира сферой бытия.

4. Экзистенциальный мир ребёнка в повести Ч. Айтматова «Белый пароход»

Повесть-притча Ч. Айтматова «Белый пароход», созданная во второй половине XX в., во многом предвосхитила открытие отечественными философами в конце XX – начале XXI в. трансцендентальной и экзистенциальной составляющих мира детства [15]. Писатель пронзительно описал особое отношение ребёнка к реальности, филигранно озвучил словом тончайшие нити, связующие его мировосприятие с миропониманием, мироощущением с миропереживанием, мироосознанием с миропреобразованием.

Постановка в повести проблемы бытия ребенка, не ограниченного догматическими запретами и узким социологизмом, по сути, развенчивала советские идеологические мифы «о безоблачном детстве», о «закрытости» детского сознания по отношению к глубинным экзистенциальным переживаниям. Следуя традициям, заложенным в философии Ясперсом, Камю, Сартром, Бердяевым, Шестовым, Чингиз Айтматов создаёт произведение, направленное на решение именно экзистенциальных задач – истечение внутренне замкнутого от окружающих *мира* мальчика в его внешнее *жизненное пространство*, преодоление противоречия между рациональным и иррациональным в повседневной жизни, проблема взаи-

модействия индивида (ребенка) и общества, трансформация жизни в смерть и смерти в иную жизнь. Воспроизведенное в повести-притче частное явление – «случай» – раскрывается как результат высокой степени обобщения фатальности случая-события через объективированное описание трагической судьбы мальчика. Айтматов воспроизводит психологически надрывные ситуации и события, в результате которых сознание ребенка подвергается атаке циничной действительности и в конечном итоге «дематериализуется», «развоплощается» человеческая плоть (термины Н. Бердяева).

Характерным феноменом мира переживаний айтматовского мальчика является *детское одиночество*. Постоянно окруженный в своей жизни чужими взрослыми людьми, семилетний ребенок остается глубоко одиноким в мире своих интимных переживаний. «*Один, без друзей, мальчишка жил в кругу тех нехитрых вещей, которые его обступали...*» [16].

Интенциональность детского одиночества порождает множество одновременно сосуществующих реальностей. Мир мальчика – это многомерное пространство параллельных, пересекающихся, линейных и сакральных миров, которые переживаются им одновременно или последовательно. Формы проявления возникающих в его судьбе новых реальностей имеют собственные источники, из которых черпаются все многообразия жизни, поэтому основаниями для существования того или иного мира служат вполне объективные обстоятельства жизни ребёнка.

Пересекающиеся миры мальчика представляют собой ряд независимых друг от друга миров, которые сосуществуют в его личной действительности, то соприкасаясь в определенной событийной точке (привычная для него жизнь с бабушкой и бабушкой – скандалы в семье тети Бекей; одинаково текущие дни – приезд машины-магазина), то отдаваясь друг от друга (ночевка в доме молодых водителей – их отъезд; жизнь без родителей – незнакомая жизнь отца и матери в других семьях с новыми детьми). Происходящие события, накладывающиеся на его незаметную для окружающих жизнь, создают точку пересечения в экзистенциальном пространстве для того, чтобы позволить сознанию мальчика принять многоликость этого мира: «*Почему люди так живут? Почему одни злые, другие добрые? Почему есть счастливые и несчастливые? Почему есть такие, которых все боятся, и такие, которых никто не боится? Почему у одних есть дети, у других нет?*» [17]. Это миры «первого слоя», представляющие собой поверхностный уровень, который, как выяснится позже, подпитывается иллюзией глубинных слоев предсознания: «*Верный, надежный, родной, быть может,*

единственный на свете человек, который души в мальчике не чаял, был таким вот простецким, чудаковатым стариком, которого умники прозвали Расторопным Момуном... Ну и что же? Какой ни есть, а хорошо, что все-таки есть свой дед» [18]. Сердце, разум мальчика самозабвенно принадлежат единственной во всей округе аула доброй, но совершенно безвольной душе старика.

Жизнь ребенка представлена через последовательность «вложенных» друг в друга «параллельных» миров, каждый из которых реально существует как в объективной, так и в субъективной реальности.

Параллельные миры существуют реально в окружающем мальчика мире – рядом с ним и независимо от него. В них представлена жизнь растений, камней, реки, которые, преломляясь в имманентном сознании мальчика, силой его воображения приобретают чувственное начало: «Полевые вьюнки... самые умные и веселые цветы. Лучшие всех встречают они утром солнце. Другие травы ничего не понимают – что утро, что вечер, им все равно. А вьюнки, только пригреют лучи, открывают глаза, смеются. Сначала один глаз, потом второй, и потом один за другим распускаются на вьюнках все закрутки цветов. Белые, светло-голубые, сиреневые, разные... И если сидеть возле них совсем тихо, то, кажется, что они, проснувшись, неслышно шепчутся о чем-то. Муравьи – и те это знают. Утром они бегают по вьюнкам, жмурятся на солнышке и слушают, о чем говорят цветы между собой. Может быть, сны рассказывают?» [19].

Сознание мальчика интуитивно сливается с чувственно-действенным опытом и с представлениями о мире, в котором он живет. Его мысли оказывают прямое воздействие на окружающую реальность и мифологизируют ее: «*«Лежащий верблюд»* – ...так он назвал рыжий горбатый гранит, по грудь ушедший в землю. Обычно мальчик не проходил мимо, не похлопав своего *«Верблюда»* по горбу. Хлопал он его по-хозяйски, как дед своего куцехвостого мерина – так, небрежно, проходя; ты, мол, обожди, а я отлучусь тут по делу. Был у него валун *«Седло»* – наполовину белый, наполовину черный, пегий камень с седловинкой, где можно было посидеть верхом, как на коне. Был еще камень *«Волк»* – очень похожий на волка, бурый, с сединой, с мощным загривком и тяжелым надлобьем. К нему он подбирался ползком и прицеливался. Но самый любимый камень – это *«Танк»*, несокрушимая глыба у самой реки на подмытом берегу. ...Были еще и другие – *«вредные»* или *«добрые»* камни, и даже *«хитрые»* и *«глупые»*» [20].

Природа – в отличие от семейного окружения – не является для мальчика враждебной сре-

дой: она локализуется отдельными внешними замкнутыми пространствами – рекой, её каменистыми склонами, запрудой, лесным кордоном, далёкими горами, которые вызывают в его сознании чувство гармоничной сопричастности: *«Ширалджины – верные друзья. Особенно, если обида какая-нибудь и хочется плакать, чтобы никто не видел, в ширалджинах лучше всего укрываться... Надо лечь на спину и смотреть в небо. Сначала сквозь слезы почти ничего не различить. А потом приплывут облака и будут выделять наверху все, что ты задумаешь. Облака знают, что тебе не очень хорошо, что хочется тебе уйти куда-нибудь иди улететь, чтобы никто тебя не нашел и чтобы все потом вздыхали и ахали – исчез, мол, мальчишка, где мы теперь его найдем?..»* [21].

Чувства страха, одиночества, темноты, характерные для любого ребёнка семилетнего возраста, замещаются у мальчика стремлением к их преодолению, что трансформируется его сознанием в действенную картину: *«Деревьям ведь очень страшно ночью в лесу. Они одни, и никто им слова не скажет. Стынут голые деревья на стуже, некуда им приткнуться. А я бы ходил в лесу и каждое дерево похлопал бы по стволу, чтобы ему не так страшно было. Наверно, те деревья, что весной не зеленеют, – это те, которые застыли от страха»* [22].

Все эти существующие в сознании мальчика мифологические миры находятся в одном пространстве-времени, но пребывают на разных линиях жизни, представляя при этом объективную целостность и упорядоченную гармонию его мироощущения.

Закрытость внутреннего мира, его отчуждённость от мира сверстников проявляется у мальчика в имманентно присущей детскому возрасту потребности разговаривать с самим собой и с неодушевлёнными предметами (портфелем, камнями, растениями, белым пароходом...). Разговоры мальчика с другими людьми – это, по сути, монологи (по аналогии с предельно монологичными «диалогами» Кафки), которые подчиняются закону «неуслышания» (М. Бахтин); его мир закрыт от окружающих взрослых, которые, впрочем, и не пытаются приоткрыть завесу его глубинных тайн. *«У него были две сказки. Одна своя, о которой никто не знал. Другая та, которую рассказывал дед. Потом не осталось ни одной...»* [23].

Линейный мир родовой сказки, о котором мальчику поведал дедушка, – мир, существовавший задолго до его рождения: *«Волей детского воображения впереди... по дороге невидимо бежала Рогатая мать-олениха... Она охраняла их от бед и несчастий на трудном пути. От обвалов, от снежных лавин, от пурги, от тумана и*

прочих невзгод» [24]. Это мир постоянного присутствия в сознании мальчика одухотворенного потока нравственного восприятия событий. Мифологический образ Рогатой матери-оленихи, хранительницы бугинского рода, в экзистенциальном сознании ребенка оказывается неотъемлемо животворящим: простудившись в ледяной воде, в горячем воображении он призывает её к разговору; зимой, во время бурана она «появляется» и просит его спасти своих детей (молодых шоферов, застрявших в дороге), гордится его отвагой и решительностью, а сама в это время оберегает людей от неминуемой смерти в снегу. Мать-олениха – это материнский *оберег жизни* (что признает и сам мальчик: «Я – тоже твой сын»), заместивший в его сердце несуществующую в его реальной жизни, живущую где-то далеко настоящую мать.

Сакральный мир – это его «собственная сказка»: *«Была у него такая странная мечта: он хотел превратиться в рыбу. И уплыть... мальчик долго думал о том, как он превратится в рыбу и поплывет по реке к нему, к белому пароходу... мечтал превратиться в рыбу так, чтобы все у него было рыбье – тело, хвост, плавники, чешуя, – и только голова бы оставалась своя, на тонкой шее, большая, круглая, с оттопыренными ушами, с исцарапанным носом... До свидания, я улываю в Иссык-Куль, к белому пароходу. Там у меня мой папа-матрос...»* [25]. Сознание мальчика обладает особой организацией, имеющей уникальные проявления, которые причудливым мыслительным узором раскрашивают его одинокую жизнь, лишённую родителей, братьев и сестер, друзей-сверстников.

Бытие ребенка – это особого рода реальность, включающая ценностно-смысловые структуры его биографической, культурной, психической и ментальной жизнедеятельности, в рамках которой осуществляется процесс формирования личностного начала. Мысли мальчика оказывают такое же сильное влияние на его судьбу, как и его конкретные поступки: *«Мальчик стонал, плакал и сквозь слезы, задыхаясь от рыданий, бормотал: – Нет, я лучше буду рыбой. Я улыву отсюда. Я лучше буду рыбой»* [26]. Предрешенный исход такого состояния – небытие, уход из реальности.

Мысли непосредственным образом формируют реальность ребенка. Мальчик живет, мыслит, чувствует, двигается и действует внутри собственного мира (который во многом не совпадает с миром окружающих его взрослых); он полностью погружен в сферу своих чувств, ощущений и переживаний, которые выражают своеобразную бессознательную установку личности, позволяющую находиться одновременно на уровне внутреннего восприятия мира и реального себя «здесь

и сейчас». Сознание ребенка формирует его среду, оно определяет субъективную действительность как одну из форм проявления реальности. Таким образом, сознание мальчика предопределяет его *бытие для себя* и *бытие в себе*.

В своем произведении Ч. Айтматов обращается к проблеме «чистого сознания» (Гуссерль, Хайдеггер): сознание и бытие мальчика находятся в состоянии «чистоты» и «первозданности»: его разум не пытается выявлять и анализировать причинно-следственные нити происходящих событий, рефлексировать. Его сознание воспринимает реальность в своей первозданности.

Понимание себя существующим, вырастающее из *предпонимания* и *предосознания* как первичной данности иррационального мира, обретает свое самоопределение перед лицом смерти. Воздействие мысли на поступки мальчика проявляется незаметно, а поэтому результат представляется необъяснимым и непредсказуемым. Экзистенциальный катарсис понимания, трагичности осознания – это трепещущий нерв духовной личности, это обнажённость боли, глубоко ощущаемая незащитность и безысходность перед неизбежностью свершившегося *«прелюбодеяния»* Человека с Природой. Оголённая глубина человеческого духа привела к катастрофе сознания... Через развоплощение сознания проясняется смысл жизни мальчика: мы обнаруживаем в нем экзистенциальную инициацию – обретение свободы...

В каскадном развертывании кульминации сюжета к кодовому случаю-событию ребенок оказывается перед действенной по своей эмоциональной силе реальностью факта – убийством маралицы. Для взрослых это событие представляется совершенно обыденным; для мальчика же Рогатая мать-олениха – после встречи с ней на берегу реки – стала настоящей, существующей уже не в сказке, а в реальной жизни. Пьяное беспamięтство деда, предавшего свои сердце и душу, память предков, совесть и заветы предков, оказалось окончательной развязкой картины, представшей перед глазами мальчика, выражавшей бессмысленность, жестокость, бессилие, невозвратность...

В завершающем акте сознания мальчика мы обнаруживаем глубинную экзистенциальную проблему существования допустимого «предела» оправдания ребёнком поступков взрослых людей, которая разрешается «уходом» разума за пределы «нормального, живого сознания». Создавшее свой собственный мир – особенный и, безусловный, отличный от мира окружающих его взрослых – сознание ребёнка не было готово к столь стремительно фатальной потере всего самого дорогого в жизни, что у него было.

Окружающее пространство во всей алогичности и незавершённости оказывается для ребенка

прообразом бытия и его собственной судьбы; при этом ценностные приоритеты выстраиваются в соответствии с возможностями, которые ему предоставляет среда. Реальность, перевоплощаясь в ирреальность и возвращаясь в действительность, формирует в сознании мальчика сферу трансцендентальных эманаций (ощущение «сопричастности» миру), затрагивая при этом все основные экзистенциальные аспекты бытия, – и в этом выражается суть одиночества айтматовского мальчика. Из плоскости *социально-этической* Айтматов уводит мальчика в *онтологическую*: человек одинок в жизни, одинок он и в смерти.

Повесть-притча Ч. Айтматова по своему содержанию «катастрофична»: все развивающиеся в ней события стремятся к трагичной развязке. Каждый эпизод жизни мальчика представляет собой сложный узел его экзистенциальных переживаний – это сеть маленьких драм и трагедий, предвосхищающих заключительный Реквием: «Ты отверг то, с чем не мирилась твоя детская душа. И в этом мое утешение. Ты прожил, как молния, однажды сверкнувшая и угасшая. А молнии высекаются небом. А небо вечное...» [27].

Далеко не каждый ребёнок сталкивается в своей жизни с ситуацией циничного и бескомпромиссного свержения идеалов и сокровенной мечты, окружающие его взрослые (родители) стараются создать и как можно дольше сохранить в его сознании веру в справедливость, истинность и надёжность мира, в котором он живет. Художественный образ мальчика, созданный Айтматовым, представляет собой трепещущий сгусток трагических судеб детей разных поколений: детей эпохи войны, детей-сирот, детей, которых общество лишило родителей, заменив их социальным суррогатом идеологизированного воспитания.

Раскрывая экзистенциальный мир мальчика, писатель во многом предвосхитил образ нынешних детей, которые, родившись в конце XX – начале XXI в., не имеют устойчивой системы ценностей, исходящих от представителей предшествующего поколения, но постоянно сталкиваются со сложнейшими бытийственными проблемами, необычайно остро испытывая при этом сложнейшие нравственные коллизии, решение которых они должны искать самостоятельно: «...Детская совесть в человеке – как зародыш в зерне, без зародыша зерно не прорастает» [28].

Нам представляется, что экзистенциальные составляющие детского сознания, раскрытые в произведении Ч. Айтматова, заслуживают глубокого изучения не только на примерах художественных образов, но и в реальной действительности. Творчество Ч. Айтматова, по сути, утверждало новый для искусства XX века подход к личности человека, новые принципы интерпре-

тации детского самосознания, его мировоззренческих и этических основ.

Современные тенденции в области изучения мира детства и детской субкультуры предоставляют возможность приоткрыть неизвестную до сих пор нишу экзистенциальных и трансцендентальных компонентов детского самосознания.

Мир ребёнка, закрытый от внешнего взора, не однозначен, он пронизан глубокими гносеологическими, экзистенциальными и аксиологическими коллизиями, которые выступают достойной исследовательской областью с позиций восприятия личности ребёнка не как формирующейся будущей ипостаси, а как действующего, переживающего субъекта своей онтологической сущности.

Примечания

1. Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. С. 126.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: ТЕРРА; Республика, 1998. С. 72–86.
3. Хюбшер, А. Мыслители нашего времени (62 портрета) / пер. с нем. М., 1994. С. 8–24.
4. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
6. Сафр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.
7. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
8. Бердяев Н. А. Кризис искусства // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914–1922 гг. / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2007.
9. Лесевицкий А. В. Экзистенциальные идеи русских почвенников (на примере творчества Ф. М. Достоевского): монография. Пермь, 2010. С. 5.
10. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. С. 8.
11. См., например: Современный литературный процесс и творчество Чингиза Айтматова: межвуз. сб. науч. статей / Киргизский государственный университет. Фрунзе: КГУ, 1985; Стрелов Л. Ф. Творчество Чингиза Айтматова в западноевропейской критике. Фрунзе: Кыргызстан, 1988.
12. Попова Т. Д. Становление личности ребёнка: монография: в 2 ч. Пермь: ПК ИП КРО, 2008.
13. В данном случае под «созерцанием» мы понимаем способность сознания ребёнка, привлеченного каким-либо визуальным, кинестетическим, аудиальным источником, произвольно импровизировать с использованием мыслительных образов. Созерцание способно предшествовать воображению и фантазированию. При этом следует иметь в виду, что процесс созерцания отличается от наблюдения, который, как правило, является целенаправленным процессом.
14. Попова Т. Д. Экзистенциальный мир современной детской субкультуры // Гуманизация образования. 2009. № 6.

15. Указанный период характеризуется появлением большого интереса к проблеме детства со стороны российских ученых. См. работы В. Т. Кудрявцева, Т. К. Мухиной, И. Э. Куликовской, Д. И. Фельдштейна, Н. С. Юлиной, А. Т. Ретюнских, В. Ф. Сержантова, Т. Д. Попковой и др.

16. *Айтматов Ч.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 9.

17. Там же. С. 90.

18. Там же. С. 16.

19. Там же. С. 8.

20. Там же. С. 7–8.

21. Там же. С. 9.

22. Там же. С. 33.

23. Там же. С. 6.

24. Там же. С. 88–89.

25. Там же. С. 27, 29.

26. Там же. С. 112.

27. Там же. С. 114.

28. Там же. С. 113.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)+321

Н. М. Ефимова

ИВАН ИЛЬИН О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСПЕХЕ: ИСТИННОМ И МНИМОМ

В статье рассматриваются идеи русского философа Ивана Ильина относительно истинного и мнимого успеха в политике, его характеристика истинного политика как воспринимающего свое властное полномочие как служение, обязательство и бремя.

Выделяется мысль, что государственной власти присуща трагическая черта; она каждую минуту может превратиться в трагедию, которая захватит и личную жизнь властителя, и общую жизнь народа.

The article deals with the ideas of the Russian philosopher Ivan Ilyin on true and sham success in politics, his characterization of a true politician as a person perceiving his authority as a service, a duty and a burden.

The idea is marked out that a tragic dimension is inherent in state power which can turn into a tragedy to affect both the ruler's private life and the life of the people.

Ключевые слова: философ Иван Ильин, истинный политический успех, политика, государственная власть, инициативное меньшинство, правосознание народа, свободная лояльность.

Keywords: philosopher Ivan Ilyin, true political success, policy, state power, initiative minority, legal consciousness of the people, free loyalty.

Иван Александрович Ильин (1882–1954) – выдающийся русский философ, писатель и религиозный мыслитель. Его основные труды: «Религиозный смысл философии. Три речи» (1924), «О сопротивлении злу силою» (1925), «Путь духовного обновления» (1935), «Основы христианской культуры» (1937), «Аксиомы религиозного опыта» (1953), «Наши задачи» (1956). Одной из последних, подводящей итог его многогранной философской деятельности, является работа «Путь к очевидности» (издано посмертно в Мюнхене в 1957 г.).

Современное человечество, утверждает Ильин, переживает глубочайший кризис; в своей основе это кризис духовный, он состоит в разрушении коренных духовных начал человеческого бытия. Важнейшей задачей является восстановление и обновление этих начал, для чего необходимо глубоко проникнуть в их подлинную при-

роду, а также понять особенности усвоения и трансляции и духовных ценностей в обществе и роль различных социальных институтов (семьи, нации, государства и т. д.) в данном процессе.

В данной статье нам бы хотелось остановиться на мыслях небольшого фрагмента работы И. Ильина «Путь к очевидности», который автор озаглавил «О политическом успехе». Нам кажется, что многие идеи, над которыми размышляет философ, являются актуальными и в наше непростое время, недаром автор данному параграфу дает подзаголовок «Забитые аксиомы».

Ильин пытается дать ответ на вопросы: что значит истинный и мнимый политический успех, какие предпосылки ведут к настоящему политическому успеху и что надо делать, чтобы добиться в жизни такого подлинного политического успеха?

В политике существует множество предрассудков, и главный из них: «Что такое политика – это известно каждому; тут не о чем разговаривать». Но встает вопрос: откуда же это известно? Откуда приходит к людям верное понимание всего того тонкого, сложного и судьбоносного, что таит в себе политика? Человеку это дается от природы или приходит во сне? Откуда этот предрассудок, будто каждому человеку «само собой понятно» все то, что открывается только глубокому, дальнзоркому и благородному духу? Ильин делает вывод, что из-за подобных предрассудков возникает множество проблем в политике, которые ведут к политическим кризисам. И появляется впечатление, что XX в. есть эпоха величайших из известных в мировой истории политических неудач. Во всяком случае, пора извлечь уроки из этих неудач и подумать о новых путях, ведущих к спасению.

Схожие мысли Ильин высказывает в работе «Наши задачи». В главе «О политической порочности и слепоте» он ставит проблему: «Откуда эта уверенность, что государственное дело настолько элементарно, просто, общедоступно и легкодостижимо, что для него не требуется никаких квалификаций, ни умственных, ни нравственных, ни политических?.. Вдруг оказывается, что государство есть дело улицы. Подобно тому, как по улице каждый может ходить, всем позволено, все для этого хороши; так и в политике – качества не нужно... и начинается государственное разложение» [1].

О мнимом и истинном успехе в политике

Философ считает, что в политике отдельные люди и целые партии могут иметь кажущийся успех, который в действительности будет фатальным политическим провалом. Это происходит потому, что часто с политикой отождествляют понятие «государственная власть», ради которой многие люди не останавливаются ни перед какими хлопотами, средствами, подлостями. Самая коварная интрига, самое отвратительное преступление, самое гнусное правление являются с этой точки зрения «политикой», если только тут замешана государственная власть.

Люди и партии идут в политику, нисколько не заботясь и даже не помышляя об истинных целях и задачах государства, о политическом общении, о благе народа в целом, о судьбах нации, о родине и о ее духовной культуре. Они ищут власть, желают править и повелевать, но они не знают, что они будут делать после захвата власти. Иногда могут преследовать интересы одного-единственного класса и ничего не желают знать о народе в целом. Они готовы жертвовать народом, родиной, ее свободой и культурой – во имя захвата власти и во имя классового злоупотребления ею. Иногда они обманно прикрываются «социальной программой», ради того чтобы после захвата власти реализовать свои собственные желания, вождения и интересы.

Ильин приводит примеры подобной политики из Древней Греции, римских цезарей, средневековой Европы и Европы Нового времени, а также упоминает тоталитарных деспотов и террористов его времени, которые позорят политику и злоупотребляют государством; им место среди параноиков, прогрессивных паралитиков и преступников, а не среди политических правителей.

Конечно, если тирану удастся захватить государственную власть, то он «имеет успех», но это означает, что он «преуспел» в своей *частной жизни*, на горе народу и стране. С формальной точки зрения его житейская борьба и карьера имеет «политический» характер, но по сути эта деятельность антиполитична и противогосударственна. В качестве авантюристов и карьеристов подобные люди, конечно, «преуспевают»; но как политики, они осуществляли позорный провал, ибо они губили свой народ в нужде, страхе и унижениях. Их «орудие» – государственный аппарат – имело политический смысл и государственное значение, но их цель попирала всякий политический смысл, и последствия их дел были государственно-разрушительны.

Ильин считает, что политику нельзя рассматривать формально и расценивать по внешней видимости. Никакая человеческая деятельность не определяется теми средствами или орудиями, которые она пускает в ход, – ни медицина, ни

искусство, ни хозяйство, ни политика. Главное – высшая цель, которой призваны служить эти средства. Таким образом, государственная власть – это лишь средство и орудие, призванное служить некоей высшей цели. Политика есть сразу и содержание, и форма. И поэтому истинный политический успех состоит не в том, чтобы завладеть государственной властью, а в том, чтобы верно ее построить и направить к верной и высокой цели.

Итак, автор подчеркивает, что надо различать истинный политический успех и мнимый. «Частный, личный жизненный “успех” тирана есть мнимый успех. Истинный успех есть публичный успех и расцвет народной жизни» [2].

Что значит истинная политика?

Ильин подчеркивает, что политика есть прежде всего служение – не «карьера», не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия. Служение предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своем личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела, причем истинное политическое служение имеет в виду не отдельные группы и не самостоятельные классы, но весь народ в целом. Политика не должна раскалывать людей, разжигать их страсти, она должна объединять людей. Каждый человек заинтересован в благополучии каждого, так как один бедствующий без помощи ставит всех в положение черствых предателей; один нищий есть угроза всем; один заболевший чумою заразит всех; и каждый сумасшедший, каждый запойный пьяница, каждый морфинист есть общая опасность. Поэтому истинная политика утверждает органическую солидарность всех со всеми. В качестве примера противоположной, разрушительной политики Ильин приводит классовую программу Карла Маркса.

Но может оказаться так, что мудрые и верные идеи не будут восприняты массами. Тогда политику надо иметь гражданское мужество, чтобы справиться с изоляцией, принять преследование, примириться со своим личным политическим неуспехом и быть уверенным, что придет иное время, придут иные поколения, которые смогут по достоинству оценить его идеи. Но если настоящий политик встретит сочувствие у своих современников, тогда он должен вести борьбу и попытаться увлечь на верный путь широкие круги народа.

Политика есть искусство объединять людей, но люди могут сговориться друг с другом на чем угодно, ведь сговариваются и разбойники, и экспроприаторы, и террористы, и детопокупатели. Необходимо, чтобы политическое единение было политическим и по форме, и по содержанию: лояльным, правовым, свободным и общеправовым,

справедливым, органическим по содержанию. И в этом состоит задача истинной политики.

Истинное единение покоится на добровольном согласии: люди должны объединяться не по принуждению, не из страха, не по лукавству и не для взаимного обмана. Чем меньше интриги в политике, тем она здоровее, глубже и продуктивнее. Чем больше в политике конспирации, тем больше в ней лжи и обмана.

Но нельзя объединить и согласить всех. Поэтому надо объединить лучших, умнейших, способных к ответственному служению, не связанных никакими закулисными «приказами» и «запретами», а это объединение должно позвать за собой разумное большинство общества и народа. И при этом надо всегда помнить, что это «большинство» не способно творить и создавать, созерцать и строить политику, оно способно только отзываться на идею и поддерживать программу. Всегда все значительные и великие реформы вынашивались инициативным меньшинством и им же проводились в жизнь, а большинство только соглашалось, участвовало и подчинялось. Таким образом, «нельзя переоценивать голос массы в политике, ибо масса не живет органическим созерцанием и мышлением, доступным только лучшему меньшинству» [3].

Это значит, что политика требует отбора лучших людей – прозорливых, ответственных, несущих служение, талантливых организаторов, опытных объединителей. Народ, которому такой отбор не удастся, идет навстречу смутам и бедствиям, так как всякая властолюбивая конспирация, всякие честолюбиво-партийные интриги, всякая продажность, всякое политическое кумовство, всякая семейная протекция, всякое привлечение государственно-негодных элементов к голосованию, всякое укрывательство, всякое партийное, племенное и исповедное выдвижение негодных элементов вредит государству и губит его.

Об идеале в политике

Никогда не следует ставить себе максимальные задачи: никогда из этого ничего не выйдет, кроме обмана, разочарования, ожесточения и демагогии. Нужен не фантастический максимум, а наилучшее из осуществимого, «трезвый оптимизм!», как пишет Ильин.

Конечно, политика невозможна без идеала, но политика должна быть и трезво-реальной. Идеал должен придавать смысл всякому мероприятию, облагораживать всякое решение, звать издали, согревать сердца вблизи. Политика не должна брести от случая к случаю, штопать наличные дыры, осуществлять безыдейное и беспринципное торгашество, предаваться легкомысленной близорукости. Истинная политика видит ясно свой «идеал» и всегда сохраняет «идеалистический» характер.

И в то же время она должна быть трезво-реальной, не должна покоиться на иллюзиях и превращаться в химеру. Но именно к этому ведет полное невежество массы и слепое доктринерство полуобразованных демагогов; и хуже всего бывает, когда такое доктринерство имеет успех у невежественной толпы и когда ему удастся закрепить свою власть системой террора.

Необходимо всегда учитывать все реальные возможности данного народа в данный момент времени, наличные душевные, хозяйственные, военные и дипломатические условия. Этот оптимум должен быть исторически обоснованным, рассчитанным, реализуемым. Истинная политика сразу идеалистична и реалистична. Она всегда смотрит вдаль, вперед – на десятилетия и даже на столетия; она не занимается торгашеством по мелочам, и в то же время она всегда ответственна и трезва. Политика без идеи оказывается мелкой, пошлой и бессильной; она всех утомляет и всем надоедает.

О соотношении власти и свободы

Следующий важный момент, который отмечает философ, состоит в том, что государство есть властная организация, но оно есть в то же время и организация свободы. «Если не удастся организация власти, то все распадается в беспорядке, все разлагается в анархии, – и государство исчезает в хаосе. Но если государство пренебрегает свободой, то начинаются судороги принуждения, насилия и террора, – и государство превращается в великую каторжную тюрьму» [4]. Поэтому государство должно черпать свою силу из свободы и пользоваться своей силой для поддержания свободы.

Внешняя деятельность государства не является его сутью, так как государственная жизнь – это выражение внутренних процессов, совершающихся в народной душе. Государство и политика живут правосознанием народа, но важно различать правосознание лучших людей и правосознание массы, ее среднего уровня. Истинная политика призвана к воспитанию и организации национального правосознания, причем это воспитание должно совершаться в свободной лояльности и приучать граждан к добровольному соблюдению права.

Настоящий и мудрый политик должен заботиться о том, чтобы государственное устройство и состав правительства были приемлемы для национального правосознания. Например, если народное правосознание мыслит и чувствует авторитарно, то демократический строй ему просто не удастся. И напротив, правосознание с индивидуалистическим и свободным укладом не вынесет тирании. Нелепо навязывать монархический строй народу, живущему республиканским правосознанием; глупо и губительно вовлекать народ с монар-

хическим правосознанием в республику, которая ему чужда и неестественна. Таким образом, государственное устройство и правление – это отражение правосознания, духовного уклада общества, его исторического своеобразия.

В любом обществе могут возникнуть злые силы, но истинная политика должна щадить отрицательные силы и находить для них положительное применение, давая злему, завистнику, разрушителю, преступнику, разбойнику, бунтовщику и предателю возможность одуматься и приняться за положительный труд.

Итак, политика есть искусство свободы, воспитание самостоятельно творящего субъекта права. Государство, презиращее свободную человеческую личность, подавляющее ее и исключющее ее, есть тоталитарное государство, учреждение нелепое, противоестественное и преступное; оно заслуживает того, чтобы распасться и погибнуть.

Политика есть искусство права, т. е. умение создавать ясную, жизненную и гибкую правовую норму. Государство, издающее законы темные и непонятные, несправедливые и двусмысленные, нежизненные, педантичные и мертвые, подрывает в народе доверие к праву и лояльность, развязывает произвол и подкупность в правителях и судьях и само подрывает свою прочность.

Политика есть искусство справедливости, т. е. умение вчувствоваться в личное своеобразие людей, умение беречь индивидуального человека. Государство, несущее всем несправедливое уравнение, не умеющее видеть своеобразие, т. е. естественное неравенство живых людей и потому попирающее живую справедливость, накопляет в народе те отрицательные заряды, которые однажды взорвут и погубят его.

Об истинном политике

Политику для реализации его целей и идей дается государственная власть, и это то орудие, которое необходимо «держат в чистоте; государственная власть, став бесчестной, свирепой и жадной, заслуживает свержения и позорной гибели» [5]. Истинный политик переживает свое властное полномочие как служение, как обязательство, как бремя и стремится постигнуть и усвоить искусство властвования. Государственная власть есть не легкая комедия и не маскарад, где снимают маску, когда захочется. Ей присуща трагическая черта; она каждую минуту может превратиться в трагедию, которая захватит и личную жизнь властителя, и общую жизнь народа. Поэтому истинный политик обязан рисковать своей жизнью, подобно солдату в сражении; и именно поэтому люди робкие и трусливые не призваны к политике.

К теме, каким должен быть политик, его личные качества, Ильин обращается неоднократно, так, например, в работе «Путь духовного обновления» он пишет: «В сердце... истинного политика государственный интерес и его личный интерес пребывают в состоянии живого неразложимого тождества. Это не значит, что у него нет никаких личных интересов, что он отрекается всецело от себя и живет одними государственными делами. Но это значит, что интересы своей родины, своего государства он принимает так близко к сердцу, как свои собственные; а в случае прямого столкновения между ними – он приводит свой собственный интерес к молчанию... Он ни при каких условиях не будет кривить в государственном деле за взятку; он не станет подрывать валюту своей страны спекуляциями; он не захочет обогащаться вредным для своего государства импортом» [6].

Такова сущность истинной политики, таков путь, ведущий к истинному политическому успеху, считает Ильин.

Итак, истинный политический успех доступен только тому, кто берется за дело с ответственностью и любовью. По мнению Ильина, нет ничего более жалкого, как бессовестный и безответственный политик.

Если политик лишен сердца, не любит ни своего ближнего, ни своего отечества; он не знает верности, но способен к ежеминутному предательству; он не имеет ни одного Божьего луча для управляемой им страны; циник по призванию, который может иметь «успех» в личной карьере, но никогда не будет иметь истинного политического успеха. Вокруг его имени может подняться исторический шум, который глупцы и злодеи будут принимать за «славу». Вокруг него могут пролиться потоки крови; от него могут произойти катастрофические бедствия и страдания; но творческих путей он не найдет для своего народа.

К сожалению, по мнению философа, люди забыли драгоценные аксиомы политики, права, власти и государства, они часто принимают извращения за достижения, низкую интригу за проявление ума, свирепость за героическую волю, противоестественную утопию за великую мировую «программу».

Примечания

1. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. М., 1993. С. 7–8.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 487.
3. Там же. С. 490.
4. Там же. С. 492.
5. Там же. С. 494.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 245.

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.5

Е. В. Волченкова

ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В статье проанализировано понятие «готовность к семейной жизни», представлены подходы исследователей к выделению компонентов данного интегративного образования, на основании чего автором определена структура готовности личности к семейной жизни, включающая социально-нравственную, психологическую, правовую, репродуктивную, педагогическую, хозяйственно-бытовую, экономическую составляющие.

The author analyses the notion «readiness to married life», surveys researchers' attitudes to the components of this integrative problem, on the basis of which the author defines the structure of readiness to married life, comprising social-moral, psychological, juridicial, reproductive, pedagogical, domestic and economic elements.

Ключевые слова: готовность, установка, семья, брак, семейные ценности, готовность к семейной жизни, структура готовности к семейной жизни.

Keywords: readiness, aim, family, marriage, family values, readiness to married life, the structure of readiness to married life.

Исследования отечественных и зарубежных ученых в области брачно-семейных отношений свидетельствуют о том, что стабильная, благополучная семья может быть создана лишь при определенной готовности молодых людей к семейной жизни.

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет понятие «готовность» как согласие сделать что-нибудь; как состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь, проведены все приготовления [1].

Понятие «готовность» впервые появилось в экспериментальной психологии, а затем было перенесено в сферу педагогических и социально-психологических исследований. Готовность рассматривается как состояние мобилизации всех психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное выполнение определенных действий [2]. При этом выделяются общая и

долговременная готовность и психологический настрой.

Г. Крайг определяет готовность как момент времени в жизни индивидуума, когда достигнутый им уровень зрелости позволяет ему извлечь пользу из конкретного опыта научения, то есть научиться конкретному поведению [3]. В. Н. Лоскутов указывает следующие характеристики готовности [4]:

– заблаговременность (как подготовленность) и ситуационность (как состояние, то есть внутренняя настроенность на определенное поведение, мобилизованность всех сил на активные и целесообразные действия в конкретный момент времени);

– длительность и временность (как актуализация готовности в ограниченный момент времени).

Феномен готовности к семейной жизни в основном рассматривается в психологических и педагогических исследованиях, причем в последних в контексте подготовки молодежи (подростков, старших школьников, студентов) к семейной жизни. Вместе с тем, на наш взгляд, актуальным является изучение данной проблемы с социологических позиций, что позволит рассмотреть проблему готовности личности к семейной жизни более комплексно.

Следует отметить, что в работах разных авторов речь идет о готовности (процессе подготовки) к браку либо к семейной жизни. Необходимо разграничение данных понятий: семья представляет собой более сложную систему отношений, чем брак, поскольку она, как правило, объединяет не только супругов, но и их детей, а также других родственников или просто близких супругам и необходимых им людей [5]. Тем не менее мы будем сохранять терминологию авторов.

По мнению Е. И. Зритневой [6], готовность к семейной жизни – социально-психологическое образование в структуре личности, интегрирующее принятие ценностей семьи как социального института со специальными знаниями и умениями в области психологии семейных отношений, рационального ведения домашнего хозяйства, семейной педагогики, межличностного общения.

Т. А. Федорова [7] исследует готовность к семейной жизни студентов вуза, понимая ее как интегративное качество личности, включающее в

себя совокупность знаний, обеспечивающих адекватный и осознанный выбор спутника жизни, положительное отношение к формированию брачно-семейных отношений и осознанное принятие ценностей семьи; сформированность коммуникативных и рефлексивных умений, необходимых для создания успешной семьи.

С точки зрения Г. М. Андреевой [8], готовность к браку представляет собой систему социально-психологических установок личности, определяющую эмоционально-положительное отношение к семейному образу жизни, ценностям супружества.

Проанализируем указанные определения. В трактовках понятия Е. И. Зритневой и Т. А. Федоровой готовность рассматривается как интегративное качество (образование), включающее совокупность определенных знаний, навыков и ценностей. При этом в определении, данном Е. И. Зритневой, указывается на специальные знания и умения в разных областях семейной жизни (психология семейных отношений, рациональное ведение домашнего хозяйства, семейная педагогика, межличностное общение). Не совсем понятно, по какой причине автором отдельно обозначена область межличностного общения, поскольку, на наш взгляд, она входит в более широкое понятие «психология семейных отношений».

Т. А. Федорова в свое определение включает знания, обеспечивающие адекватный и осознанный выбор спутника жизни, положительное отношение к формированию брачно-семейных отношений и осознанное принятие ценностей семьи. В такой трактовке обращает на себя внимание момент, почему знания обеспечивают выбор спутника жизни (как известно, наличие знаний не обуславливает соответствующие действия), формирование отношения и принятие ценностей (что совсем необязательно), к тому же неясно, о каких конкретно знаниях идет речь. Также Т. А. Федорова считает, что для создания успешной семьи необходимы только (как следует из определения) коммуникативные и рефлексивные умения, которых, по нашему мнению, недостаточно, чтобы говорить о сформированной готовности к браку. Вместе с тем в обоих определениях обращается внимание на принятие ценностей семьи, что немаловажно.

Трактовка понятия «готовность к семейной жизни», данная Г. М. Андреевой, носит, как мы считаем, психологический характер, поскольку речь идет о системе социально-психологических установок личности. Здесь следует упомянуть о концепции Д. Н. Узнадзе, в которой установка рассматривается как предрасположенность субъекта к определенной обусловленной потребностями деятельности, его настройка к восприятию будущих событий и определенной форме

активности, опирающаяся на действенный опыт. Система установок определяет психологическую готовность к деятельности (в нашем случае к семейной жизни).

Общим в проанализированных определениях понятия «готовность к семейной жизни» является то, что во всех них указывается на принятие семейных ценностей, положительное отношение к семейному образу жизни.

С. П. Акутина [9] в контексте системного, аксиологического, личностно-деятельностного, культурологического, антропологического и фамилистического подходов определяет семейные духовно-нравственные ценности как духовно-нравственные ориентиры, социально одобряемые и разделяемые большинством людей, служащие эталоном, идеалом для всех людей и определяющие целенаправленный процесс создания идеальной семьи, его возможность продолжить свой род, фамилию, расширить родственные связи; следовать национальным традициям, обычаям, образу и укладу семейной жизни в соответствии с культурными ценностями; учитывать педагогический опыт человечества возрождения лучших нравственных традиций семейного воспитания, восстановление традиционного уклада жизни.

С. П. Акутина выделила основные показатели сформированности у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей при создании собственной семьи: ориентация на чувства любви, уважения, взаимной моральной ответственности; на официальный брак; на рождение и воспитание детей; на выполнение родительской функции (материнства или отцовства); выполнение основных бытовых обязанностей (ведение совместного хозяйства, создание семейного бюджета и т. п.); на взаимосвязь с родительскими семьями, ориентация на ценности семьи и рода; на создание в семье комфортной морально-психологической атмосферы, обеспечивающей успешное решение воспитательных задач. Указанные ценностные ориентации могут служить основой для определения компонентной структуры готовности к семейной жизни.

По данному вопросу также существует ряд подходов. В. С. Торохтий вводит понятие «способность к браку» и включает в него несколько составляющих [10].

1. Способность заботиться о другом человеке, самоотверженно ему служить, активно делать добро.

2. Способность сочувствовать, сопереживать, сострадать, то есть «входить» в эмоциональный мир партнера, понимать его радости и горести, переживания и неудачи, поражения и победы, находить духовное единство с другим человеком.

3. Способность к кооперации, сотрудничеству, межличностному общению, наличие навыков и

умений в осуществлении многих видов труда, организация домашнего потребления и распределения.

4. Высокая этическая и психологическая культура, предполагающая умение быть терпимым и снисходительным, великодушным и добрым, принимать другого человека со всеми странностями и недостатками, подавлять собственный эгоизм.

Как мы видим, помимо чисто психологических составляющих способности к браку В. С. Торохтий выделяет также умения и навыки, необходимые для осуществления разных видов труда (скорее всего, имеется в виду хозяйственно-бытовой труд) и организации домашнего потребления и распределения.

Кроме того, В. С. Торохтий, отмечая высокую значимость подготовленности к браку, указывает на то, что супруги должны быть зрелыми в социально-психологическом отношении личностями. При этом исследователь выделяет ряд факторов, влияющих на уровень зрелости, которые, на наш взгляд, также можно отнести к составляющим готовности к семейной жизни. В частности, это функционально-ролевая согласованность в структуре взаимодействия супругов, включающая рациональное распределение обязанностей, и образовательно-операциональная подготовленность (знания, умения и навыки, необходимые для семейной жизни: общего порядка, правовые, экономические медицинские и др.), культура половых отношений.

Расширяя общее представление В. С. Торохтия о способности к браку, можно добавить наличие правовых и медицинских знаний, умений и навыков, функционально-ролевую согласованность и сформированную культуру половых отношений.

А. Б. Шнейдер [11] считает готовность к браку интегральной категорией, включающей в себя ряд аспектов:

1) определенный нравственный комплекс – готовность личности принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру, будущим детям. Данный аспект связан с распределением ролей между супругами;

2) подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству;

3) способность к самоотверженности по отношению к партнеру, основанная прежде всего на альтруизме любящего человека;

4) качества, связанные с проникновением во внутренний мир человека, – эмпатийный комплекс;

5) высокая эстетическая культура чувств и поведения личности;

6) умение разрешать конфликты конструктивным способом, способность к саморегуляции собственной психики и поведения.

Можно заключить, что А. Б. Шнейдер имеет в виду психологическую готовность к браку, а не готовность вообще. Схожесть подходов В. С. Торохтия и А. Б. Шнейдера к определению психологических составляющих готовности очевидна. Единственное, на наш взгляд, принципиальное отличие заключается в выделении А. Б. Шнейдером способности к умению разрешать конструктивным способом конфликты и к саморегуляции собственной психики и поведения.

Некоторые исследователи называют направление подготовки молодежи к семейной жизни, исходя из которых, очевидно, можно определить составляющие готовности.

Б. С. Круглов заключает, что система подготовки молодежи к семейной жизни наряду с половым просвещением и половым воспитанием, наряду с формированием навыков межличностного общения, которое прежде всего заключается в умении соизмерять свои интересы и поступки с интересами и поступками другого индивида, должна включать и формирование определенного уровня гражданско-правового сознания, соединяющего в себе гражданскую ответственность за свои действия с пониманием значимости каждого своего поступка [12].

И. В. Гребенников выделяет социальный, нравственно-этический, правовой, психологический, физиолого-гигиенический, педагогический, хозяйственно-экономический аспекты подготовки к семейной жизни [13]. Последний подход мы считаем наиболее полным и обоснованным.

Опираясь на проанализированные выше точки зрения разных исследователей, мы можем предварительно определить следующие составляющие готовности к семейной жизни.

1. Социально-нравственная готовность предполагает осознание ценности семьи и на этой основе желание создать собственную; сформированность нравственных качеств личности (ответственности, самостоятельности, терпимости, верности, честности и др.), культуры поведения, ролевой гибкости (умения брать на себя разные роли, согласовывать функционально-ролевые представления с партнером).

2. Психологическая готовность включает наличие зрелой мотивации заключения брака, представлений о психологических основах семейной жизни (факторах семейного благополучия, жизненном цикле семьи, семейных кризисах и т. д.), коммуникативную компетентность, сформированную культуру чувств, умение предупреждать и разрешать конфликты.

3. Правовая готовность предусматривает знание основ законодательства о браке и семье, важнейших положений семейного права, обязанностей супругов по отношению друг к другу, к детям, обществу.

Э. М. Бокова

**РОЛЬ СИСТЕМЫ
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПАЛАТ
В УКРЕПЛЕНИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА**

В статье обсуждаются проблемы социальной ответственности российского предпринимательства, опыт системы торгово-промышленных палат в расширении социальной роли бизнеса в современном обществе.

The article discusses social responsibility of Russian business, the experience of the chambers of commerce aimed at enhancing the social role of business in modern society.

Ключевые слова: социальная ответственность, благотворительность, торгово-промышленная палата, российский бизнес.

Keywords: social responsibility, charity, chamber of commerce, Russian business.

Вопрос о социальной ответственности российского предпринимательства является в современных условиях одним из наиболее важных, так как наша страна находится на этапе развития, когда социальные аспекты рыночных преобразований начинают оказывать определяющее воздействие не только на скорость и масштаб экономических реформ, но и на решение стратегических задач – формирование продуктивно-творческого человека как главного ресурса современной экономики. При этом совершенно очевидно, что государство уже не может и не должно брать на себя целиком и полностью бремя социальных обязательств перед обществом и каждым гражданином. В современных условиях логичной и естественной выглядит ситуация, при которой предпринимательский сектор разделяет с государством ответственность за социально-экономическое состояние общества, удовлетворение жизненно важных потребностей населения.

В цивилизованных странах общество формируется на осознании того, что предпринимательство является основой расцвета государства. Одним из наиболее тяжелых последствий финансового кризиса в России стала утрата доверия к предпринимательству в целом как со стороны общественности, так и со стороны работников, занятых в этом бизнесе. Вместе с тем необходимо согласиться, что качество и производительность труда, репутация любой компании во многом зависят от отношения ее сотрудников к работе, руководству.

© Бокова Э. М., 2010

4. Репродуктивная готовность определяется наличием установки на продолжение рода, половой зрелостью организма, знанием физиологических особенностей мужского и женского организмов, особенностей половой жизни, вопросов личной гигиены.

5. Педагогическая готовность предполагает сформированность представлений о роли семьи в воспитании детей, ее педагогическом потенциале, специфике семейного воспитания, воспитательных функциях родителей, о путях повышения педагогической культуры.

6. Хозяйственно-бытовая готовность включает навыки ведения домашнего хозяйства, выполнения основных работ по дому.

7. Экономическая готовность предусматривает умение рационально планировать и осуществлять расходы, соизмеряя их с доходами, способность самостоятельно обеспечивать себя, нужды семьи.

Следует подчеркнуть, что данная компонентная структура готовности личности к семейной жизни является примерной и требует доработки. Вместе с тем определение такой структуры является важным и необходимым с точки зрения проведения социологических исследований, направленных на выявление уровня готовности современной молодежи к семейной жизни, а также для разработки и дальнейшего совершенствования соответствующих педагогических программ.

Примечания

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шиловой. М.: Рус. яз., 1989.

2. Ярыгина Н. Ю. Мотивационно-смысловая готовность к семейной жизни: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

3. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.

4. Ярыгина Н. Ю. Указ. соч.

5. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1979.

6. Зритнева Е. И. Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни: дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2000.

7. Федорова Т. А. Педагогическое содействие формированию готовности студентов вуза к семейной жизни: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2009.

8. Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991.

9. Акутина С. П. Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей в условиях взаимодействия семьи и школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Новгород, 2010.

10. Торохтий В. С. Психология социальной работы с семьей. М., 1996.

11. Шнейдер А. Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006.

12. Круглов Б. С. Правовое сознание как элемент психологической подготовки молодежи к семейной жизни // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 63–68.

13. Гребенников И. В. Указ. соч.

Под социальной ответственностью бизнеса часто имеется в виду участие в благотворительных программах, помощь малоимущим слоям населения. Однако необходимо признать, что первостепенным должно быть развитие самого бизнеса, чтобы предприятия могли стабильно работать и развиваться, создавать рабочие места, получать прибыль, платить своим работникам достойную зарплату. Сегодня большинство предпринимателей уже осознают, что для успешного ведения бизнеса недостаточно просто производить товары и услуги – необходимо системно и грамотно выстраивать отношения с органами государственной власти, акционерами, потребителями, общественными группами.

В целях изучения различных аспектов проблемы социальной ответственности бизнеса автором был проанализирован опыт системы торгово-промышленных палат (ТПП), осуществляющих свою деятельность в интересах делового сообщества.

Статус системы торгово-промышленных палат Российской Федерации позволяет обеспечивать эффективный диалог российских экономических субъектов как с государственными органами, так и с международными организациями. Действующий механизм региональных палат является мощным инструментом российского бизнеса, функционирующим прежде всего для защиты и представления интересов членов палат.

Отметим, что торгово-промышленные палаты активно участвуют в создании четкой системы взаимодействия со всеми ветвями власти, оперативно транслируют свои интересы в государственные органы и обеспечивают их защиту при принятии решений государственными органами. Немалую роль система торгово-промышленных палат играет в информационном и инфраструктурном обеспечении функционирования российского предпринимательства. Обладая мощными организационными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами, ТПП РФ определяет стратегию и основные направления развития российского бизнеса в том числе и путем соответствующей корректировки и дополнения деятельности государственных органов.

Уникальный правовой статус ТПП РФ, новые методы руководства и организации деятельности палаты являются достаточными основаниями, чтобы предполагать, что их роль в формировании новых взаимовыгодных путей взаимодействия государства и бизнеса в России в ближайшее время будет только возрастать. Отметим, что основу законодательного регулирования деятельности торгово-промышленных палат в Российской Федерации составляет закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» [1]. На сегодняшний день

система ТПП включает территориальные палаты во всех субъектах РФ.

В течение ряда лет торгово-промышленная палата РФ реализует комплекс мероприятий по активизации участия национального бизнеса в решении важных социальных задач российского общества. Ниже рассмотрим основные направления и результаты работы системы ТПП за период с 2002 по 2010 г.

Следует отметить, что в 2002 г. под патронажем ТПП РФ был создан благотворительный фонд «Центр помощи беспризорным детям». Основная задача фонда – объединить предпринимателей, представителей силовых структур, медиков, психологов и общественных деятелей в решении данной проблемы. Фонд проводит аналитическую и информационную работу, собирает банк данных по проблеме беспризорных детей, реализует программу поощрения меценатства. С этой целью «Центр помощи беспризорным детям» согласует с федеральной властью совместные шаги, стимулирующие благотворительность в предпринимательской среде.

В течение восьми лет фондом проведены различные мероприятия. Так, в период с 2002 по 2006 г. Торгово-промышленная палата РФ, ЗАО «Экспоцентр», ОАО «Центр международной торговли» и ряд других коммерческих компаний по согласованию с МВД России участвовали в проекте «Поверь в себя». В рамках программы было передано необходимое имущество в 92 центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, в том числе в 10 «транзитных» центров в 72 регионах РФ. Общий объем финансирования составил 11 031 036 рублей [2].

За период с апреля по сентябрь текущего года благотворительный фонд провел 90 акций в 36 регионах Российской Федерации по программе «Наш детский дом». Рассматриваемая программа рассчитана на весь период функционирования фонда.

За отчетный период приобретены и поставлены в детские сиротские учреждения различные материальные ценности, 11 игровых и спортивных площадок. Совместно с Волгоградской ТПП в ГОУ «Тормосиновская школа-интернат для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (Волгоградская область, х. Тормосин) установлена дизельная электростанция.

Общая сумма оказанной помощи во II и III кварталах 2010 года составила 14 756 031,59 рублей [3].

В течение пяти лет была оказана помощь 1 205 детским домам, школам-интернатам для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приютам, социально-реабилитационным центрам, домам ребенка, домам малютки, приемным семьям в 81 субъекте РФ. Помощь осуще-

ствлялась путем закупки и последующей поставки автотранспорта, мебели, компьютеров, спортивного и медицинского оборудования, детских игровых площадок, технологического оборудования для кухонь и прачечных, мягкого инвентаря, сенсорных комнат, продуктов питания, развивающих игр, одежды, обуви [4]. Ежегодно воспитанники детских учреждений направлялись на отдых в спортивно-оздоровительные лагеря, приглашались на концерты, новогодние праздники.

В рамках программы «Наш детский дом» от фонда «Христос – человечеству» (штат Техас) была получена и распределена гуманитарная помощь 55 детским сиротским учреждениям.

Совместно с американским фондом «Бакнер» проведены пять ежегодных международных конференций по инновационным программам помощи российским детям-сиротам.

В 2004 г. по инициативе предприятий-членов Пермской ТПП создан региональный благотворительный фонд «Центр помощи беспризорным детям». Согласно отчету деятельности фонда в 2009 г. была оказана финансовая поддержка краевого конкурса художественного творчества воспитанников детских домов «Звездочки Прикамья – 2010», помощь в реализации благотворительного проекта «Добрая книга», адресная поддержка патронатных семей и были приобретены сладкие подарки для воспитанников детских домов [5].

В структуре ТПП РФ действует комитет по вопросам социальной политики, который в первом полугодии 2010 г. совместно с комитетом ТПП РФ по предпринимательству в здравоохранении и медицинской промышленности осуществлял мониторинг реализации приоритетного национального проекта в сфере здравоохранения.

Особо стоит обратить внимание на исследование по проблеме социальной ответственности бизнеса, инициированное ТПП РФ в преддверии заседания руководящего органа системы – правления ТПП, в состав которого входит 96 представителей от региональных ТПП и предприятий из разных субъектов РФ. Опрос охватил 1 500 предпринимателей из 50 регионов страны [6].

Итоги исследования показали, что российскому бизнесу не чужды идеи социальной ответственности. Более половины опрошенных руководителей предприятий убеждены, что корпорации не могут ограничиваться лишь безукоризненным выполнением своих прямых обязанностей, а должны системно и добровольно заниматься социально ориентированной деятельностью. Однако предприниматели решительно не хотят, чтобы независимо от результатов хозяйственной деятельности представители органов власти использовали административный ресурс и давали пла-

новые задания по перечислению средств на решение различных вопросов. Данный вид взаимоотношений нередко компрометирует саму идею социальной ответственности, благотворительной и спонсорской деятельности. Социальная ответственность бизнеса предполагает прозрачность и информационную открытость хозяйствующих субъектов, отказ от любых «теневых» сделок, честное и уважительное отношение к партнерам, своевременное и полное выполнение всех обязательств как перед ними, так и перед государством.

Происходящие в последнее время процессы внутри предпринимательского сообщества, активизирующийся диалог между бизнесом и властью, бизнесом и обществом дают веские основания надеяться, что будут выбраны верные принципы сотрудничества и солидарности всех социальных сил, что позволит обеспечить стабильность и экономическое развитие России в целом.

Свидетельством нового понимания социальной роли бизнеса стали заслуживающие общественного внимания инициативы, с которыми выступили крупные отечественные корпорации. Так, в ноябре 2002 г. был разработан и принят социальный кодекс компании «Лукойл» – первый документ подобного рода в России. В его содержании нашли отражение не только самые важные и острые темы, связанные с социальным измерением предпринимательства, но и проблемы, характерные для нашей страны, – передача социальной инфраструктуры на баланс муниципальных бюджетов, особые условия труда в северных территориях, развитие монопроизводственных населенных пунктов [7].

Жизненная практика свидетельствует, что высокие показатели экономической деятельности автоматически не ведут к тому, что возрастающее количество материальных благ становится доступным всем гражданам страны в соответствии с устоявшимися представлениями общества о социальной справедливости. В связи с этим важнейшим индикатором социальной ответственности предпринимателей выступает их сознательное и целенаправленное участие в решении злободневных социальных проблем, стоящих перед работниками предприятий, жителями территорий в местах расположения компаний, перед государством и обществом в целом. Общее состояние дел на этом направлении нельзя признать удовлетворительным.

Совершенно очевидно, что одним из последствий рыночной трансформации российского общества стала проблема бедности. Важно подчеркнуть, что в условиях массовой нищеты нельзя построить зафиксированное в Конституции РФ социальное государство. Поэтому свою долю ответственности за решение данной проблемы должен взять и отечественный бизнес.

Безусловно, деятельность территориальных палат по решению социальных проблем территорий различна и в то же время уникальна. Связано это прежде всего с особенностями социально-экономического развития конкретных регионов и рядом других факторов. Так, Санкт-Петербургская ТПП придерживается высоких стандартов в области социально ответственного бизнеса. В связи с этим палата принимает активное участие в реализации различных социально значимых проектов и программ, организации и проведении спортивных мероприятий. Под патронатом Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты проводятся конкурсы среди наиболее талантливых студентов петербургских вузов.

В рамках социальных программ СПб ТПП оказывает благотворительную помощь общественным организациям, детским домам, ветеранам Великой Отечественной войны. Среди реализованных мероприятий – новогодние праздничные мероприятия в специализированных коррекционных школах, акции для детей, находящихся на лечении в отделении детской онкологии, финансовая помощь региональному общественному движению «Большая медведица», общественной организации инвалидов «Спортивный клуб танцев на инвалидных колясках “Танец на колесах”» [8].

ТПП Саратовской области, как и многие другие территориальные палаты, также активно участвует в реализации социальных программ региона: помогает больницам в получении медицинского оборудования, ежемесячно ведет благотворительную работу по поддержке дома-интерната в г. Петровске, помогает ветеранским организациям. При палате создан Совет старейшин, в состав которого входят бывшие руководители промышленного комплекса Саратовской области, которые возглавляли предприятия в самое трудное послевоенное время. В настоящее время палата участвует в восстановлении детского православного лагеря. В 2009 г. ТПП Саратовской области оказана благотворительная помощь детским учреждениям, общественным организациям и ветеранам на сумму свыше 830 тысяч рублей (610 тысяч рублей – целевые средства, 220 тысяч рублей – собственные средства) [9].

Вятская ТПП в полной мере осознает важность вопроса о социальной ответственности бизнеса, в том числе на примере непростого социально-экономического положения Кировской области. Многие предприятия, входящие в состав Вятской ТПП, оказывают помощь области и г. Кирову в реализации благотворительных программ, направленных на поддержку детства и юношества, культуры и искусства. В целях содействия социальной ответственности бизнеса, реализации корпоративных и территориальных

социальных программ и проектов при ВТПП создан комитет по социальной политике. Комитет решает следующие задачи:

1) формирование общественного мнения деловых кругов по вопросам социальной политики органов власти и управления, предприятий и организаций, проблемам и способам ее реализации и доведение этого мнения до членов палаты, органов власти и управления, иных заинтересованных организаций;

2) обмен опытом реализации внутренней и внешней социальной политики членов палаты;

3) содействие конкретным социальным проектам палаты; подготовка и внесение предложений по совершенствованию федерального и местного законодательства по вопросам социальной политики.

Вятская ТПП совместно с предприятиями Кировской области реализует целый ряд социальных проектов, среди которых – конкурс школьных сочинений «Край мой Вятский». Данный молодежный проект призван развивать у выпускников школ чувство патриотизма, гордости за свою малую родину, бережное отношение к духовным и культурным традициям. Участники конкурса – учащиеся выпускных классов школ из районов области и города Кирова. Темы сочинений интересны и разнообразны: история малой родины и своей семьи, красота родной природы, судьбы выдающихся земляков и современников. Конкурс поддерживают представители деловых кругов Кировской области, отмечая необходимость и социальную значимость подобных проектов. Кроме того, систематически оказывается благотворительная помощь детским учреждениям региона.

Важно подчеркнуть, что вызывающие и систематические проявления социальной безответственности бизнеса ведут к тяжелым политическим последствиям. Поэтому в качестве приоритетов социальной ответственности бизнеса торгово-промышленные палаты выделяют следующие:

1) формирование среднего класса как основного гаранта социальной и экономической стабильности общества;

2) решение проблем занятости населения через создание рабочих мест;

3) обеспечение социальных гарантий работающим;

4) предоставление трудовому коллективу широких возможностей для образования и повышения квалификации в соответствии с требованиями мирового рынка, национальной и региональной экономики;

5) добровольная экологическая деятельность, поддержка и поощрение усилий, связанных с охраной окружающей среды;

б) благотворительная деятельность, направленная на поддержку местных сообществ, культуры и искусства.

Безусловно, эффективная работа по этим направлениям возможна лишь при условии, что власть и бизнес, решение социальных проблем неотделимы друг от друга. Если предпринимательство развивается успешно, то наполняются бюджеты разных уровней, у государства появляются более широкие возможности для решения социальных задач.

Сегодня российские предприниматели постепенно осознают практическую пользу таких нематериальных ресурсов, как репутация, корпоративная культура, деловая этика. Формирование образа предпринимателя в общественном сознании, повышение уровня духовной культуры – это тот пласт работ, который может и должен быть реализован торгово-промышленной палатой.

Примечания

1. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru>

2. Благотворительные акции «Центр помощи беспризорным детям» URL: <http://www.tpprf.ru>

3. Там же.

4. Там же.

5. Отчет о деятельности Регионального благотворительного фонда «Центр помощи беспризорным детям» при Пермской ТПП (2009 г.). URL: <http://www.permtpp.ru>

6. Аналитический отчет к заседанию Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации 23 декабря 2003 г. URL: <http://www.tpprf.ru>

7. Там же.

8. Отчеты благотворительных организаций о расходовании благотворительных взносов СПб ТПП. URL: <http://www.spbccr.ru>

9. Отчет торгово-промышленной палаты Саратовской области о выполнении мероприятий в 2009. URL: <http://www.sartpp.ru>

УДК 316.346

М. Ф. Глухова

ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ИНФРАСТРУКТУРЫ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена вопросам формирования инфраструктуры молодёжной политики, специфика современного состояния которой обусловлена нормативно-правовыми условиями и организационно-управленческими решениями в данной сфере. Эмпирический подход позволяет рассматривать формирование инфраструктуры молодёжной политики как процесс, определяемый особенностями организации и функционирования региональных и муниципальных учреждений органов по делам молодёжи, реализующих государственные услуги для разных групп и категорий молодых людей.

The article is devoted the problems of forming the infrastructure of youth policy. Its specificity is conditioned by normative-legal factors and organizational-administrative decisions in the given sphere. The empirical approach allows to consider forming the infrastructure of youth policy as the process defined by features of the organization and functioning of regional and municipal authorities realizing state services for different groups and categories of young men.

Ключевые слова: инфраструктура молодёжной политики, учреждения органов по делам молодёжи, государственные услуги в области молодёжной политики.

Keywords: infrastructure of youth policy, youth policy establishments, state services in the field of youth policy.

Оценка реального состояния молодёжной среды, знание потребностей, проблем, трудностей социализации молодых людей, относящихся к тем или иным возрастным и социальным группам, учёт динамики молодёжного сообщества говорят о необходимости держать в области повышенного внимания стороны жизни молодёжи, от которых зависит не только благополучие молодого поколения, но и модернизация различных отраслей социального, культурного, экономического развития страны.

Нормативно-правовые и концептуально-организационные аспекты молодёжной политики сосредоточиваются на ключевых позициях, представляющих особую важность для разработки социально востребованного содержания, а также ресурсного и технологического обеспечения практики работы молодёжью. В этом вопросе особую актуальность приобретает тезис о том, что в условиях ограниченных ресурсов молодёжная политика должна постепенно отказываться от стремления охватить всё и сконцентрировать свои усилия на социально значимых целях и за-

дачах. К направлениям, отвечающим интересам государственного развития и востребованным в молодежном сообществе в целях общественного воспроизводства данной социально-демографической группы, относят:

- вовлечение молодежи в социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь общества;

- содействие повышению субъектности молодежного сообщества, развитие молодежной инициативы и молодежного общественного движения (включая поддержку волонтерского движения и социально значимых инициативных проектов);

- разноуровневое образование, профессиональная подготовка, переподготовка молодежи;

- профессиональная ориентация, адаптация, трудоустройство, временная занятость – содействие инновационному развитию молодежи как профессионально-трудовому ресурсу;

- обеспечение молодежи жильем;

- государственная поддержка молодой семьи и её стимулирование как демографического ресурса;

- гражданское, духовно-нравственное и патристическое воспитание, противодействие экстремизму, социальной, национальной и религиозной нетерпимости;

- предотвращение криминализации, профилактика негативных явлений в молодежной среде (наркологической, алкогольной, табачной и других форм зависимостей, социальных заболеваний), формирование здорового образа жизни;

- социальная поддержка процессов социальной адаптации и социальной интеграции различных групп молодежи, в том числе молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации (молодых людей с инвалидностью, бывших военнослужащих, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников интернатных учреждений, освободившихся из мест лишения свободы, подверженных социальным заболеваниям, безработных и малообеспеченных);

- создание современной, многофункциональной социальной инфраструктуры по работе с молодежью.

Воссоздание инфраструктуры молодежной политики обусловлено современными реалиями, характеризующими состояние молодежной среды, а именно усугублением разнообразных форм социального неблагополучия значительной части молодых людей и семей. Развитая система учреждений органов по делам молодежи становится важнейшей составной частью государственных мер по интеграции молодых людей в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь страны, региона. Концепция долгосрочного социально-экономического

развития Российской Федерации на период до 2020 г. в разделе 9 «Молодежная политика» рассматривает модернизацию материально-технической базы учреждений по работе с молодежью, расширение их сети в качестве важнейшего средства решения задачи по вовлечению молодежи в социальную практику [1]. В материалах заседания Государственного совета от 17 июля 2009 г. «О молодежной политике в Российской Федерации» «модернизация и развертывание отраслевой инфраструктуры учреждений для работы с молодежью» определены в качестве одного из государственных приоритетов.

Современное состояние инфраструктуры молодежной политики характеризуется как переходным этапом в её формировании, так и сложностью формирующейся иерархичной структуры.

Во-первых, особенности нормативно-правового регулирования по вопросам организации и деятельности учреждений органов по делам молодежи

- не отражают всех аспектов и особенностей функционирования учреждений как основных субъектов инфраструктуры молодежной политики;

- не обеспечивают условий для реализации учреждениями социализационных функций (в целях социальной адаптации и интеграции юношей и девушек в разные социальные системы), что ограничивает раскрытие социальной сущности инфраструктуры молодежной политики в полном объеме.

Основопологающим правовым документом федерального уровня, определяющим функции и назначение учреждений молодежной сферы в Российской Федерации, в настоящее время является федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 13.10.2009) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В статье 17 федерального законодательного акта «Органы по делам молодежи и учреждения органов по делам молодежи» перечислены основные виды учреждений по работе с молодежью: социально-реабилитационные центры для подростков и молодежи, центры социально-психологической помощи молодежи, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, молодежные клубы и иные учреждения органов по делам молодежи в соответствии с уставами указанных учреждений или положениями о них. Однако для установления правового статуса учреждений органов по делам молодежи требуется внести изменения в Федеральный закон № 120-ФЗ в части формулирования предложения о том, что Типовое положение по данным учреждениям утверждается Правительством Российской Федерации или федеральным органом

исполнительной власти, осуществляющим управление в сфере молодёжной политики.

Региональный уровень функционирования учреждений органов по делам молодёжи обусловлен спецификой положения дел в нормативно-правовом обеспечении данной отрасли государственной политики. Так, в 2009 г. были проведены существенные изменения в законодательных актах, регламентирующих реализацию приоритетов молодёжной политики сорока трёх субъектов Российской Федерации. В том числе было внесено более 200 законодательных инициатив в сфере обеспечения молодёжной политики в Год молодёжи. В семи субъектах Российской Федерации были приняты законы, определяющие молодёжную политику региона: Камчатском крае, Приморском крае, Воронежской области, Ульяновской области, Еврейской автономной области, Ямало-Ненецком автономном округе, городе Москве [2]. В законодательных актах названных субъектов вопросы обеспечения функционирования инфраструктуры молодёжной политики отнесены к области повышенного внимания, наряду с другими не менее актуальными региональными направлениями работы.

Согласно закону города Москвы от 30 сентября 2009 г. № 39 «О молодежи» правительство столичного мегаполиса в целях реализации государственной молодёжной политики в пределах своих полномочий «формирует инфраструктуру государственной молодёжной политики, учреждает государственные учреждения по её приоритетным направлениям». Региональный закон закрепляет ответственность в части развития «системы социального обслуживания, отдыха и оздоровления молодёжи» за уполномоченным органом исполнительной власти города Москвы, реализующим государственную молодёжную политику (в настоящее время таковым является департамент семейной и молодёжной политики города Москвы и подчинённые департаменту окружные управления в десяти округах столицы) [3].

Во-вторых, меняется специфика формирования инфраструктуры молодёжной политики, которая состоит в активном создании системы государственных, региональных, муниципальных учреждений органов по делам молодёжи.

Порядок организации, функционирования и развития региональных и муниципальных учреждений органов по делам молодёжи в субъектах Российской Федерации определён в проекте Типового положения об учреждениях органов по делам молодёжи [4]. Необходимость разработки нового документа обоснована потребностью модернизации материально-технической базы учреждений по работе с молодёжью, расширения их сети – в соответствии с Концепцией долго-

срочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Аprobация данного документа в рамках восстановления и модернизации сети учреждений молодёжной политики осуществляется во всех субъектах РФ в соответствии с поручением, данным Минспорттуризму России на заседании организационного комитета по проведению в Российской Федерации Года молодёжи (от 19 февраля 2009 г.).

По данным Минспорттуризма России, на начало 2009 г. в ведении региональных органов исполнительной власти по работе с молодёжью находилось более 2 000 учреждений социального обслуживания молодёжи, 1 750 подростково-молодёжных клубов (центров), более 2 000 клубов (центров) молодой семьи, в том числе 132 учреждения имеют областной статус; на конец 2009 г. в Российской Федерации функционировало 213 региональных государственных учреждений и 2 891 муниципальное учреждение по работе с молодёжью. Наибольшее количество учреждений по работе с молодёжью функционирует в Республике Татарстан – 282, Московской области – 189, городе Москве – 148, Астраханской области – 128, Воронежской области – 118.

По экспертным оценкам, в среднем за год учреждениями по работе с молодёжью оказываются услуги 5 млн молодых граждан и 30 тыс. молодых семей.

В-третьих, складывается направленность учреждений инфраструктуры молодёжной сферы на организацию работы с различными группами, категориями молодых людей, развивается их ориентированность на запросы, потребности и нужды молодого населения региона. Данное обстоятельство способствует реализации целевых установок молодёжной политики по созданию условий для социальной адаптации и интеграции, индивидуализации и самореализации юношей и девушек.

Законодательством федерального уровня (Стратегией государственной молодёжной политики в Российской Федерации) и регионального уровня (нормативно-правовыми актами более чем 72 субъектов Федерации) декларируется отказ от подхода к государственной молодёжной политике как к средству, направленному преимущественно на создание каких-либо льгот для молодёжи, по сравнению с другими социальными группами. Современная молодёжь рассматривается прежде всего как субъект социального взаимодействия и менее всего как объект социального воздействия.

Развитие молодёжной политики на принципах социального партнёрства, стимулирования социальной активности молодёжи в различных сферах жизнедеятельности с учётом специфичес-

ких интересов данной социально-демографической группы приобретает первостепенное значение для её формирования как ведущего средства социализации молодежи.

В то же время анализ современного положения молодежи показывает её неоднородность, т. е. высокую внутреннюю дифференцированность на отдельные социальные группы.

Социальная дифференциация молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества может осуществляться в процессе образовательной и экономической «селекции» (профессиональная ориентация и профессиональная подготовка) [5]. Однако социальная дифференциация молодежи может происходить и по другому сценарию, так как «социальное развитие может носить характер преемственности социального опыта, накопленного предшествующими поколениями (простое воспроизводство), и приобретать черты расширенного воспроизводства путём обновления условий жизнедеятельности, так и носить деструктивные формы (дезинтеграция, социальное исключение)» [6].

Активная социальная дифференциация связана с проявлениями индивидуализации в молодежной среде. В условиях нестабильного общества молодежь выбирает способы включения в различные сферы жизнедеятельности и самостоятельно решает социальные проблемы. Отсутствие в обществе условий для нормальной социализации молодого поколения, а также «отторжение от средств жизнеобеспечения, ресурсов развития, прав и гарантий вынуждает различные категории молодежи к индивидуализации – самостоятельному поиску путей самореализации в условиях крайне неблагоприятных...» [7].

Таким образом, жизнедеятельность молодых людей в эпоху социальных и культурных перемен, экономических преобразований, политических трансформаций влечёт за собой развитие тех или иных форм социального, материального, физического, психического благополучия.

Содержание и технологии организации работы с разными группами и категориями юношей и девушек в рамках деятельности учреждений органов по делам молодежи обусловлены позициями, занимаемыми молодыми людьми в процессе социализации с точки зрения их характеристики по показателю «социальное благополучие/неблагополучие».

Первая позиция – молодые люди имеют ограничения, связанные с состоянием здоровья и/или социальным благополучием, которые существенно затрудняют их социальное функционирование (усложняют процесс получения профессионального образования, препятствуют нормальной жизнедеятельности, мешают своевременной семейной социализации, ограничивают возмож-

ности трудоустройства или достижения профессиональной успешности и др.). В этом случае молодые люди чаще всего занимают объектную позицию и нуждаются в расширенном комплексе государственных услуг молодежной политики.

Вторая позиция – молодые люди имеют социальные проблемы, которые нарушают социализацию как «процесс включения личности в сферу социальных отношений в качестве субъекта этих отношений» [8]. Нарушения социализации (десоциализация) проявляются у молодых людей в социальной дезадаптации четырёх основных форм – нарушениях личности, нарушениях социального поведения, нарушениях межличностных контактов и смешанных формах, которые включают сочетания указанных признаков. В таких ситуациях основная задача работы с молодежью состоит в создании специальной среды, в рамках которой молодые люди смогут самостоятельно справляться с возникающими социальными проблемами.

Другая классификация показывает, что молодые люди могут быть активными потребителями государственных мер (из-за объективно нарушенных возможностей для адекватной социальной адаптации и интеграции) или превентивно нуждаться в услугах инфраструктуры молодежной политики (из-за недостаточности жизненного опыта и ситуативных социальных проблем).

Применяемый нами эмпирический подход означает, что государственная молодежная политика должна строиться с учётом характера проблем каждой социальной и(или) возрастной группы молодых людей и предлагать различные модели (варианты, схемы, маршруты) их решения в зависимости от тех или иных условий социального функционирования юношей и девушек.

Деятельность создаваемых учреждений органов по делам молодежи ориентируется на решение острых социальных проблем молодежи, а именно: защиту прав и законных интересов молодых граждан, создание условий для решения их социальных, материальных и жилищных проблем, организацию их обучения, обеспечение занятости и отдыха, формирование здорового образа жизни, а также поддержку молодой семьи, талантливой молодежи, молодежных общественных объединений, содействие духовному и физическому развитию молодежи, воспитание гражданской ответственности и патриотизма.

Инфраструктура молодежной политики предоставляет широкий спектр услуг разным категориям молодого населения страны. Содержание услуг отражает характер социализации профессиональной деятельности учреждений органов по работе с молодежью. К основным видам деятельности современных учреждений инфраструктуры молодежной политики относятся: социально-

профилактическая и социально-реабилитационная, производственно-трудоустроенная и социально-бытовая, спортивно-оздоровительная и культурно-массовая, информационная и консультационная.

Формы реализации (предоставления) государственных услуг в учреждениях органов по делам молодёжи отражают содержание целей и задач, а также приоритеты государственных мер по отношению к молодым гражданам и характеризуют специфику их осуществления на уровне субъекта Федерации.

Перечень услуг (в том числе социальных), предоставляемых молодым людям, включает в себя широкий спектр направлений деятельности государственных или муниципальных учреждений, реализующих цели, задачи, приоритеты молодёжной политики.

Стандартизация услуг становится важным шагом на пути к оптимизации деятельности инфраструктуры молодёжной политики. Стандартизация как процесс означает разработку комплекса правил, норм, требований к его объекту. Данная процедура требует создания статических показателей (описаний) услуги и разработки динамических характеристик, касающихся условий и порядка её реализации (услуги).

Анализ деятельности учреждений инфраструктуры молодёжной политики (молодёжных информационных центров, центров молодёжных инициатив, домов молодёжи, центров профориентации, досуговых молодёжных центров, центров социальной профилактики городов Москвы и Санкт-Петербурга, Астраханской, Белгородской, Саратовской и Тюменской областей) позволил нам создать обобщённый комплекс услуг, оказываемых государственными и муниципальными учреждениями органов по делам молодёжи.

Систематизирующими признаками выступили следующие показатели количественных и качественных характеристик: вид услуги, варианты предоставления услуги, объём услуги (как единица измерения), перечень показателей качества услуги (полнота, своевременность, результативность), целевое значение показателя качества услуги, категории потребителей услуги и уровень власти, ответственный за наличие и качество оказания услуги.

Следуя обозначенным признакам, нами были составлены следующие группы услуг:

1) *культурно-досуговые услуги* включают следующие варианты предоставления: организация культурно-досуговых и зрелищных мероприятий, деятельность кружков, секций, студий, клубов, досугов в молодёжных объединениях по интересам;

2) *спортивно-оздоровительные услуги* реализуются в ходе организации спортивных мероп-

приятий, а также в работе спортивных секций и кружков;

3) *информационно-просветительские услуги* осуществляются через следующие формы работы с юношами и девушками: поддержку молодёжных СМИ и молодёжных веб-сайтов, организацию работы молодёжных пресс-клубов, поддержку справочно-информационной деятельности, отражающей направления работы с молодёжью в учреждении или вне его, а также развитие рекламной деятельности профилактического характера;

4) *услуги по поддержке общественных инициатив молодёжи* направлены на стимулирование социально значимых инициативных проектов молодёжи, содействие деятельности молодёжных организаций, помощь в организации и реализации добровольческих инициатив;

5) *профилактические услуги* обеспечивают использование комплекса мер профилактики наркотической и алкогольной зависимостей, табакокурения, ВИЧ и других социальных заболеваний, а также противоправного поведения, ксенофобии и экстремизма в молодёжной среде;

6) *консультационные услуги* включают различные виды профессиональной помощи: юридической, социально-психологической, социально-медицинской, а также средства социально-педагогической поддержки в разных жизненных ситуациях;

7) *профориентационные услуги* реализуются через следующие формы работы с молодёжью: профконсультирование, содействие трудоустройству молодёжи, а также частичную, временную, сезонную трудовую занятость молодёжи, поддержку деятельности молодёжно-студенческих отрядов и стимулирование создания отраслевых советов молодых специалистов.

Проведённый мониторинг в учреждениях органов по делам молодёжи позволил выявить различные группы молодых людей – потребителей услуг, объединяемых по следующим основаниям:

– *по возрасту* (младшая, средняя и старшая молодёжные группы с 14 до 30 лет);

– *по отношению к профессиональной деятельности* (учащиеся, в том числе довузовская молодёжь – выпускники 11-х классов, абитуриенты, претендующие на поступление в ссузы, вузы; студенческая молодёжь; выпускники учреждений начального, среднего или высшего профессионального образования – молодые специалисты, находящиеся в условиях трудовой адаптации);

– *по характеру участия в общественной деятельности* (студенческое самоуправление, добровольческая деятельность, студенческие трудовые объединения, молодёжные общественные организации и объединения);

– по отношению к семье и семейным обязанностям (молодые семьи с родителями до 30–35 лет; неполные молодые семьи; подростки и молодежь, проживающие в родительской семье; подростки и молодежь, оставшиеся без попечения родителей с 14 до 23 лет);

– по социальному статусу (в том числе, имеющие особый социальный статус: выпускники интернатных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящиеся в ТЖС, безработные молодые люди, молодые люди с инвалидностью, молодые люди, склонные к девиациям, употреблению алкоголя, наркотиков и др.).

Было выявлено, что адресный «точно направленный» характер государственных услуг, оказываемых учреждениями органов по делам молодежи в рамках государственной молодежной политики, обеспечивается учётом специфики потребностей каждой группы внутри молодежного сообщества. При этом важным содержанием мер государственной поддержки становится обязанность государства предоставить каждому молодому человеку определённый минимум социальных услуг (дополнительное образование, досуг, трудовую занятость, профилактику и формирование здорового образа жизни, помощь в трудной жизненной ситуации и т. п.). Приоритетность той или иной услуги для определённой категории молодежи вводится в силу объективных экономических и финансовых условий, идеологии адресной поддержки. В данном понимании государственный бюджет не может одинаково финансировать реализацию всех направлений молодежной политики [9].

Таким образом, эмпирический подход в формировании инфраструктуры молодежной политики показывает уровень востребованности услуг учреждений органов по делам молодежи со стороны молодежной среды, а также формирует содержание профессионального действия и адаптирует порядок предоставления услуги по заданным условиям для конкретной категории или группы молодого населения.

Современный этап в развитии инфраструктуры молодежной политики, определяющий специфику функционирования учреждений молодежной сферы в соответствии со сложившимися целевыми установками и государственными приори-

тетами, настоятельно требует проведения процедуры стандартизации, в которой предметом стандартизации является не сама государственная услуга, а условия её оказания. В случае стандартизации работы организации, предоставляющей государственные услуги в области молодежной политики, станет возможным использование одного из типовых решений:

– концентрация оказания услуг в многофункциональных центрах, специализирующихся на оказании соответствующих услуг;

– перевод оказания данных услуг в многофункциональные центры, оказывающие иные государственные услуги;

– формирование локальных точек доступа к основным государственным услугам, приближенным к месту проживания;

– использование дистанционных интерактивных технологий (например, для работы по профориентации молодежи, находящейся в местах лишения свободы), других решений, предопределённых особенностями целевой группы.

Примечания

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.

2. Информационно-аналитические материалы по итогам года молодежи в Российской Федерации / Комитет по делам молодежи Федерального собрания Российской Федерации. М., 2010. С. 20–29.

3. Закон города Москвы «О молодежи» // Образование в документах. № 22 (215). М., 2009. С. 31–33.

4. Типовое положение об учреждениях органов по делам молодежи (проект) // Сборник методических материалов в сфере государственной молодежной политики. М., 2009. С. 105.

5. Юршков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: Социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 7.

6. Чупров В. И., Zubok Ю. А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука, 2001. С. 66.

7. Чупров В. И., Zubok Ю. А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. С. 87.

8. Иваненков С. П. Проблемы социализации современной молодежи: монография. СПб.: Архей, 2008. С. 52.

9. Концепция проекта новой редакции закона города Москвы «О молодежи». М., 2008. С. 14–17.

УДК 316.334
УДК 316.356.2

А. М. Кузьмина

ПРОБЛЕМЫ ОТЦОВСТВА В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ

В статье обсуждаются вопросы, связанные с актуализацией роли отцовства в российском обществе. Проблема отцовства в молодой семье не стала предметом специальных научных исследований, однако острота данной темы говорит о необходимости ее детальной проработки в целях улучшения функционирования института современной молодой семьи.

The article is concerned with the issues of paternity in modern Russian society. The paternity problem in a young family has not been under study before, though it is an urgent one and needs a detailed research with a view to improve functioning of the institute of modern young family.

Ключевые слова: институт семьи, молодая семья, отцовство.

Keywords: family institute, young family, paternity.

С развитием рыночных отношений институт семьи существенно трансформировался, внутрисемейные отношения видоизменились, в семьях произошло значительное ролевое перераспределение. Родители стали уделять меньше внимания воспитанию детей, по разным причинам все чаще приходится наблюдать такое явление, как «мерцающие» папы. Тем самым в качестве тенденции проявляется снижение эффективности репродуктивной и воспитательной функций института семьи. Вот почему важным аспектом развития и жизнедеятельности молодых семей, повышения эффективности выполнения их функций являются формирование осознанного подхода к рождению и воспитанию детей, поднятие роли отцовства в обществе.

Организуя процесс социально-экономических преобразований в России, органы государственной власти и управления особое внимание обращают на изучение проблем, связанных с жизнедеятельностью семей, в Москве, Краснодарском и Красноярском краях, Тюменской области, Ямало-Ненецком автономном округе и других субъектах Российской Федерации. Первостепенными вопросами, нуждающимися в детальном исследовании, являются ролевые функции, которые выполняют отдельные члены семьи. От эффективного выполнения ими принятых на себя ролей во многом зависят прочность и перспективы развития семейного союза.

Целесообразно отметить, что когда в семье рождается ребенок, то она принципиально меняет образ своей жизнедеятельности и жизнен-

ные ориентиры. Рождение детей в семье символизирует ее переход в другую стадию жизненного цикла. Семья как бы моментально «взрослеет», получая испытательный срок на прочность, на проявление доброжелательности супругов друг к другу и к новорожденному. Период деторождения объективно способствует созданию стрессовой ситуации, которой необходимо научиться управлять, повышая роль каждого супруга в создании условий для благополучного взросления ребенка.

Таким образом, исследование темы отцовства является актуальным. Это необходимо как для науки, так и для практики – укрепления института семьи в Российской Федерации и в ее субъектах, уменьшения количества разводов в период реализации семьей детородной и воспитательной функций, наиболее полного осознания мужчинами их роли в формировании личности ребенка.

Важность исследования проблем отцовства объясняется также необходимостью выработки рекомендаций для органов государственной власти и управления по организации работы с членами семей – отцами и матерями. Рекомендации необходимы также в целях систематизации работы, направленной на подготовку молодежи к семейной жизни. Нужно также научно-методическое обеспечение процесса укрепления института отцовства в России, повышение «квалификации» мужчин – будущих или настоящих отцов. Все это может благотворно влиять на дальнейшее улучшение демографической ситуации в России.

Государственные органы, население, молодежь нуждаются в достоверной информации о состоянии отцовства, тенденциях его развития в целях принятия мер для укрепления института семьи. Получение разного рода научных данных будет способствовать дальнейшему усилению государственной семейной политики, ее воплощению в муниципальных образованиях и в конкретных семьях. Именно поэтому важно проводить любые исследования, направленные на изучение проблем отцовства.

Сегодня в Российской Федерации не ведутся основательные научные исследования по вопросам отцовства. Данная статья может послужить импульсом для осознания остроты проблем отцовства и принятия мер по организации системы научных и научно-методических разработок по вопросам указанной сферы жизнедеятельности.

Все это лишний раз подтверждает не только актуальность проблемы отцовства, но и новизну ее изучения.

Занимаясь изучением истории развития общества, человеческих цивилизаций, надо особо подчеркнуть, что вопросы отцовства имеют свои мифологические корни. Отцовство в далекие вре-

мена зачастую трактовали как своеобразную вертикаль власти, на вершине которой всегда стоял Небесный Отец. Отчасти в современной России данная мифология глубоко засела в умах определенной части граждан, которые порою персонафицируют государственную власть как отцовское начало: «царь-батюшка», «отец народов», «вождь и учитель», «незаменимый и безальтернативный лидер».

В этом смысле граждане демократических стран – «своеобразные сироты». Они ведь не считают глав своих государств отцами и, как бы это ни было трудно, берут ответственность за свою жизнь на себя, становятся «кузнецами собственного счастья», главными субъектами семейной политики. Здесь нам необходимо подчеркнуть, что та самая потребность в Отце как Вожде и Учителе – свидетельство прежде всего социально-политической незрелости, которая в наше время несовместима с наличием развитых демократических институтов. Именно исходя из этих позиций и отвержения принципа прежних мифов в современной жизни, важно констатировать: ответственное отцовство – потенциально антитоталитарная и антиавторитарная стратегия, но учитывающая в то же время историю, культуру и традиции народов.

Вопросы отцовства связаны с демографическими проблемами. На этот счет следует особо сказать, что не только Россия, а современный мир в целом переживают глубокие демографические перемены, характеризующиеся значительным снижением рождаемости. И здесь специалисты-демографы приходят порою к парадоксальным выводам. Например, «чем лучше живут люди, тем в среднем меньше детей они хотят». Или другой вывод ученых: чем выше образовательный уровень супругов, тем меньшее количество детей в их семье. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают тенденцию изменения ценностных ориентаций в обществе – снижение в представлениях людей, в том числе молодежи, роли и значения материнства и отцовства.

Рождение ребёнка не просто символизирует, а конкретно обозначает переход семьи от одной стадии жизненного цикла к другой. И именно появление в семейном союзе «первенца», а не просто вступление в брак можно считать началом взрослости как женщины, так и мужчины. В этот период проявляется специфическая особенность мужчины-отца: в связи с рождением ребёнка происходят значительные изменения в настроении, характере, темпераменте и личностных особенностях. Подобного рода перемены у отцов гораздо значительнее, чем у матери.

Надо подчеркнуть, что данный вывод противоречит общепринятому мнению о том, что рождение ребёнка – менее важное событие для муж-

чины, чем для женщины. Мужчина-отец глубоко сопереживает весь процесс младенческого состояния сына или дочери. Достаточно сказать, что в период от начала беременности до исполнения ребёнку одного года у молодого папы заметно увеличивается частота простудных и разного рода аллергических заболеваний. В этот же период мужчины могут совершать больше уголовных преступлений. И именно в это время у мужей могут происходить измены.

Молодые мамы просто обязаны знать, что состояние мужчины в период становления отцовства – особый кризисный момент жизни, сравнимый с кризисом подростковых лет. Период становления отцовства, всех противоречивых переживаний, происходящих в это время, является фундаментальной основой для перехода на новый, более высокий уровень личностного развития. Именно поэтому молодая супруга должна внимательно относиться к формирующемуся новому состоянию своего мужа, переходящего в новый семейный ранг – ранг отца.

Сущностное восприятие ребенка, а также субъективное переживание в рамках отцовства остаются далеко неизученными и даже внутренне противоречивыми. Многие мужчины оценивают и воспринимают отцовство как своеобразное «пакетное соглашение», которое вбирает в себя, с одной стороны, необходимость проявления эмоциональной близости, с другой – социальную защиту и материальное обеспечение семьи. Вот именно в этом случае желание эмоциональной близости с детьми приходит порою в конфликт с теми заботами, которые отец проявляет в процессе жизнеобеспечения семьи.

Можно привести много примеров из жизни немецких или американских отцов, которые абсолютно искренне хотят проводить со своими детьми больше времени, быть с ним эмоционально более близкими. Однако современный опыт жизни молодых семей как в странах Европы, США, так и России показывает своеобразное факультативное участие многих отцов в жизни своих детей. В этих условиях психологическую близость отца с детьми можно назвать в ряде случаев символической, общение отца и ребенка по времени – «мерцающим», а субъектные отношения осуществляются путем посредничества с матерью.

Среди проблем отцовства одной из главных является судьба детей после развода супругов. По данным Росстата за 2009 г., в России зарегистрировано 921,898 браков в возрасте до 35 лет, а разводов 699,400. По данным столичного управления ЗАГС, в 2009 г. только в Москве подали на развод более 64 тыс. супружеских пар, по сравнению с 2008 г. этот показатель вырос почти на 4%. Данная статистика удручающая – в Рос-

сии ежегодно 75% из зарегистрированных браков заканчиваются разводом. Из них 70% – в первые пять лет совместной жизни, т. е. фактически в молодых семьях.

Если взять макросоциальный уровень, то отцовское влияние, которое крайне необходимо детям, сводится на нет во многом из-за увеличения числа внебрачных детей и тех самых разводов. В Российской Федерации большинство детей после развода супругов остаются с матерью. К великому сожалению, зачастую общение детей с отцами ограничивается, а иногда и вовсе прекращается.

Причин такого положения много. Во-первых, как ни странно, но иногда мужчины сами теряют интерес к детям. Во-вторых, бывшие жены в силу недопонимания важности общения ребенка с отцом препятствуют таким контактам. В-третьих, отцовско-ребячьему общению препятствует наличие низкой супружеской и родительской культуры. Все это и способствует тому, что на макросоциальном уровне реальная безотцовщина не уменьшается.

А вот здесь следует опровергнуть существующую точку зрения относительно того, что в результате безотцовщины страдают только дети и женщины. Очень ущербными чувствуют себя и отцы. Ведь в подобном случае мужчиной переживается еще больший стресс, нежели стресс, испытанный им в период рождения ребенка. Роль отца становится неопределенной и почти утраченной, проявления заботы и ответственности – минимизированными, жизненные устои – подорванными. В этот период мужчина может попасть в полную дезадаптацию и подвергнуться испытанию на здоровье и девиантность в поведении.

И все же потеря или отсутствие отца особенно остро переживаются ребенком. Детям наносится серьезная психическая травма, которая может отрицательно сказаться у мальчика на желании стать хорошим отцом, дать своим детям то, чего он сам не получил. Кроме того, отсутствие отца способствует возникновению у ребенка дополнительного количества детских страхов, что еще больше усугубляет его психическое состояние.

Одной из проблем современного российского отцовства является то, что общество и его «женская половина» считают мужчин главными «донорами» материального обеспечения семьи. Одновременно отцов ждут активного участия в решении бытовых вопросов и воспитании детей. Такое противоречивое сочетание традиционалистских и более современных установок приводит чаще всего к спорам, ссорам, взаимным обвинениям между мужчинами и женщинами, а иногда – к домашнему насилию.

Одной из проблем отцовства являются социально-психологические последствия отделения

сексуальности от реальной репродукции. Надо подчеркнуть, что именно такая сложившаяся ситуация создала основу для того, чтобы продолжение рода как социальное предназначение человека сделать необязательным. На самом деле исторически и психологически это произошло уже давно. И сексуальность (потенция, число женщин и умение их покорить) стала рассматриваться преимущественно как самооценка. В повседневной жизни мужчина заботился о том, чтобы удовлетворить свои сексуальные потребности, не становясь при этом отцом. Появление разных видов женской гормональной контрацепции позволило переложить «мужские заботы» на плечи самих женщин. Это дало им также дополнительные возможности того, что сексуально образованная женщина может принять важнейшее репродуктивное решение самостоятельно, без согласия и даже без ведома своего партнера.

Мужчины должны знать, что вышеописанные обстоятельства способствуют возникновению ряда сложных моральных и юридических проблем, связанных с реализацией функции отцовства. Скажем, одним из источников неопределенности и неуверенности мужчины является возможность генетического определения отцовства. Существует практика, когда мужчины обнаруживали, что воспитываемые дети зачаты не ими. И значит следует подчеркнуть, что отцовство в современных условиях, как бы это ни парадоксально звучало, может стать для мужчины фактором риска. Абсолютно не сгущая красок, важно заострить внимание на том, что реальная жизнь семьи, реализация отцовства в наше время могут иметь много проблем: семьи могут по разным причинам оказаться бездетными, рожденные дети могут быть материально не обеспеченными, оказаться без одного из родителей, а могут быть или стать чужими. И здесь многое зависит от формирования культуры родительских и супружеских отношений, специальной подготовки молодежи к семейной жизни, сознательному родителю и отцовству.

С начала 1990-х традиционная семья в Российской Федерации претерпела коренные изменения. Это и явилось причиной существенных преобразований в семейной жизнедеятельности. Скажем, если раньше материальное и финансовое состояние семей, как правило, зависело от мужчины, то современные семьи все чаще становятся «двуходными» (оба супруга одновременно вносят вклад в общую «семейную копилку»). Данное умозаключение подтверждается проведенным в 2008 г. Международным центром семьи, молодежи и детей социологическим исследованием по вопросам семьи в Российской Федерации (Табл. 1):

Таблица 1

Кто в основном зарабатывает деньги в Вашей семье?	%
1 – муж	35,4
2 – жена	18,9
3 – в равной мере	45,0
4 – дети	0,7
Всего	100,0

Именно изменения в экономической сфере жизнедеятельности семьи прежде всего способствовали ролевому перераспределению. Такие внутрисемейные преобразования сказались и на степени отцовского влияния на социализацию детей.

Среди современных проблем, связанных с отцовством, появились такие, как усложнение структуры и усиление текучести брачно-семейных отношений. Они вызвали к жизни новые отцовские роли и идентичности, которые раньше столь отчетливо не выделялись: родные (биологические) отцы, приемные отцы, разведенные отцы, одинокие отцы, несовершеннолетние отцы и т. д. Конечно, такие категории отцов существовали и в прежнее время, однако они встречались гораздо реже, нежели сейчас. А ведь каждая из них имеет свою специфику, собственные социальные и психологические характеристики.

Наиболее сложными являются проблемы, возникающие в случаях, когда имеет место так называемое символическое отцовство – воспитание заведомо «чужих» детей. Этот институт существует уже давно. При символическом отцовстве диапазон возможных эмоциональных отношений между мужчинами и детьми разнообразен. Для многих мужчин (символических отцов) общение и работа с детьми психологически компенсаторны. Достаточно вспомнить нашу историю и известные факты, которые свидетельствуют о том, что среди великих мужчин-педагогов прошлого было много холостяков и людей с несложившейся семейной жизнью.

Однако неподдельная любовь к детям была способна удовлетворять многообразные потребности, даже если выразить их в заведомо сниженных, эгоистических терминах. Скажем, кто-то их мужчин бессознательно или осознанно искал и находил среди тех самых детей, кого воспитывал, необходимое ему эмоциональное тепло. Кто-то мог просто реализовывать свои властные амбиции, становясь безраздельным вождем, звездой и кумиром детей и подростков. Ведь среди них стать величиной проще, чем среди взрослых. Ну а кто-то просто хотел сам быть вечным подростком: в мальчишеской среде уютнее и комфортнее.

И вообще часто бывает так, что многие мужчины чужих детей воспитывают (в смысле – оказывают на них сильное влияние) успешнее, чем

своих собственных. Может быть, это происходит потому, что наставничество настолько увлекательная вещь, что в нем представляется реализация настоящего чувства отцовства.

Анализ научной литературы показывает, что символическое отцовство (наставничество) мужчинами оптимально реализуется именно с мальчиками. Происходит это, скорее всего, потому, что в мальчике мужчина видит собственное подобие и, может быть, продолжателя своего дела. С другой стороны, мальчики тянутся к мужчинам потому, что видят в них прообраз собственного будущего и определяют свои ориентиры, пример для подражания. Между тем и процесс общения между ними происходит на фоне реализации общих интересов и деятельностных подходов к решению определенных ими задач. Это способствует их сплочению. А вот реальные отцовские практики (с собственными детьми) оказываются, как ни странно, более удачными с дочерьми. При этом отношения отцов с дочерьми являются более гармоничными и нежными.

Дело в том, что дочь напоминает мужчине любимую жену. При этом он не предъявляет к дочери каких-либо завышенных социальных требований и не воспринимает ее как соперницу. А вот в отношениях отца и сына эмоциональная близость несколько блокируется, гасится наличием властных отношений. Много не обсуждается искренне. В этом специфика отношений отцов и сыновей.

Конечно, становясь отцом, не задумываясь об истории отцовства. Вроде бы это ни к чему, да и не до этого сейчас. Однако желательно знать о том, что самым распространенным транскультурным образом отцовства был образ отсутствующего отца. В мифологии отец осознавался и воспринимался в качестве персонификации власти, прародителя, высшего духовного авторитета. Надо отметить, что такого рода представления прочно закрепились в образах массового сознания. Исторически сложилось так, что с учетом некоторых особенностей того или иного отрезка времени, для нормативного образа отца были характерны: персонификация власти, восприятие кормильца, присутствие блюстителя порядка, примера для подражания сыну. И надо особо подчеркнуть, что по таким критериям как общество в целом, так и любой человек в частности оценивали уровень отцовской успешности. Раньше считалось, что физическое отсутствие отца в семье – это следствие выполнения им социальных обязанностей. И вместе с тем это средство создания дистанции между отцом и ребенком, необходимой для поддержания авторитета отцовской власти.

Новое время внесло существенные коррективы в содержание процесса реализации отцовства. Тот самый абсолютный монарх, который раньше был волен как карать, так и миловать, уступил

место «отцу-кормильцу». Вот уж у этого типа отца стало гораздо меньше власти и больше действительно семейных обязанностей. Надо сказать, что именно в это время существенным образом поменялся стиль отцовства. В адрес отцов в XVII и XVIII вв. резко увеличилось количество наставлений относительно воспитания детей. Делалось это не случайно. Стиль отцовского воспитания передавался от поколения к поколению. Отец должен был становиться реальным положительным примером для своих детей.

Специальные научные исследования показывают, что индивидуальный стиль отцовства зависит от собственного прошлого опыта мужчины, от того, каким был его собственный отец. Именно этот опыт передается из поколения в поколение, от отца к сыну и дальше. Здесь следует особо подчеркнуть, что ответственное и богатое по содержанию отцовство, с одной стороны, благотворно влияет на сыновей, с другой стороны, и на отцов.

Анализируя важность восприятия отцовского опыта, важно заметить, что в этом процессе присутствует прежде всего, подражание (то есть отец или дед являются своеобразными ролевыми моделями). Однако здесь возможно и отвержение отрицательного опыта (сын может не повторять то, что ему не нравилось в собственном отце).

Конечно, процесс положительного воздействия отца на своих детей во многом зависит от времени, проведенного вместе. Многие научные исследования делают вывод о том, что дети, имеющие более вовлеченных в процесс воспитания отцов, в сравнении с детьми, имеющими менее вовлеченных в такой процесс отцов, более познавательны и социально компетентны, менее склонны к половым стереотипам и более стабильны в психологическом отношении.

Подготовка отца к рождению ребенка является крайне необходимой, ведь в это время отец находится в настоящей кризисной ситуации. В данный период существует две альтернативные тенденции развития отцовства. Одна из них связана с успешным преодолением этого своеобразного кризиса, когда мужчина выходит на новый, более высокий уровень личностного развития. Другая из-за отсутствия должной силы воли, неумения справиться с трудностями и со стрессовой ситуацией, возникшей в результате деторождения в семье, может «загнать» процесс осознания роли отца в тупик.

Для оказания помощи отцам создаются специальные школы молодых отцов. Скажем, подобная школа открыта в Благовещенске. Она организована при Центре социальной помощи семье и детям управления социальной защиты населения и была создана в целях первоначальной подготовки юношей к ответственному отцовству и семейной жизни, пропаганды и популяризации среди насе-

ления и молодежи здорового образа жизни, а также содействия отцам в преодолении трудных жизненных ситуаций и семейных конфликтов. Проект успешно действует в городе уже продолжительное время. В «Школу отцовства» принимаются мужчины, имеющие детей, а также все желающие юноши. Работа проводится по плану, разработанному и утвержденному председателем «Школы отцовства» и директором Центра социальной помощи семье и детям. В рамках обучения проводятся встречи с отцами, информационные беседы и лекции, обучающие семинары, а также организуется работа фокус-групп «О роли отца в семейном воспитании» с учащимися школ и профессионально-технических училищ. В данной школе молодые папы получают профессиональную помощь врачей и юристов.

Конечно, подобные школы должны работать в каждом городе и районе. Органы социальной защиты, по делам молодежи должны обеспечивать материальной базой, квалифицированными кадрами деятельность школ по подготовке молодежи к семейной жизни. Только в этом случае молодые люди смогут осознанно готовиться к родительству, становиться грамотными, высококультурными отцами.

История развития отцовства в ранние периоды существования человечества свидетельствует о том, что традиционная отцовская роль предполагала, как правило, защиту и материальное обеспечение детей. А вот обязанности по непосредственному выхаживанию и воспитанию детей на отцов не возлагались. Почему-то эти функции считались сугубо женскими, не свойственными и не совсем нужными мужчинам. У многих народов (например, у народов Кавказа) существовали строгого характера правила избегания общения отца с сыном, запрета проявления ласки и нежности в отношении него. Бесспорно, это ограничивало время нахождения с сыном, сужало диапазон допустимых вербальных и эмоциональных контактов между отцом и детьми.

А вот в некоторых культурах и сословиях было принято правило: отдавать детей на воспитание в чужие семьи. С этим было связано также и распространенное представление о том, что мужчина вообще «по природе» не способен ухаживать за детьми.

Однако следует сразу подчеркнуть, что проблема влияния мужчины-отца на развитие, социализацию и воспитание детей является важным вопросом отцовства, хотя в России все еще превагирует исторически «вредная» установка на то, что мужчина по своей природе вообще не предназначен, а следовательно, и не приспособлен к воспитанию детей. Такого рода постулаты, очевидно, сформулированы из традиционного разделения ролей между мужчиной и женщиной,

вытекающих из учета конкретного жизнеобитания и отношений целого рода биологических и природных факторов.

Всегда считалось, например, что женский организм более специфично, чутко реагирует на конкретное состояние и переживания детей, их плач, действия, реакции, исходящие из каких-либо болезненных состояний.

Однако эксперименты, в которых были задействованы одновременно мужчины и женщины, наблюдавшие за ребёнком, находившемся в болезненном состоянии, показали, что особых различий в реакциях физиологического характера (частоте пульса, потоотделении) не было. Единственное отличие, которое удалось зафиксировать, заключалось в поведении: женщина в присутствии других людей действовала более активно, нежели мужчина.

Думается, что будет неправильным, если мужчинам станет отводиться второстепенная роль и в отношении воспитания детей. Во всяком случае, такой точки зрения придерживаются многие ученые, специалисты в сфере семейных отношений, а также молодые папы. Эту же позицию разделяет, скажем, американский психолог Д. П. Росс, который в книге «Отцовство: мифы и реальность» утверждает: несмотря на то что биология может приводить к различиям в стиле или манере, в которой реализуются родительские роли, вывод о том, что мужчина биологически не подготовлен к родителству, не подтверждается.

Таким образом, будет нелишним напоминание о том, что довод о биологической или социальной неподготовленности мужчины к выполнению отцовских обязанностей не может оправдывать ограниченную роль отцов в проявлении заботы о детях и их воспитании. Словом, следует подчеркнуть, что вряд ли могут быть жизнеспособными теоретические обоснования, согласно которым отец должен занимать второстепенные позиции по вопросам воспитания ребенка.

Однако необходимо заострить внимание и на том, что влияние отца и матери на развитие и воспитание детей оказывается разным по формам, манерам, содержанию.

Анализ историко-этнографических данных показывает, что отцовство, т. е. наличие детей, с давних времен считалось обязательным показателем «мужской силы» и компонентом мужской идентичности. Но уровень мужской культуры оценивался не простой сексуальной активностью, а именно появлением потомства.

Сегодня понятие «отцовская культура» вбирает в себя целый комплекс характеристик, раскрывающих отношение мужчины к своим детям. Важным моментом является восприятие им вести о беременности супруги. Исследование, проведенное в 2007 г. в России Международным центром

семьи, молодежи и детей, показало, что такой беременности открыто порадовались лишь 72,8% мужчин. Часть мужчин (3%) отнеслись к этому без эмоций или были огорчены беременностью «второй половины». А вот 12% будущих отцов вообще были огорошены таким событием (Табл. 2). Все это свидетельствует о том, что подготовка к родителству, отцовству еще не стала для мужчин обязательным атрибутом формирования их отцовской культуры. Ниже приводятся данные о восприятии мужчинами факта беременности супруги.

Таблица 2

Как воспринимается
весть о беременности супруги?

Как Вы восприняли весть о беременности Вашей супруги?	%
1. Очень обрадовался	72,8
2. Был огорошен этим событием	12,0
3. Воспринял с настороженностью	1,4
4. Задумался об ответственности отца за воспитание ребенка	10,7
5. Отнесся к этому спокойно, без эмоций	2,7
6. Был огорчен	0,3
7. Другое	0,1
Всего	100,0

Для выяснения роли отца в реализации воспитательной функции необходимо знать, сколько времени он уделяет воспитанию детей. При изучении данной проблемы респондентам из числа отцов был задан соответствующий вопрос. Как видим, не все отцы осознают и правильно воспринимают роль отцовства. В этом смысле необходимо расширять сеть школы молодых отцов, где можно было бы получить знания по вопросам отцовства и жизнедеятельности молодой семьи.

Таблица 3

Сколько времени в сутки отец уделяет
внимание воспитанию ребенка?

Сколько времени в сутки Вы уделяете воспитанию Вашего ребенка (Ваших детей)?	%
1. От 5 до 15 минут	2,2
2. От 15 до 30 минут	4,2
3. От 30 минут до 1 часа	9,5
4. От 1 до 2 часов	46,1
5. Более 2 часов	37,3
6. Не вижу ребенка целыми днями (особая работа, командировки и т. п.)	7,3
7. Не занимаюсь воспитанием, считаю, что это обязанность жены	12,4
8. Другое (напишите)	1,7
Всего	100,0

Таким образом, вопросы, связанные с отцовством, крайне актуальны. О проблемах отцовства должна знать российская молодежь. Стать отцом – не простой формальный акт, а целая жизненная школа, которая должна включать в себя специальную подготовку, процесс обучения, формирование отцовской культуры, приобретение знаний в сфере детско-родительских отношений, принципов, форм и методов воспитания ребенка, создание условий для самовоспитания ответственности отцов за будущее своих детей.

УДК 316.354

О. А. Рожнов

О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ МОЛОДЕЖИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ И ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье обсуждаются вопросы, связанные с совершенствованием инфраструктуры молодежной политики и управлением ею. Автор указывает на необходимость принятия специальных мер, ориентированных на повышение роли молодежи как базового элемента обеспечения общественно-государственного характера реализации молодежной политики.

The article is focused on the problems connected with developing and managing of youth policy infrastructure. The author points out the necessity of taking special measures aimed at increasing the role of youth, as the base element of maintenance of the socially-state character of youth policy.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежное сообщество, инфраструктура молодежной политики.

Keywords: youth, youth policy, youth community, infrastructure of youth policy.

Сегодня ни государство, ни взрослая часть общества в должной мере не демонстрируют практической готовности делиться с молодежью соизмеримой частью контролируемого ими ресурса. Нет действенных механизмов вовлечения молодых людей в процесс выработки государственных решений, в совместное формирование общественно значимых социальных действий и разделения ответственности за их результаты. Это ведет к нарастанию апатии у молодых людей, они не стремятся участвовать в политике, не верят в возможность справедливых выборов, не считают сегодняшнюю власть своей властью.

Недостаточная вовлеченность молодежи в процесс социальных и политических действий способствует размыванию российской самоиден-

тификации молодежи. Сегодня для 31% (11,8 млн человек) молодых людей (прежде всего успешных и конкурентоспособных) идентификация себя в качестве граждан Российской Федерацией затруднена. К моменту достижения возраста максимальной трудовой активности они не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем, не связывают эти проблемы с собой, часто ищут возможности для самореализации вне России, не имеют со своей страной социального контракта и не считают себя ей чем-то обязанными.

Молодые люди, которые в процессе социализации не были допущены до участия в принятии общественно значимых решений, не имеют социального контракта со страной, который бы закреплял их обязательства решать проблемы этой страны и ее населения. Только признание политической элитой, а за ней и всей взрослой частью общества полисубъектности и общественно-государственного характера молодежной политики и, как следствие, практическое выстраивание соответствующей системы ее управления может обеспечить объективную основу для достижения в процессе реализации молодежной политики требуемой сегодня результативности и эффективности. При этом современная система управления молодежной политикой должна включать не только органы государственного управления, но и структуры, практически обеспечивающие взаимодействие и процесс совместной выработки решений основных субъектов молодежной политики, и прежде всего молодежных организаций, бизнес-сообщества, а также церкви и семьи.

Возможности молодежного сообщества продуктивно действовать в качестве субъекта молодежной политики остаются на низком уровне. Это требует от государства принятия специальных мер, ориентированных на повышение роли молодежи как базового элемента обеспечения общественно-государственного характера реализации молодежной политики.

Основное звено молодежного сообщества – молодежные объединения и их ассоциации сегодня практически полностью финансово и ресурсно зависят от государства и местного самоуправления, не имеют достаточного опыта в формулировании и отстаивании своих интересов, а также должного представительства в органах власти всех уровней, не имеют экспертной, методической и научной поддержки, слабо взаимодействуют со «взрослыми» организациями некоммерческого сектора, часто вынуждены конкурировать с ними за ресурсы. Примеры конструктивных взаимоотношений с бизнесом, который является основным потребителем результатов молодежной политики, единичны и малорезультативны.

тативны. Как правило, недостаточно разработаны методические основы деятельности молодежных общественных объединений, их опыт не обобщается и не анализируется, успешный опыт не распространяется. Лишь единицы организаций способны самовоспроизводиться и самообновляться, тогда как большинство является продуктом одного поколения и заканчивает деятельность с уходом лидера-основателя.

При этом если деятельность в молодежной сфере будет осуществляться только через государственные и муниципальные учреждения, молодежная политика перестанет отвечать интересам самой молодежи, ее общественных объединений, подпитываться идеями и реальными запросами подрастающего поколения. Однако старшее поколение и отражающие его позицию государственные органы, как правило, уверены, что они и без учета мнения молодежи знают, что и как нужно делать в молодежной сфере. При таком подходе государство не сможет дойти до каждого молодого человека. Для осуществления этой задачи государству необходима инфраструктура широкого партнерства с гражданским обществом, прежде всего взаимодействие с молодежными сообществами.

Сегодня, как никогда, для России принципиально важным становится выстраивание эффективной долгосрочно ориентированной системы управления настоящим и в еще большей степени будущим человеческим капиталом страны. Именно поэтому в центр внимания государства, гражданских институтов и самого молодежного общества сейчас выходят цели формирования комплексных общенациональных механизмов развития и реализации социального, культурного, профессионального, духовно-нравственного, инновационного и экономического потенциала молодежи.

Задачи преобразования потенциала молодежи в человеческий капитал страны носят максимально комплексный межведомственный и надотраслевой (межсекторный) характер, требуют предельно широкого взгляда на роль молодежи в строительстве современного гражданского общества и российского государства.

При выстраивании системы управления молодежной политикой важно различать молодежную политику, понимаемую в широком и узком смысле. В первом случае это целенаправленная деятельность субъектов, направленная на регулирование всей совокупности процессов, связанных с молодежной сферой, и отношений между молодежью и более старшей частью общества. Во втором случае – это, прежде всего, деятельность субъектов, регулирующая процессы, связанные с взаимодействием между органами государственного управления и молодежным сообществом,

представленным в основном общественными объединениями и их ассоциациями. Принципиально, что базовые процессы социализации молодежи, связанные с возвращением высоконравственной, образованной, патриотичной, творческой, здоровой личности молодого человека, и, соответственно, проблемы гражданской идентичности, ценностных установок, увеличения человеческого капитала относятся к сфере молодежной политики широкого смысла и не могут успешно решаться усилиями одного и даже нескольких ведомств.

Такое различие тем более актуально, что молодежная политика, понимаемая широко, в настоящее время оказалась вне зоны целенаправленного общественно-государственного влияния, так как существующие структуры государственного управления не имеют ни необходимых механизмов межведомственной координации, ни механизмов согласования своих действий с коммерческим и некоммерческим секторами. Тем самым комплексный, надведомственный (межсекторный) и общенациональный характер молодежной политики до сих пор не осознается в полной мере, а попытки реализовать ее носят в основном ведомственный, в лучшем случае межотраслевой характер. Это и определяет ее слабость, невозможность эффективно влиять на процессы социализации и результативно управлять процессами превращения потенциала современной молодежи в человеческий капитал страны.

Первостепенной задачей в сфере молодежной политики становится обеспечение ее управляемости в широком смысле на федеральном и региональном уровнях и создание для этой цели необходимых структур межведомственного и межсекторного взаимодействия.

При этом отраслевая инфраструктура должна играть центральную роль в выработке и реализации молодежной политики, обеспечивать тесное взаимодействие с молодежными объединениями. И здесь одним из главных приоритетов государства на современном этапе должна стать модернизация и развертывание отраслевой инфраструктуры учреждений для работы с молодежью. Управление же молодежной политикой в широком спектре задач социализации должно строиться с учетом участия в ее реализации не только всех институтов государства, но и гражданского общества России в целом.

Задача обеспечения широкой управляемости может решаться «жестким» или «мягким» способом. При «жестком» варианте управления необходимо было бы создание министерства молодежной политики, которое имело бы возможность руководить всеми иными органами государственного управления, связанными с реализацией молодежной политики, что вряд ли возможно и це-

лесообразно в системе государственного управления современной России.

Для реализации «мягкого» управления необходимо создание системы, включающей целый ряд общественных, муниципальных и государственных структур. Прежде всего нужно сформировать структуру, имеющую возможности организовать выработку комплексных мер (в том числе программ и проектов), обеспечивающих скоординированную работу государственных и общественных структур в молодежной сфере, и выступать заказчиком на реализацию этих мер. Размещение и реализация таких заказов могут осуществляться на уже существующей инфраструктуре государственных и негосударственных институтов и финансироваться из средств, аккумулируемых специальным фондом.

Исходя из вышеизложенного, структуру управления и инфраструктуру молодежной политики должны составлять государственные органы и их учреждения, молодежные общественные объединения, органы, обеспечивающие межведомственное взаимодействие субъектов молодежной политики, а также тесное сотрудничество субъектов коммерческого и некоммерческого секторов общества. Построение эффективной системы управления предусматривает регламентацию взаимодействия всех этих субъектов.

Необходимо также разграничение полномочий и предметов ведения по организационно-правовым основаниям к реализации молодежной политики. Последняя в широком понимании является межотраслевой и межсекторной сферой, а в узком – отраслью, имеющей свои институты, организационно-финансовые механизмы, систему соподчиненности, собственное кадровое, информационное, научно-методическое обеспечение, стандарты деятельности, инфраструктуру учреждений.

Инфраструктуру молодежной политики во многом необходимо воссоздавать, так как элементы существовавшей до 1991 г. общественно-государственной системы не соответствуют современным реалиям, так как были ориентированы на реализацию иного идеологического подхода, а имущественная инфраструктура молодежной сферы в 90-е гг. либо была приватизирована, либо начала использоваться для других целей.

Взаимодействие субъектов молодежной политики должно строиться на основе

1) определения единой для страны системы целей и основных приоритетов молодежной политики в соответствии со стратегией развития страны и потребностями молодежи;

2) децентрализации управления молодежными программами. За исполнение общероссийских и межрегиональных проектов должен отвечать со-

ответствующий орган на федеральном уровне, за исполнение региональных и местных проектов – на региональном. При этом на федеральном уровне должна быть создана общая система оценки качества работы с молодежью, сформированы основные подходы к этой работе, а также стандарты обучения молодежных работников. Оценка результативности молодежной политики должна стать одним из важнейших критериев оценки эффективности работы региональной власти;

3) Межведомственного и межсекторного (государственного, коммерческого и некоммерческого секторов) характера разработки и реализации молодежной политики;

4) Общественно-государственного подхода, признания активной, а не реактивной роли самой молодежи и ее общественных объединений. Государство совместно с молодежными объединениями должно определять приоритетные направления, в рамках которых организации могут выдвигать инициативы и получать поддержку своих проектов.

Помимо возможности предоставления поддержки проектам молодежных организаций в виде грантов, необходимо предусмотреть выделение отдельного финансирования на обучение и поддержку молодежных работников и тренеров, для повышения уровня реализуемых проектов, а также на поддержку организаций, представляющих интересы российской молодежи за рубежом.

Государственные и муниципальные органы молодежной сферы должны быть немногочисленными, чтобы не брать на себя функции объединений самой молодежи, но должны соответствовать масштабу поставленных задач, а также зависеть от уровня государственного или муниципального управления и количества молодого населения, проживающего на отнесенной к ведению этого государственного органа территории.

Федеральные органы исполнительной власти, Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации и Федеральное агентство по делам молодежи вполне соответствуют стоящим на современном этапе задачам. Однако крайне необходимо формирование федеральных государственных учреждений по приоритетным направлениям, определенным в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года. Данные учреждения должны быть соответствующим образом обеспечены помещениями и оборудованы.

Это должны быть и учреждения по конкретным направлениям (талантливая молодежь, занятость, предпринимательство), и федеральные молодежные центры (лагеря), круглогодично ведущие методическую работу, а также подготовку и переподготовку молодежных лидеров и ак-

тива. Таких центров для обеспечения целостности молодежной политики в масштабах всей страны должно быть от трех до семи, что обусловлено географическими масштабами и административным делением государства.

Целесообразно также формирование **федерального научно-методического центра**, который должен создать теоретическую и методическую основу для выработки комплексных мер, необходимых для успешной реализации молодежной политики широкого смысла: проведение исследовательских, законопроектных и методических работ, разработка программ в области молодежной политики, организовать изучение и распространение результатов реализованных пилотных проектов, методически оснастить повышение квалификации и переподготовку кадров в сфере молодежной политики. Этот центр должен взять на себя разработку методологического аппарата, обеспечивающего сравнимость исследований в молодежной сфере на региональном и муниципальном уровнях, взаимодействие с отечественными и зарубежными научными и исследовательскими центрами. В его задачи будет входить подготовка ежегодных докладов Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «О положении молодежи». Широкое использование в практике деятельности центра современных дистанционных технологий и возможностей Интернета позволит при сравнительно скромных кадровых и финансовых ресурсах поддерживать в актуальном состоянии профессиональные знания работников молодежной сферы и осуществлять подготовку молодежных лидеров на территории всей страны.

Подразделения по вопросам реализации молодежной политики в структуре аппарата Полномочного Представителя Президента РФ в этой схеме должны координировать в федеральных округах работу специализированных служб и учреждений, выполнение межрегиональных программ в области государственной молодежной политики.

Органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ в рамках своих полномочий должны обеспечить принятие законодательных актов, разработку и реализацию программ в области молодежной политики в субъекте РФ, создание специализированных отраслевых структур и учреждений по вопросам молодежной политики, межведомственных комиссий. Кроме того, им необходимо выстроить взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти по вопросам исполнения законодательства РФ, решений президента и правительства РФ, реализацию федеральных программ в области молодежной политики. Региональные структуры власти совместно с органами местного самоуправления

должны осуществлять мероприятия по привлечению граждан, организаций и общественных объединений к участию в реализации программ молодежной политики, вносить в федеральные органы власти предложения по совершенствованию системы работы с молодежью.

На уровне субъекта Российской Федерации должен работать орган исполнительной власти, либо курирующий исключительно молодежную политику, либо объединенный с подразделением, курирующим близкую к молодежной сфере отрасль (спорт, туризм и т. п.). Однако штатная численность сотрудников, работающих в государственном органе субъекта РФ в части молодежной политики, должна соответствовать масштабу и объему поставленных перед отраслью задач.

Особое внимание необходимо уделить работе с молодежью на уровне **органов местного самоуправления**, которые должны принимать самое активное участие в реализации молодежной политики. В настоящее время их функционал в этой сфере прописан только одним предложением в ФЗ-131, что дает широкие возможности для его трактовки. На муниципальном уровне необходимо наличие отделов по делам молодежи.

Основной элемент инфраструктуры – это **сеть государственных и муниципальных учреждений** в каждом субъекте Федерации, которую должны составлять дома молодежи, многофункциональные молодежные центры, подростковые молодежные клубы различной направленности, расположенные удобно для молодежи географически (по возможности, в шаговой доступности). Нормативы должны составлять не менее 25 квадратных метров площадей и двух штатных единиц для работы с молодежью на каждые 1 000 человек населения. В населенных пунктах, где проживает менее 1 000 человек, должно быть выделено отдельное помещение и одна или 0,5 ставки.

Подобная инфраструктура обеспечит решение целого ряда задач.

Во-первых, она обеспечит организацию досуга, не предоставляя молодежь улице. Как показывает опыт целого ряда регионов, в городах и поселках, где создаются молодежные центры, центры досуга, клубы по месту жительства, в 5–7 раз снижается количество правонарушений среди подростков.

Во-вторых, функционирующая инфраструктура решает вопросы профориентации и профессиональной подготовки. Молодой человек, как правило, связывает свой выбор профессии в зависимости от того, чем он занимается в кружке, клубе, доме молодежи. Это увлечение формирует его интересы и хобби на всю взрослую жизнь. В любом случае он получает дополнительные навыки, необходимые как в быту, так и на случай смены профессии.

В-третьих, благодаря инфраструктуре молодой человек находит себе друзей и единомышленников не только среди тех, кто живет по соседству. Обстановка единства интересов со сверстниками и авторитет руководителя учреждения – наставника, безусловно, делают социализацию и самореализацию молодого человека более эффективной.

Общественная составляющая молодежной политики менее структурирована и не имеет в отличие от государственной четкого вертикального построения. Формально общественные объединения подразделяются на общероссийские, межрегиональные, региональные и работающие на местном уровне. В действительности их взаимосвязи, взаимовлияние, сферы взаимодействия намного сложнее и многограннее. Такое многообразие форм и обилие структурных связей составляет трудность для управления, однако именно в этих отличиях от государственного и муниципального управления кроется уникальный ресурс общественного сектора для осуществления реальной молодежной политики.

Молодежная политика сегодня может быть эффективной только в том случае, если она поддерживает индивидуальное развитие молодого человека, а не стремится формировать его личность по шаблонам, стандартам, предписаниям. Она облегчает, информационно и ресурсно обеспечивает выбор человека, а не просто его дисциплинирует; стимулирует инициативы молодежи и ее организаций, а не навязывает свои варианты решений. Именно поэтому современная молодежная политика должна быть гибкой и сочетать в себе централизованную государственную составляющую и децентрализованную общественную.

Сформулированная в докладе цель молодежной политики предполагает отказ от доминирования механизмов социальной поддержки молодежи в пользу создания условий для ее позитивной социализации, самореализации, социального развития. Поэтому основным субъектом молодежной политики должны стать молодежь и ее объединения.

Молодежные общественные объединения – это институт самореализации и социализации молодежи, механизм ее вовлечения в общественную и политическую жизнь, подготовки молодого поколения к взрослой жизни, профессиональной деятельности, воспитание у нее активной жизненной позиции.

По оценке Конгресса местных и региональных властей Европы (2003 г.), молодежные объединения и организации, молодежные группы и коммунальные центры являются «идеальным каналом участия молодежи в общественной жизни и проведении молодежной политики в области

спорта, культуры, ремесел, искусства и иных форм творчества или самовыражения, а также в социальной сфере».

Необходимым условием для реализации оптимальной общественно-государственной модели является взаимодействие молодежного сообщества и органов государственной власти, а также создание системы признания результатов общественной и экономической деятельности молодежи.

Необходимым условием для оптимальной общественно-государственной модели является определенная структурированность взаимоотношений молодежного сообщества и органов государственной власти.

На уровне субъекта РФ должен существовать реестр молодежных общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой. Эти объединения должны получать гранты и субсидии на свою деятельность через целевые программы и другие финансовые инструменты.

Общественные объединения могут объединяться в зонтичную структуру – «круглый стол» (координационный совет) общественных объединений области (республики, края). «Круглый стол» является консультативным, совещательным, экспертным органом. Он должен быть общественным партнером, экспертным сообществом органа по делам молодежи субъекта РФ, играть координирующую роль среди действующих организаций и помогать вновь создаваемым, информировать молодежь о существующих программах и возможностях. Каждое общественное объединение, организация, студенческий совет вуза будут иметь в таком совете («круглом столе») один голос, что обеспечит равенство позиций. Все решения в нем принимаются коллегиально.

Важным элементом молодежной сферы субъекта РФ является *молодежный парламент* при законодательном собрании региона. Молодежный парламент формируется на представительской основе, как правило, из делегированных общественными молодежными объединениями представителей и позволяет учитывать интересы молодежи при принятии законов, готовить и продвигать кадры.

Достаточно перспективная форма взаимодействия регионального молодежного сообщества с исполнительной властью – *молодежное правительство*. В этом случае избранные (делегированные) в молодежное правительство молодые лидеры не просто включаются в работу исполнительной ветви власти, но и получают практические навыки административной работы, участвуют в решении социально значимых проблем региона или муниципального образования.

С 2009 г. начато формирование в регионах *советов молодых ученых и специалистов при гла-*

вах субъектов РФ на основании положения, утвержденного Министерством спорта, туризма и молодежной политики РФ и Министерством образования и науки РФ, в целях представления интересов этой категории молодежи в органах власти и номинирования ее представителей на гранты президента Российской Федерации.

В регионах целесообразно создание и других молодежных структур в зависимости от специфики каждого и по конкретным направлениям деятельности (штаб студенческих отрядов, молодежный казачий круг и т. п.).

Все эти структуры составят эффективный механизм общественно-государственного характера и если они будут не номинальными, то будут иметь возможность реального влияния на принимаемые решения.

Перечисленные выше общественно-государственные механизмы должны существовать и на уровне местных органов и муниципалитетов, поддерживаемые соответственно отделами по делам молодежи. В таком случае практически любой молодой человек региона, имеющий задатки и желание, сможет получить возможность саморазвития и включиться в принятие решений на соответствующих уровнях власти.

На федеральном уровне уже существует весь спектр общественных институтов, аналогичный предложенному для субъектов Российской Федерации и необходимый для координации работы в общероссийском масштабе.

Для координации общественных объединений создана зонтичная структура – Национальный совет молодежных и детских объединений России (по указу Президента Российской Федерации «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» от 16.09.1992 г. № 1075), которая объединяет международные, общероссийские, межрегиональные общественные объедине-

ния, а также «круглые столы» субъектов РФ. Все организации имеют в Национальном совете равные права. Национальные советы существуют во всех странах Европы и объединены в Европейский молодежный форум – официальную «зонтичную» структуру, поддерживаемую Советом Европы.

При Федеральном Собрании Российской Федерации работают молодежные парламентские структуры, при Государственной думе действует Общественная молодежная палата, при Совете Федерации – Межпарламентская молодежная ассамблея.

Общественные молодежные объединения и различные их ассоциации представлены в Коллегии Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, различных совещательных органах, созданных при нем.

Представители молодежных общественных объединений входят в Общественную палату РФ, в общественные советы при различных министерствах и ведомствах.

Заметную роль в общественной составляющей молодежной политики играют также молодежные общественно-политические организации и движения, молодежные крылья политических партий, которые работают на федеральном и региональном уровнях и оказывают на социализацию и становление молодежи значительное влияние.

Задача общества и государства сегодня – оказывать всемерную поддержку молодежным общественным объединениям, которые направляют активность молодежи в сторону общественных интересов и интересов государственного развития.

Государство должно стимулировать создание реально работающих, самоуправляемых молодежных общественных организаций и их включенность в процессы управления молодежной политикой.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.422

Т. Н. Клочкова

ПРОЯВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕГРАМОТНОСТИ У ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)*

Статья посвящена проблеме проявления функциональной неграмотности государственных и муниципальных служащих. Обосновывается необходимость в рамках непрерывного образования специальных интеллектуальных тренингов государственных и муниципальных служащих для преодоления функциональной неграмотности с целью их эффективной профессиональной деятельности.

The article is devoted to the problem of functional illiteracy of state and municipal servants. The author grounds the necessity of arranging special training of state and municipal servants to overcome functional illiteracy and to provide effective professional practice.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, непрерывное профессиональное образование, профессиональная подготовка, профессиональные знания, профессиональные и личностные качества.

Keywords: functional illiteracy continuous professional education, professional training, professional knowledge, professional and personal qualities.

Скорость научно-технического прогресса растет с каждым годом. В американской литературе используется особая единица измерения устаревания знаний специалиста – «период полураспада компетентности», который означает продолжительность времени после окончания вуза, когда компетентность специалиста снижается на 50% в результате устаревания полученных знаний. Длительность этого периода варьируется: «на рубеже 70–80-х гг. этот период составлял 5–6 лет для инженеров на предприятиях с передовой технологией, а для медиков и биологов – всего 3–4 года» [1]. Это актуализирует проблему непре-

рывного образования как образования в течение всей жизни. Но даже получившему образованию человеку порой сложно ориентироваться в потоке информации. Это связано с проблемой функциональной неграмотности, понимаемой как неспособность работника или гражданина эффективно выполнять свои профессиональные или социальные функции, несмотря на полученное образование.

Еще более актуализируется проблема функциональной неграмотности, когда речь заходит о государственных гражданских и муниципальных служащих, от эффективной работы которых зависят перспективы и дальнейшее благополучие социально-экономической системы страны. От современных российских управленцев требуется глубокое понимание процессов, происходящих в обществе, знание теории развития государства, проблем научно-технического прогресса и его социальных последствий, умение принимать решения на собственном управленческом уровне. Практика показывает, что профессиональные навыки и знания государственных и муниципальных служащих (*здесь и далее речь идет о государственных гражданских и муниципальных служащих РФ*) не соответствуют на сегодняшний день ожиданиям потребителей. Поэтому весьма остро встает вопрос качества профессионального высшего образования, создания инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих. Сам государственный или муниципальный служащий должен постоянно осуществлять самообразование и самообучение, изучать новые формы, методы, технологии государственного и муниципального управления, обеспечивающие высокую эффективность исполнения должностных обязанностей.

Волго-Вятской академией государственной службы на протяжении нескольких лет с участием автора проводится мониторинг профессиональной среды в органах государственного и муниципального управления. В апреле-мае 2010 г. в рамках проекта «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России», реализуемого под руководством д-ра соц. наук, профессора В. А. Мальцева в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной

* Статья написана в ходе проведения НИР по проблеме «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

России» на 2009–2013 гг., были проведены исследования среди государственных гражданских служащих (республики Марий Эл, Мордовии и Чувашии, Нижегородской и Кировской областей; N = 667) и муниципальных служащих Нижегородской области (N = 465). [2] На основе анализа данных проведенного исследования были выявлены признаки функциональной неграмотности у государственных гражданских и муниципальных служащих.

В данном исследовании 62% государственных и 54% муниципальных служащих высказали потребность в дополнительном профессиональном образовании, хотя высоко (40% государственных и 39% муниципальных служащих) и средне (49% государственных и 51% муниципальных служащих) оценивают уровень своей профессиональной подготовки. Такая необходимость вызвана у них в основном двумя факторами: необходимостью личностного роста («ощущаю потребность в постоянном образовании») – ее выделяют 47% государственных и 43% муниципальных служащих; профессиональной потребностью («передо мной ставятся задачи, решение которых требует дополнительной подготовки») – этот фактор выделяют 43% государственных и 37% муниципальных служащих. Необходимо отметить выявленное в ходе исследования единодушие по всем основным вопросам, так что полученные данные у государственных гражданских и муниципальных служащих практически не отличаются.

Несмотря на регулярное прохождение дополнительной профессиональной подготовки (курсы повышения квалификации, семинары и т. п.), которая нормативно закреплена в законе, потребность в ней существует и у тех государственных и муниципальных служащих, кто ее не проходил за последние 3 года, и у тех, кто ее прошел. (Данная потребность наглядно проиллюстрирована на

рис. 1.) Это может быть связано как с осознанием служащими необходимости в постоянном обучении, так и с низкой оценкой процесса самообразования, как показано на рис. 5.

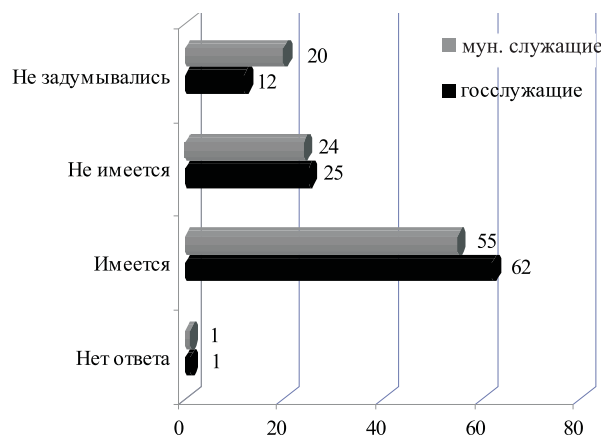

Рис. 1. Наличие потребности в дополнительной профессиональной подготовке в ближайшие 3 года у государственных и муниципальных служащих, %

Эта потребность, по-видимому, вызвана еще и тем, что около половины опрошенных государственных и муниципальных служащих (49% и 45% соответственно, см. рис. 2) отмечают потребность в совершенствовании навыка планирования своей профессиональной деятельности.

Как показано на рис. 3, более половины респондентов (57% и 54%) испытывают потребность в совершенствовании навыка принятия управленческого решения, тем более что, по данным проведенного исследования, у 45% муниципальных и 42% государственных служащих профессиональная деятельность практически всегда требу-

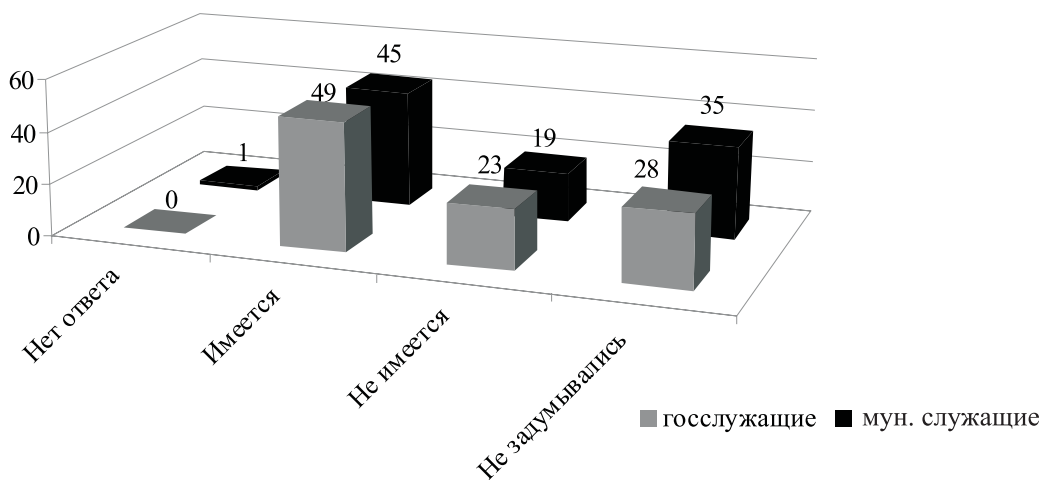

Рис. 2. Наличие потребности в совершенствовании навыка планирования профессиональной деятельности у государственных и муниципальных служащих, %

ет принятия управленческих решений и еще у 32% и 26% респондентов соответственно – хотя бы иногда (рис. 4).

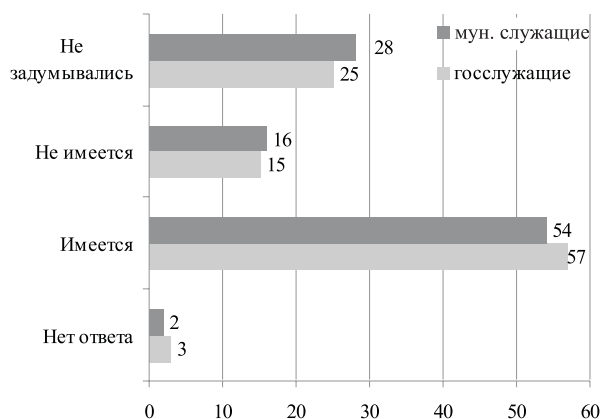

Рис. 3. Наличие потребности в совершенствовании навыка принятия управленческого решения у государственных и муниципальных служащих, %

Среди факторов, которые помогают государственным гражданским и муниципальным служащим принимать управленческие решения, прежде всего, единодушно отмечены по степени значимости такие, как имеющийся опыт практической работы (79% и 80% соответственно – см. рис. 5), обсуждение стоящих задач с руководством (56% и 55%). Значительно реже отмечаются такие факторы, как знания по базовому (основному) профессиональному образованию (37% и 39%). И только каждый пятый специалист считает значимой для принятия управленческого решения помощь самообразования, чтения специальной литературы (21% и 20%). Сумма ответов по данному вопросу составляет более 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов. Недооценка государственными и муниципальными

ми служащими роли самостоятельного обучения и чтения специальной литературы для своего профессионального развития является показателем функциональной неграмотности – низкой способности самостоятельно обучаться, ориентироваться в стремительно возрастающем объеме информации, воспринимать необходимые для профессионального совершенствования документы, в том числе нормативные, и применять на практике полученные знания.

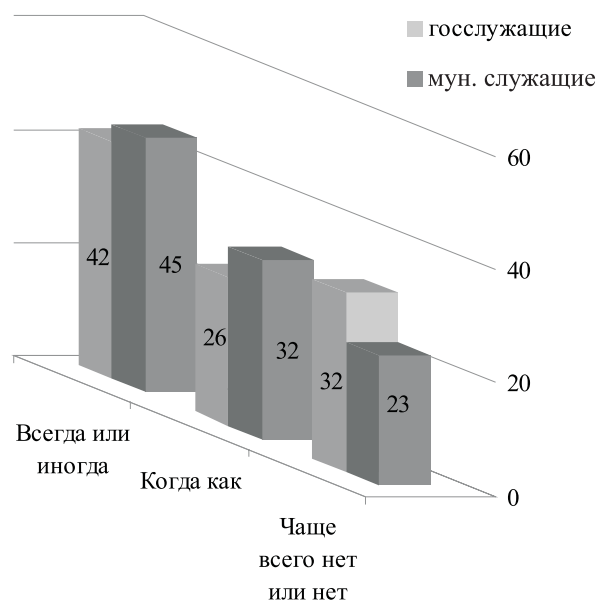

Рис. 4. Мнение респондентов о том, требует ли их профессиональная деятельность принятия управленческих решений, %

Оценивая возможности, которые должно давать и реально дает дополнительное образование, респонденты единодушно отмечают расширение кругозора, эрудиции, получение дополнительной полезной в работе информации, расши-

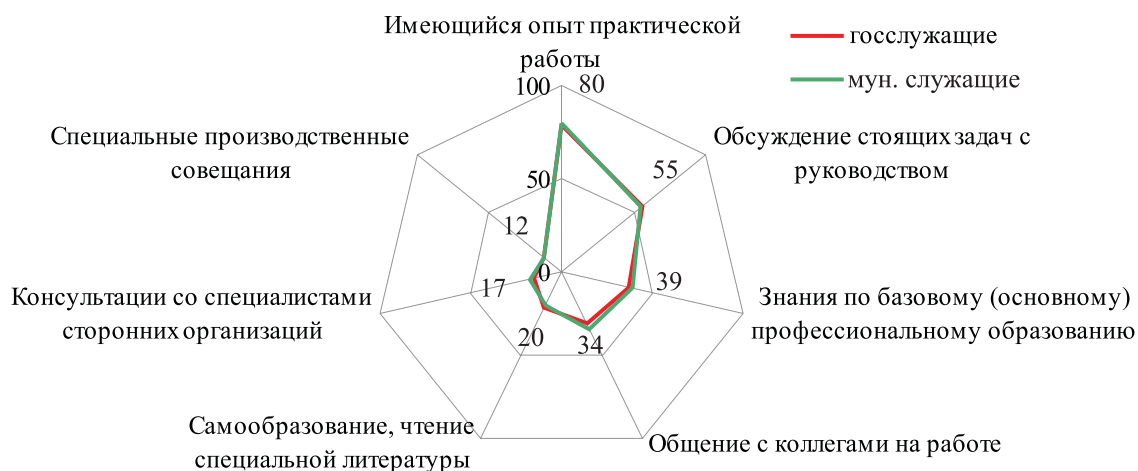

Рис. 5. Факторы, которые помогают государственным и муниципальным служащим принять управленческое решение, %

рение личных профессиональных контактов и другие возможности, которые в целом способствуют повышению уровня развития деловых и личностных качеств служащего. Именно дополнительное образование в системе непрерывной целевой профессионально-образовательной подготовки государственных и муниципальных служащих обеспечивает рост их профессионализма, повышение компетентности, адаптируемость к новым условиям, сочетание стратегического мышления и оперативности в выполнении своих функциональных обязанностей. Приятно также отметить, что респонденты не перекалывают ответственность за свое профессиональное развитие на начальство, коллег, существующие обстоятельства, не сбрасывают со счетов личностные качества самого работника, его способности, желание к саморазвитию.

Однако некоторые результаты исследования, отраженные в рисунках, говорят о наличии серьезных проблем в реализации знаний, умений и навыков, полученных в рамках дополнительного профессионального образования. Эффективность профессионального развития во многом обуславливается уровнем заинтересованности, мотивированности самих специалистов в области управления на получение и дальнейшее применение полученных в ходе обучения знаний и навыков.

Согласно рис. 6, основным результатом последнего обучения по программе повышения квалификации чуть менее 2/3 респондентов (64% и 61% соответственно) называют применение на практике полученных знаний, и только по 3% опрошенных по итогам обучения по программе повышения квалификации разработали предложения по совершенствованию своей служебной деятельности.

ет приобретения навыков разработки предложений.

Все, что касается выработки таких умений, как разработка предложений, программ совершенствования деятельности, требующих от специалиста творческих и умственных способностей, должно достигаться при помощи регулярных интеллектуальных тренингов, комплексом специальных упражнений для тренировки внимания, памяти, навыков динамического чтения и логики рационального мышления [3].

Как показано на рис. 7, наиболее предпочтительная форма прохождения занятий по программам повышения квалификации или переподготовки, по мнению респондентов, – это анализ конкретных ситуаций, лекции, стажировки, тематические дискуссии – так ответили более 30% респондентов. Наименее предпочтительными оказались ролевые игры и мозговой штурм – их выбрали около 10% респондентов.

Анализ приведенных данных исследования показал в большей степени предпочтение государственными и муниципальными служащими традиционных форм обучения и в меньшей степени их ориентированность на активные формы в процессе обучения, так как привычные формы обучения (аудиторные лекционные и практические занятия) вызывают у них меньше напряжения и формируют пассивную позицию слушателя, отсутствие инициативы и принятия ответственности. Это также проявление функциональной неграмотности респондентов.

Таким образом, исследование выявило, что существует реальная необходимость включения в образовательный процесс специалистов в сфере управления таких инновационных методов и технологий обучения, которые будут стимулировать активность, самостоятельный поиск и ос-

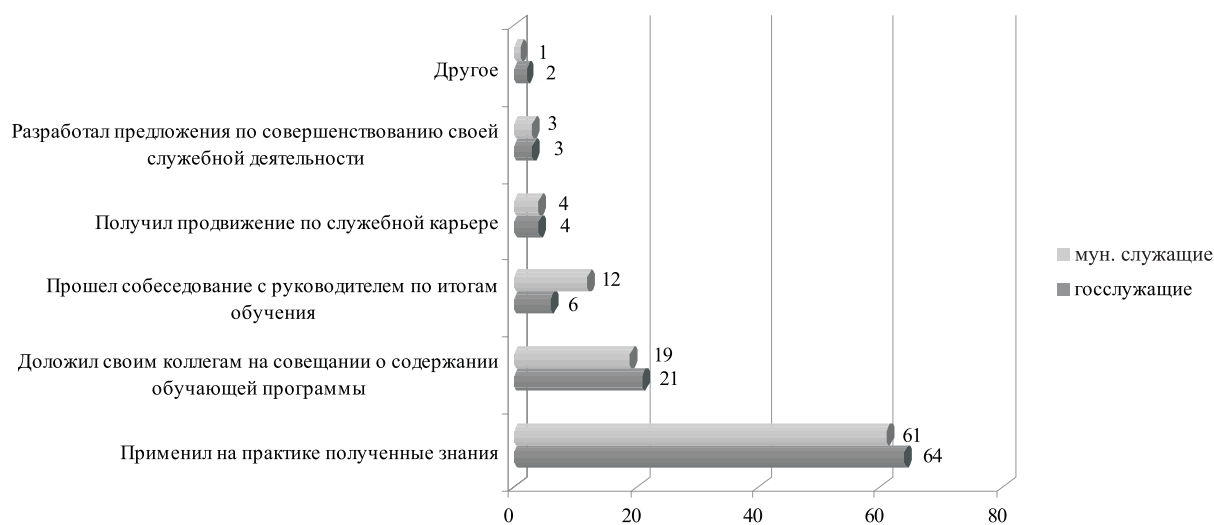

Рис. 6. Основные результаты последнего обучения государственных и муниципальных служащих по программе повышения квалификации, %

мыслиение необходимой профессиональной информации.

Показательно то, что даже в ответах о предпочтительных методах оценивания знаний, полученных в ходе обучения, менее всего набрали процентов такие связанные с восприятием письменного текста формы оценивания, как тестирование в дистанционной форме, внеаудиторная письменная работа в форме реферата, курсовой работы, внутриаудиторная письменная работа в форме контрольной работы с открытыми вопросами либо в форме решения кейса и устный экзамен с использованием билетов (30% и 33%, 14% и 19%, 9% и 10%, 7% и 10% соответственно – см. рис. 8. Здесь сумма ответов превышает 100%, т. к. можно было выбрать несколько из предложенных вариантов). Это также является признаком недостаточного уровня функциональной грамотности государственных гражданских служащих, так как методы оценивания знаний, отмеченных

респондентами реже всего, требуют от отвечающих внимательного прочтения, восприятия письменной информации, осознания задания и последующего формулирования четких или развернутых ответов.

Половина из ответивших специалистов в области управления (50% и 46% – см. рис. 9) часто и еще по 37% респондентов нечасто вносят предложения по вопросам совершенствования своей профессиональной деятельности, деятельности своего подразделения. Но, как показывают данные проведенного исследования, в процессе формирования общих представлений о целях и задачах профессиональной деятельности государственные и муниципальные служащие предпочитают скорее ориентироваться на такие источники, как уроки своего и чужого опыта работы, чем на формализованные требования к процессу профессиональной деятельности (законодательные акты РФ и субъектов РФ, должностные ин-

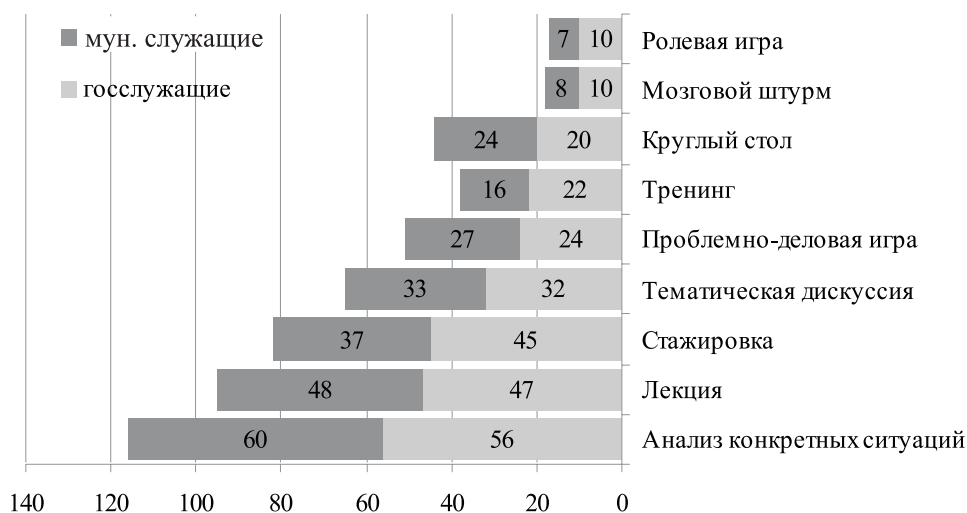

Рис. 7. Наиболее предпочтительная форма прохождения занятий по программам повышения квалификации или переподготовки, %

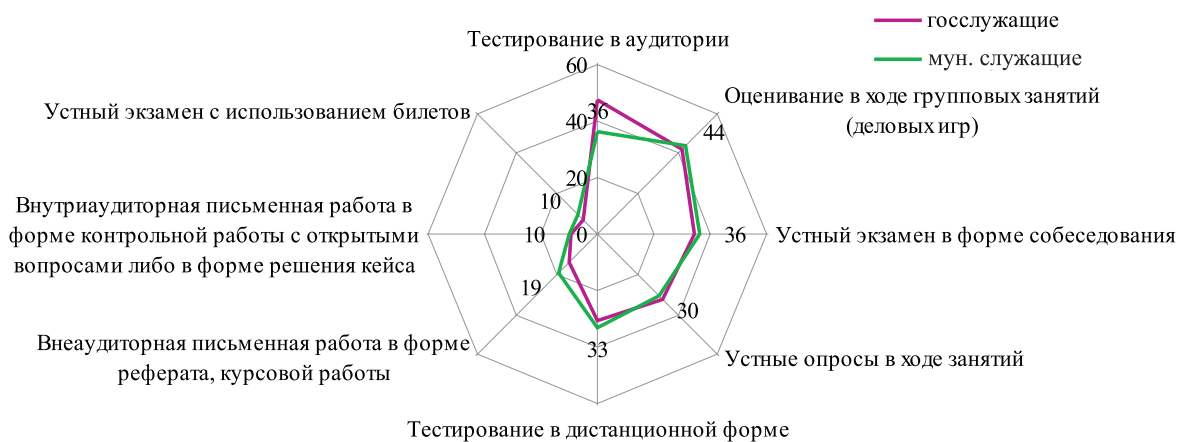

Рис. 8. Мнение государственных и муниципальных служащих о наиболее предпочтительных методах оценивания знаний, полученных в ходе обучения, чел, %

струкции). Ведь для такого интеллектуального труда требуется способность у специалиста формулировать свои мысли, идеи, основываясь на качественно проработанных, воспринятых им документах, законах, нормативных актах. И здесь предъявляются высокие требования не только к памяти работника, но прежде всего к его способности к восприятию, освоению огромного количества информации, представленной в письменной, табличной и графической формах, а также умению увидеть тенденцию, сделать соответствующие выводы, составить на этом основании прогноз и принять эффективное управленческое решение.

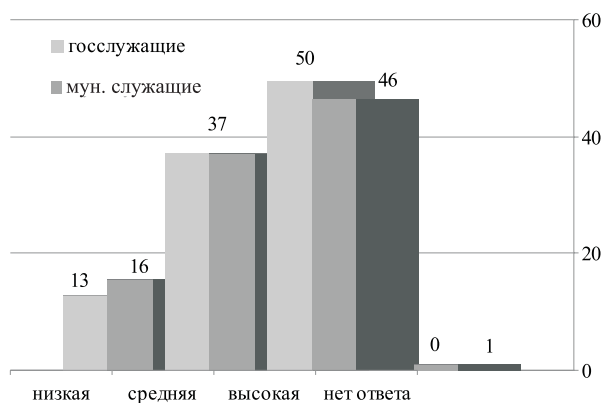

Рис. 9. Степень согласия респондентов с тем, что они вносят предложения по вопросам совершенствования своей профессиональной деятельности, деятельности своего подразделения

Это еще раз подтверждает необходимость в рамках непрерывного образования специалистов в области управления проводить регулярные специальные интеллектуальные тренинги, способствующие эффективному выполнению своих профессиональных задач.

Несмотря на то что 83% ГС и 82% МС имеют четкое представление о том, какими должны быть результаты их профессиональной деятельности, а 63% ГС и 59% МС отмечают, что качество обучения во многом зависит от индивидуально-личностных особенностей преподавателя, лишь каждый пятый госслужащий (19%) и только 17% муниципальных служащих считают, что повышать квалификацию специалист может самостоятельно, не прибегая к услугам вуза. Это свидетель-

ствует, на наш взгляд, о несколько формальном представлении специалистов в области управления о своем непрерывном образовании (образовании через всю жизнь) и недооценке роли самообразования, а может быть, и осознании себя неспособными к самообучению. Порой неспособность воспринимать и усваивать материал объясняется самим человеком особенностями своей памяти, интеллекта, отсутствием природных способностей, наследственностью. Думается, здесь проблема заключается в слабой информированности населения о таком явлении, как функциональная неграмотность, и незнании о существующих развивающих способности интеллектуальных тренингах.

Таким образом, как показывают результаты проведенных исследований, необходимость в обучении в течение всей своей жизни отмечается большинством респондентов. Данные нашего исследования подтверждают значимость непрерывного профессионального образования в формировании специалиста, его успешной профессиональной карьеры, но лишь при желании самого специалиста к переобучению и профессиональному творчеству и стремлении при необходимости применить соответствующие инновационные методики развития когнитивных способностей для овладения умением учиться с максимальной эффективностью и, как следствие, эффективному выполнению специалистом своих профессиональных функций.

Повсеместное введение в учебные планы на протяжении всего образовательного процесса интеллектуальных тренингов, способствующих повышению способностей к обучению, восприятию и усвоению информации, обеспечит качество образования и снизит необходимость формального переобучения, ведь функционально грамотный специалист, сам легко ориентируясь в потоке информации, обретет или повысит способность к эффективному и качественному самообразованию.

Примечания

1. Вульфсон А. Б. Последипломное образование в развитых странах // Педагогика. 1993. № 3. С. 87.
2. Научно-технический отчет о выполнении 2 этапа Государственного контракта № П2331 от 16 ноября 2009 г. на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд.
3. Ануфин В. Ф. Интеллектуальный тренинг. М.: Академ. проект, 2005.

Е. Н. Перминова

МОТИВЫ СМЕНЫ РАБОТЫ «БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКОВ»

Рассмотрены общие характеристики трудовой деятельности человека. Затронут вопрос сложности выявления мотивов смены работы «белыми воротничками», а также рисков смены работы. Представлены результаты пилотного исследования о выявлении причин и внутренних мотивов перехода кандидата из компании в компанию. Описаны выявленные тенденции с позиции ищущих работу соискателей и неактивных на рынке труда кандидатов.

The general characteristics of labour activities are analyzed. The difficulty of detecting the reasons of changing jobs by "white-collar" workers is touched upon, as well as the risks of changing a job. The author presents the results of a pilot study aimed at determining the reasons and inner motives of a candidate shifting from company to company. The revealed tendencies are described from the position of applicants for job and the candidates inactive in the labour market.

Ключевые слова: труд, работа, «белые воротнички», мотив, риск, смена работы, активные и неактивные соискатели, рынок труда.

Keywords: labor, job, "white-collar" workers, motive, risk, job changing, active and inactive candidates looking for a job, labour market.

Со времен школьных лет каждый знает, что одним из главных отличий людей от животных является возможность человека осуществлять осознанную трудовую деятельность. Труд выступает основным и непереносимым условием человеческого бытия: на работе мы проводим огромную часть своего времени, да и зачастую про коллег «по цеху» знаем больше информации, чем про близких и родных людей. Основной целью работы принято считать получение заработной платы и накопление денежного капитала, позволяющего удовлетворять первостепенные материальные и духовные потребности. Если бы это было действительно так, если бы определенное количество денежных единиц в месяц могло стать самоцелью любого человека, то не возникало бы столько споров вокруг причин, по которым человек решает сменить работу даже при условии повышения заработной платы. Но такие случаи известны и не являются единичными.

С одной стороны, кажется, что определить мотивы сотрудника, желающего сменить работу и активно действующего в этом направлении, очень просто. Достаточно лишь проинтервьюировать его лично или попросить заполнить анкету при обращении в любое кадровое агентство. Подобная позиция является прозрачной, откры-

той и легко прогнозируемой. С другой стороны, не нужно недооценивать и глубинные психологические процессы, влияющие на решение сотрудника уволиться, хотя скрытые мотивы также могут быть выяснены при личной беседе психолога с человеком. Гораздо труднее выявить причины перехода из компании в компанию сотрудников, которые неактивны на рынке труда. Никто из работодателей не застрахован от того, что в однажды его лучший сотрудник не напишет заявление об увольнении. По причине компетентности, опытности, уникальности выполнения функциональной нагрузки некоторые группы специалистов не остаются без внимания конкурентов, их репутация «идет впереди них», что делает их привлекательными для других работодателей в аналогичных отраслях.

Оговоримся, что далее речь пойдет в основном об офисных работниках, «белых воротничках», а также менеджерах различных уровней, которые представляют собой значительную часть наемного персонала на рынке труда. Именно они составляют когорту специалистов, чаще всего меняющих работу, чем и заслужили к себе столь пристальное внимание.

Смена работы – это всегда риск. Риск не «влиться» в новый коллектив, риск не пройти испытательный срок, риск не справиться с новыми обязанностями. Но, несмотря на необходимость осваивать новые должностные инструкции и привыкать к незнакомым правилам, работники оставляют «насиженные места» и начинают активно искать работу. Почему? Какие факторы побуждают специалистов переходить с места на место? – вот главные вопросы, интересующие нас.

Логично, что единой универсальной схемы, объясняющей причины желания сменить работу, не существует. Мы обратимся к некоторым из них. Например, на одном из сайтов по личностному росту было указано восемь причин смены работы [1]. Среди них – мало платят; отсутствие роста и перспектив; желание сменить область деятельности; проблемы в коллективе; смена начальства; «меня не слушают»; неподходящие условия работы; увольнение. В 2005 г. на портале «Стиль жизни среднего класса» [2] было проведено и опубликовано исследование, один из вопросов которого касался рассматриваемой темы. «Если Вы решите поменять работу, то какой главный мотив, причина будет этому способствовать?» – самыми популярными ответами оказались: более высокая оплата труда (51,1%); лучшие перспективы для карьерного роста (16,3%); более удобный, свободный, гибкий график работы (13,8%); повышение социально-профессионального статуса (11,7%).

Имея цель в первую очередь, заработать деньги, человек стремится найти высокооплачиваемую

мую работу. Но не всегда это определяющий мотив. Материальная заинтересованность для большинства сотрудников является первостепенной до тех пор, пока не достигнут денежный барьер (у каждого человека он свой), после которого денежная мотивация с полюса потребности обеспечения своего благосостояния перетекает к полюсу нематериального стимулирования в виде признания и уважения работника как высококлассного специалиста. Для человека становится важным ощущение востребованности и значимости в лице руководства компании. К тому же несоответствие других факторов ожиданиям сотрудника, таких, как неподобающие условия труда (к примеру, отсутствие окон или плохая освещенность в помещении), напряженная эмоционально-психологическая атмосфера (бесчестное отношение сотрудников друг к другу, «ябедничество»), повышенная конфликтность в коллективе, «бюрократическая чехарда» (несогласованная работа между отделами), может повлечь за собой увольнение работника по собственному желанию даже при завышенном, по сравнению со средними показателями, уровне оплаты труда.

Особо отметим фактор, касающийся карьерного роста сотрудника. Чаще соискателей на работу привлекают такие компании, которые имеют статус стабильных и успешных на рынке труда, обеспечивающих многолетнее продвижение человека по службе. Как отмечают психологи и кадровики, если компания имеет возможность «взращивать» сотрудников, представлять им условия для обучения, продвижения по службе, значит, такое предприятие будет привлекать внимание различного рода специалистов. В среднем время прохождения ступеней должностной лестницы – три года на Западе, в нашей стране – четыре-пять лет. Поэтому, если в течение трех-пяти лет работнику не предложили повышение или кадровое ротирование, значит, человеку нужно задуматься о смене либо профиля деятельности, либо работы в целом, тем более на данный момент подобный вариант возможен. Особенности трудового мира в эпоху современности такова, что если в советские времена человек приходил на работу и видел перед собой явный путь, некую лестницу, по которой он может прийти до какой-то позиции, то сейчас человек может смотреть не только вперед, но и по сторонам, видя эти «лестницы» и в других местах.

Карьера человека, желающего изменить свой социально-профессиональный статус, может развиваться в трех направлениях:

1) карьерный рост в рамках одного предприятия (это может быть перевод на другую должность за счет переквалификации или повышение в должности в рамках одной специальности);

2) переход в другую аналогичную по профилю компанию при условии повышения профессионально-должностного статуса (возможен в ситуации, описанной выше, когда нематериальное стимулирование и удовлетворение амбиций для человека становится важнее, чем уровень заработной платы. При этом заработная плата может остаться на прежнем уровне, потому что человек согласен работать за эти же деньги, но при должности выше, чем была в предыдущей компании, либо может увеличиться);

3) переход в аналогичную компанию при условии увеличения заработной платы с сохранением той же должности, что и в аналогичной компании (данный случай касается ситуации, когда человек долгое время проработал на одном месте и ему хочется сменить род деятельности, но компания не предлагает вариантов карьерного роста. Тогда сотрудник принимает решение о переходе в аналогичную компанию, но за большую заработную плату).

Заметим, что во многом целесообразность смены места работы зависит от конкретной сферы деятельности человека: в некоторых областях это полезно и даже необходимо (например, в сфере продаж, когда продвижение одного и того же продукта в течение нескольких лет становится рутинным и скучным занятием), а в других совсем не имеет смысла и даже опасно (как для технических специалистов, которые становятся профессионалами только при постоянном накоплении уникального опыта).

При проведении пилотного исследования, направленного на выявление мотивов смены работы «белыми воротничками», респондентам был задан вопрос следующего содержания (с возможностью перечислить все возможные варианты ответов): «Если бы Вы приняли решение уволиться, какие причины способствовали бы этому?» При обобщении и классификации данных нами были подмечены нижеперечисленные тенденции (в порядке ранжирования значимости для опрашиваемых).

1. Низкий уровень оплаты труда – самый популярный ответ и по количеству ответов, и по ранжированию значимости (его, как правило, называли первым). Хотелось бы конкретизировать ответы респондентов, а именно, что ими понималось под низким уровнем заработной платы:

– отсутствие ежегодного индексирования заработной платы (исполнение трудовых функций в течение нескольких лет при одном и том же уровне оплаты труда);

– отсутствие премиальных выплат (как систематических, например годовой, поквартальной, ежемесячной премии, так и разовой за перевыполнение плана или выполнение сверхсложной задачи);

– отсутствие материально стимулирующих бонусов (к примеру, оплаты медицинских услуг, поздравления и вручения подарков ко дню рождения, празднования корпоративных мероприятий за счет работодателя и так далее).

Были зафиксированы случаи, когда при объективно низком показателе оплаты труда (ниже прожиточного минимума) респонденты не указывали данный фактор как причину возможного увольнения. При конкретизации данной позиции выяснилось, что наработка опыта или получение возможных перспектив в дальнейшей работе является более значимым приоритетом, нежели уровень заработной платы, но до определенного момента.

2. «Сварливый, плохой коллектив» – это второй по популярности ответ. На работе мы проводим большую часть активного времени суток, и микроклимат в коллективе имеет немаловажное значение. Оказалось, что даже при высоком уровне оплаты труда, при высокой должности люди все равно отказываются работать в той или иной организации, где царит нездоровая психологическая атмосфера. В данной ситуации пропадает активность, инициативность в решении рабочих вопросов, что отражается на результативности труда, а следовательно, удовлетворенности им.

3. Ссоры с руководством или отсутствие взаимопонимания с ним.

Данный фактор имеет огромное значение в вопросе формирования лояльности сотрудника к компании. Систематические склоки, разговор на «повышенных тонах», необходимость постоянного доказательства своей правоты и правильности решения в большинстве случаев приводит сотрудника к решению уволиться из компании.

Причинами ссор с руководством зачастую становятся крайние проявления внимания или невнимания начальства к человеку, а именно:

– чрезмерное давление или постоянное вмешательство начальства в трудовой процесс («желание понимать каждую цифру в отчете»);

– отсутствие доверия (к примеру, один респондент расценил действия начальника подобным образом, потому что через два года работы в организации неожиданно у сотрудника были изъяты ключи от сейфов и печати предприятия);

– чрезмерное доверие (влечет недовольство и психологический дискомфорт по причине ответственности за принятые решения);

– нейтральная, невнимательная позиция руководства (необязательность при договоренностях, халатность руководства, затормаживающая рабочий процесс);

– насильственное навязывание выполнения чужих обязанностей без доплаты за трудовое совмещение.

4. «Некуда расти».

Вопросу кадрового роста также было уделено немало внимания. Отметим лишь то, что понимается респондентами под этой формулировкой:

– невозможность развиваться человеку как профессионалу при существующей иерархической лестнице с небольшим количеством «ступеней»;

– специфика предприятия, ограничивающая рост специалиста в силу профильной деятельности предприятия.

Кадровые мероприятия, направленные на возможность продвигать и ротировать сотрудников в рамках одного предприятия, ценятся сотрудниками, что влечет распространение положительной репутации о компании на рынке труда.

5. Территориальные изменения.

Данный пункт объединил несколько вариантов ответов, касающихся изменений в пространственно-территориальном нахождении как работника, так и работодателя. Среди них:

– смена сотрудником местожительства, переезд в другой город или другой район города (больше касается крупных городов и городов-миллионников);

– смена работодателем фактического адреса нахождения предприятия (это может вызвать неудобство в трансферте человека до работы и обратно, также чаще касается крупных городов);

– открытие собственного бизнеса (данный пункт мы отнесли в этот параграф, потому что он может повлечь как изменения в желаниях человека работать, так и изменение его территориального нахождения).

6. Однообразная скучная работа.

Среди видов и методов кадровой политики существует процесс ротации кадров. Его главная ценность – это замена функциональной нагрузки сотрудника. Как известно, лучший отдых – это смена деятельности, поэтому периодически человеку нужно передвигать либо по вертикальной лестнице, либо по горизонтальной, но при условии освоения новых должностных обязанностей и функций.

7. «Просто надоело!»

Хотя данный пункт не претендует на статус научного обоснования такого сложного явления, как увольнение человека, все же мы ввели этот тезис в классификацию причин, во-первых, из-за частоты полученных ответов, а во-вторых, из-за нетрадиционного по сравнению с советским периодом отношения к работе. Фразы «Устала», «Больше не могу», «Надоело заниматься ерундой», «Просто хочу уйти» были зафиксированы неоднократно. Самым неожиданным ответом стала цитата достаточно успешного менеджера по продажам (женщина, 25 лет), которая написала:

«Все надоело. Хочу быть домохозяйкой, ходить по салонам и чтобы богатый муж меня обеспечивал».

Так как перед нами не стоит задача проанализировать ценностно-ориентированные позиции молодежи современного общества, от комментариев к последнему пункту мы воздержимся.

Теперь затронем другой вопрос, касающийся перехода неактивных на рынке труда сотрудников из компании в компанию. Переманиванием квалифицированных специалистов занимаются хэд-хантеры, или, как их еще прозвали, «охотники за головами». Западные компании серьезно относятся к этому явлению, прилагают огромные усилия для удержания «взращенных» квалифицированных специалистов, разрабатывают программы премирования, стимулирования, развития сотрудников, заключают с ними договоры о необходимости отработать определенное количество лет после обучения за счет компании и так далее. Но все же ни одна организация не застрахована от неожиданного увольнения талантливого и успешного сотрудника, за которого развернули борьбу хэд-хантеры, какими бы обязательствами ни были связаны работник с работодателем.

По этому поводу качественные и глубокие исследования встречаются реже, нежели по предыдущему вопросу. На портале «Психология Sun Home.ru» [3] обозначены три пункта, касающиеся перехода сотрудника из компании в компанию, без учета денежного стимулирования. На возможность увольнения специалиста с «насиженного» места могут повлиять следующие параметры:

1. Амбиции человека, которые ему не удается реализовать на старом месте. Скорее всего, это выражается в отсутствии реального карьерного роста в компании.

2. Национальное происхождение компании, откуда сделано предложение. До сих пор престижнее считается работать в западной компании, нежели в отечественной (под «западной» компанией понимаются американские, европейские, азиатские работодатели).

3. Положительное общественное мнение о компании не только среди своих клиентов, но и среди потенциальных сотрудников.

При проведении пилотажного исследования респондентам был задан открытый вопрос: «Если бы Вы успешно трудились в компании и не собирались из нее увольняться, что могло бы заставить Вас рассмотреть предложение другого работодателя перейти в его организацию?» Ответы были проанализированы и упорядочены в следующую классификацию:

1. Более высокая должность и, соответственно, заработная плата.

Проработав два-три года на одной позиции, человек начинает «уставать» от своей должности, а следовательно, искать новые перспективы. Если компания не может позволить себе ротацию или повышение сотрудника, единственной мерой, позволяющей удержать человека, становится ежегодное или ежеквартальное повышение оклада. Но действует такая мера недолго, в результате чего желание сотрудника перейти на другую работу через какое-то время возобновляется. Иногда даже формальное название новой позиции в предложении конкурента (при сохранении прежних должностных обязанностей) становится более привлекательным, чем повышение оклада. Хотя заинтересованность в материальном обеспечении также нельзя полностью вычеркивать из списка мотивов.

2. Переезд в более крупный город или другую страну с предоставлением хороших условий для проживания.

Желание работать в крупной холдинговой или иностранной компании чаще обусловлено предоставлением четко прописанных социальных гарантий и должностных обязанностей. Постепенно ситуация в нашей стране начинает меняться к лучшему. Все больше отечественных компаний используют у себя стандарты работы с персоналом, принятые во всем цивилизованном мире. К сожалению, число таких компаний все же еще недостаточно, чтобы говорить о преобладающем желании кандидатов работать в российских организациях.

3. Кардинальная смена профильной ориентации.

Данный пункт скорее относится к личностно-ориентированной заинтересованности человека расширить сферу своих профессиональных знаний и навыков. Поэтому, если компания, в которой сотрудник работает на данный момент, имеет возможность перевести его с должности на должность, вопрос решится. Если такая ситуация невозможна – человек, скорее всего, покинет данное место работы.

В современную эпоху информации и высоких технологий задача удержать сотрудников в организации становится чрезмерно сложной для службы управления персоналом. Теперь уже недостаточно предложить высокий оклад или хороший социальный бонус, чтобы «заполучить» интересующего специалиста. На первый план выходят другие факторы, определяющие, будет ли работодатель популярен среди соискателей, тем более что увеличение заработной платы, особенно в условиях постоянно возрастающего показателя инфляции в нашей стране, не воспринимается российскими соискателями и работниками как серьезный мотивационный элемент. Напротив, ясно, что побуждающими факторами

для действий работников служат более серьезные причины. Выявление этих причин и принятие работодателем их во внимание не только укрепит авторитет компании, но и латентно поможет сотруднику тактично отказаться от предложения конкурирующей организации.

Примечания

1. Калугин Р. 8 причин поменять работу. URL: <http://romankalugin.com/8-prichin-pomenyat-rabotu/>
2. Причины смены работы. URL: <http://www.middleclass.ru/free/job/reason/>
3. Причины смены работы. URL: <http://www.sunhome.ru/psychology/11194/p1>

УДК 316

А. Я. Чигрина

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Рассматривается социальная политика в отношении детей с ограниченными возможностями в ряде стран мира и в России. Инклюзивное образование понимается как необходимое условие успешной интеграции детей-инвалидов в общество. Изучено обогащенное общественное мнение как фактор распространения торможения совместного обучения здоровых детей и детей-инвалидов в России.

Inclusive education is seen as an important factor of disabled children integration into the society. A poll of parents and teachers was conducted regarding their attitude towards co-education of ordinary children and those with disabilities. Respondents' biases, motives and arguments for and against the coeducation in secondary schools are analyzed.

Ключевые слова: социальная интеграция, инклюзивное образование.

Keywords: social integration, inclusive education.

Сегодня проблема инклюзивного, или совместного, обучения детей с инвалидностью становится полем для научного и общественного обсуждения. Пока еще нельзя сказать, что эти дискуссии привели нас к одному общепризнанному решению: существует ряд сторонников данной формы обучения и ряд противников. В высказываниях противников инклюзивного обучения встречается довод, что инклюзивное обучение не является характерной формой именно для нашей страны, что все эти идеи бездумно внедряются в нашу систему [1]. В связи с этим хотелось бы отметить, что во многих странах до внедрения системы инклюзии доминирующей формой обучения детей с инвалидностью также были коррекционные школы и школы-интернаты, т. е. практика изолированного обучения – это просто этап

на пути развития системы образования, который одни страны уже давно прошли, другие – недавно, а некоторым еще предстоит его преодолеть. При знакомстве с опытом разных стран и различных систем образования мы видим, что путь распространения совместного обучения для каждой страны уникален, так как он базируется на культурных, образовательных, религиозных традициях и иных особенностях, поэтому бездумно заимствовать его просто не удастся. Анализ мирового опыта в данной сфере может помочь российской системе образования избежать многих ошибок и неудач.

Изначально цель создания системы специального образования – добиться максимальной эффективности в обучении детей с различными нарушениями, и специальное образование создает эти особые условия для удовлетворения образовательных потребностей учащихся. Но на успешность личности в социуме влияют кроме образовательных факторов еще многие другие. В частности, система специального образования, как показала практика, *препятствует дальнейшей успешной социальной интеграции этой категории детей*. Именно проблемы, связанные с интеграцией детей с инвалидностью в жизнь общества, и призвано решать инклюзивное образование. Благодаря данной модели обучения дети-инвалиды не выпадают из общего социального контекста на 12 лет, как при обучении в интернате, они сразу же в процессе обучения в школе учатся общаться с внешним миром, который теперь не ограничивается десятком человек, благодаря чему их шансы найти себя в дальнейшей жизни повышаются и социум не становится для них дестабилизирующим фактором.

В 60-х гг. прошлого века в некоторых странах Европы и Америки стал активно обсуждаться вопрос о нарушении прав людей с инвалидностью во многих сферах общественной жизни – инвалиды были практически сегрегированы. Тогда в сфере образования наметилось два основных пути решения проблемы – один путь прошли США, другой – Европа.

Американский путь – это интеграция. Считалось, что ребенок с особыми возможностями и потребностями в обучении сможет влиться в общество сверстников, если будет к этому готов – с особенными детьми усиленно занимались специалисты, но все равно оставались дети, которые были не готовы к учебе в обычном классе – нарушения у ребенка могли быть не тяжелыми, но невидящий, неслышащий ребенок учиться в обычной школе все равно не мог. Путь интеграции завел в тупик, и в 80-х гг. США стали перенимать опыт Европы.

Европейский путь – это инклюзия. Основной принцип этого подхода – готовым должно быть

общество, а не ребенок. Это общество должно построить пандусы, расширить двери, приобрести специальные книги, разработать индивидуальные программы обучения, предоставить ассистентов, увеличить штат педагогов.

Можно сказать, что с подобной точки зрения началось формирование подхода, названного «социальной моделью инвалидности» в противовес медицинской. Развитие данного подхода следует рассматривать в тесной связи с процессами деинституционализации, начавшимися в Западной Европе, а затем в США и Канаде в середине 1960-х годов. Деинституционализация означала закрытие интернатов и психиатрических больниц, в которых содержались люди с отклонениями в развитии, и организацию их поддержки по новому месту жительства. Изолированность от открытого общества пациентов закрытых учреждений, частые случаи жестокого обращения и пренебрежение нормальными условиями содержания в этих учреждениях стали рассматриваться как грубейшее нарушение прав человека, гарантированных конституцией.

Соответственно, содержание детей с нарушениями в развитии в закрытых школьных учреждениях также стало рассматриваться как факт ущемления прав детей и их родителей, дискриминационное и сегрегационное явление. Для США характерно рассмотрение движения за права людей с особыми потребностями и борьбы против расовой дискриминации как единого процесса общественной борьбы за гражданские права социальных меньшинств, при этом важнейший вклад в это совместное общественное движение вносили непосредственно организации инвалидов и родителей детей-инвалидов. [2].

Н. Н. Малофеев, директор Института коррекционной педагогики РАО, подчёркивает связь процесса реформирования системы специального образования и широких социальных изменений, произошедших в 70-е гг. в Западной Европе: «В ситуации экономического роста, развития демократии и либерально-демократических настроений, проведения активной антидискриминационной государственной политики на смену старой парадигме общественного и государственного сознания “полноценное большинство” – “неполноценное меньшинство” приходит новая: “единое сообщество, включающее людей с различными проблемами”. При таком понимании вычленение, социальное маркирование национальных, этнических, политических, религиозных, сексуальных, а также физических и интеллектуально неполноценных меньшинств становится недопустимым... В этом контексте спецшколы, интернаты признаются учреждениями сегрегационными, а изолированная от массовой школы система специального образования – дискриминационной» [3].

Современные исследователи отмечают, что сегодня среди стран с наиболее совершенным законодательством в сфере обеспечения практики инклюзивного образования можно выделить Канаду, Кипр, Данию, Исландию, Индию, Мальту, Нидерланды, Норвегию, ЮАР, Испанию, Швецию, Уганду, США и Великобританию. Любопытно, что самые радикальные и быстрые перемены наблюдаются в некоторых беднейших странах мира, причем в Уганде и арабских странах одновременно с интеграцией детей с особыми потребностями идет процесс интеграции девочек в массовые школы. Эта динамика во многом объясняется эффективной реализацией программ ЮНЕСКО в вышеназванных странах.

В одних странах доминирует тенденция инклюзивного обучения, когда ребенок получает образование в общей школе (Великобритания, Италия, Канада, США, Норвегия, Австралия), в других же преобладает подход интеграции, когда ребенок получает образование либо в специальной школе, либо в специальных классах коррекции при обычной школе, но проводит внеурочное время вместе со здоровыми детьми (Франция, Германия, Голландия, Финляндия, Бельгия). Здесь инклюзивные подходы также получают свое развитие, но в меньшей степени.

Великобритания пошла по пути преимущественного обеспечения законодательной базы распространения практики инклюзии. Понятие «специальные образовательные потребности» применительно к образовательной системе страны было сформулировано в 1978 г. в докладе специального комитета, и оно не было тождественным понятию «инвалидность» [4]. Дело в том, что термин «специальные образовательные потребности», с одной стороны, является более широким, то есть позволяет охватить тех ребят, которые не включены в категорию «инвалиды», а лишь имеют некоторые трудности в освоении отдельных блоков программы, а с другой стороны, позволяет подходить к потребностям детей в процессе получения образования индивидуально, определяя эти потребности для каждого ученика. В докладе была представлена четкая процедура по определению специальных образовательных потребностей учащихся, возложена ответственность за обеспечение этих особых потребностей на местные управления образованием, определено, что общая школа может при дополнительной помощи удовлетворить эти специальные образовательные потребности. Указанные идеи стали добротной основой для разработки и принятия в 1981 г. британского закона об образовании лиц с особыми образовательными потребностями и с инвалидностью [5].

Специальные образовательные потребности стали определяться группой специалистов: педа-

гогов, психологов, социальных работников. Подобная схема дает возможность подходить к ребенку неформально и в гораздо большей степени соотносить систему реабилитационных мер с внешними условиями жизни ребёнка, его окружением. Можно констатировать, что данный закон в области образования перевел систему образования из *медицинской* модели понимания инвалидности (установление мер реабилитации только по типу заболевания) к *социальной*.

Британское законодательство и сопровождающий его пакет документов чётко регламентируют, как, каким образом принимается решение о месте обучения ребёнка со специальными потребностями, какое значение в принятии этого решения имеет выбор родителей, каким образом будет обеспечена дополнительная поддержка и как будет проводиться оценка результатов обучения.

Важно отметить, что законодательство Британии по образовательной инклюзии ни в коей мере не отменяет системы специального образования как таковой и не носит в своих требованиях тотального характера. Но первоначально всегда в качестве основного пути *рассматривается инклюзивная модель обучения*, поскольку обучение в государственной специальной школе в Британии существенно дороже инклюзивного обучения, и эти расходы на специальное образование должно местное управление образования обязательно учитывать в своём бюджете, отправляя в специальные школы только тех детей, чьи образовательные потребности действительно не могут быть обеспечены в условиях массовой школы.

При посещении британских школ российские эксперты обычно отмечают значительное количество детей, имеющих особые образовательные потребности, и в том числе детей с инвалидностью. Таких детей в школах Великобритании около 20% от общего количества обучающихся.

Сегодня в России модели инклюзивного обучения только начинают формироваться, а практика в принципе представляет собой работу отдельных энтузиастов. Значительная часть как родителей здоровых детей, так и учителей либо не задумываются об образовании детей-инвалидов, либо считают естественным и оптимальным образование детей-инвалидов только в коррекционных школах и школах-интернатах.

Первые инклюзивные образовательные учреждения появились в нашей стране на рубеже 1980–1990 гг. В Москве в 1991 г. по инициативе московского Центра лечебной педагогики и родительской общественной организации появилась школа инклюзивного образования «Ковчег» (№ 1321), которая успешно работает и по сей день. Сегодня в столице функционирует более

1 500 общеобразовательных школ, из них по программе инклюзивного образования 47 (т. е. в этих 47 школах есть инклюзивные классы). В провинции такие классы большая редкость.

Сегодня в России существующая система специального образования, с одной стороны, уже не рассматривается как единственно возможный вариант образования для детей с инвалидностью, особенно в свете принятия Российской Федерацией Конвенции ООН о правах инвалидов, но с другой – до сих пор отсутствуют общегосударственные институциональные основы для развития иных, альтернативных форм обеспечения образовательных потребностей детей с особенностями развития.

Успех деятельности по внедрению в практику возможности инклюзивного образования пока чрезвычайно зависит от усилий отдельных граждан и некоммерческих организаций. В этом есть как свои плюсы, так и минусы. К позитивным следствиям мы можем отнести акцент на качественных методах работы: понятно, что некоммерческая организация в силу ограниченности своих возможностей не может охватить сразу большой сегмент работы. В результате она работает либо с одной школой, либо с одной категорией ограничений, что позволяет ей учитывать такие нюансы, которые не видны с высоты всей системы общего образования. Но есть один существенный недостаток подобной локальной работы: накопленный позитивный опыт не систематизируется и не обобщается, а исчезает вместе с некоммерческой организацией.

На определенном этапе развития той или иной проблемы, вызывающей общественный интерес, общественное мнение может становиться тормозом или катализатором конкретных действий, законодательных инициатив и иных реакций общественности. Иногда тема, выдвинутая для обсуждения общественности, «тонет», как в болоте, не вызывая кругов на воде и даже легкой ряби, хотя через некоторое время может привлечь внимание и даже вызвать бурную реакцию. Сила общественного мнения – важный фактор преобразования общества или торможения движения на пути необходимых перемен.

Сегодня всеобщее обязательное образование детей, в том числе и детей с инвалидностью, стало нормой. В стране нет, пожалуй, противников образования детей с ограниченными возможностями. Спор переместился в иную плоскость: где и как получать образование этим детям, чтобы они наилучшим образом смогли развить свои способности, выработать навыки, компенсирующие их ограничения и способствующие их интеграции в общество, в результате чего они усваивают поведенческую модель, которая позволит им минимизировать социально-экономическую и

психологическую зависимость в дальнейшей жизни от окружающих людей, родителей, семьи, государства. В то же время есть (и немало) людей, которые не хотели бы видеть детей-инвалидов, обучающихся вместе с их здоровыми людьми в обычной массовой школе. Эту проблему заостряет кандидат педагогических наук В. Жуков в полемической статье, обращаясь к родителям здоровых детей: «Готовы ли вы, уважаемый читатель, к тому, что за одной партой с вашей дочкой-первоклассницей окажется сверстник с синдромом Дауна? Или ребенок, инфицированный СПИДом? Или сиамики близнецы?» [6].

Для большинства (или большей части) граждан нашей страны, не связанных непосредственно с образованием детей, проблема инклюзивного образования не вошла в их поле зрения, не актуализирована, позиция не сформирована, а потому и не заслуживает, чтобы ее обсуждать с этой частью населения. Иное положение у родителей учащихся и учителей – они не безразличны к перспективе совместного обучения здоровых детей и детей-инвалидов и чувствуют себя вовлеченными в ситуацию, когда в классе, где учится их здоровый ребенок, может появиться ребенок-инвалид и изменить конфигурацию взаимоотношений в классе детей друг с другом, учителей с учениками, систему неформальных связей, вызвать к жизни дотолерантные не существующие проблемы или приобретения. Тем более сегодня, когда система общего среднего образования дифференцируется и каждая школа заинтересована в том, чтобы создать благоприятные исходные условия для учебно-воспитательного процесса: получить детей из обеспеченных и благополучных семей, развитых и воспитанных и т. д. Позиция этого контингента еще не экспертная точка зрения, но уже и не позиция граждан, которые никогда даже «не думали в этом направлении». Исследование позиции этой части родителей и учителей – пример, пусть не самый характерный, опроса *обогащенного общественного мнения* [7]. Ситуация родителя или учителя школьника, бабушки или дедушки, контролирующей образовательную деятельность внука или внучки, привлекает внимание к вопросу совместного обучения здоровых детей и детей-инвалидов в одном классе. Каковы же аргументы приверженцев и противников, а не случайных «людей с улицы»?

Опросы родителей (либо бабушек, реже – дедушек) проходили в шести произвольно выбранных общеобразовательных школах г. Н. Новгорода; учителей – в этих же школах, а также на курсах повышения квалификации учителей в Нижегородском институте развития образования осенью 2009 г. Всего опрошено 344 респондента, из них 134 учителя и 210 родителей (бабушек или дедушек) детей, обучающихся в 1–8-х клас-

сах. Опрос родителей проходил на родительских собраниях, на которые приходят по «доброй воле», как известно, далеко не 100% отцов и матерей учащихся, а преимущественно самые заботливые, дисциплинированные и ответственные.

Среди учителей 91% составляли женщины, среди родителей – 64%. Среди родителей выше средней по городу доля матерей (и бабушек) с высшим образованием, что естественно: матери с высшим образованием и высоким культурным уровнем чаще посещают родительские собрания, демонстрируя этим фактом внимание к ребенку, заинтересованность в том, чтобы ему в учебном заведении были созданы благоприятные условия для развития способностей, включая в число условий и характеристики контингента учащихся, который в немалой степени определяет социальное самочувствие детей в классе, взаимоотношения детей и учебные успехи.

83% учителей и 64% родителей отметили, что тема опроса вызвала у них интерес.

Могут ли дети-инвалиды обучаться в обычных общеобразовательных школах? Мы понимаем, что для различных категорий детей-инвалидов (т. е. в зависимости от типа ограничения и его тяжести) на этот вопрос можно получить противоположные ответы. Кроме того, есть индивидуальные особенности заболеваний, так что при одинаковом диагнозе одного ребенка можно обучать в массовой школе, а другого нет. Однако при достаточно большой статистике выявляются дети-инвалиды, которые, по мнению большого числа учителей и родителей, могут быть допущены к получению образования в массовой общеобразовательной школе: дети, испытывающие проблемы при передвижении (согласны 63%); слабовидящие – (53%), слабослышащие – (42%); передвигающиеся только при помощи инвалидной коляски – (26%); дети с детским церебральным параличом – (18%); с нервными заболеваниями, у которых периодически случаются приступы (эпилепсия) – (13%); незрячие дети – (4%); глухие – (2%).

Заметно, что респонденты «опрокидывали» вымышленную ситуацию на сегодняшнюю массовую школу, действительно не готовую принять детей-инвалидов хотя бы из-за того, что отсутствует, например, безбарьерная среда для колясочника, слабослышащий или незрячий ребенок может легко оказаться под колесами автомашин при пересечении дороги на необорудованном переходе и т. д., не говоря уже о специальных методиках обучения детей с ограниченными возможностями и дополнительного оборудования. В объединенном массиве респондентов (родители и учителя) 63,4% ответили утвердительно, 19,6% – отрицательно и 17,0% затруднились с ответом.

Аргументация «за и против» инклюзивного образования учителей общеобразовательных школ и родителей, % по столбцам*. Н. Новгород. 2009 г.

Суждения	Ответ	Учителя	Родители	Образование родителей		
				ср. об.	ср. сп.	выс.
Так дети-инвалиды лучше подготовятся к жизни в обществе	да	67	74	63	73	79
	нет	12	11	13	12	9
Здоровые дети будут учиться дружественному отношению к инвалидам	да	82	77	68	71	86
	нет	11	9	21	10	5
Дети-инвалиды будут жертвами «детской жестокости» со стороны сверстников	да	28	31	44	33	24
	нет	41	25	16	26	27
У детей-инвалидов будет больше дружеских связей со сверстниками	да	85	83	54	80	93
	нет	4	5	17	4	2
У детей-инвалидов расширятся их представления о мире	да	89	83	75	85	86
	нет	5	10	8	7	7
Этим детям и в обычной школе нужны специалисты-дефектологи	да	66	64	73	64	62
	нет	11	8	–	12	4
Дети-инвалиды будут мешать здоровым детям	да	19	15	12	19	12
	нет	57	50	40	46	55
Дети-инвалиды будут вызывать у других детей отрицательные эмоции	да	13	16	25	17	13
	нет	56	38	42	42	52
Они будут требовать внимания учителей в ущерб другим детям	да	27	28	21	37	22
	нет	44	42	42	41	43
В обычной школе дети-инвалиды получают более качественное образование	да	58	46	40	50	44
	нет	17	16	12	14	19
Накладно переоборудовать школьные помещения для детей-инвалидов	да	43	37	56	35	33
	нет	19	26	12	30	25
Корр. школы и школы-интернаты лучше справятся с подготовкой к жизни детей-инвалидов	да	30	31	56	35	33
	нет	24	28	12	29	47

* Ответы «затрудняюсь ответить» опущены

Среди лиц со средним общим образованием (это преимущественно бабушки учащихся) за инклюзивное образование детей-инвалидов голосуют только 53%, тогда как родители со средним специальным и высшим образованием в 67 случаях из ста допускают такую возможность (см. таблицу).

Отношение респондентов к перспективе развития инклюзивного образования детей-инвалидов связано и с религиозностью участников опроса. До появления социальной работы как вида профессиональной деятельности именно церковь «врачевала» души людей, призвала сильных к помощи слабым, состраданию, поддержке страждущих и убогих. Идеи инклюзивного образования, если дополнительно к религиозному фактору учитывать и фактор пола, более последовательно поддерживают верующие мужчины.

Мы интерпретируем результаты данного исследования как свидетельство солидарности большей части учителей и родителей с детьми-инвалидами, а также как поддержку большинством населения грядущих практических действий по распространению инклюзивного образования в России.

Возникает вопрос: а какова позиция по инклюзивному образованию руководства и учителей коррекционных школ и школ-интернатов для детей-инвалидов? Предпринимались неоднократные попытки опросить родителей детей-инвалидов и педагогов в этих учебных заведениях, но руководство школ отказывалось от участия в опросах на эту тему под различными предлогами. Полагаем, что такая позиция – пример того, как научной полемике и широкому общественному обсуждению важной проблемы противопоставляется глухая оборона с применением административного ресурса, обусловленная, по-видимому, заинтересованностью в сохранении статус-кво в системе образования детей-инвалидов. Это тем более непонятно, поскольку неизбежное распространение инклюзивного образования в России (как мейнстрим в образовании детей с ограниченными возможностями в цивилизованном мире) увеличит спрос на специалистов-дефектологов, а многие нынешние образовательные учреждения для детей-инвалидов могли бы трансформироваться в ресурсные центры по инклюзивному образованию.

Примечания

1. Жуков В. Зачем им учиться вместе. URL: http://gazeta.aif.ru/online/ss/292-293/03_01?print.

2. Wright E. B. Full Inclusion of Children with Disabilities in the Regular Classroom: Is It the Only Answer? // Social work in Education; Vol. 21, No. 1, Jan. 1999. P. 103-110.

3. Малофеев Н. Н. Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития: альманах Института коррекцион-

ной педагогики РАО. № 1, 2000. URL: <http://www.psy-inst.ru/library.php?part=article&id=2415>.

4. Борисова Н. В. Инклюзивное образование: ключевые понятия. М.: Владимир, «Транзит-ИКС», 2009. С. 20-27.

5. Там же.

6. Жуков В. Зачем им учиться вместе. URL: http://gazeta.aif.ru/online/ss/292-293/03_01?print.

7. Докторов Б. Методология и практика опросов обогащенного общественного мнения // Социальная реальность. 2007. № 10. С. 81-94.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001.14

Н. В. Рогоза

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЖЕНСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Автор анализирует представления о природе и специфике женственности в отечественной культуре, её отличие от западноевропейской культуры. Рассматриваются основные образы и архетипы славянской культуры – «Мать-Земля», «Вечная Женственность», «Богородица» и другие, которые оказали влияние на становление русской культуры, в особенности на взгляды мыслителей Серебряного века.

The author analyses different views on the essence and specificity of "femininity" in Russian culture and examines them in contrast to West-European mentality. There are such primary ideas and archetypes of Slavic culture as Mother-Land, Eternal Femininity, the Mother of God and others, that influenced the formation of Russian culture and the Silver Age of Russian culture in particular.

Ключевые слова: женственность, «Вечная Женственность», София, архетип Матери, амбивалентность, образ.

Keywords: femininity, «Eternal Femininity», Sophia, the archetype of Mother, ambivalence, idea.

В современном обществе проблема женственности имеет не только социально-политические, но и философские обоснования. Женщина традиционно понималась как «особое» существо по отношению к мужчине – «норме» и «мере» человеческого (Симона де Бовуар). В XXI в. проблема идентификации человека не только по принадлежности к национальному, этническому, половому, но и гендерному признакам оказывается особенно обостренной. В социальном мире суть номинаций мужественность – женственность достаточно размыта. Все чаще насаждаются и множатся образы «женственных мужчин» и «мужеподобных» женщин, широко тиражируемые массовой культурой. Женственность в определенном смысле становится неким экспонатом, пустой формой, манифестирующей (сексуальную) красоту, соблазнительность, желание обладания.

Чрезвычайно важно понять и оценить данную проблематику с точки зрения философской и культурной традиции. В современных исследованиях вопрос о сути женского и женственности,

как правило, связывают с учением европейских феминистов, однако не менее актуальным представляется анализ российской философской традиции. Своеобразной точкой интеллектуального «взрыва» является Серебряный век, который считается «временем» рождения проблематики женственности в России. Именно в это время впервые были выявлены и проанализированы «женский», «семейный», «половой» и прочие вопросы; философски осмыслен образ женственности; созданы психологические и культурные доминанты ее восприятия, не утратившие своей актуальности и сегодня.

В русской мысли женственность представляется как священное начало, идеализированное как Вечная Женственность, отождествляемая с Софией, является основанием культуры; этот образ прославляется, как нигде ранее. Представляется, что в таком случае женщина занимает значительное место в культуре. Однако речь идет скорее не о реальной женщине, а о репрезентации идеального образа женщины. «Почитание женственности как Софии – Премудрости Божией, – отмечает В. Н. Кардапольцева, – проходит через всю историю отечественной духовности» [1]. Вечная Женственность представляется в совокупности трех ипостасей как трех смысло-несущих сил единения: ипостаси матери (забота, священность, кровная связь с Богом), жены («свободное подчинение необходимости») [2], невесты (девственность, свобода).

Восстановление представлений о природе и специфике женственности в отечественной культуре требует переосмысления древнего самобытного опыта определения природы женщины в славянской истории культуры, отличного от опыта западной.

Тема женственности считается традиционной для славянской культуры. Глубокие исследования в области философского осмысления феномена женственности в славянской культуре, ее символизации проводят В. Н. Топоров, И. И. Срезневский, Б. А. Рыбаков, И. Богин, В. А. Кардапольцева, Н. Л. Пушкарева, С. М. Климова, С. Г. Фатыхов, О. Б. Рябов, Н. С. Шапарова, В. Л. Шестаков, А. П. Забияко, Е. В. Анисимов, Е. Вардан, Л. М. Управителева, М. В. Михайлова, Н. М. Габриэлян, Г. Д. Гачев.

Обращаясь к языческим представлениям древних славян, их мифологии, выделяем тесную связь

женственности с почитанием материнских культов. Б. А. Рыбаков, один из наиболее крупных исследователей славянской, русской мифологии, на основе женских культов предлагает особую периодизацию язычества, выделяя три этапа его развития. Первый этап характеризуется присутствием двух доминирующих групп сверхъестественных существ – упыри, берегини. Берегини – женские персонажи (Баба, русалки), оберегающие посевы, берега водных источников, дома. Как и любой другой женский персонаж древней мифологии, берегини связаны с землей, являются ее олицетворением.

На втором этапе славяне поклонялись Роду и рожаницам. Слово «рожаницы» употребляется во множественном числе и связано с женской средой. Культ рожаниц предполагает непосредственную связь с идеей плодородия, продолжения рода и судьбой новорожденного [3]. Следует отметить, что на данном этапе противопоставление мужского – отрицательного и женского – положительного отсутствует. Как Род, так и роженицы играли большую роль в жизни славян.

На третьем этапе женские божества отвечают за домашнее хозяйство, связаны с плодородием. В пантеоне божеств богиня Макошь продолжает древний образ женского божества плодородия, являясь богиней счастья. Лада представлена как богиня брака, олицетворяя обновления природы.

Таким образом, все женские персонажи в славянской мифологии можно свести к единому синкретичному образу – образу великой Богини-Матери, к Матери-Сырой Земле. Она в наиболее древних вариантах – источник всего сущего, рождающее начало. По отношению к ней употребляются несколько основных эпитетов: она живое существо, женщина, испытывающая чувства, переживающая различные эмоции; она земля-кормилица, лелеющая своих детей, свой народ.

Образ Матери-Земли присутствует во многих культурах, но только в славянской мифологии он занимает особое место как чистой, непорочной, но плодоносящей. По мнению А. В. Иванова, культ земли-кормилицы «находит свое естественное библейское основание в учении о Софии как о предвечном замысле и живой душе тварного мира, полной красоты, премудрости» [4].

Мать-Сыра Земля является воплощением женского начала Космоса у древних славян. Быт славян, определенный характером местности их проживания, связал их с землей, с женственной стихией природы. «В России ее земля, огромная, плодородная, всепоглощающая, всегда была и будет больше любых искусственных, абстрактных идей» [5].

Земля в славянской мифологии – женское существо, родительница, каждый родившийся на земле человек обязан своим рождением прамати-земле. Она исполнена благодатной силой животворения, целительства, дароношения. Признаком силы переплетается с признаками чистоты в славянском понятии святости земли. Согласно славянским воззрениям, святая Мать-Земля чиста, непорочна.

В верованиях восточных славян Мать-Земля исполнена охранительной силы. Вплоть до XX в. в русской среде держался обычай иметь при дальних отлучках горсть родной земли: земля выступала магическим оберегом от болезней и напастей. В русской простонародной культуре прочно держалось дохристианское представление об очищающей силе земли. Считалось, что Мать-Земля – сострадательная «разрешительница грехов» – способна снять с покаянной души бремя многих преступлений, за исключением разве что самых тяжких грехов против родственных отношений: стравливания плода, матерной брани, обращенной на отца с матерью, убийства родственника. В древнерусской традиции сохранялся обряд исповеди земле, который иногда выступал как самостоятельный ритуал, а иногда предвлял обряд церковной исповеди. Содержание его составлялось из поклонов и коленопреклонения, молитвенного обращения к земле с просьбой о прощении грехов, благоговейного «омовения» рук кающегося землей или снегом (если дело происходило зимой).

В мифологии восточных славян образ земли оформляется через признаки материнства, родственной близости, защиты, целительства, чистоты, красоты. Женщина же обретает ценность именно в ипостаси матери; отношения между матерью и ребенком становятся моделью многих других социальных отношений. Женственность рассматривается с позиции репродуктивной функции. Данный взгляд считается традиционным в характеристике природы женственности.

Анализ паремий в результате сплошной выборки из энциклопедического словаря «Краткой энциклопедии славянской мифологии» показал, что большинство пословиц характеризуют женственность в аспекте деторождения. «С брюхом ходить – смерть на вороту носить», «Жена родит – муж песок боронит» [6]. В мифологической картине мира истинная женственность проявляет себя только как «плодоносящая» в образе матери, который во всех пословицах коннотирован положительно. По мнению К. Юнга, с архетипом матери ассоциируются такие качества, как забота, сочувствие, все то, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой. Женщина-мать и земля, рождающая хлеб, представляют единый образ-архетип, например; «Добрая

мать для своих детей, а земля – для всех людей», «Как ни добр, а все не доброй Матери-Сырой Земли» [7].

Отметим, что к бесплодной женщине относились негативно, ее даже не считали за женщину. Отсутствие детей заставляло окружающих сомневаться в принадлежности женщины к своей половозрастной группе. В качестве доказательства порицания бесплодия приведем пословицу: «Бесплодное дерево из леса кидается, бесплодная баба из рая выгоняется» [8]. Обзор фольклорного материала позволяет нам сделать вывод о том, что в рамках рассматриваемых источников наиболее детально представлена тема материнства.

Однако каждая культура содержит и «темный», и «светлый» лики женственности («вавилонская блудница» – «жена, облеченная в солнце»; демон смерти, зло, олицетворяющее ответственность за грехопадение человека – абсолютная непорочность, «Вечная Женственность»; спасительное и погубительное, истинное и ложное, мудрое и безумное; архетип Великой Матери и архетип Пожирающей Матери).

Всякий архетип по своей природе амбивалентен, и важнейшей составляющей в нем является эмоциональная окрашенность, несущая мощный энергетический заряд. Этот «мыслеобраз» недосягаем чисто интеллектуальному пониманию, так как воплощает в себе густоту самой жизни, паттерны переживания. Актуализируется всегда один из полюсов архетипа, тогда как противоположный остается в тени.

Славянский архетип матери существенно отличается от архетипических образов Матери, выведенных в работах К. Г. Юнга. «В негативном плане архетип матери может означать нечто тайное, загадочное, темное: бездну, мир мертвых, все поглощающее, искушающее и отравляющее, то есть то, что вселяет ужас и что неизбежно, как судьба» [9], так формулирует результаты своих исследований коллективного бессознательного К. Юнг. Его последователь Э. Нойман подробно анализирует феномен «негативной Анимы», «Ужасной Матери». В образе, созданном в историософии, по мнению О. В. Рябова, «негативные черты русской женщины-матери отсутствуют или, во всяком случае, не эксплицированы. Русской женщине атрибутируют все достоинства, забывая о том, что у них всегда имеется оборотная сторона» [10]. Отрицательные нуминозные признаки, также отмечает А. П. Забияко, присутствовавшие в древнейшем образе хтонической Матери, в содержании славянского архетипа не закрепились и поэтому не были задействованы русской духовностью. Во всяком случае, ни письменные памятники, ни фольклор, ни обряды этих признаков «не помнят» [11].

В мифологии амбивалентность женского начала проявляется на основе оппозиции рождающая/бесплодная, близкой к дихотомии жизни и смерти. Богине Макоши, рождающей, противостоит Марена, богиня, связанная с воплощением бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни.

Женщина могла реализовать себя в полной мере лишь в браке, проявить свою репродуктивную функцию. Женственность наполнялась заботой, жалостью, состраданием, чадолюбием, природностью – типичными признаками архетипа матери. Образ матери как воплощение рождающего начала, кормилицы закрепляется в сознании «русскости», проявляет себя как наиболее устойчивая единица.

Можно отметить, что в славянской социокультурной традиции есть своя специфика в понимании феномена женственности, в соотношении маскулинного и феминного. В славянский период впервые, пожалуй, была предпринята попытка сближения, постановки на одну ступень в антиномичном привычном ряду женственности и мужественности. Женственность и мужественность не противопоставляются друг другу. Женственность лишается негативных характеристик (страстность, слабость), наоборот, мужчина черпает силы в женственном.

Женственность обожествляется, идеализируется как мать, мудрость. Сакрализация материнства ставит в один ряд образы Вечной Женственности и Матери-Земли. Здесь языческая культура Древней Руси являет тенденции к конкретности, материальности, сакрализации, а по сути, уничтожения ее природного (полового) начала. Женственность в славянской мифологии асексуальна. Славянская Мать-Земля «всегда только мать и никогда – возлюбившая женщина». [12]. Восточнославянский материал, по мнению А. П. Забияко, дает основания думать, что в древнем образе Великой Матери признаки материнства и сексуальной страстности не соединяются с обязательностью в нераздельную пару. В архаических обществах материнство отделено от женской сексуальности: отношение к роженице хотя и сопряжено с подозрениями в ее нечистоте, но материнство высококочтимо, тогда как женская сексуальность причислена к явлениям демонической/отрицательной природы. Кажется, что в представленной культурной традиции женское, феминное ценится больше, чем мужское, маскулинное, но в действительности идеализация женственности больше декларируется. В реальных социальных условиях жизни и многочисленных мужских «мифологиях» женственность подчиняется мужскому «Я» или попросту создается им. Так происходит, по-видимому, в результате того, что славянская культурная традиция, русская

философская мысль в отличие от западной в постановке и решении женской темы обладает большим онтологизмом. Женственность рассматривается скорее метафизически, представляется важной категорией, пронизывающей все сферы бытия.

Демонизация женского начала как чувственного, страстного у славян произошла в связи с внедрением христианства. Главное преступление женщины, которое ставилось ей в вину, – испорченность ее природы, особая роль ее в грехопадении. Женщина ассоциируется с соблазнительницей. Ей приписывают греховную чувственность, сексуальность, стремление к наслаждению, женщина грешит перед Богом и мужчиной, «пав» жертвой дьявола. В церковной литературе средневековья наблюдается представление о женственности как дьявольском искушении, как гибели для мужской души и тела (в «Молении Даниила-Заточника»).

Христианство объясняет, что жизнь и смерть человека зависят не от злой женской природы, а лишь от воли Божией. Однако выдвигается мысль о том, что земная женщина греховна, как греховна ее прамама Ева, сообщница дьявола, орудие темных сил. Все, что связано с плотью, для истинного христианина греховно, и вместилище греха – женщина. Представления об особой роли пола в жизни женщины, вытекающие из трактовки феминного как природного, телесного, являлись общераспространенными в средневековой культуре. Женская сексуальность воспринимается как нечто опасное и враждебное для мужчины.

Но то же христианство предлагает другой подход к определению сути женского начала: идеальная модель женственности в средневековой христианской культуре предстает в образе Богородицы. В той же мере, в какой Ева – символ любви-искушения, Богородица – символ любви-спасения. Христианство противопоставило, по мнению С. Г. Айвазовой, образ Евы – природно-родовой женственности, образу Девы Марии – женственности духовной, просветленной, личностной и вечной [13]. Одновременно в «Домострое» женственность репрезентируется снисходительно-доброжелательно.

Лик Богоматери осиян чистотой, ее имя благословенно. Она возвеличена как Дева непорочная, хотя и детородная. В этом акте женственность обретает черты святости и вечности. В русском религиозном сознании образ Богородицы соединяется с образом Матери-Земли, укладывается в уже готовую архетипическую матрицу. Материнство – категорический императив славянского архетипа – заставляет русское сознание воспринимать новозаветный образ преимущественно как Богородицу, Богоматерь. При очевидном для русской набожности девстве Марии

образ Девы Марии не получил раскрытия в признаках девичества. Девство понято как чистота, непорочность, но не как девичество. Пресвятая Дева чтится в народном православии именно как непорочная Мать Сына, как Пречистая Заступница всякой твари. Мария оказывается одновременно невестой, матерью, женой: она вступила в «брак» со Святым Духом, родила Сына Небесного, стала Матерью, но при этом осталась Пречистой Девой, сохранив свободу. Именно совпадение в одном образе трех этих ипостасей говорит о том, что в лице Марии христианство приобрело образ Вечной Женственности. Уточним, что почитание Пресвятой Девы в древнерусской культуре не приобретало характера утонченного любования женской красотой или очарования девической прелестью, что было широко распространено в западноевропейской рыцарской культуре. Эротизм в облике идеальной, «святой» женственности отсутствует.

Идеальная женственность, соединенная в образах Богородицы, Матери-Земли, как замечает С. М. Климова, способствовала закреплению богородичного материнского культа в русской народной культуре [14]. Данные культурные архетипы воплотились в образах православных святых женщин: Юлиании Лазаревской, Марии, Марфы. «Подобное восприятие женщины было лишь идеальным отражением народно-православных представлений о ее месте и роли в жизни общества как существа, совершенного по форме, но асексуального по «содержанию» [15]. После закрепления концепта тройного девства в образе Матери-Богородицы формируется мифологическая модель идеализированной женственности, асексуальной по сути. Христианство изымает из сознания вопросы, требующие ответа: как можно зачать, выносить, родить, оставаясь девственной, то есть как репродуктивность смогла исключить сексуальность.

В целом в восприятии женственности в древнерусских литературных источниках прослеживается тенденция, идущая от Отцов Церкви и заложенная в Святом Писании, связанная с зависимостью женщины от мужа, отца, сына. Христианство, вводя строго регламентированные нравственные нормы поведения, создает логическую систему подчинения: человек (мужчина) послушен Господу, женщина – мужу своему. Будучи лишенной «идеи-формы», женственность не воспринимается как субъект. Мужественность ассоциируется с властвованием, женственность – с подчинением.

Поскольку сама культура средневековья была бинарна, постольку противопоставление «земного» и «небесного», «божьего» и «дьявольского», женского и мужского, «доброй жены» и «злой жены» было фактом первостепенного значения.

Мужские качества принимаются как эталон, женские же расцениваются как недостаток или отсутствие мужских. Развитие темы женоненавистничества в древнерусской литературе следует объяснить, с одной стороны, усвоением древнерусским человеком церковной аскетической традиции, с другой – сопротивлением и противопоставлением ей социальной активности женщин во всех ее проявлениях [16].

Известное по церковным памятникам понятие «добрая жена» служило утверждению христианских представлений о месте и роли женщины в семье и обществе, являясь тем самым орудием воспитания богобоязненности, законопослушания, консервации иерархической структуры семьи и самого сословного государства. Но и образ «злой жены» в концепции православных теологов был не абстракцией, а скорее реакцией на события и явления вполне реальные, заметно проступающие сквозь назидательную ткань предписаний.

Закрепившаяся антиномия природы женственности в культуре средневековой Руси как непорочное и страстное с устойчивостью продуцируется в последующие периоды развития русской культуры. Женственность начинает проявляться в двух ипостасях одновременно: как телесное – природное, как сверхдуховное – асексуальное. Двойственность природы женщины интерпретируется мужчинами как противоречивость: женщина или ангел, или демон, третьего не дано. Односторонний взгляд мужчин на женскую природу загонял ее в тесные рамки определенной модели, по законам которой она должна была действовать. Патриархатное сознание довлело в гендерной картине мира, в конструировании женственности и мужественности.

Особое значение для становления и укрепления идеала непорочной женственности в культуре XIX в. имел образ Татьяны Лариной. Она представляется очередным идеальным примером модели Вечной Женственности, «апофеозом русской женщины» [17].

Литературная героиня воссияла как «чистейшей прелести чистейший образец», стала «символическим укором живым реальным женщинам, как туманный образ, еще неясный и неопределенный, но очень близкий мужчинам – творцам мужского идеала» [18]. Татьяна, в которой были перевоплощены многие черты житийного образа: «святость, самоотверженность, бесстрастность, бесплотность, – пишет С. М. Климова, – находилась в автономном от реальности месте. Она, будучи литературной моделью описания сверхмерного бытия “святости”, образцом женственности, пребывала вне аффективного пространства любви и страсти, вне семьи и “живой жизни”» [19].

В литературе XIX в. после А. С. Пушкина возник ряд схожих образцовых женских фигур в произведениях И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. Г. Чернышевского. Тяга к идеалу отражена в образах некоторых героинь Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. В литературных произведениях создаются выразительные образы женщин, которые становятся своеобразной визитной карточкой «русскости», в публицистике утверждается мысль об особых качествах русской женщины, в историософии высказывается мнение о славянском происхождении амазонок. Идеал, берущий начало еще в языческом культе, у всех мыслителей повторяет модель идеализированной женственности.

В этом смысле показателен роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Автор продуцирует в лице Веры Павловны идеальный образ женственности, лишенный половых характеристик.

К сотериологической женственности в своих произведениях обращается Ф. М. Достоевский. Для писателя идея женской святости, воплотившаяся в образах Сонечки Мармеладовой, Аглаи, представляется единственным спасением погрязшего в пороке мира.

Однако одним из первых, кто прямо заявил в литературе о статусе женщины, о её природном состоянии, был Л. Н. Толстой. Отметим, что Л. Н. Толстой творил, философствовал в соответствии со спецификой русской культуры, наследуя «женственно-девственный» характер ипостаси Вечной Женственности, по И. Богину, ипостаси стихийной, пассивной в своей активности, пребывающей в вечном поиске истины, идеала, с которым человек обручится навсегда [20]. Отсюда само женское начало на подсознательном и на сознательном уровнях приобретает первостепенную важность в мужском начале и принимает на себя роль спасителя.

Выход из кризиса Л. Н. Толстому видится в создании собственной модели гармоничного космоса, в приближении к Вечной Женственности. В этом поиске он пробует различные модели поведения, способные приблизиться к идеалу и принести спасение и успокоение душе. Одной из них является модель создания семейного счастья, модель «приобретения», переделки женщины в идеальную жену (образ Наташи Ростовской). Свою мечту Л. Н. Толстой осуществляет в мифотворческом романе «Семейное счастье», в реальном браке с Софьей Андреевной Берс. Происходит мифологизация женщины. Героиня романа, как и Софья Андреевна, реализуется в материнстве, в подчинении мужскому, готовности служить ему и детям. Материнство представляется сакральной категорией женственности, оказывается непроницаемой для эротического ощущения со стороны мужчины, предстает идеалом Вечной Жен-

ственности. Подобное восприятие женщины во многом оказывается идеальным отражением народно-православных представлений о её месте и роли в патриархальной жизни общества как существа, совершенного по форме, но асексуального по содержанию.

Мотив асексуального начинает восприниматься у Л. Н. Толстого по-другому в период глубочайшего кризиса в 80-е гг. Теперь Л. Н. Толстой не просто выступает против чувственности, но в плотском он видит причину всех человеческих бед. В «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстой пишет: «Из страстей самая сильная и злая, упорная – половая, плотская любовь. Уничтожьте половую любовь – люди соединятся воедино» [21]. Именно половая любовь ведет людей к трагедиям, к убийствам. Л. Н. Толстой настаивает на том, чтобы «всякая женщина для мужчины прежде всего должна быть сестрою, а всякий мужчина для женщины – братом» [22], чтобы «одно из нужнейших дел человечества состояло в воспитании целомудренной женщины» [23], которая спасет мир.

В толстовском кризисном мироощущении семья, женщина уже не воспринимаются как спасение. Женщина из спасительницы превращается в искусительницу, наделяется демоническим воздействием. Через страсть, наслаждение она захватывает мужчину, поработывает его, подчиняя себе его волю.

Сама «Крейцера соната» имела очевидные параллели с автобиографией Л. Н. Толстого. В своей неспособности подавить природное начало Л. Н. Толстой обвиняет женщин, свою жену. Рухнется идеал Вечной Женственности. Мечта и действительность расходятся.

Таким образом, в своих исканиях, в стремлении обрести гармонию с духом определилось двойственное отношение Л. Н. Толстого к женщине. Она «стала рассматриваться в рамках дуальной оппозиции: либо как грешная и образец страстности, либо как святая и образец святости» [24].

Л. Н. Толстой, творивший на рубеже веков, в своей амбивалентности к женщине оказался предтечей для многих поэтов Серебряного века. Можно даже сказать, что каждый ухватил кусочек расколовшегося Л. Н. Толстого, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, у кого-то он чуть заметен, но на всех сказалось толстовское понимание женственности.

Следуя в традициях православной народной культуры, Л. Н. Толстой, а затем поэты-модернисты идеализируют в своем мифотворчестве, а затем и в жизни женское начало, каждый создает свою модель святости женщины, где объединяющим критерием для всех оказывается критерий непорочности. В развенчивании идеальной

женственности этот признак перевоплощается в свою противоположность – греховность, порочность. Женщина становится неспособной принять на себя роль святой. В результате мифологизация русской женщины начинает играть важную роль в образе самой русскости: святая женственность способна спасти Россию, вывести из мрака, поэтому женщина объявляется спасительницей России. Идея женского мессианизма включается, по мнению О. Рябова, в национальное самосознание: триада «Россия – Женщина – Мессия» обретает все большую значимость для русской идентичности.

Позже данные характеристики женственности будут важнейшими компонентами мифологии идеализированного образа русской женщины, ее природы, наиболее ярко, отчетливо репрезентировавшейся в культуре Серебряного века.

Описания женственности в элитарной культуре основывались на мнениях русских религиозных философов рубежа XIX–XX вв. Созданное русской софиологией учение о Вечной Женственности предопределило взгляд на женственность как идеальное. В центре мифа об идеальной женственности эпохи Серебряного века оказались работы Вл. Соловьева и его образ «философа эпохи». Зарождение метафизики женственности происходит в лоне учения Вл. Соловьева о Софии-Премудрости, о Богочеловечестве, всеединстве, призванном дать ответы на многие актуальные мировоззренческие проблемы той эпохи.

Софиология, созданная В. Соловьевым под влиянием неоплатоников, гностиков, каббалы, свои истоки берущая еще в недрах русской культуры, а точнее, один из ее аспектов (в большей степени нас интересующий) – культ Вечной Женственности, оказался тем идеалом, вокруг которого формируется новая жизнь и дух эпохи, с помощью которого создавалась новая картина мира, новый человек, Бог. «Женственность как одна из основных индивидуализированных субстанций, мировых энергий входит в жизнь человека, природы, космоса, Бога» [25].

Кроме того, объяснить возрождение Софии можно личными свиданиями с ней самого Вл. Соловьева, то есть неким откровением. Соловьевский образ Вечной Женственности определен самой жизнью философа. София для него является предметом поэтических мечтаний и философских вдохновений.

В таком контексте образ Вечной Женственности является не только результатом мистического влияния, но соотносится с традиционным русским менталитетом, народной культурой. Олицетворяя собой единение человечества, Вечная Женственность проявляет материнские черты, подобно Богородице (Богине-Матери), Ма-

тери-Сырой Земле, народному варианту Богородицы. Таким образом, происходит слияние образа Вечной Женственности, Богородицы, Матери-Земли в древнем архетипе матери, символизирующей кормящее, заботливое, сохраняющее начало.

Примечания

1. Кардапольцева В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 55.
2. Богин И. Вечная Женственность. СПб.: Алетейя, 2003. С. 124.
3. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Академия наук СССР, 1981. С. 384–385.
4. Иванов А. В. Мир сознания. Барнаул: Издательство АГИИК, 2000. С. 130.
5. Богин И. Указ. соч. С. 359.
6. Краткая энциклопедия славянской мифологии / под ред. Н. С. Шапаровой. М.: «Издательство АСТ», 2001.
7. Там же.
8. Там же.
9. Шарф Д. Типы личности. Юнговская типологическая модель. СПб.: Б. С. К., 1996. С. 97.
10. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX вв.). Иваново: Юнона, 1999. С. 45.
11. Забияко А. П. Категории святости. Сравнительное исследование лингво-религиозных традиций. М., 2000. С. 66.
12. Там же. С. 34.
13. Айвазова С. Г. Идеи истоки женского движения в России // Женщина в обществе: мифы и реали: сб. ст. / сост. А. С. Круминг. М.: Информация – XXI века, 2000. С. 23–31.
14. Климова С. М. Феноменология святости и страстности в русской философии культуры. СПб.: Алетейя, 2004. С. 90.
15. Там же.
16. Пушкирева Н. А. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.
17. Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Поли. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 26. С. 140.
18. Климова С. М. Указ. соч. С. 119.
19. Там же. С. 119–120.
20. Богин И. Указ. соч.
21. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1956. Т. 27. С. 140.
22. Там же. С. 121.
23. Там же. С. 210.
24. Климова С. М. Указ. соч. С. 121.
25. Богин И. Указ. соч. С. 406.

УДК 13

Е. А. Яковлева

«ЧЕЛОВЕК ИГРАЮЩИЙ» В РОЛИ ТВОРЦА СИМВОЛИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

В статье предпринимается попытка определить человека как существо, играющее символами. Человек приобретает уникальную способность – придавать символическое значение окружающему его бытию и в связи с этим символически поступать. Символ выступает исходным элементом культуры и определяющим признаком человечества. Но к символу человек относится творчески, играя, – он создает их, наделяет значением, интерпретирует и понимает.

The author attempts to define the human as a creature playing with symbols. The man acquires the unique ability to attach symbolic significance to surrounding existence and, consequently, to act symbolically. Symbol is a starting element of culture and a basic quality of a human being. The treatment of symbols is shaped by creative play – the man creates symbols, gives them semantic contents, interprets and understands them.

Ключевые слова: animal symbolicum, homo ludens, символ, игра, интерпретация.

Keywords: animal symbolicum, homo ludens, symbol, play, interpretation.

Человек представляет собой нечто настолько уникальное, сложное, многообразное и обширное, что все его дефиниции нельзя считать удачными. Классическое определение человека как animal rationale представляется односторонним и неудовлетворительным. Рациональность, будучи одной из наиболее существенных черт человеческой природы, отнюдь не исчерпывает ее в целом. Человеку не в меньшей степени присуща иррациональность: наряду с интеллектуальными формами деятельности он проявляет потенции, которые никак не схватываются с рациональной точки зрения. Таковы формы мифа, искусства, религии, отчасти языка, и поэтому разум выступает неадекватным термином для понимания разнообразных форм человеческой культурной жизни. В связи с этим ответ Сократа на вопрос о человеческой природе является верным: он считал, что изучать человека тем же путем, каким изучают физические предметы, невозможно. Физические вещи можно описать и определить в терминах их объективных свойств, а человека – только в терминах его души. По Сократу, именно в душе заключена природа человека и способность к осознанию себя как самостоятельно думающего и действующего субъекта. Поэтому природа человека состоит в выработке собственного отношения ко всему внешнему, в определенной оценке того, что приходит извне, и само-

© Яковлева Е. А., 2010

го себя. Главной частью души является разум, которому противостоят страсти, или аффекты, влекущие человека к неумеренности, чрезмерности и тем самым разрушающие ее равновесие. Разум есть источник того, что Сократ называет «самообладанием», то есть властью над стихийно-жизненными порывами. В силу этого обстоятельства свободен только тот, кто умеет управлять страстями и их ограничивать.

Неудовлетворительна и аристотелевская дефиниция человека как «общественного животного», ибо социальность не является исключительной характеристикой человека: его функциональный круг гораздо шире.

В целом специалисты разных областей науки (биологи, психологи, этнологи, философы, политологи, социологи, экономисты и другие) подступали к проблеме дефиниции человека с собственных точек зрения. Каждое научное мировоззрение, пытавшееся определить единство и однородность человеческой природы, было обречено на логическую ошибку «часть вместо целого», сводя сущность человека к тем или иным ее проявлениям. На сегодняшний день синтезировать все эти частные аспекты и перспективы нет никакой возможности, и в этом обнаруживает себя кризис человеческого самопознания. Тем не менее попытаемся раскрыть еще одну грань природы человека, связанную с символизмом мышления и игровой стихией, пронизывающей его.

Согласно Э. Кассиреру, человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде – символическую систему, что целиком преобразовало всю его жизнь [1]. По сравнению с другими животными, человек живет не просто в более широкой реальности – он живет в ее новом измерении. Существует несомненное различие между органическими реакциями и человеческими ответами: если в первом случае на внешний стимул дается прямой и непосредственный ответ, то во втором – ответ задерживается из-за медленного и сложного процесса мышления. Человек не может избавиться от своего приобретения и начинает жить не только в физическом, но и символическом универсуме. Частями этого универсума выступают язык, миф, религия, искусство, наука и другие. Все это – различные культурные формы, из которых сплетается, усложняясь, символическая сеть человеческого опыта. Физическая реальность начинает отдаляться по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вследствие этого человек не противостоит реальности непосредственно, а вместо того, чтобы обратиться к самим вещам, он постоянно обращен на самого себя. Человек начинает жить среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собствен-

ных фантазий и грез. Он погружается в лингвистические формы, научные формулы, художественные образы, мифологические символы или религиозные ритуалы, которые понимает благодаря искусственному посреднику. Заметим, так обстоят дела и в теоретической сфере, и в практической. С этой точки зрения можно уточнить и расширить классическое определение человека, называя его *animal symbolicum* (символическое животное). Благодаря этой дефиниции выделяется специфическое отличие человека и его цивилизации. Впоследствии Ю. М. Лотман, характеризуя бытие человека, назвал его семиосферой, понимая под ней семиотический континуум, обволакивающий человеческое сообщество [2].

Определения человека как символического животного нашли свое продолжение (например, в концепциях Л. Уайта, С. Лангер и др.). У человека, по Л. Уайту, есть уникальная способность мозга: придавать символическое значение предметам, действиям, текстам, идеям, а также поступать символически благодаря развитию нервной системы. Символ выступает исходным элементом всего человеческого поведения и цивилизации, определяющим признаком человечества. Символизация информации позволила человеку соединить несоединимое в природе – мышление и порядок. Суть способности человека к символизму Л. Уайт определял как умение абстрактно и произвольно составлять представления, надевать вещи и события реального мира значениями, которыми они нередко объективно не обладают, а также возможность понимать эти значения [3].

С. Лангер утверждает, что человеческое мышление на всех его уровнях представляет собой символический процесс. Символизм – это ключ к пониманию умственной жизни, которая находится выше уровня животности и принадлежит человеку. Символ и значение создают человеческий мир. Приобретение символического мышления, подчеркивает С. Лангер, считается величайшей вехой в истории и начальной точкой интеллектуального роста [4].

Таким образом, можно утверждать, что символизм, а значит, символическое мышление и поведение выступают одними из характерных черт человеческой жизни, на которых основан весь прогресс бытия человека и его культуры.

В чем же различие символической установки человека от способов поведения в животном мире?

Различные эксперименты показали, что символические процессы у животных редки и трудно наблюдаемы, а то, что у них есть, выступает предшественником символических процессов у человека. В связи с этим Э. Кассирер совершенно справедливо выдвигает требование различия

знаков и символов. Он считает очевидным фактом то, что в животном поведении обнаруживаются сложные системы знаков и сигналов. Так, собака может реагировать на малейшие изменения в поведении хозяина, выражения его лица и перемены в голосе. Но подобное поведение еще далеко до понимания символов в человеческой речи. Знаменитые опыты И. П. Павлова показали, что животные могут быть обучены отвечать не только на прямые, но и на всякого рода опосредующие стимулы. Звонок, например, может стать «знаком обеда», и дрессированное животное не прикаснется к пище, пока нет этого знака. Но данные явления, называемые условными рефлексами, прямо противоположны существенным чертам символической мысли человека.

Символы нельзя свести только к знакам, так как знаки и символы принадлежат двум различным универсалам дискурса. Если знак представляет собой часть мира физического бытия, обладающую физическим или субстанциональным бытием, то символ – часть человеческого мира значений, имеющая функциональную значимость. Об этом справедливо писал А. Ф. Лосев: «Символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности, поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности. В этом смысле и надо понимать, что символ вещи порождает вещь» [5].

Таким образом, всякий знак, как и символ, является смысловым отражением вещи, но далеко не всякий знак модельно порождает вещь. Это значит, что символ всегда есть знак в аспекте своей морфемы (формы), но не всякий знак есть символ в отношении наличия метаморфемы (содержания, смысла). Необходимо заметить, что иногда знак может стать символом. Например, число 666 в математике есть только знак, но в религиозном контексте оно становится мощным символом, то есть символ есть потенция знака, которая может в нем актуализироваться.

Человек творчески подходит к символам: создает их, наделяет значением, интерпретирует, стараясь понять. Этот процесс является игровым ввиду того, что любое творчество есть игра. Вся человеческая жизнь заполнена играми, а сама игра экзистенциально задана человеку. Но, определяя человека как животное символическое, Э. Кассирер и последователи его идей не выделяют игровой потенциал и тем более не выносят в дефиницию. Этот пробел компенсируют работы других философов, занимавшихся проблемами игры в бытии человека. Так, Е. Финк предуп-

реждает, что человека надо называть не только homo politicus или homo faber, но и, вслед за Й. Хейзингой, homo ludens.

Феномен игры охватывает собою всю человеческую жизнь от начала до конца и существенным образом определяет ее бытийный склад: «играть может только человек», «игра есть исключительная возможность человеческого бытия», «человек как человек есть игрок», при этом «всякий игрок играет прежде всего самим собой, принимая на себя определенную смысловую функцию» [6]. Игра – первичный элемент человеческой активности, благодаря которому происходит становление и развитие человека, организуется жизнь на уровне всеобщих прототипов социального поведения и действия. Человеческое сообщество с глубокой древности постоянно экспериментирует на игровом поле, а в социальной практике, благодаря игре, человек испытывает свои возможности, тем самым постигая самого себя и расширяя горизонты собственного бытия. Без игр просто невозможно полноценное существование индивида. Игровые практики придают человеческой жизни особый привкус, связанный с удовольствием, безудержной радостью, азартом, тем самым значительно снижая чувство тревожности, абсурдности и даже трагичности. Игра «заряжает» человека своим динамизмом и энергией, в том числе духовной. В игре проявляется одна из фундаментальных способностей человека – открыться миру возможного, попробовать новое и примерить на себя, рискнуть на эксперимент с самим собой, поверить в мечту и воплотить ее в жизнь. В игре человек стремится к некоему идеалу, совершенству, гармонии, что делает его человеком завершаемым, обретающим и понимающим свою сущность. В игре человек становится «открытым» происходящему действию: он снимает свою «броню», освобождается от сковывающего его страха, обнажая самое сокровенное. Жизнь человека раскрывает и обретает себя в игре, выступающей своеобразным видимо-невидимым механизмом (подобно виртуальному миру), приводящим в движение инертную материю.

Значение слова «игра» бесконечно разнообразно: «играют блики солнца», «играет волна», «судьба играет человеком», «играют цены на рынке», «художник играет оттенками цвета», «актеры играют на сцене», «ребенок играет в песочнице», «слово (фраза) играет своими значениями». Часто игра выступает в роли метафоры, рождая иллюзию действительного и создавая творческий, эвристический намек на существующую реальность. Благодаря этому образ превращается в символ.

Игровая метафора обозначает ритмическое повторение какого-либо движения, не связанно-

го с определенной целью, некую бесконечно воспроизводящую себя активность. Через метафоры игра играет сознанием и поведением человека. Внутри игры можно условно выделить два, накладывающихся друг на друга, пространства: «видимое» (поле вещей, предметов) и «невидимое, сокрытое» (поле смыслов). Игроки погружены в игровое смысловое поле, наполняя новой культурно-символической нагрузкой обычное поле вещей. Подобная черта, связанная с игрой, неслучайна: она изначально присуща человеку. Еще Ф. Шиллер обратил внимание на имманентно присущую человеку потребность наслаждаться видимостью, причем созидать последнюю таким образом, чтобы она превосходила действительность, являлась более совершенной, изящной и эмоционально богатой, чем окружающий мир. В связи с этим Ф. Шиллер утверждал: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [7].

Потребность жизни в вымышленном мире – одна из важнейших ипостасей игры. Таким образом, в игре происходит выход из видимого мира в мир метафор, знаков и символов, а через него – в семиотическое культурное пространство.

Игра всегда несет в себе определенный творческий заряд, а творческая функция выступает как одна из черт человеческого бытия. Так, Э. Кассирер справедливо замечает, что «человек не растворяется в массе внешних впечатлений, а укрощает эту массу, придавая ей определенную форму, происходящую в конце концов из него самого, из думающего, чувствующего, желающего субъекта» [8]. То, что человек способен на творчество, составляет еще одно отличительное свойство: лишь человек, среди всех существ, способен к формотворчеству, в результате которого осуществляется объективация, самосозерцание. Оно проявляется в первых звуках языка, развивается, становясь богаче и разнообразнее, в поэзии, изобразительном искусстве, религиозно-мифологических воззрениях, философско-научных понятиях и концепциях.

Любое творчество есть игра с системой знаков и символов. Человек-творец играет в свое искусство: такая игра возникает в результате появления нового символа и его содержания не на основе существующей нормы, а – случайных, спонтанных, нередко бессознательных, сочетаний несочетаемого, видения общеизвестного в ином, оригинальном ракурсе. При создании нового символа активно подключаются воображение и фантазия творца: они действуют без плана и цели, соединяя по своему произволу далекие вещи, что приводит к появлению новых фигур, наполненных смыслом. Воображение и фантазия осуществляют игру природными и социокультурными

феноменами, придавая им новое качественное измерение. Впоследствии более удачный эксперимент становится нормой, тем самым обогащая имеющийся словарь символов. Таким образом, творческий процесс изобретения символов связан с игрой воображения и фантазии автора.

Символ всегда существует в поле интерпретаций, и проинтерпретировать его можно бесчисленное число раз. В этом процессе также заявляет о себе человек играющий. Интерпретация символа представляет собой бесконечный игровой процесс, в котором от самого символа переходят к скрытым в нем кодам и на их основе – к более верному прочтению символа и снова к кодам и подкодам, но уже современности, а от них к непрерывному сравнению и сопоставлению разных прочтений. В результате интерпретатор получает колоссальное игровое наслаждение, удовольствие от многоликости, многомерности, многосмысленности открывающейся картины. Эти чувства связаны не только с тем, что, может быть, удалось приблизиться к первоначальному коду-замыслу автора, а возможности преобразовать собственный первоначальный код. Всякая интерпретация символа, заполняя новыми значениями «открытую форму» (по У. Эко) первоначального сообщения, не изменяющуюся в течение веков, дает начало новым сообщениям, которые призваны обогащать коды-символы, перестраивая их и подготавливая почву завтрашним интерпретаторам для нового прочтения значения. Определяя этот непрерывный процесс обновления, анализируя его различные фазы, человек как существо играющее символами не в состоянии предсказать те конкретные формы, в которые он выльется.

В результате интерпретации символа и связанного с ним текста необходимо учитывать множество факторов: историческую среду; реальные отношения и обстоятельства; представления, намерения, чувства сообщающего, вызываемые содержанием текста; воспроизведение в целостности внутренних связей; интеллектуальный «горизонт» интерпретатора; многозначность слов; зависимость от контекста и смысла; личные особенности автора и интерпретатора. С одной стороны, в результате интерпретации человек опирается на принятые в обществе шаблоны, клише; с другой стороны, он конструирует из себя весь мир и мерит его со своей точки зрения. Интерпретатор приписывает объектам понимания смысл, который он черпает из собственных знаний, опыта и внутреннего мира одновременно. Необходимо помнить о существовании временной дистанции между текстом и интерпретатором, что также может задавать новые смыслы сообщениям автора. Дело в том, что встреча с прошлым позволяет пересмотреть

наши убеждения в процессе интерпретации. При этом происходит тесное единение временных измерений – прошлого, настоящего и будущего, что влечет за собой одновременность существования эпох, стилей, человечества. Вся совокупность компонентов и их игровое взаимодействие между собой дают возможность для существования множества интерпретаций, подобно тому, что сама действительность открыта для бесконечных толкований.

Дать исчерпывающий перечень явлений, живых существ и предметов, выступающих в качестве символов, невозможно. В роли символов могут фигурировать части земной поверхности, животные, растения, люди, цифры, скульптурные изображения, здания, мистические существа, запахи, цвета, вода, напитки, религиозные и магические знаки, атрибуты государственной власти, а также ритуалы и отдельные действия, например вспахивание земли.

Приведем примеры интерпретации символов. Так, квадрат относится к числу самых из распространенных символов, наделенных множеством значений. Благодаря четкой геометрической форме квадрат обозначает число 4, равенство, порядок, простоту, прямоту, мудрость. Квадрат, олицетворяя образ мира, с древности определял форму поселения как «малого мира», а также служил моделью для храмовых построек (пирамиды, пагоды, зиккурата, церкви). Помимо этого квадратная структура, особенно в рамках мифологического мышления, использовалась для описания пространства (четыре стороны света), для обозначения времени (четыре части суток, четыре времени года, четыре человеческих возраста), для классификации социума (четыре варны, касты в Древней Индии, четыре ранга в Древнем Китае). Также квадратная схема совмещает в себе классификацию бинарных противопоставлений бытия, образующих устойчивую целостную структуру: верх – низ – правое – левое, огонь – вода – земля – воздух. Интерпретация смысла этого символа зависит от контекста использования.

Рассмотрим еще один наиболее часто встречаемый в мифах и искусстве народов мира символ и его значение – бык. В русской народной традиции бык был особо почитаемым животным, основой скотоводческого хозяйства, воплощением силы и опорой земли. Бык известен и как жертвенное животное. Когда на праздник в Ильин день собиралась мужская скотоводческая братчина, закалывали специально откормленного всей общиной быка: само животное съедали, а его кости сохраняли как амулеты, считая, что они приносят удачу. Также быки (или туры) на Руси олицетворяли мужскую воинскую силу и посвящались Перуну.

Академик Б. А. Рыбаков в работе «Язычество Древней Руси» описывает ритуальные игры – «турицы»: парни наряжались быками и старались боднуть девушек в «непотребное» место. Эта игра указывает на ярую, связанную с плодovitостью, роль быка [9].

Подобное почитание быка можно обнаружить и у других народов. На Крите существовали ритуальные игры – сражения с быком. При этом имеются изображения праздника, где люди стоят в бычьих масках. У древних греков бык был связан с символикой Громовержца: вспомним, что в греческих мифах Зевс обратился в быка, чтобы похитить красавицу Европу. Во время древнегреческого праздника Буффоний убивали быка, съевшего жертвенный хлеб. Римляне своему Богу грозы – Юпитеру приносили в жертву быка, а сам Юпитер иногда изображался как бык. В зороастрийской мифологии бог Митра убивает быка, и это один из его основных подвигов. Все эти обряды жертвенности быка связаны с древнейшими представлениями о сезонной смерти и возрождении громовержца, а также с обрядом ритуального состязания и последующего принесения в жертву священного животного (в данных случаях – быка). К примеру, в Испании до сих пор проводят корриду, являющуюся отголоском древних игр и жертвоприношений.

Однако символика быка не так проста. Так, в Индии бык олицетворяет космическое начало. Считалось, что голова быка и его рога отгоняют нечистую силу. Обычай пить из бычьих рогов на Руси и Кавказе символизирует древнюю охранительную магию, оберег от яда и всякого проявления зла.

Помимо этого бык связан с лунными богами. Известно, что в древнеиранской и древнеиндийской традициях бык – образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называют «имеющим семя быка», в Шумере и Аккаде бог луны Син изображался в облике синебородого быка.

Символы не только многозначны, но порой и противоречивы: они включают в себя полярные понятия и ценности, например добро и зло, жизнь и смерть. Так, змея в мифах, искусстве, а также психотерапевтической практике толкования сновидений выступает символом бессознательного, инстинктивного уровня человека, а также мудрости, бессмертия (поскольку сбрасывает кожу) и считается символом души, которая есть залог жизни после жизни. Змея воплощает также потусторонний мир, поскольку встречается в подземных пещерах и на болоте. Способность к внезапной атаке и таящаяся в змее смертельная опасность сделали из нее символ страха. Таким образом, змея воплощает собой противоречивость земного существования. Ее целование во время

древних ритуалов символизирует победу над инстинктами и страхами.

Отметим, что змея связывается с землей – богиней-матерью, поэтому в наиболее архаических культурах богиня-прародительница имеет змеиный облик. Например, у народа майя верховная богиня представлялась в виде женщины со звериными лапами и змеей на голове. Древнемексиканская богиня-мать Чуакоатль изображалась с ребенком на руках и считалась «женой змея». Богиня Коатликуэ (заметим, ее имя содержит слово «коатль», означающее «змея») сочетала в себе человеческие и зооморфные черты: голова богини представляла собой две змеиные головы, ее пальцы изображались в виде змеиных голов с клыками, а на ногах были огромные когти, ее юбка сплетена из змей. В целом змеи повсеместно олицетворяют собой плодородие земли и различные женские черты (в том числе изворотливость, пластичность, коварство, агрессивность).

В Риме Юнона имела обряд кормления девушками змеи, что напрямую было связано с плодородием года: принятие змеей корма символизировало оплодотворение девушки, которое должно было оказать магическое влияние на урожай и общее изобилие. Сама символика связывалась с сезонным возрождением и умиранием природы, а также с женскими жреческими посвящениями, культом брака и любви. Помимо этого данный обряд использовался и при инициации. Здесь кормление змеи проводилось для проверки девственности испытуемой: поглощение змеей предлагаемой еды доказывало невинность девушки.

У скифов и славян связь женщин и змей также носила культовый сакральный характер. Так, легенда гласит о происхождении скифов от полуженщины-полузмеи. Повсеместный культ змей у славян был связан с плодородием. Кроме этого одним из основных оберегов у русских вплоть до XIX в. был медальон-«змеевик», на котором изображались змея и женщина. Символ змеи дошел до наших дней (например, он изображен на мексиканском флаге, периодически о нем вспоминают в тенденциях моды, используя как элемент одежды или аксессуар, воплощающий женское начало).

Таким образом, человеческую культуру образуют различные виды творческой деятельности, которые развиваются своими путями, преследуя собственные цели. Всякая культура творит определенные духовные образно-символические миры, поэтому нет бытия вне мышления и символ – основа бытия.

Символ есть творческая энергия и стимул духовной жизни человека, несущий в себе многомерность смыслов и открывающий новые пути в неданное. Символ выражает сложную логичес-

кую связь, где есть неразличимое тождество общего и особенного, идеального и реального, бесконечного и конечного. Познавательная деятельность человека представляет собой творческую функцию сознания, оперирующего в виде игры конструктами символов и их значениями.

Любой текст (религиозный, художественный, научный и др.) благодаря символам открыт для множества интерпретаций смыслов, существующих в системе социальных коммуникаций. Символ предстает для человека, воспринимающего его, в единстве буквальных и скрытых, явных и неявных значений и смыслов, которые, как в калейдоскопе, находятся каждый раз в новых конфигурациях. Процесс интерпретации символа развивается на рубеже слияния сознаний двух субъектов – как диалог между автором и интерпретатором. Посредством этого диалога происходит рождение нового смысла, способствующего продолжению жизни текста и укоренению традиции. Самое главное для человека, воспринимающего символ, – понять и интерпретировать его смысл.

Интерпретация символов есть сложный игровой процесс, включающий в себя взаимодействие множества компонентов, способствующих пониманию смысла. Человек с помощью интерпретации может бесконечно расширять свое представление о мире.

Мир символов не дан человеку в качестве готового и предсуществующего материала когда-то и кем-то созданным. Мир символов задан, загадан человеку как бесконечная и вечная игра. Человек, даже на гранях соприкосновения с животным и растительным миром, остается «символическим животным», оперирующим символами и их значениями, конструирующим мир в символических образах благодаря созерцательной, порождающей, творческой силе. Человек – художник-творец; кем бы он ни был и чем бы он ни занимался, в любой сфере он **существо, играющее символами**. Данная дефиниция более широко представляет человека, подразумевая следующие аспекты:

- человек, играя, творит символическую вселенную, состоящую из различных символических форм (наука, язык, искусство, религия и другие);

- человек в своем бытии умело оперирует и лавирует между символическими формами и, переходя из одной формы в другую, сознательно меняет свои игровые маски и коды дешифровки;

- человек как существо творческое постоянно создает символы и наделяет их смыслами;

- символы составляют основу различных символических форм;

- символ несет в себе множество значений, что дает возможность интеллектуальной творчес-

кой игры их смыслами и интерпретациями в зависимости от контекста;

– в игровой символической стихии раскрывается сущность человека и происходит постижение самого себя;

– с помощью символов человек получает возможность выхода из видимого мира вещей и явлений в невидимый мир символических значений, смыслов (своеобразный сверхмир), что помогает ему ориентироваться в окружающем и наделяет даром прогнозировать (нередко даже предвосхищать) тенденции и события.

Каждая конкретная культурная эпоха определяется степенью своей открытости игре символами, мерой их интерпретации и понимания. Кассиреровский принцип «мы познаем не предметы... а предметно» раз и навсегда исключает возможность познания самого предмета. В переносе на антропологическую проблематику указанный принцип полностью сохраняет свое значение. Между человеком и миром не может быть никакой непосредственной связи. Человек, играя, творит мир посредством символов, и этим кругом очерчивается миссия его жизни. Он узник мира образов, сотворенных им самим, и всякая попытка выхождения за пределы этого мира квалифицируется как философская мистика.

Современная философия и наука не могут определить в-себе-бытие человеческой природы вне явлений, они не способны познать сущность человека вне культуры. Поэтому дефиниция сущности человека может быть только функциональной. Это значит, человека невозможно понять посредством какого-либо имманентного принципа, конституирующего его метафизическую сущ-

ность, ни тем более с помощью эмпирического рассмотрения тех или иных врожденных способностей. Сущность человека исчерпывается кругом его деяний, важнейшими составляющими которых являются язык, миф, религия, искусство, наука. Природа человека проявляется через деятельность его души в создании символов и символических форм, благодаря которым возникает новое измерение реальности. Главная черта и потребность человека – символизация деятельности и мышления. Поэтому бытие человека окружено семиотическим континуумом, а символотворческая игровая функция выступает как одна из первичных и базовых в бытии человека. С ее помощью человек открывается миру возможного и творит самого себя, определяя все бытие печатью человеческого смысла.

Примечания

1. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 440–723.

2. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 191–199.

3. Уайт Л. А. Работы по культурологии. М., 1996.

4. Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000.

5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1977. С. 328.

6. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 360, 366

7. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1959. С. 241.

8. Кассирер Э. Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 169.

9. Рыбаков Б. Язычество Древней Руси // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 146–246.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕШКАРЕВА Ирина Юрьевна – аспирант кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: beshkarevairina@mail.ru

БОКОВА Эльвира Минсуровна – аспирант Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по кафедре общей социологии и социальной работы. Н. Новгород, Университетский пер., д. 7, комн. 201

E-mail: zara@fsn.unn.ru

ВЕЙТ Алла Альбертовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пермской государственной фармацевтической академии. 614600, Пермь, ГСП-277, ул. Ленина, д. 48

E-mail: weiter@mail.ru

ВЛАСОВА Наталья Александровна – аспирант кафедры философии и религиоведения Пермского государственного технического университета. 614070, г. Пермь, Бульвар Гагарина, д. 5

E-mail: rsute.perm.ru

ВОЛЧЕНКОВА Елена Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: sozrabota@vshu.kirov.ru.

ГЛУХОВА Марина Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре управления социальными процессами Московского городского университета управления Правительства Москвы. 107045 г. Москва, ул. Сретенка, д. 28

E-mail: marfg@migm.ru

ГУРЬЯНОВ Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре теоретических основ коммуникации Казанского государственного энергетического университета. 420066 г. Казань, ул. Красносельская, д. 51

E-mail: alexeigurianov@rambler.ru

ЕСКЕ Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры графики и дизайна Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического университета. 610014, г. Киров, ул. Щорса, д. 66

E-mail: mgei@mgei.kirov.ru

ЕФИМОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории Вятского государственного гуманитарного университета; 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ЖИЛИН Владимир Ильич – кандидат педагогических наук, доцент, директор филиала Омского государственного педагогического университета в г. Таре. 646535, Омская область, г. Тара, пер. Школьный, 69

E-mail: director-tara@mail.ru

ЗАЙЧЕНКО Марина Адольфовна – доцент кафедры философии Института экономики, управления и права г. Казань. 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

E-mail: zaichenko@ieml.ru, rose2001@mail.ru

КЛОЧКОВА Татьяна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии Волго-Вятской академии государственной службы. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46

E-mail: tak-nn@mail.ru

КОРЯКИН Вячеслав Владимирович – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии ПермГУ. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
E-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru

КУЗЬМИНА Любовь Михайловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры Российского государственного социального университета. 107150, г. Москва, ул. Стромынка, д. 18
E-mail: info@rgsu.net

КУШОВА Ирина Андреевна – ассистент кафедры философии Вятской государственной сельскохозяйственной академии. 610017, г. Киров, Октябрьский просп., д. 133
E-mail: filosof.sartr@gmail.com

МАЛКОВА Елена Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре общих гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Пермского института экономики и финансов. 614000, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 98а
E-mail: emalkova@pief.ru

МАСЛИН Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Учебный корпус № 1, философский факультет
E-mail: info@philos.msu.ru

ОРЛОВ Владимир Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
E-mail: vvorlov@psu.ru

ПЕРМИНОВА Елена Николаевна – аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7, комн. 201
E-mail: elen1377@mail.ru

ПОПКОВА Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, докторант кафедры философии и права Пермского государственного технического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29
E-mail: tatyana3@mail.ru

РОГОЗА Наталья Владимировна – аспирант кафедры культурологии, философии и социальных наук Нижневартковского государственного гуманитарного университета. 628609, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, ул. Ленина д. 56
E-mail: bezverkhaya1@rambler.ru

РОЖНОВ Олег Александрович – кандидат социологических наук, заместитель министра спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации. 105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 18
E-mail: info@minstm.gov.ru

РЯЗАНОВА Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 614990, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13а
E-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

САУРОВ Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

СТЕРЛЕДЕВА Тамара Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского государственного технического университета, доцент. 614000 г. Пермь, Комсомольский пр., д. 29а

E-mail: cenzia@rambler.ru

ЧЕРНОВА Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ЧИГРИНА Анна Яковлевна – аспирант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603000, г. Нижний Новгород, Университетский переулок, д. 7, комн. 201

E-mail: anna-chigrina@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Елена Людвиговна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии Института экономики, управления и права, г. Казань. 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42

E-mail: mifoigra@mail.ru

**ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Срок публикации – по мере поступления материалов.

Для публикации статьи в реферируемом журнале необходимо

- 1) представить в редакцию
  - а) отзыв-рекомендацию научного руководителя;
  - б) заключение кафедры, на которой проходило выполнение научной работы;
  - в) текст статьи в печатном варианте и в электронном виде с приложением сведений об авторе (см. ниже);
- 2) возместить стоимость издательских услуг, исходя из действующего тарифа (включая тариф НДС). В сумму платежа входит получение автором 1 экз. журнала.

Статьи, в которых отражаются результаты исследования, должны полностью отвечать требованиям, предъявляемым к научным журнальным статьям. К публикации принимаются научные статьи объемом от 0,5 до 1 печатного листа, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

**ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА**

Общие требования

Распечатка на бумаге А4 в 2 экземплярах, дискета с текстом статьи в формате Word или RTF (файл обозначается фамилией автора).

Параметры страницы

Поля: левое – 25 мм, правое, нижнее и верхнее – по 20 мм.

Интервал: 1,5.

Гарнитура: Times New Roman.

Размер кегля: основной текст – 14 пт; сноски и примечания, формулы – 12 пт.

Запрет висячих строк.

Оформление статьи

Текст начинается с указания фамилии, имени и отчества автора статьи (на русском и английском языках). Далее следует название статьи (на русском и английском языках), до десяти ключевых слов на русском и английском языках. После названия (для аспирантских работ) указывается: работа представлена кафедрой (название кафедры и вуза). Статья сопровождается индексом УДК (универсальная десятичная классификация).

Аннотация статьи. Аннотация пишется на русском и английском языках – не более 400 знаков каждая, включая пробелы (помещается непосредственно перед текстом).

Ссылки на литературу в тексте статьи даются в квадратных скобках.

Ср.: напр.: Этот вопрос уже рассматривался лингвистами [1].

Литература указывается в конце статьи под заголовком ПРИМЕЧАНИЯ. Далее под номерами указывается литература *в порядке цитирования ее в тексте статьи*. Автор, источник, место и год издания, страница оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Ср., напр.:

Примечания

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д, 1998.
2. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.

---

3. *Кутепов В. И., Виноградова А. Г.* Искусство Средних веков / под общ. ред. В. И. Романова. Ростов н/Д, 2006. С. 144–251.

4. *Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. А.* Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Рисунки

Формат bmp, tif

Диаграммы

Формат Excel

Таблицы

Формат Word

Математические и физические формулы

Редактор MS Equation

Сведения об авторе (на отдельном листе)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)
2. Специальность
3. Ученая степень, звание, должность по кафедре
4. Полное название кафедры, вуза
5. Научный руководитель (ФИО, научная степень, ученое звание, должность)
6. Адрес с почтовым индексом, контактный телефон, e-mail

• Аспиранты очного обучения указывают ведущую кафедру и полное название вуза.

• Аспиранты заочного обучения и соискатели указывают место работы и должность.

• Доктанты и преподаватели вузов указывают ученую степень, звание, должность по кафедре, полное название кафедры и вуза.

Все документы необходимо отправлять в **одном** письме по адресу
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
Редколлегия журнала «Вестник ВятГГУ»,
направление «Педагогика и психология».

Редколлегия рецензируемого научного журнала
оставляет за собой право отклонять представленные материалы,
если они не соответствуют установленным требованиям.
Авторам присланные материалы и корректуры не возвращаются.

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Философия и социология; культурология
Научный журнал № 4(4)

Подписано в печать 25.08.2010 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 1000. Заказ № 1476.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674